ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научная школа в области общего и русского языкознания профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина

Кафедра общего языкознания и стилистики

Центр коммуникативных исследований имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Выпуск 12

Москва
2026

УДК 81’33
ББК 81

Редакционная коллегия:

Рудакова Александра Владимировна – ***научный редактор***, д.ф.н., доцент, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики; директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия)

Стернина Марина Абрамовна – ***зам. научного редактора***, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия)

Заварзина Галина Анатольевна – д.ф.н., доцент, зав. кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Новичихина Марина Евгеньевна – д.ф.н., профессор, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия)

Стеблецова Анна Олеговна – д.ф.н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета имени Н. Н. Бурденко (г. Воронеж, Россия)

Рецензент:

Маклакова Елена Альбертовна – д.ф.н., доцент, профессор кафедры иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова (г. Воронеж, Россия)

Продолжающееся научное издание
Издается с 2014 г.

В сборнике представлены статьи ученых, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного, дискурсивного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции Теоретико-лингвистической научной школы профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина.

Предназначен для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, специалистов в области психолингвистических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкультурной коммуникации, психолингвистики.

З 76 Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А. В. Рудакова. – Москва: Издательство «РИТМ», 2026. – Вып. 12. – 351 с.

ISBN 978-5-00208-232-2

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «РИТМ», 2026

От научного редактора

Двенадцатый выпуск продолжающегося научного издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» включает статьи авторов, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного, дискурсивного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции Теоретико-лингвистической научной школы в области общего и русского языкознания профессоров Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, а также статьи ученых других вузов, работающих в русле проблематики данной научной школы из Воронежа, Бийска, Борисоглебска, Иркутска, Краснодара, Курска, Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Перми, Ростова-на-Дону, Саратова, Сургута, Твери, Уфы, Челябинска, а также вузов Республики Беларуси, Кыргызской Республики (г. Бишкек), Республики Крым (г. Симферополь), Чеченской Республики (г. Грозный), Республики Саха (г. Якутск).

В сборнике также представлены материалы докладов XII Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной кафедрой общего языкознания и стилистики совместно с Центром коммуникативных исследований имени проф. И. А. Стернина Воронежского государственного университета 30 октября 2026 г.

Сборник представляет интерес для специалистов в области психолингвистических исследований, семасиологии, лексикографии, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, лингвистической экспертизы текста.

Редколлегия приглашает к участию авторов, занимающихся исследованиями в рамках тематики данного сборника.

Адрес редколлегии: a-rudakova@list.ru.

А.В. Рудакова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е. Н. Гуц, Е. Д. Лонская (г. Омск, Россия)

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭМОТИВА-НОМИНАНТА «ВОСТОРГ» (ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО И НАПРАВЛЕННОГО АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ)

В работе представлены результаты выявления компонентов психологического значения лексемы восторг на основе сопоставления данных семантических гештальтов ассоциативных полей свободного и направленного ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: психологическое значение, семантический гештальт, ассоциативный эксперимент, эмоции.

The paper presents the results of identifying the components of the psychological meaning of the delight lexeme based on a comparison of the semantics gestalts data of associative fields of free and directed associative experiments.

Keywords: psychological meaning, semantic gestalt, associative experiment, emotions.

Цель работы – представить ключевые компоненты психологической структуры эмотива-номинанта *восторг*, сопоставив результаты анализа семантических гештальтов, смоделированных на материале свободного и направленного ассоциативных экспериментов.

Теоретической основой работы стала концепция А. А. Леонтьева, согласно которой психологическая структура значения слова представляет собой ассоциативную структуру, которая «определяется системой соотнесенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности» [Леонтьев 1971, с. 11]. Значение рассматривается А. А. Леонтьевым, вслед за Л. С. Выготским, как «путь от мысли к слову» [Там же, с. 8]. Методологической основой стал метод построения семантического гештальта, разработанный Ю. Н. Карауловым для обозначения особой внутренней семантической организации состава ассоциативного поля. Семантический гештальт предполагает выявление в рамках ассоциативного поля нескольких зон, которые «объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля» [Караулов 2000, с. 194].

На первом этапе исследования в мае 2024 года со 100 испытуемыми в возрасте от 18 до 24 лет на платформе «Google Формы» был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Стимульный список состоял из восьми эмотивов-номинантов (*страх, ужас, боязнь, испуг, удовлетворение, радость, счастье, восторг*) и десяти традиционных для

ассоциативного эксперимента шумов (*листва, рисование, справедливость, лес, дружба, уверенность, сутки, чтение, земля, написание*).

В ходе пилотного анализа поля «Восторг» (представлено ниже) было установлено, что психологическая структура слова-стимула может быть сконструирована путем построения семантического гештальта соответствующего ассоциативного поля [Гуц 2025].

Восторг: *радость* (30); *счастье* (6); *восхищение* (5); *улыбка* (5); *салют* (4); *воодушевление* (2); *подарок* (2); *смех* (2); *торт* (2); *удивление* (2); *аплодисменты; атмосфера; вата; вау; вау эффект; визг; вспышка; деньги; детство; еда; желание; желтый цвет; искрящийся; испуг; котики; лето; ликование; любимое; мечта; небо; парк; переизбыток; пламень; победа; поступок; праздник; прыгать; сахарная вата; сладкое; собака; сюрприз; торжество; тортик; трепет; удовлетворение; фейерверк; харизма; шок; эмоция* (1); всего 100, отказов 0.

В данном случае компоненты психологической структуры значения соотносятся с признаками, положенными в основу зон семантического гештальта. Модель полученной психологической структуры значения эмотива-номинанта *восторг* представлена в Таблице 1.

Итак, исследуемые ассоциаты, сближаясь на основании общности семантических признаков, характеризующих свойства как данных реакций, так и самого стимула-эмотива, были распределены по зонам семантического гештальта. Однако было отмечено, что эти же ассоциаты, относясь к разным зонам, вступают в одни и те же синтагматические отношения со стимулом-эмотивом, заполняя позицию одного и того же компонента потенциальной эмоциональной ситуации, стоящей за именем эмоции. При этом заместители позиций таких компонентов, как определитель, экспериенцер, предикат, каузатор, эмоция, в ассоциативном поле САЭ представлены неравномерно. В связи с этим было принято решение о проведении направленного ассоциативного эксперимента, стимулы-высказывания и стимулы-вопросы которого ориентировали бы респондентов на раскрытие особенностей каждого из выявленных компонентов эмоциональной ситуации.

Так, на втором этапе исследования в мае 2024 года со 100 испытуемыми в возрасте от 18 до 24 лет на платформе «Google Формы» был проведен направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ), нацеленный на раскрытие компонентов потенциальной эмоциональной ситуации таких эмоций, как *страх, ужас, боязнь, испуг, удовлетворение, радость, счастье, восторг.* По каждой эмоции респондентам были предложены следующие типовые стимулы-вопросы, а также неполные стимулы-высказывания, требующие дополнения: «Эмоция какая?», «Эмоция что делает?», «Эмоция чья?», «Эмоция из-за чего / отчего / почему ...» и т. д.

На примере ассоциативного поля, полученного в ответ на стимул-вопрос «Восторг что делает?», состоящего из 100 реакций-предикатов, отражающих персонификацию эмоции (представлено ниже), была обоснована возможность построения семантического гештальта на материале направленного ассоциативного эксперимента.

Восторг что делает?: *радует* (16); *удивляет* (14); *окрыляет* (4); *будоражит; возбуждает* (3); *веселит; взрывается; воодушевляет; восторгает; восхищается; появляется; приятно удивляет* (2); *активизирует; бодрит; бьет ключом; вдохновляет; внезапно приходит; восторгается; восхваляет кого-то или что-то; восхищает; вызывает гордость; вызывает радость; губит; дает временную радость; дарит; завораживает; заставляет верить в чудеса; заставляет жить; заставляет радоваться; заставляет реагировать на что-то невозможное; захлестывает; испытывается; наступает; насыщает; неожиданно радует; одурачивает; одухотворяет; оживляет; озаряет; опьяняет; охватывает; плещет; поднимает настроение; поднимает руки; поражает; приводит в радость; приходит неожиданно; проникает; прыгает; распирает; сияет; смеется; смотрит; улыбается; упивается* (1); всего 100, отказов 0.

Полученная структура психологического значения слова-стимула была верифицирована путем ее сопоставления с аналогичной структурой, выявленной на материале свободного ассоциативного эксперимента (Таблица 1). Таким образом, было установлено, что, несмотря на отсутствие в рамках поля САЭ единиц, репрезентирующих собственно деятельность эмоции, составляющих основное и единственное наполнение поля НАЭ, зоны семантических гештальтов обоих полей основываются на общих признаках «Радость», «Интенсивность», «Исключительность» и «Яркость».

Третий этап исследования был посвящен дальнейшей разработке полей, полученных в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента. В данной работе мы остановимся на ассоциативном поле стимула «Восторг какой?». Если на втором этапе рассматривались ассоциаты, заполняющие позицию предиката, то на данном этапе исследуемой позицией в потенциальной эмоциональной ситуации становится позиция определителя эмоции *восторга*. Представим исследуемое поле:

Восторг какой?: *внезапный* (8); *яркий* (7); *резкий; сильный* (6); *большой; искренний; удивительный* (4); *быстрый; дикий* (3); *безумный; бурный; великий; восторженный; неожиданный; прекрасный; радостный* (2); *бирюзовый; буйный; взрывающий (я устал это заполнять господи); возможный; волнительный; волшебный; воодушевляющий; восторгающий; восхитительный; двухсторонний; детский; желтый; завидный; искристый; искрящийся; красочный; крутой; летний;*

мгновенный; небрежный; невообразимый; неописуемый; обескураживающий; огромный; ошеломляющий; приятное; прыгучий; разный; светлый; трепетный; удивленный; фейерверк; фиолетовый; хороший; хоть; цветной; широкоулыбающийся; эйфория; эффектный (1); всего 100, отказов 0.

Модель психологической структуры значения эмотива-номинанта *восторг,* построенная на материале данного ассоциативного поля, также представлена в Таблице 1.

Итак, выявим ключевые компоненты психологического значения эмотива-номинанта *восторг,* сопоставив результаты построения семантических гештальтов полей: «Восторг» (АП САЭ), «Восторг что делает?» (АП-1 НАЭ) и «Восторг какой?» (АП-2 НАЭ).

Таблица 1

Психологическая структура значения эмотива-номинанта *восторг* по данным ассоциативных экспериментов

АП САЭ «Восторг»	**АП-1 НАЭ «Восторг что делает?»**	**АП-2 НАЭ «Восторг какой?»**
«Радость» (38 ед. – 24%): *радость* (30); *счастье* (6); *удовлетворение; ликование*	**«Интенсивность»** (29 ед. – 20%): *окрыляет* (4); *воодушевляет* (2); *вдохновляет; одухотворяет; вызывает гордость; будоражит* (3); *возбуждает* (3); *активизирует; бодрит; бьет ключом; заставляет жить; насыщает; оживляет; взрывается* (2); *захлестывает; охватывает; плещет; распирает; восхищает; губит*	**«Интенсивность»** (44 ед. – 32%): *резкий* (6); *бурный* (2); *буйный* (2); *дикий* (3); *безумный* (2); *сильный* (6); *большой* (4); *великий* (2); *огромный; восторженный* (2); *восторгающий; эйфория; восхитительный; волнительный; обескураживающий; ошеломляющий; воодушевляющий; эффектный; невообразимый; неописуемый; взрывающий; прыгучий; широкоулыбающийся; детский*
«Приятность» (31 ед. – 19%): *небо; салют* (4); *фейерверк; вата; сахарная вата; сладкое; еда; деньги; котики; собака; детство; парк; лето; любимое; мечта; желание; подарок* (2); *торт* (2)	**«Радость»** (27 ед. – 19%): *радует* (16); *веселит* (2); *восторгает* (2); *вызывает радость; дает временную радость; заставляет радоваться; неожиданно радует; поднимает настроение; приводит в радость; восхищает*	**«Неожиданность»** (23 ед. – 17%): *внезапный* (8); *резкий* (6); *неожиданный* (2); *удивительный* (4); *удивленный*; *ошеломляющий; обескураживающий*

«Исключитель-ность» (30 ед. – 19%): *восхищение* (5); *аплодисменты; вау; визг; шок; удивление* (2); *небо; салют* (4); *фейерверк; подарок* (2); *торт* (2); *атмосфера; вау эффект; праздник; сюрприз; торжество; тортик; победа; поступок; харизма*	**«Исключительность»** (22 ед. – 15%): *удивляет* (14); *приятно удивляет* (2); *поражает; вызывает гордость; заставляет верить в чудеса; заставляет реагировать на что-то невозможное; восхищает; одурачивает*	**«Яркость»** (12 ед. – 9%): *яркий* (7); *искристый; искрящийся; красочный; фейерверк; цветной*
«Интенсивность» (28 ед. – 17%): *ликование; собака; воодушевление* (2); *трепет; переизбыток; прыгать; испуг; восхищение* (5); *аплодисменты; вау; визг; шок; удивление* (2); *небо; салют* (4); *фейерверк; пламя; искрящийся; вспышка*	**«Неожиданность»** (21 ед. – 15%**):** *удивляет* (14); *приятно удивляет* (2); *неожиданно радует; появляется* (2); *приходит неожиданно; внезапно приходит*	**«Возбужденность»** (12 ед. – 9%): *воодушевляющий; волнительный; трепетный; бурный* (2); *буйный* (2); *дикий* (3); *безумный* (2)
«Восхищение» (22 ед. – 14%): *улыбка* (5); *смех* (2); *собака; восхищение* (5); *аплодисменты; вау; визг; шок; удивление* (2); *любимое; мечта; желание*	**«Вдохновение»** (19 ед. – 13%): *окрыляет* (4); *воодушевляет* (2); *вдохновляет; одухотворяет; будоражит* (3); *возбуждает (3); активизирует; бодрит; заставляет жить; насыщает; оживляет*	**«Исключительность»** (11 ед. – 8%): *удивительный* (4); *ошеломляющий; волшебный; завидный; невообразимый; неописуемый; фейерверк; эффектный*
«Яркость» (9 ед. – 6%): *салют* (4); *фейерверк; пламя; искрящийся; вспышка; желтый цвет*	**«Удивление»** (17 ед. – 12%): *удивляет* (14); *приятно удивляет* (2); *поражает*	**«Удивление»** (9 ед. – 7%): *удивительный* (4); *удивленный; ошеломляющий; восхитительный; широкоулыбающийся; эффектный*
«Теплота» (2 ед. – 1%): *лето; пламя*	**«Пребывание»** (5 ед. – 3%): *появляется (2); испытывается; наступает; проникает*	**«Радость»** (7 ед. – 5%): *восторженный (2); радостный (2); восторгающий; восхитительный; эйфория*

«Пребывание» (1 ед. – 1%): *эмоция*	**«Яркость»** (2 ед. – 1%): *озаряет; сияет*	**«Подлинность»** (5 ед. – 4%): *искренний (4); детский* **«Вдохновение»** (5 ед. – 4%): *воодушевляющий; восторженный* (2); *восторгающий; восхитительный* **«Приятность»** (5 ед. – 4%): *прекрасный* (2); *крутой; приятное; хороший* **«Быстрота»** (4 ед. – 3%): *быстрый* (3); *мгновенный* **«Пребывание»** (1 ед. – 1%): *возможный*

Иерархия ключевых семантических признаков в каждом из полей не всегда одинакова, что может быть обусловлено различием как форм стимулов (стимул-существительное в САЭ и стимул-вопрос в НАЭ), так и аспектов, характеризуемых ассоциатами, которые занимают позиции различных компонентов эмоциональной ситуации (отсутствие предикатов в АП САЭ, наличие преимущественно предикатов в АП-1 НАЭ и наличие преимущественно определителей в АП-2 НАЭ). Однако состав основных семантических признаков пересекается и во многом совпадает.

Рассмотрим каждый из общих признаков в порядке убывания их силы, определяемой процентным соотношением их репрезентантов в каждом из трех полей.

Так, наиболее сильным и частотным стал признак **«Интенсивность»** (АП САЭ –17%; АП-1 НАЭ – 20%; **АП-2 НАЭ – 32%**), отражающий то, насколько ярко переживается состояние *восторга.* В рамках АП САЭ сила *эмоции* отражена преимущественно существительными и отличается многоаспектностью: *ликование; восхищение* – сила через интенсивность одномодальных состояний; *испуг; шок* – сила через интенсивность противоположных состояний; *вау; визг* – сила через активные способы выражения эмоций. В рамках АП-1 НАЭ данный признак представлен глаголами, отражающими активный характер самого воздействия, каузируемого действия или состояния (*захлестывает; взрывается; будоражит*). Наиболее значимым рассматриваемый признак стал для АП-2 НАЭ, в рамках которого сила эмоции передается прилагательными, разнообразно репрезентирующими аспекты интенсификации: *сильный* (6) – собственно интенсивность; *резкий* (6); *буйный* (2) – сила и стремительность; *дикий* (3); *безумный* (2) – сила через невозможность

контроля; *большой* (4); *великий* (2) – сила через размер эмоции; *восторженный* (2); *обескураживающий* – сила через связь с интенсивным эмоциональным состоянием своего и смежного диапазона; *эффектный; невообразимый* – интенсивность через высокую качественную характеристику; *взрывающий; прыгучий* – сила через активность действия. Важно отметить, что часть данных аспектов совпадает с аспектами, репрезентированными ассоциатами как АП САЭ, так и АП-2 НАЭ.

Следующим по степени представленности стал признак **«Радость»** (**АП САЭ – 24%**; АП-1 НАЭ – 19%; АП-2 НАЭ – 5%), характеризующий эмоциональный диапазон *восторга.* Его репрезентация является наиболее частотной в рамках АП САЭ, единицы которого очерчивают круг номинаций одномодальных состояний, определяющих *восторг* (*радость; счастье; удовлетворение; ликование*). В АП-1 НАЭ аналогичные единицы в большей степени представлены глаголами приведения в эмоциональное состояние или сочетаниями с ними (*веселит; радует; заставляет радоваться*). Соответствующие ассоциаты АП-2 НАЭ, в свою очередь, преимущественно являются прилагательными, передающими эмоциональную характеризацию: *радостный* (2); *восхитительный*. При этом в роли главного, самого частотного эмотивного смысла во всех трех полях выступает *радость.*

Значимым является и признак **«Исключительность»** (**АП САЭ – 19%;** АП-1 НАЭ 15%; АП-2 НАЭ – 8%), отражающий необыкновенность качеств как каузатора *восторга,* так и самой эмоции. Ассоциаты АП САЭ связаны с атрибутами радостного, необычного события: *салют* (4); *фейерверк; подарок* (2); *торт* (2); *атмосфера*. Реакции АП-1 НАЭ отражают реакцию на такое внезапное, нестандартное или выходящее за рамки привычного событие: *удивляет* (14); *приятно удивляет* (2); *поражает; заставляет реагировать на что-то невозможное; восхищает*. Реакции АП-2 НАЭ характеризуют *восторг* и через обращение к его причинам (*фейерверк*), и через качество такой причины и каузируемой ею эмоции (*волшебный; неописуемый; эффектный*), и через реакцию экспериенцера на причину и испытываемую эмоцию (*удивительный* (4); *ошеломляющий; завидный*).

Общим признаком для трех полей также является признак **«Яркость»** (АП САЭ – 6%; АП-1 НАЭ – 1%; **АП-2 – 9%**), связанный с образным осмыслением положительной эмоции как блистательной и ослепительной, что отражено ассоциатами АП САЭ (*салют* (4); *искрящийся; вспышка*), АП-1 НАЭ (*озаряет; сияет*), а также АП-2 НАЭ (*яркий* (7); *искристый; искрящийся; красочный; цветной*).

Последний по частотности признак – признак **«Пребывание»** (АП САЭ – 1%, АП-1 НАЭ – 3%, АП-2 НАЭ – 1%). В рамках АП САЭ он представлен существительным, характеризующим эмоциональную природу *восторга* в целом (*эмоция*), в рамках АП-1 НАЭ – глаголами,

отражающими процесс возникновения эмоционального состояния (*появляется (2); наступает*), в рамках АП-2 НАЭ – прилагательным, допускающим возникновение *восторга* как такового (*возможный*).

Отдельно стоит отметить близкие по содержанию и репрезентации признаки, получившие разную организацию в моделях семантической структуры ассоциативных полей. По мере углубления исследования и расширения ассоциативной базы происходила более тонкая дифференциация ассоциатов в рамках таких зон. Так, признак **«Восхищение»** (АП САЭ – 14%), отражающий активную реакцию экспериенцера на источник (*улыбка* (5); *удивление* (2); *восхищение* (5)), как бы расщепляясь, сближается с первым признаком **«Удивление»** (АП-1 НАЭ – 12%), отражающим реакцию именно на необычные качества объекта-источника *восторга* (*удивляет* (14); *приятно удивляет* (2); *поражает*), получившим впоследствии название **«Впечатленность»** (АП-2 НАЭ – 7%) в силу особой обращенности носителя *восторга* к его источнику в целом (*удивительный* (4); *ошеломляющий; эффектный*); со вторым признаком **«Вдохновение»** (АП-1 НАЭ – 13% и АП-2 НАЭ – 4%), акцентирующим деятельностный характер реакции человека на *восторг,* когда эмоция становится актуализатором внутренних сил (*окрыляет* (4); *воодушевляет* (2); *вдохновляет; одухотворяет* – АП-1 НАЭ, *восторженный* (2); *восторгающий; воодушевляющий* – АП-2 НАЭ), а также с третьим признаком **«Возбужденность»** (АП-2 НАЭ – 9%), подчеркивающим активный и даже беспокойный характер переживания (*воодушевляющий; волнительный; трепетный*). Таким образом, признаки «Впечатленность», «Вдохновение» и «Возбужденность», пересекающиеся и частично совпадающие с ранее выделенным признаком «Восхищение», также могут рассматриваться как ключевые наряду с общими для всех полей признаками.

Также были выявлены зоны, сформированные ассоциатами только двух полей. К ним относятся зоны, основанные на признаке **«Приятность»**. В рамках АП САЭ (19%) данный признак связан с качеством самих причин, оцениваемых респондентами как объекты интереса или желания (*небо; салют* (4); *фейерверк; вата; сахарная вата; сладкое; еда; деньги*). В рамках АП-2 НАЭ (4%) признак «Приятность» связан с позитивной оценкой не только причин, но и самого чувства *восторга* (*прекрасный* (2); *крутой; хороший; приятное*). Признак **«Неожиданность»** (АП-1 НАЭ – 15%, АП-2 НАЭ – 17%) представлен реакциями только направленного ассоциативного эксперимента. Одна часть реакций характеризует процесс каузации эмоции, к которой экспериенцер не был готов (*неожиданно радует; появляется* (2); *приходит неожиданно; внезапно приходит* – АП-1 НАЭ, *внезапный* (8); *резкий* (6); *неожиданный* (2) – АП-2 НАЭ), а другая – характеризует результат каузации такой эмоции (*удивляет* (14); *приятно удивляет* (2) –

АП-1 НАЭ, *удивительный* (4); *удивленный*; *ошеломляющий; обескураживающий* – АП-1 НАЭ).

В рамках выделенных структур, помимо общих и пересекающихся признаков, а также признаков, представленных двумя полями, отмечены и те, которые были представлены репрезентантами лишь одного из полей. Только в рамках АП САЭ представлены репрезентанты признака **«Теплота»** (АП САЭ – 1%). Реакции *лето* и *пламя* отражают свойственную для положительных эмоций концептуализацию в отношении теплых температур. Только в рамках АП-2 НАЭ представлены репрезентанты признака **«Подлинность»** (АП-2 НАЭ – 4%), отражающие искренность эмоционального состояния (*искренний* (4); *детский*), а также признака **«Быстрота»** (АП-2 НАЭ – 3%), отражающие высокую скорость возникновения эмоции и непродолжительность ее существования (*быстрый* (3); *мгновенный*).

Таким образом, сопоставительный анализ семантической структуры ассоциативных полей свободного и направленного ассоциативных экспериментов позволил сделать вывод о том, что большинство выявленных семантических признаков являются устойчивыми и повторяющимися. Различия в иерархии и составе соответствующих семантических зон в рамках каждого отдельного поля объясняется спецификой самих стимулов. Так, именной стимул АП САЭ («Восторг») притягивает преимущественно именные реакции, заполняющие позиции различных компонентов эмоциональной ситуации; стимул-вопрос АП-1 НАЭ («Восторг что делает?») предполагает заполнение глагольными реакциями позиции предиката, а стимул-вопрос АП-2 НАЭ («Восторг какой?») – заполнение адъективными реакциями позиции определителя эмоции. При этом адъективные реакции отличились большим многообразием, репрезентируя такие аспекты семантических признаков, которые в именных или глагольных реакциях представлены частично. Материал направленного ассоциативного эксперимента, конкретизирующий аспекты эмоциональной ситуации, дополняет материал свободного ассоциативного эксперимента, в общем виде репрезентирующий ее особенности. Такое расширение исследовательского поля приводит к пересмотру состава семантических признаков исследуемой лексемы и способствует более точному выделению компонентов ее психологического значения. Таким образом, в качестве ключевых компонентов психологической структуры лексемы *восторг* были определены компоненты «Интенсивность», «Радость», «Исключительность», «Яркость», «Пребывание», а также «Впечатленность», «Вдохновение» и «Возбужденность».

Литература

Гуц Е. Н. Семантический гештальт как средство конструирования психологического значения слова-стимула / Е. Н. Гуц, Е. Д. Лонская // Теория речевой деятельности – новая парадигма в науке о языке: материалы XXI Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации в преддверии 90-летия со дня рождения А. А. Леонтьева и к 90-летию со дня рождения Е. Ф. Тарасова (Воронеж, 5-7 июня 2025 г.) / редкол.: А. В. Рудакова (отв. ред.) [и др.]. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025. – 318 с. – С. 184–185.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – Москва: ИЯ РАН, 2000. – С. 191–206.

Леонтьев А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования / Отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1971. – С. 7-19.

Е. А. Дьяконова (г. Москва, Россия)

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКАЯ ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ *МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ* И ПРОЕКТА «ГРАНД МАКЕТ РОССИЯ»)

В статье сопоставляются вербальные и графические реакции носителей русского языка на топонимы *Москва* и *Санкт-Петербург* с независимо созданной визуально-пространственной репрезентацией этих городов в проекте «Гранд Макет Россия». Предлагается рабочее понятие межсемиотической воспроизводимости компонента значения, уточняется его соотношение с межмодальной воспроизводимостью; различаются узнаваемое и проживаемое пространство.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, топоним, визуальный образ, межсемиотическая воспроизводимость, межмодальная воспроизводимость, языковое сознание.

The paper compares verbal and graphic responses of Russian native speakers to the toponyms *Moscow* and *Saint Petersburg* with an independently created visual-spatial representation of the same cities in the Grand Maket Russia project. The working concept of intersemiotic reproducibility is proposed and its relation to intermodal reproducibility is clarified; recognizable and lived space are distinguished.

Keywords: psycholinguistic meaning, toponym, visual image, intersemiotic reproducibility, intermodal reproducibility, language consciousness.

Исследование значения как феномена актуального языкового сознания является одним из направлений Воронежской теоретико-лингвистической школы профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина. В частности, это семасиология, когнитивная лингвистика и психолингвистика. В рамках данного направления психолингвистическое значение понимается как экспериментально выявляемое, психологически реальное содержание языковой единицы – упорядоченное единство

семантических компонентов, актуализируемых словом в сознании носителя языка [Стернин 2011, 2018].

В выполненном нами под руководством И. А. Стернина диссертационном исследовании эта методология была применена к описанию российских топонимов. Материал исследования составили 5082 вербальных и 105 графических анкет; использовались такие методы исследования, как лингвистическое интервьюирование, свободный и направленный ассоциативные эксперименты, а также психолингвистический эксперимент с графической составляющей [Дьяконова 2021, с. 8]. Одним из результатов стало экспериментальное подтверждение того, что содержание топонима включает наряду с рационально осмысленными и эмоционально-оценочными признаками денотата также чувственные, прежде всего визуальные, образы [Дьяконова 2021, с. 10–11].

Сопоставление вербальных и графических реакций показало, что эти формы репрезентации одного и того же топонима не совпадают полностью ни по составу, ни по частотности образов. Более того, ряд зрительных образов, достаточно заметных в графическом эксперименте, может вообще не проявляться среди спонтанных словесных реакций [Дьяконова 2018, 2019]. Возникает следующий вопрос: сохраняются ли экспериментально выявленные компоненты психолингвистического значения при переходе в еще одну – независимо созданную – семиотическую систему?

В настоящей работе в качестве такого материала рассматривается проект «Гранд Макет Россия». Выбор обусловлен спецификой самого объекта. Экспозиция музея официально определяется как художественное воплощение образа страны; города и регионы представлены собирательно, а многочисленные жанровые сцены отображают разные виды человеческой деятельности [Гранд Макет Россия]. Существенно и хронологическое обстоятельство: музей был открыт в 2012 г., то есть до проведения рассматриваемых психолингвистических экспериментов и публикации их результатов. Следовательно, совпадения не могут быть следствием знакомства создателей макета с данным экспериментальным материалом.

Таким образом, сопоставляются не реальный город и его психолингвистическое значение, а два независимо возникших способа отбора признаков географического пространства: экспериментально реконструируемый образ в языковом сознании носителей и авторская визуально-пространственная модель.

Материал пилотного исследования образуют три массива данных:

1) результаты вербальных психолингвистических экспериментов со стимулами *Москва* и *Санкт-Петербург*;

2) графические реакции на те же топонимы, представленные в приложениях к диссертационному исследованию и частично

проанализированные в отдельных публикациях автора [Дьяконова 2018, 2019, 2021];

3) открытые фотоматериалы, фиксирующие московские и петербургские фрагменты «Гранд Макета Россия», а также официальные и авторские описания экспозиции [Гранд Макет Россия; Смирнова 2013; Панёвин 2013; «Гранд-макет Россия»: города].

На данном этапе третий массив не претендует на исчерпывающее описание макета. Поэтому отсутствие соответствующего образа в изученном фотокорпусе не трактуется как доказательство его отсутствия в экспозиции. В дальнейшем корпус может быть уточнен по официальным материалам музея и в интервью с автором проекта.

Для обозначения трех способов репрезентации используются условные обозначения: V (verbal) – вербальная реакция; G (graphic) – графическая реакция; M (maket) – соответствующий образ в макете. Для описания выявляемого явления предлагается следующее определение рабочего понятия ***межсемиотической воспроизводимости семантического компонента*** как повторного обнаружения одного и того же содержательного или образного признака при разных способах его объективации. Термин «воспроизводимость» на данном этапе представляется более точным, чем «устойчивость»: факт повторного появления признака может быть установлен непосредственно, тогда как вопрос об устойчивости требует привлечения более широкого корпуса и дополнительной экспериментальной проверки.

При этом необходимо разграничить межмодальную и межсемиотическую воспроизводимость. Межмодальный переход имеет место прежде всего между вербальной и визуальной репрезентацией: один и тот же компонент значения обнаруживается в словесной реакции и в зрительном образе. Однако сопоставление V, G и M требует более широкого понятия, поскольку графический образ и макет относятся к одной зрительной модальности, но объективируют содержание в разных семиотических системах – изобразительной (плоскостной) и предметно-пространственной. Поэтому в настоящей работе термин «межсемиотическая воспроизводимость» используется как родовой: он обозначает повторное обнаружение одного и того же семантического компонента в различных знаковых формах, тогда как межмодальная воспроизводимость рассматривается как один из частных случаев такого перехода.

Принципиально важно подчеркнуть, что «Гранд Макет Россия» не рассматривается как непосредственный материал языкового сознания. Это авторское художественное высказывание. Его совпадение с экспериментальными данными позволяет говорить о воспроизводимости определенного образа в разных семиотических системах, но само по себе

не доказывает идентичности когнитивных механизмов формирования этих систем.

***Москва*: от признака города к визуальной модели**

В психолингвистическом исследовании топонима ***Москва*** среди наиболее частотных реакций представлены *столица, пробки, город, Кремль, Красная площадь, суета, толпа, скорость, машины, метро, движение*. В обобщенном психолингвистическом значении ***Москва*** была определена как большой красивый столичный город с быстрым темпом жизни и плохой экологией; среди достаточно ярких компонентов оказались быстрый темп жизни, развитая транспортная сеть, современность, деловой характер, шум, многолюдность и пробки [Дьяконова 2019; Дьяконова 2021, с. 55–58].

Графический корпус показывает, что узнаваемый образ Москвы строится не только на единичных достопримечательностях. На рисунках неоднократно сосуществуют историческая и современная Москва: кремлевская стена и Спасская башня, храмовые купола, высотная застройка, крупные магистрали, автомобили, вода и элементы транспортной системы. Тем самым ряд вербальных качественных признаков (современная, быстрая, транспортная, многолюдная) получает зримое предметное или композиционное выражение.

В открытом фотокорпусе «Гранд Макета» обнаруживается сходный способ отбора признаков. Московская зона узнается благодаря Спасской башне Кремля; рядом представлены небоскребы Москва-Сити, а авторы стремились передать суету центра города с большим количеством людей [«Гранд-макет Россия»: города]. Здесь особенно заметен переход от предметной к сценарной визуализации. Кремль или Спасская башня могут быть представлены непосредственно как объекты, тогда как быстрый темп жизни, суета или транспортная насыщенность требуют уже изображения движения, плотности городской среды и человеческой активности.

***Санкт-Петербург*: усиление визуального компонента**

Эксперимент с топонимом ***Санкт-Петербург*** особенно удобен для сопоставления, поскольку одни и те же 40 испытуемых сначала давали пять вербальных реакций, не зная о предстоящей второй части, а затем получали задание нарисовать город [Дьяконова 2018]. В вербальной части наиболее частотными оказались *Нева* – 12, *Петр I* – 10, *дождь* – 9, *Эрмитаж* и *Петергоф* – по 8, *Невский проспект* – 6. В графической части структура изменилась: *река* – 10, *набережная* – 8, *Нева* – 7; *лев, Медный всадник / памятник Петру I, обычный мост, православный собор* и *разводные мосты* – по 6; *деревья* и *современные дома* – по 5; *парусный корабль* и *Петропавловская крепость* – по 4 [Дьяконова 2018, с. 98–108].

Уже на уровне двух экспериментальных каналов наблюдается перераспределение яркости компонентов. Особенно показателен образ воды: реакция *река* в вербальном эксперименте единична, но в

графическом корпусе возникает десять раз; *набережная* становится одним из наиболее частотных зрительных образов. Напротив, *дождь* чрезвычайно активен вербально, но непосредственно изображается значительно реже. Следовательно, визуальная задача не просто переводит словесный образ в рисунок, а перестраивает иерархию признаков.

Таблица 1

Сопоставление трех каналов репрезентации топонимов

Компонент	V	G	M	Тип
Москва: Кремль / Спасская башня	Кремль – 8	+	+	V+G+M+
Москва: пробки / транспорт	пробки – 11	+	+	V+G+M+
Москва: современная высотная застройка	представлена	+	+	V+G+M+
Петербург: Нева	12	7	+	V+G+M+
Петербург: река	1	10	+	V+G+M+
Петербург: мосты	3	6; разводные – 6	+	V+G+M+
Петропавловская крепость	2	4	+	V+G+M+
сфинксы	–	2	+	V–G+M+
Ростральная колонна	–	1	+	V–G+M+

Наиболее значимыми представляются не только случаи полного совпадения V+G+M+, но прежде всего комбинация V–G+M+. Так, *сфинксы* отсутствуют в вербальном поле соответствующего эксперимента, но дважды появляются в графических реакциях. При этом *Университетская набережная со сфинксами* отчетливо представлена в фотодокументации «Гранд Макета» [Панёвин 2013]. Аналогичная ситуация наблюдается с *Ростральной колонной*: вербальная реакция отсутствует, графическая единична, однако Ростральные колонны становятся заметным элементом макетной Стрелки Васильевского острова [Панёвин 2013].

Такая конфигурация позволяет выдвинуть гипотезу о существовании компонентов топонимического образа, обладающих сравнительно низкой склонностью к спонтанной вербализации, но высокой визуальной воспроизводимостью. Иными словами, некоторые образы могут не входить в число первых словесных ассоциаций, однако актуализируются при необходимости увидеть город и независимо выбираются создателем визуальной модели.

Узнаваемое и проживаемое пространство

Сопоставление графических реакций респондентов с «Гранд Макетом» обнаруживает еще одно существенное различие. В экспериментальном материале по Санкт-Петербургу имеется значительное число вербальных реакций, связанных с людьми: *друзья, интеллигенция, студенты, особые люди – петербуржцы* и др. Однако в графической части

человеческие образы практически исчезают. Даже изображаемое уличное кафе оказывается пустым. В диссертационном исследовании это было сформулировано достаточно резко: создается впечатление, будто графический Петербург «не населен людьми» [Дьяконова 2021, с. 108].

В «Гранд Макете» действует противоположный принцип. Официальный сайт музея указывает 115 тыс. фигур жителей; жанровые сценки воспроизводят различные виды человеческой деятельности, а динамические фигуры и транспорт превращают экспозицию в единый «живой организм» [Гранд Макет Россия]. Пространство не только обозначается предметами, но постоянно разыгрывается как совокупность человеческих ситуаций.

Для описания данного различия представляется продуктивным использовать рабочую оппозицию «узнаваемое пространство / проживаемое пространство». Под узнаваемым пространством понимается образ места, организованный прежде всего системой признаков-маркеров, достаточных для его идентификации. В спонтанном рисунке ***Петербург*** оказывается Невой, мостом, львом, шпилем, Медным всадником; ***Москва*** – Кремлем, высотным силуэтом, дорогой, автомобилями. Эти элементы отвечают прежде всего на вопрос: что позволяет увидеть здесь именно этот город?

Под проживаемым пространством в данной работе понимается такая визуальная репрезентация, в которой место раскрывается через находящегося внутри него человека, его действия и типичные ситуации: что здесь происходит и как в этом пространстве живут? Термин используется операционально и не предполагает отождествления с какой-либо конкретной философской концепцией пространства.

Таким образом, возможна следующая последовательность способов объективации топонимического содержания: топоним → признак → визуальный образ → сценарий. Вербальная реакция в большей степени отвечает на вопрос «с чем для меня связано это место?»; графическая — «что я вижу, думая об этом месте?»; визуально-сценарная модель позволяет поставить еще один вопрос – «как это пространство живет?». На этом уровне появляется сценарная визуализация: сема «быстрый темп жизни» реализуется не отдельным предметом, а потоком машин и людей; вода Петербурга – не только Невой как объектом, но движущимися по ней судами и человеческими ситуациями на набережной.

Авторская позиция и образ Петербурга

Отдельного внимания требует вопрос о роли авторской позиции создателя макета. Сергей Морозов подчеркивал, что его задача состояла не в картографической точности, а в создании художественного образа России. В интервью он отмечал, что особенно трудно было «кромсать Питер», поскольку невозможность воспроизвести город буквально заставила «мыслить образно» [Смирнова 2013]. Там же Морозов объясняет

общий принцип проекта стремлением передать образ страны и настроение современников через повседневность – строительство, промышленность, сельское хозяйство, науку, жизнь человека от рождения до смерти [Смирнова 2013].

Этот факт позволяет осторожно поставить еще один вопрос: может ли характер визуально-сценарной репрезентации зависеть от степени личной включенности автора в изображаемое пространство? В случае Петербурга такая гипотеза особенно интересна, поскольку Морозов биографически связан с городом, и именно Петербург он называет пространством, которое ему было особенно трудно сокращать. Вместе с тем насыщенность петербургского фрагмента людьми и событиями нельзя пока объяснять только личной связью автора с городом: человеческие микросценарии являются общим принципом всего проекта [Гранд Макет Россия].

Поэтому различие между узнаваемым Петербургом респондентов и проживаемым Петербургом макета следует рассматривать как интерпретационную гипотезу, требующую дополнительной проверки. Для этого представляют ценность интервью с С. Б. Морозовым и, при возможности, первоначальные сценарные, эскизные или технические материалы проекта. Вопрос можно сформулировать следующим образом: различается ли визуально-сценарная модель пространства, известного автору изнутри, и пространства, представление о котором строится преимущественно на культурно закрепленных признаках?

Проведенное пилотное сопоставление позволяет сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, часть компонентов психолингвистического значения топонима демонстрирует высокую межсемиотическую воспроизводимость: одни и те же признаки обнаруживаются в вербальных ассоциациях, спонтанных графических реакциях и независимо созданной визуально-пространственной модели. Для Москвы к таким компонентам относятся прежде всего Кремль / Спасская башня, транспортная насыщенность и образ современного мегаполиса; для Санкт-Петербурга – Нева, мосты, Петропавловская крепость и ряд других знаковых объектов.

Во-вторых, особенно значимы случаи типа V–G+M+, при которых компонент отсутствует среди спонтанных вербальных реакций, но независимо воспроизводится в двух визуальных формах. Наиболее очевидные примеры в исследуемом материале – сфинксы и Ростральные колонны в образе Санкт-Петербурга. Такие случаи позволяют поставить вопрос о компонентах топонимического образа, обладающих сравнительно низкой склонностью к спонтанной вербализации при высокой визуальной воспроизводимости.

В-третьих, визуально-пространственная модель позволяет реализовать признаки не только предметно, но и сценарно. Если Кремль, мост или сфинкс могут быть непосредственно изображены как объекты, то быстрый

темп жизни, многолюдность или транспортная насыщенность требуют событийной репрезентации.

В-четвертых, полученные данные позволяют в рабочем порядке различать узнаваемое и проживаемое пространство. Первое строится преимущественно на опознавательных визуальных маркерах, второе – на человеческих действиях и ситуациях внутри пространства. В графическом эксперименте особенно отчетливо проявляется узнаваемое пространство; «Гранд Макет Россия» за счет жанровых сцен и динамики в значительной степени преобразует его в проживаемое.

Предложенные понятия требуют дальнейшей проверки на расширенном материале. Перспективными представляются изучение полного визуального корпуса макета, сопоставление других российских топонимов, интервью с автором проекта, а также отдельный рецептивный эксперимент, при котором испытуемым предъявлялись бы фрагменты макета с последующей фиксацией вызываемых ими топонимических и семантических реакций. Такой эксперимент позволил бы замкнуть исследовательскую цепочку: топоним → языковое сознание → визуальный образ → авторская модель → языковое сознание реципиента.

Литература

Дьяконова Е. А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка: дисс. ... канд. филол. наук / Е. А. Дьяконова. – Воронеж, 2021. – 353 с.

Дьяконова Е. А. Топоним *Санкт-Петербург* в сознании носителей языка: «вербализованные» и «визуализированные» образы (на материале свободного ассоциативного эксперимента с включением «графической» составляющей) // Язык и национальное сознание: сб. ст. / Науч ред. И. А. Стернин. Вып. 24. – Воронеж: РИТМ, 2018. – С. 72–77.

Дьяконова Е. А. Исследование визуального компонента семантики топонима (на материале топонима *Москва*) // Семантико-когнитивные исследования: сб. ст. / Под ред. И.А. Стернина. – Вып. 10. – Воронеж: РИТМ, 2019. – С. 3–5.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Стернин И. А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография / И. А. Стернин. – Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Полилингва, 2018. – 200 с.

Гранд Макет Россия. О музее // Национальный шоу-музей «Гранд Макет Россия»: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://grandmaket.com/about-museum/

Смирнова И. Сотри случайные черты – и ты увидишь... // Труд. – 2013. – 30 августа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trud.ru/article/30-08-2013/1299178_sotri_sluchajnye_cherty--i_ty_uvidish.html

Панёвин А. Гранд-макет Россия: фотообзор экспозиции. – 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://panevin.ru/blog/grandmaket_rossiya.html (дата обращения: 15.09.2026).

«Гранд-макет Россия»: города // Российский культурный центр в Пекине [Электронный ресурс]. URL: https://russianculture.cn/ru/гранд-макет-россия-города/ (дата обращения: 15.09.2026).

Ю. Н. Епринцева (г. Воронеж, Россия)

СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ВРЕМЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается структура лексико-семантического поля «le temps» во французском языке. Производится анализ и систематизация лексических единиц, связанных с концептом «le temps», а также выявляются признаки концептуальной и семантической интеграции.

Ключевые слова: концепт, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, ядро, периферия, концептуальная интеграция, семантическая интеграция.

This article examines the structure of the lexico-semantic field “le temps” in the French language. The lexical units associated with the concept “le temps” are analysed and systematised, and the features of conceptual and semantic integration are identified.

Keywords: concept, lexico-semantic field, lexico-semantic group, core, periphery, conceptual integration, semantic integration.

В когнитивной лингвистике понятие ассоциативного поля играет важную роль в понимании того, как люди воспринимают и организуют информацию о понятиях. Особенно интересно изучать ассоциативное поле таких фундаментальных понятий, как «время», потому что оно отражает культурные, психологические и когнитивные особенности носителей языка. Такие поля изучаются в рамках психолингвистики и лингвокультурологии, чтобы понять, как концепт времени отражается в языке и культуре. Ассоциативное поле – это совокупность слов, понятий и образов, которые автоматически возникают у человека при восприятии или употреблении определенного слова. Оно отражает как личный опыт, так и коллективные представления, связанные с данным понятием [Guiraud 1961; Моисеева 2006].

Материалом исследования стало ассоциативное поле «время» (le temps) во французском языке, под которым понимается совокупность реакций, которые возникают в языковом сознании носителей при предъявлении этого стимула.

Полевой подход в лингвистике для изучения языка в общем и отдельных его аспектов получил широкое распространение. Несмотря на многочисленные работы по изучению теории поля [Караулов 1972; Попова 1989; Стернин 1985 и другие], существует немало нерешенных вопросов, связанных со структурой семантического и концептуального поля, что свидетельствует об актуальности предпринятого исследования. В

современной лингвистике существует большое многообразие теоретических концепций и подходов к изучению семантических полей, что объяснятся постоянным пополнением словаря новыми лексическими единицами, а также его подвижностью и открытостью. Целью статьи является исследование структуры лексико-семантического поля «*le temps*» (далее – ЛСП) на материале французского языка. В частности, нас интересует сопоставление релевантных признаков семантического и концептуального поля «*le temps*». Реализация данной цели осуществляется с помощью решения следующих задач:

1) представление ЛСП «*le temps*»;

2) систематизация выявленных лексических единиц, связанных с концептом «*le temps*»;

3) проведение измерительного анализа лексических единиц ЛСП «*le temps*» согласно их принадлежности к определенным частям речи.

Для описания ассоциативного и семантического поля в данном исследовании используются методы анализа словарных дефиниций.

В когнитивной лингвистике «время» рассматривается не только как физический параметр, но и как концепт, формирующий структуру человеческого мышления и языка. Во французском языке лексема «*le temps*» вызывает широкий спектр ассоциаций.

Перейдем к решению первой задачи, связанной с описанием ЛСП «*le temps*». В качестве источника были использованы дефиниции из словарей французского языка Le Petit Robert и Larousse. Был получен следующий состав ЛСП «*le temps*»:

1) *durée globale* – «общая продолжительность»;

2) *portion limitée de cette durée globale* – «ограниченная часть этой общей продолжительности»;

3) *chacun des divisions égales de la mesure, en musique* – «каждая из равных частей такта в музыке»;

4) *chacune des phrases d'une action, d'une operation, d'un cycle de fonctionnement* – «каждая из фраз действия, операции, цикла операций»;

5) *durée chronométrée d'une course* – «продолжительность забега на время»;

6) *decoupage du temps* – «деление времени»;

7) *point repérable dans une succession par reference à un «avant» et «après»* – точка, которую можно идентифицировать в последовательности, исходя из состояний «до» и «после»;

8) *la suite des événements, dans l'histoire* – «последовательность событий в рассказе»;

9) époque de la vie – «этап жизни»;

10) *entre temps* – «в это время»;

11) *forme verbale particulière à valeur temporelle* – «конкретная форма глагола, имеющая временное значение»;

12) *entité représentive du changement continuel de l'univers* – «сущность, представляющая собой непрерывное изменение Вселенной»;

13) *catégorie fondamentale de l'entendement, objet de la reflexion philosophique et scientifique lié à l'expérience de la durée* – «фундаментальная категория понимания, объект философского и научного размышления, связанный с опытом длительности»;

14) *état de l'atmosphère à un moment donné considéré surtout dans son influence sur la vie et l'activité humaines* – «состояние атмосферы в данный момент времени, рассматриваемое прежде всего с точки зрения его влияния на жизнь и деятельность человека».

Мы провели анализ ЛСП «*le temps*», который репрезентирован следующими группами: 1) *la durée* «продолжительность»; 2) *la limitation* «ограничение»; 3) *la partie/ le cycle* «часть», «цикл»; 4) *la fragmentation* «фрагментарность»; 5) *la suite* «последовательность»; 6) *l'étape de la vie* «жизненный этап»; 7) *l'intervalle de temps* «временной интервал»; 8) *la forme verbale* «форма глагола»; 9) *l'essence* «сущность»; 10) *objet de la reflexion philosophique et scientifique* «философские и научные размышления»; 11) *le temps* «погода».

Таким образом, ЛСП «*le temps*» структурируется по зонам, охватывающим различные аспекты времени. Центральное ядро составляют такие понятия, как продолжительность, ограничение, частичность, цикличность, фрагментарность и последовательность. Ближняя периферия включает в себя жизненные этапы и временные интервалы, в то время как дальняя периферия охватывает более абстрактные и контекстуально обусловленные элементы, такие как грамматическая форма глагола, сущностные характеристики времени, философские и научные размышления о нем, а также его проявления как погодного явления.

Проанализировав каждую лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ), мы выявили ряд синонимических рядов. Так, в ядре ЛСГ «*la durée*» синонимами выступают: *prochainement, rapidement, jour, heure, minute, seconde, clepsydre, sablier, chronomètre, horloge, montre, semaine, mois, année, siècle, millénaire.* ЛСГ *«la limitation»* представлена следующим рядом синонимов: *moment, période, pause, loisir, glander, étape, d'abord, ensuite.* В свою очередь, ЛСГ «*la suite*» репрезентирована синонимами: *date, époque, moment, passé, présent, avenir, future, ère, génération, siècle.* Далее для всех ЛСГ поиск синонимов был проведен аналогичным образом. Стоит отметить, что все указанные выше дефиниции репрезентируют свое исходное значение, что верифицируется данными лексикографических источников.

Проведенное исследование ЛСП «*le temps*» позволило выявить ментальные структуры, лежащие в основе систематизации категории «время». Приведем несколько примеров, подтверждающих данное положение. Распоряжение временем: *gaspiller son temps* «тратить время зря»; *prendre son temps* «не торопиться, делать что-то в своем темпе» (досл.:

брать свое время); *perdre son temps* «тратить время впустую»; *gagner du temps* «сэкономить время, выиграть время»; *tuer le temps* «убивать время», «занять себя в ожидании» (досл.: «убивать время»); *meubler le temps* «коротать, заполнять время» (досл.: «заполнять время»); время как движение вперед: *avancer dans le temps* «двигаться во времени»; en temps et en heure «точно в срок, как договаривались»; время как нить: *une longue route dans le temps* «длинный путь во времени» и другие. Приведем примеры из художественной литературы, где лексическая *единица le temps* встречается в самых разных значениях – от обозначения погоды до философских размышлений о времени.

1. О погоде и времени года:

«Et vous, ma chère maman, que faites-vous par ce beau temps qui donnait déjà à Paris un air de fête?» (из переписки, XIX век). Здесь *le temps* означает «погода» – герой удивляется хорошей погоде, которая уже придавала Парижу праздничный вид.

«Il est temps que vous partiez, car il fait froid et moult froide» (Виктор Гюго, «Les Misérables»). В этом случае *le temps* переводится как «время» (как мера длительности).

2. О распределении и нехватке времени:

«J'y aurais coopéré par quelque ouvrage si j'avais eu plus de temps et de santé» (Альфред де Мюссе). Герой говорит, что при наличии большего количества времени и здоровья он бы смог поучаствовать в каком-то деле.

«Il n'a pas le temps de tout réfléchir» (Жорж Санд). Персонаж жалуется, что у него нет времени спокойно подумать.

3. В устойчивых выражениях и метафорах:

Prendre le temps «брать время, уделять время» – встречается у разных авторов. Например, у Макса Ферманса в «Neige»: *«Un matin, on prend le temps de se regarder vivre».* (Утром он использует время, чтобы по-настоящему увидеть жизнь.) Или у Жана-Поля Сартра в «Les mots»: *«Je pris le temps, je le mis cul par-dessus tête et tout s'éclaira».* (Я взял время, перевернул его с ног на голову – и всё стало на свои места.) *«Il est temps que vous agissiez»* (Жан Расин). Герой призывает персонажей к действию.

Данные примеры доказывают наличие признаков концепта «время», которые, находясь на периферии соответствующего ассоциативного поля, перспективизируются в процессе концептуальной интеграции, а затем экстериоризируются в процессе их вербализации лексическими средствами.

Решая следующую задачу, определим состав ЛСГ «*le temps*» с учетом частей речи, которые ее репрезентируют. Таким образом, группа *la durée* включает в себя 14 существительных, 2 наречия; группа *la limitation* представлена 5 существительными, 1 глаголом, 2 наречиями; группа *la partie/ le cycle* состоит из 1 существительного и 2 наречий; группа *la fragmentation* включает 9 существительных; группа *la suite* представлена 4 существительными; группа *l'étape de la vie* состоит из 3 существительных;

группа *l'intervalle de temps* включает в себя 5 наречий; группа *la forme verbale* состоит из 1 существительного; группа *objet de la reflexion philosophique et scientifique* включает 2 имени существительных; группа *le temps* имеет в своем составе 8 существительных.

Таким образом, приходим к следующим выводам:

1. Лексико-семантическое поле «*le temps*» представляет собой подвижную, гибкую структуру, с одной стороны, а с другой стороны, демонстрирует упорядоченную организацию элементов, входящих в ее состав и подчиняющихся законам парадигматики.

2. Концептосфера «*le temps*» воплощает в себе ментальные структуры и модели, которые, формируя наше понимание и восприятие соответствующего концепта, определяют базу сферы латентности ЛСП «*le temps*».

3. Наиболее подверженными процессу перспективизации оказываются признаки концепта, составляющие периферию концепта «*le temps*».

4. Количественный анализ состава ЛСП «*le temps*» доказывает, что в большинстве случаев, наиболее частотной частью речи является существительное (58 %), далее наречие (29 %).

Литература

Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 42–53.

Моисеева С. А. Глаголы восприятия в западно-романских языках: дисс. … докт. филол. наук / С. А. Моисеева. – Воронеж, 2006. – 284 с.

Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / Под. ред. проф. З. Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 207 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи: монография / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 170 с.

Guiraud P. La sémantique / P. Guiraud. – Paris: Presses universitaires de France, 1964. – 126 p.

Larousse Online: [website]. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires (дата обращения: 15.01.2026).

Rey-Debove J. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / J. Rey-Debove, A. Rey. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 2017. – 2838 p.

Н. Е. Захарова (г. Якутск, Республика Саха, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ЭВЕНКОВ ЯКУТИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ: УСТОЙЧИВОСТЬ ЯДРА И МОЗАИЧНОСТЬ РЕАКЦИЙ[1]

Статья посвящена исследованию специфики языкового сознания эвенков Республики Саха (Якутия) в условиях интенсивных межъязыковых контактов. На основе сопоставительного анализа материалов «Эвенкийского ассоциативного словаря» и «Словаря личностных качеств на языках КМНС РС(Я)» верифицируется гипотеза о гетерогенной структуре ассоциативно-вербальной сети малочисленного этноса. Авторами доказывается, что живое сознание носителя приобретает мозаичный характер под влиянием языкового сдвига, демонстрируя смешение кодов и трансформацию социальных ролей на периферии. В то же время глубинное когнитивное ядро образа мира эвенков демонстрирует жизнеспособность за счет устойчивых архетипов и ментальных защитных механизмов. Вектор стабильности задается системой традиционных регуляторов (обычаи предков *иты* и сакральные запреты *одё*), а также через общий тип мышления, транслируемый из поколения в поколение.

Ключевые слова: языковое сознание, эвенкийский язык, полиязычие.

The article is devoted to the study of the processes of transformation and preservation of the specificity of the linguistic consciousness of the Evenks of the Republic of Sakha (Yakutia) in conditions of intensive interlingual contacts. Based on a comparative analysis of the materials of the "Evenk Associative Dictionary" and the "Dictionary of Personality Traits in the Languages of Indigenous Peoples of the RS(Y)", the hypothesis of the heterogeneous structure of the associative-verbal network of a small ethnic group is verified. The authors prove that the living consciousness of the carrier acquires a mosaic character under the influence of a language shift, which is expressed in the mixing of codes and the transformation of social roles on the periphery. At the same time, the deep cognitive core of the Evenk worldview remains stable, holding onto traditional mental regulators — the customs of the ancestors ity and the system of sacred prohibitions odyo.

Keywords: linguistic consciousness, Evenk language, multilingualism.

Изучение лексики личностных качеств коренных малочисленных народов Севера позволяет реконструировать автохтонные модели мышления. В условиях интенсивного русско-якутского двуязычия в Республике Саха (Якутия) концептосфера эвенкийского языка испытывает мощное давление, что делает актуальной задачу фиксации его базового ядра.

Проведение настоящего исследования стало возможным благодаря появлению таких лексикографических изданий последних лет, как «Эвенкийского ассоциативного словаря: эвенки Южной Якутии» Н. Е. Захаровой [Захарова 2022] и «Словаря личностных качеств на языках КМНС РС(Я)» под редакцией А. И. Егоровой [Словарь 2026]. Сопоставление этих источников с традиционным нормативно-ценностным кодексом эвенков, кодирующим сакральные регуляторы поведения (закон

1 Исследование проведено в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР №124030600003-9.

распределения *нимат*, обычай предков *иты* и систему абсолютных запретов-табу *одё*), вскрывает определенный методологический конфликт.

Упомянутые словари безусловно очень информативны и составлены в соответствии с целями и задачами определенных проектов. «Словарь личностных качеств» конструировался на основе перевода и адаптации западноевропейских психологических шкал (моделей личностных черт по типу *Big Five*), а «Эвенкийский ассоциативный словарь» был ориентирован на рамки стандартизированного словника Русского ассоциативного словаря (РАС).

Гипотеза исследования состоит в том, что характерологический ассоциативный тезаурус эвенков функционирует как устойчивая когнитивная матрица: будучи помещенным в рамки заимствованных моделей, он осуществляет смысловое сопротивление, трансформируя унифицированные сетки и доказывая сохранность ментального ядра этноса вопреки процессам поверхностного языкового сдвига.

Таким образом, эмпирический базис исследования составили материалы «Эвенкийского ассоциативного словаря» (400 валидных анкет, информанты с. Иенгра и с. Тяня) [Захарова 2022].

Методология моделирования тезауруса потребовала сквозного анализа всей ассоциативно-вербальной сети (прямого и обратного словарей). В фокус работы вошли прямые качественные стимулы (**АЯ**, **ТОРГОН**, **МОҊНОН**), заданные словником РАС, стимул-субъект (**БЭЕ** / человек), а также массив характерологических реакций обратного словаря (*симӯма* / молчаливый, *дулумнӯ* / скромный, *бэркэ* / энергичный, *иты* / обычай, *одё* / запрет), возникающих в ответах носителей языка на другие денотаты. Сравнительный анализ полевого материала проводился по различным местам совместного проживания (МСП) этносов: от сохранной эвенкийской среды до зон глубокой языковой ассимиляции [Захарова 2026].

Полученные экспериментальные данные показывают, что использование унифицированных семантических сеток наталкивается на сопротивление этнического тезауруса, который перекодирует русские стимулы в образы традиционного жизнеобеспечения.

Традиционный кодекс предписаний *иты* ориентирует эвенка на активный, созидательный и природосообразный образ жизни, определяя базовую систему его ценностей, где значимость человека измеряется его трудом и пользой для рода. Эта этнокультурная специфика находит отражение в семантике эвенкийского языка, где понятия «хороший», «красивый» и «добрый» синкретичны и могут быть объединены в универсальном концепте, вербализуемом лексемой **АЯ** (в отличие от русского языка, где по словнику РАС это два разных стимула). В живой коммуникации лексема **АЯ** также служит общим маркером одобрения и согласия, аккумулируя в себе позитивную оценку. Ассоциативный

эксперимент показывает, что ментальное поле этого стимула объединяет ключевые образы, составляющие основу благополучного существования этноса независимо от обстоятельств. Так в сознание эвенков **АЯ**, или же «хорошее» и «одобряемое», проецируются этнические константы, отражающие семейно-бытовые и социальные ценности и традиционные маркеры идентичности: *хава* (работа, 9), *дом* (9), *орон* (олень, 5), *хунат* (девушка, 23) [Захарова 2022]. Специфика национального самосознания наглядно прослеживается и в восприятии самого человека (стимул **БЭЕ**). В ответах респондентов его образ раскрывается через призму социально-деятельностного статуса: *хавалдяра* (трудятся, 14) и *бултамни* (охотник, 11) [Захарова 2022]. Эта же закономерность проступает в «Словаре личностных качеств». Эвенкийскому языковому сознанию свойственен динамический глагольный характер. Вместо использования статичных понятий и отвлеченных категорий, характерных для русской языковой традиции, язык описывает свойства характера и внутренний мир человека через его конкретные действия [Словарь 2026]. Так, качество *«безответственный»* вербализуется как *гунневи эвки нэкэрэ* (буквально: «сказанное им самим – не делающий»), а *«легкомысленный»* – как *эвкӣ дялдӑдерэ̄* («не думающий, не размышляющий»). Личность оценивается не через набор абстрактных свойств, а исключительно через призму выполнения или невыполнения деятельностных предписаний *иты*.

В рамках ассоциативного эксперимента зафиксированы высокие индексы отказов от ответов (нулевых реакций) на абстрактные стимулы или слова с негативным значением. Так, на слово **АМИДЯМИ** (успевать) получено 249 отказов из 400, на **БУЛЭН** (враг) – 271 отказ [Захарова 2022]. Качественный анализ ответов показывает, что главной причиной таких показателей выступает снижение уровня владения родным языком у части респондентов в условиях прогрессирующего языкового сдвига. Еще одним фактором является переход исконного лексического инвентаря в пассивный запас: полиязычные эвенки (особенно младшего и среднего возраста) могут не сразу вспомнить нужное слово, когда их просят выразить отвлеченные понятия. Кроме того, причиной отказов могут стать диалектные различия, например, если в эксперименте использовалась литературная норма, неизвестная для местного говора. И только незначительное количество случаев отказа от ответа отражает блокировку вербализации существующими традиционными регуляторами одё – сакральным запретом на называние каких-либо явлений. В тех немногих случаях, когда реакция на подобные стимулы фиксируется, она носит характер четкой оценки. Так, стимул **АРАКИ** (алкоголь) порождает устойчивую ядерную реакцию *эру* (зло, плохо), что указывает на негативное отношение респондентов к этому явлению. Этнокультурная специфика прослеживается в реакциях на стимул **МОҖНОН** (ШАЛОВЛИВЫЙ). Эвенкийское сознание наложило на него некий возрастной ценз: доминируют реакции *куҗакан* (ребенок – 38) и *хутэ*

(ребенок – 21). Проявление шалости у взрослого трактуется тезаурусом как глупость и несерьезность (реакция *дурак*, 2) [Захарова 2022]. Наконец, повторяющиеся в ответах реакции *симӯма* (молчаливый) и *дулумнӯ* (скромный) на стимулы **АСИ** (женщина) и **АКА** (старший родственник) доказывают, что традиционным маркером этического и коммуникативного поведения признается сдержанность и немногословие.

Человек, преступивший запреты *одё* и законы *иты*, обесценивается в оценке этноса как в социальном, так и в интеллектуальном плане. Это подтверждается материалами «Словаря личностных качеств», например понятие *«бессовестный»*. С одной стороны, в словаре фиксируется потеря человеком социального облика через маркер стыда – образное выражение *дэрэе āчин* (буквально: «лица нет»). С другой стороны, параллельно регистрируется значение *иргэ̄ āчин* (буквально: «мозга нет» / «ума нет», от основы *иргэ* – головной мозг) [Словарь 2026]. Таким образом, бессовестность напрямую приравнивается носителями языка к потере разума, поскольку индивид, нарушающий родовые табу, теряет способность здраво мыслить и предвидеть последствия своих поступков.

Сопоставление данных двух словарей наглядно показывают, что устойчивые культурные регуляторы и глагольная природа языка удерживают целостность когнитивного ядра этноса. Однако в речевой периферии под влиянием языкового сдвига и двуязычия происходят противоположные процессы. Лексический дефицит, переход слов в пассивный запас, влияние говоров размывают границы ассоциативно-вербальной сети. Характер этих изменений рассмотрим подробнее.

В то время как ядро ассоциативно-вербальной сети удерживает базовые автохтонные смыслы, речевая периферия в условиях полиязычия приобретает ярко выраженный мозаичный характер, фиксируемый на нескольких уровнях: географическая дифференциация и влияние соседних языков, языковое смешение в периферийных зонах, фонетические ассоциации и влияние массовой культуры у младшего поколения.

Влияние крупных соседних культур (якутской и русской) приводит к тому, что содержание одних и тех же понятий начинает различаться в зависимости от места проживания эвенков. Так, по данным ассоциативного словаря у эвенков с. Иенгра, которые исторически отдалены от влияния якутской лингвокультуры, прочно удерживается матриархальный архетип (стимулы *энекэ* / бабушка и *эни* / мать дают устойчивую ядерную реакцию *глава семьи*). Однако, в с. Тяня, развивающемся в условиях векового тесного контакта с якутским населением, традиционная модель меняется. В сознании тянских эвенков статус «главы семьи» переходит к отцу, а образ бабушки сливается в парную группу с дедушкой (по характерной модели как для якутской *эбээ – эһээ*, так и для русской лингвокультур). Похожие изменения происходят и при оценке качеств человека. Например, реакции на стимул **ТОРГОН** (жадный) жители обоих сел выдают образ *ургичи* /

волк (6), приравнивая его к поведению хищника. При этом часто фиксируется реакция *кэрчэ* (8), которая является прямым заимствованием из якутского языка (*скупой*) [Захарова 2022]. Эти примеры наглядно демонстрируют, как под воздействием двуязычия адаптируются лексические границы исконных эвенкийских понятий. Под влиянием контактирующих языков эвенкийские слова обрастают новыми бытовыми значениями и функционируют в голове носителя языка по образцу якутского или русского языка.

В условиях многоязычия носитель языка начинает выстраивать смешанные ассоциативные связи, объединяя в одном понятии элементы сразу нескольких культур. Один из примеров служит реакция на стимул **БАЙ** (богатый). В ответах фиксируется мозаичный сплав из трех языков: *Байанай* – дух охоты, *кэрчэ* – скупой, *карчи* – деньги, *состоятельный* и др. Так же происходит и в речи, где русские корни активно встраиваются в эвенкийскую грамматическую рамку: *богатый-ма*, *успевай-ми.* Нагляден пример высказывания: «*Павлик моторит куугунаппыт».* – Павлик быстро помчался на моторной лодке (рус. мотор + эвенк. суффикс *-ит* + якутская глагольная форма прошедшего времени *куугунаппыт* «быстро помчался / «умчался с шумом») [Захарова 2026]. Подобные примеры показывают, как функционирует полиязычное сознание [Караулов 2000]. Носитель языка стремится удержать грамматический каркас родной речи, свободно встраивая в него наиболее точные слова из известных ему языков для достижения наибольшей ясности при передаче смысла.

Наиболее заметны изменения в структуре речевой периферии в возрастной группе 17–20 лет. Из-за снижения уровня владения родным языком молодые носители начинают ориентироваться не на смысл слова, а на внешнее сходство. Так, стимул **СУҠЭ** / топор вызывает автоматическую реакцию *«сука»*, а **САРИ** / кожа (замша) – реакцию *«мусор»* или *«Индия»*, вероятно, по созвучию со словом «сари» – традиционной индийской одеждой). В результате в сознании молодежи фиксируется хаотичное смешение образов – в одном ассоциативном поле уживаются элементы традиционной культуры предков и случайные маркеры современной массовой культуры.

Таким образом, сопоставительный анализ двух словарей выявил определенное несоответствие между стандартизированным внешними моделями описания личности и живым языковым сознанием этноса. Вопреки тому, что структура исходных словников опиралась на абстрактно-именные схемы русской языковой традиции, ассоциативное поле эвенков Южной Якутии продемонстрировало смысловую самостоятельность. Языковое сознание носителей продолжает функционировать в рамках динамической системы «устойчивое ядро – мозаичная периферия».

Мозаичный характер речевой периферии выступают естественным

защитным и адаптивным механизмом в условиях языкового сдвига и двуязычия. Тем не менее, за этой внешней изменчивостью отчетливо прослеживается устойчивый ценностный фундамент. Вербальные реакции информантов неизменно возвращают к исконному этическому каркасу – обычаям взаимопомощи *нимат*, кодексу правил *иты* и системе сакральных запретов *одё.* Все это показывает жизнеспособность ментального ядра этноса, сохраняющего свою специфику в условиях современных социокультурных трансформаций.

Литература

Варламова Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора / Г. И. Варламова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 376 с.

Захарова Н. Е. Эвенкийский ассоциативный словарь: эвенки Южной Якутии / Н. Е. Захарова. – Новосибирск: Наука, 2022. – 248 с.

Захарова Н. Е. Речевая деятельность трилингвов: функции переключения и смешения кодов эвенков Якутии / Н. Е. Захарова // П. А. Ойунский: эпоха, личность, наследие: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции / ред. коллегия: С. И. Боякова [и др.]. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2026. – С. 312–317.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 191–206.

Словарь личностных качеств на языках коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) / науч. ред. А. И. Егорова. – Якутск: ИЦ НБ РС(Я), 2026. – 36 с.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Е. А. Коновалова (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

УСТОЙЧИВОСТЬ ЯДРА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОГО ПОЛЯ ЛЕКСЕМЫ «РОДИНА»

В статье описана полевая модель лексемы *родина,* в которой смысловые компоненты распределены по тематическим блокам. В качестве эмпирического материала использованы данные ассоциативного эксперимента, проведенного в пяти регионах России: Московская область, Сибирь, Дальний Восток, Крым, Донбасс. Было определено, что когнитивная структура лексемы *родина* в языковом сознании человека имеет сложную, многоуровневую структуру, включающую государственно-территориальный, сакрально-символический, семейно-родственный, аксиологический, эмоционально-оценочный, нормативно-императивный, исторический уровни. Это свидетельствует о том, что родина осознается как комплексный концепт, соединяющий территорию, государство, семью, народ, эмоциональную привязанность и гражданский долг.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальное поле, ассоциаты, реакция.

The article describes a field model of the homeland lexeme, in which semantic components are distributed into thematic blocks. The empirical material consists of data from an associative experiment conducted in five regions of Russia: the Moscow region, Siberia, the Far East, Crimea, and Donbas. Thus, it was concluded that the cognitive structure of the lexeme «homeland» (homeland) in the human linguistic consciousness is complex and multi-layered, comprising state-territorial, sacred-symbolic, familial-kinship, axiological, emotional-evaluative, normative-imperative, and historical levels. This indicates that the homeland is perceived as a multifaceted concept combining territory, the state, family, the people, emotional attachment, and civic duty.
Keywords: linguistic consciousness, associative experiment, associative-verbal field, associative responses, reaction.

Интерес к лексеме *родина* традиционно высок у исследователей: от попыток комплексного описания концепта в русской языковой картине мира в лингвокультурологическом освещении на лингвокогнитивной основе [Нурманов 2023], исследование новых значений [Артановский 2012] до сравнительных исследований [Гридасова 2025; Данилевская 2025; Санчес 2021]. Вместе с тем содержание вербально-ассоциативного поля лексемы *родина* требует дальнейшего изучения. В связи с этим актуальным становится сравнительный анализ региональных ассоциативных полей. В.А. Пищальникова отмечает, что ассоциативный эксперимент является одним из действенных способов выявления актуальных ассоциативных связей, определения общего и индивидуального, поэтому важным остается поиск способов интерпретации ассоциативно-вербальной сети [Пищальникова 2019].

Цель работы – исследовать изменение лексемы *родина* как фрагмента современного языкового сознания с опорой на региональные ассоциативные данные. Исследование опирается на масштабные ассоциативные опросы, проведенные с 2008 по 2024 годы под руководством Н. В. Уфимцевой. География исследований охватывает Европейскую часть, Сибирь, Дальний Восток, Крым и Донбасс. Для анализа использованы русские ассоциативные словари ЕВРАС (2018), СИБАС (2014), КрымАС (2022), ДонАС (2025). Экспериментальная выборка включала студентов вузов в возрасте от 17 до 25 лет – активных носителей современного русского языкового сознания.

Было сформировано общее ассоциативное поле лексемы *родина* на основании двух групп реакций: в него вошли как ассоциаты с индексом 2 и более, так и единичные реакции при условии, что они представлены во всех четырех словарях. При описании реакции указано общее количество во всех словарях. В общее ассоциативное поле лексемы *родина* вошли ассоциаты: *мать 593, Россия 260, моя 169, дом 151, страна 92, земля 41, отчизна 30, патриот, патриотизм, зовет 25, одна 16, мама, край 15, город 14, мать зовет 12, любовь, наша 11, место 10, долг, Русь 7, малая 6.*

Полевая модель состоит из следующих слоев: ядро (*мать, Россия, моя, дом*), ближняя периферия (*страна, земля, отчизна*, *патриот,*

патриотизм, зовет), дальняя периферия (*одна, мама, край, город, мать зовет, любовь, наша, место, долг, Русь, малая*).

В языковом сознании носителей русского языка лексема *родина* включает несколько семантических групп. В основу мышления положен архетипический образ матери, связанный с близостью и защитой (*мать 593, мама 15, мать зовет 12*). Высокая частотность показывает, что эта метафора является одной из базовых в осмыслении понятии *родина*.

Родина характеризуется как страна или государство (*Россия 260, страна 92, отчизна 30, Русь 7*), при этом в языковом сознании присутствует как современное название, так и историческое.

Пространственно-локальное определение лексемы объединяет шкалу пространственных смыслов: от малой родины (*дом 151, город 14, край 15, место 10, малая 6*) до более крупных масштабов (*страна 92, земля 41*). Такое распределение отражает многослойность восприятия пространства: человек одновременно ощущает связь с личным пространством и с большой территорией.

Аксиологический (ценностный) уровень включает нормативные и эмоциональные ценности: представление о гражданской идентичности, чувстве долга и любви к родине (*патриот, патриотизм 25, одна 16, любовь 11, долг 7*).

Прецедентный и культурный уровень отсылают к узнаваемому культурному коду-образу и лозунгу «Родина-мать зовет!» (*зовет 25, мать зовет 12*). Эти реакции показывают, что языковое сознание опирается на устойчивые прецедентные тексты и визуальные образы, важные для русской культуры.

Уровень идентичности (индивидуальной и коллективной) имеет значение принадлежности и уникальности: реакция *моя 169* подчеркивает неповторимость родины для человека, а *наша 11* выражает ощущение общности и принадлежности к общей группе. Родина – это не абстрактная аудитория, а своя и уникальная.

Таким образом, когнитивная структура лексемы *родина*, отражаемая в языковом сознании, сформирована на основании следующих критериев: архетипический образ матери, государственный, пространственно-локальный, аксиологический (ценностный), прецедентно-культурный уровни и уровень идентичности (индивидуальной и коллективной).

Особое внимание заслуживают реакции, встречающиеся в трех или двух словарях:

армия (ЕВРАС 1, СИБАС 0, КрымАС 1, ДонАС 3),
отечество (ЕВРАС 6, СИБАС 6, КрымАС 8, ДонАС 0),
Отечество (ЕВРАС 2, СИБАС 0, КрымАС 0, ДонАС 6),
матушка (ЕВРАС 4, СИБАС 0, КрымАС 0, ДонАС 1),
война (ЕВРАС 2, СИБАС 1, КрымАС 0, ДонАС 0),
гордость (ЕВРАС 2, СИБАС 3, КрымАС 0, ДонАС 1),

жизнь (ЕВРАС 2, СИБАС 2, КрымАС 3, ДонАС 0),
любимая (ЕВРАС 2, СИБАС 1, КрымАС 0, ДонАС 3),
Москва (ЕВРАС 2, СИБАС 1, КрымАС 0, ДонАС 0),
родная (ЕВРАС 2, СИБАС 3, КрымАС 0, ДонАС 6),
родное (ЕВРАС 2, СИБАС 0, КрымАС 1, ДонАС 0),
родной (ЕВРАС 1, СИБАС 2, КрымАС 1, ДонАС 0),
РФ (ЕВРАС 2, СИБАС 1, КрымАС 0, ДонАС 0),
святое (ЕВРАС 2, СИБАС 0, КрымАС 1, ДонАС 0),
СССР (ЕВРАС 2, СИБАС 0, КрымАС 1, ДонАС 2),
защищать (ЕВРАС, СИБАС 4, КрымАС 2, ДонАС 0),
уродина (ЕВРАС 0, СИБАС 4, КрымАС 0, ДонАС 2),
Казахстан (ЕВРАС 1, СИБАС 3, КрымАС 0, ДонАС 0),
поле (ЕВРАС 1, СИБАС 3, КрымАС 0, ДонАС 1),
защита (ЕВРАС 0, СИБАС 2, КрымАС 2, ДонАС 1),
свое (ЕВРАС 1, СИБАС 2, КрымАС 0, ДонАС 0),
семья (ЕВРАС 0, СИБАС 0, КрымАС 6, ДонАС 9),
народ (ЕВРАС 0, СИБАС 0, КрымАС 2, ДонАС 1),
родители (ЕВРАС 0, СИБАС 0, КрымАС 2, ДонАС 2),
родина-мать (ЕВРАС 0, СИБАС 0, КрымАС 2, ДонАС 0),
Родина-мать (ЕВРАС 0, СИБАС 0, КрымАС 0, ДонАС 1).

Дополнительные реакции расширили содержание лексемы *родина*. Архетипический образ матери уточнен реакциями *родина-мать 2, Родина-мать 1*.

Государственный уровень (кратонимы) дополнился современным названием *РФ 3*, указанием на название чужого государства *Казахстан 4*, историческим – *СССР 5*. Лексема связывается с конкретной эпохой и опытом поколений.

Пространственно-локальный уровень расширился реакциями *поле* 5 и конкретизацией *Москва 3*.

Уровень идентичности (индивидуальной и коллективной) дополнила реакция *свое 3.*

Новый семейно-родственный уровень: родина сужается до уровня семьи (*семья 15, родители 4, народ 3*).

Нормативно-императивный уровень: родина осознается как объект, требующий защиты (*защищать 7, защита, армия 5, война 3*).

Появляется эмоционально-оценочный уровень. Положительная оценка выражена реакциями: *гордость 6, любимая 6, родная 11, родной 4, родное, святое 3. К*ритическая оценка: *уродина 6*.

Новую реакцию *жизнь 7* можно отнести к аксиологическому уровню, потому что жизнь можно воспринимать как высшую ценность. Так же родину связывают с личным и коллективным существованием, как пространство своей жизни. Жизнь может восприниматься как на бытовом уровне, так и на высоком (отдать жизнь за Родину).

Особое внимание следует обратить на то, что данные, проведенных экспериментов, не только помогают выявить общее ядро и региональную периферию, но и отражают, как изменяется языковое сознание под влиянием экстралингвистических факторов. Исторические события, которые переживают Крым и Донбасс, кардинально изменяют понимание родины, с одной стороны, сужают до родителей и семьи: *семья* (КрымАС 6, ДонАС 9), *родители* (КрымАС 2, ДонАС 2), а с другой – расширяют: *народ* (КрымАС 2, ДонАС 1), и уточняют образ матери: *родина-мать* (КрымАС 2), *Родина-мать* (ДонАС 1).

Ассоциаты *родители, семья, народ* раскрывают лексему *родина* через людей и отношения между ними. *Родители* и *семья* выступают в качестве образа родной страны. Реакция *народ* связывает родину не только с местом или государством, но и с общностью людей, объединенных языком, культурой, историей и общей судьбой. В этом значении *родина* понимается как свои люди, как носитель коллективной памяти, как большая семья.

Реакция *родина-мать* соединяет семейный образ матери с образом большой родины, придавая ей черты заботы, защиты, кровной связи и сакральности. Благодаря этим реакциям личное, семейное и национальное объединяется в единый символ: родина становится матерью для человека и народа.

Изменения в понимании родины, проявленные в двух регионах, показывают движение от малой родины (*родители, семья*) к большой родине (*народ*) и далее к ее символическому обобщению (*родина-мать*). Эти реакции показывают, что родина осознается не только как территория или государство, но и как человеческая общность, основанная на родстве, преемственности и коллективной идентичности.

На втором этапе изучения лексемы *родина* вербально-ассоциативное поле расширилось, с одной стороны, за счет новых уровней (семейно-родственный, нормативно-императивный, эмоционально-оценочный), а с другой стороны, за счет расширения уровней, выделенных при изучении всех общих реакций.

На следующем этапе изучения вербально-ассоциативного поля мы проанализировали реакции, зафиксированные только в одном словаре: ЕВРАС (*двор, кино, море, радость, России, Сталин 2*), СИБАС (*великая, мать моя, мир 2*), КрымАС (*Крым 41, Украина 4*), ДонАС (*Донецк 13, Донбасс 7, большая, Горловка 3, Израиль, нет, родная земля 2*). Дополнительные ассоциаты конкретизируют пространственный, исторический, эмоциональный и символический уровни лексемы. Они показывают, что родина может осмысляться одновременно как большая страна, так и как малая родина, пространство личной или общественной значимости и объект исторической памяти. В структуре лексемы

подтверждается традиционное различие большой родины – страна рождения и гражданства, и малая родина – место рождения и жизни.

Реакции *двор, море, Москва, Крым, Донецк, Донбасс, Горловка* конкретизируют *родину* через личное и региональное пространство. Реакции *Украина* и *Израиль* вводят в поле межгосударственный контекст. Они могут отражать личные связи респондентов с этими странами или актуальные геополитические ассоциации.

Аксиологический уровень пополнился реакцией *радость.*

Реакцию *Сталин* можно отнести к уровню историко-политических персонификаций. Она связывает родину с фигурой государственной власти, которая может иметь как положительную, так и отрицательную оценку.

Таким образом, на третьем этапе изучения лексемы *родина* вербально-ассоциативное поле расширилось за счет персонификации.

Подводя итоги проведенному исследованию, переходим к описанию лексемы, учитывая все ассоциаты. Ядро вербально-ассоциативного поля *родина* образуют реакции *мать, Россия, моя, дом, страна, отчизна*, отражающие связь родины с образом матери, государством и личной принадлежностью. Периферия поля формируется разными смысловыми уровнями: от малой родины и семейных ценностей до военно-патриотического долга, исторической памяти и иронического переосмысления.

Основной доминантой языкового сознания является образ матери. В основе лежит архетипический образ родины-матери, которую необходимо защищать. Прецедентный текст в форме лозунга «Родина-мать зовет!» проявляется несколькими реакциями: совпали во всех четырех словарях (*мать 29,03%, зовет 1,22%, мать зовет 0,59%, мама 0,73%),* совпали в двух словарях (*матушка 0,24%, родина-мать, Родина-мать 0,15%*). Исторические события последних лет привели к переосмыслению лексемы, к новому пониманию *родины:* с одной стороны, уменьшилось до *родителей* и *семьи*, а с другой стороны, увеличилось до *народа.*

Ядро вербально-ассоциативного поля образуют реакции *мать 29,03%, Россия 12,73%, моя 8,27%, страна 4,5%*. Их доминирование во всех регионах показывает, что наиболее устойчивыми признаками лексемы являются персонификация родины в образе матери, ее соотнесенность с местом проживания. Родина мыслится как эмоционально близкое, личностно значимое и коллективно разделяемое пространство.

Наличие реакций *мать 29,03%, мама 0,73%, матушка 0,24%, родина-мать 0,15%, родители 0,2%, семья 0,73%* показывает, что семейно-родственная модель является одной из основных в осмыслении родины, воспринимается через образ матери и семьи, для которой характерны черты заботы, защиты, кровной связи и эмоциональной близости.

Вербально-ассоциативное поле демонстрирует выраженную аксиологическую направленность: родина оценивается как высшая священная и жизненно важная ценность (*святое 0,15%, любимая 0,29%, родная 0,54%, родное 0,15%, родной 0,2%, жизнь 0,34%, любовь 0,54%, гордость 0,29%, радость 0,1%, уродина 0,29%).* Родина в языковом сознании – это не нейтральная территория, а эмоционально и нравственно окрашенная ценность.

Корпус реакций *долг 0,34%, патриот 1,22%, патриотизм 1,22%, защищать 0,34%, защита 0,24%, армия 0,24%, война 0,15%, зовет 1,22%, мать зовет 0,59%* определяет то, что родина не только принадлежит человеку и вызывает у него положительные чувства, но и предполагает ответную верность, защиту, готовность к действию и гражданскую ответственность. Понятие *родина* тесно связана с долгом и служением.

Реакции *Русь 0,34%, СССР 0,24%, отечество 0,98%, Отечество 0,39%, Сталин 0,1%* показывают, что родина связывается не только с современным государством, но и с исторической памятью. В языковом мышлении присутствуют как образы Древней Руси, так и советского прошлого, что свидетельствует о сохранении историко-культурных представлений о родине. При этом реакция *Сталин* может отражать как ностальгию по сильному государству, так и критическое отношение к прошлому.

Изученные материалы позволяют проследить наполнение смыслами лексемы *родина*. От самого большого масштаба (*мир, Россия, РФ*) до самого узкого (*двор, дом* и локальные топонимы) реакции формируют иерархию пространственных смыслов. Большая родина актуализируется реакциями: *Россия 12,73%, РФ 0,15%, Русь 0,34%, СССР 0,24%, отчизна 1,47%, отечество 0,98%, Отечество 0,39%, страна 4,5%, большая 0,61%, великая 0,4%),* а малая – реакциями: *дом 7,39%, двор 0,36%, город 0,69%, край 0,73%, место 0,49%, поле 0,24%, море 0,36%, Москва 0,36%, Крым 8,2%, Донецк 0,64%, Донбасс 0,34%, Горловка 0,15%, малая 0,29%.* Это свидетельствует о том, что родина осознается одновременно как вся страна, так и как конкретное место. В целом образ родины по результатам ассоциативного эксперимента носит преимущественно положительный и сакральный смысл. Родина предстает как эмоционально переживаемая, коллективно разделяемая и морально обязывающая ценность.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного на территории пяти регионов, показывают, что ядро языкового сознания является единым для всех и составляет 76,65% от всех реакций (2 и выше). Ближняя периферия (реакции совпали в трех и двух словарях из четырех) составляет 7,2%. На долю реакций, характерных только для одного региона, приходится 4,65%. Реакции, описывающие актуализацию новых смыслов, повторяющиеся в словарях Крыма и Донбасса, составили 1,22%.

Таким образом, эксперимент, проводимый в разных регионах страны, позволил дифференцировать поле лексемы *родина* на устойчивое ядро и вариативную периферию. Ядерные реакции демонстрируют высокую частотность и универсальность, тогда как периферийные реакции, особенно топонимические, варьируются в зависимости от территории. В зависимости от региона меняется наполнение лексемы *родина* при устойчивом сохранении ядра.

Литература

Артановский С. Н. Понятие Родины: современные модификации / С. Н. Артановский // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. – 2012. – № 3. – С. 6–10.

ДонАС 2025 – Ассоциативный словарь Донбасса: в 2 томах. Т. 1. От стимула к реакции: 1000 словарных статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, В. И. Теркулова. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – 491 с.

Гридасова А. В. Концепт «родина» в русской и английской лингвокультурах / А. В. Гридасова, М. А. Гринько // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – № 5-2 (104). – С. 18–22.

Данилевская Н. В. Семантические оттенки лексемы *родина* в русской и китайской картинах мира / Н. В. Данилевская, Сунь Даоин // Мир русского слова. – 2025. – № 2. – С. 4–11.

Нурманов А. Т. Семантическое наполнение концепта «родина» в русской национальной концептосфере (по данным лексикографических источников) / А. Т. Нурманов, З. О. Каримова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачесвского. – 2023. – №1. – С. 180–184.

Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В. А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 749–761.

Санчес Пуиг М. РОДИНА–PATRIS в системе ассоциативных сетей русского и испанского языков / М. Санчес Пуиг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т.12. – С. 302–315.

ЕВРАС 2018 – Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Том I. От стимула к реакции / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – Москва: Московская международная академия, 2018. – 542 с.

СИБАС 2014 – Шапошникова И. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. – Москва: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

О. И. Лыткина (г. Москва, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТОПОНИМА «МОСКВА» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ)

Статья посвящена описанию психолингвистического значения топонима «Москва» на материале ассоциативных словарей, а также русской фразеологии и паремиологии. Обращение к данному материалу позволяет установить новые семантические компоненты, которые не могли быть выявлены традиционными методами исследования и не нашли отражения в энциклопедических словарях.

Ключевые слова: Москва, психолингвистическое значение, языковая картина мира.

This article describes the psycholinguistic meaning of the place name «Moscow», drawing on data from associative dictionaries as well as Russian phraseology and paremiology. This analysis reveals additional semantic components that have not been identified through traditional research methods and are not recorded in encyclopedic dictionaries.

Keywords: Moscow, psycholinguistic meaning, linguistic worldview.

Как известно, значение слова в живой речи имеет гораздо большее число сем, чем число сем, зафиксированных в лингвистических словарях. В связи с этим принято говорить о психолингвистическом значении слова, которое устанавливается на основе анализа результатов ассоциативных экспериментов и контекстов употребления. Вслед за И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой психолингвистическое значение слова мы понимаем как «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка»; «объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов…» [Стернин 2011, с. 99].

Цель данной статьи – описать психолингвистическое значение топонима «Москва». В толковых словарях русского языка лексема «Москва» не зафиксирована, но слова с корнем *москв-* представлены, например: *москаль, москвитяне, московиты* и др. В современных энциклопедических словарях ***Москва*** определяется как столица России, административный центр Центрального федерального округа и город федерального значения, областной центр Московской области, один из самых больших городов мира и самый крупный город в России; правительство Советского Союза или Российской Федерации (метонимический перенос), а также жители города Москвы. Однако лексема *Москва* в языковом сознании русской нации имеет гораздо больше значений. В связи с чем представляется целесообразным обращение к материалу фразеологии, поскольку фразеологизмы фиксируют не отдельные семантические компоненты, а устойчивые и воспроизводимые

модели осмысления действительности, которые благодаря образности и культурной коннотации сохраняют в языковом сознании дополнительные, «периферийные» семы, которые обычно не фиксируются в словарях.

На основе анализа 63 фразеологизмов с компонентом «Москва», извлеченных методом сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей афоризмов, крылатых слов и выражений, были выявлены следующие значения.

1. Москва – географический объект

Данную группу представляют фразеологические единицы (ФЕ), в которых Москва представлена как географический объект, точка на карте. Данные единицы не имеют выраженной символической нагрузки. Например: *Московская вода* (название холодного половодья с верховьев Дона)*; Московская сторона; На Евдокие ветер от Москвы* (с севера); (о холодном лете)*; Московская застава; Москва горбатая/ Москва горбатая старушка* (о холмах, на которых стоит Москва)*; Москва на болоте стоит; Москва видна; Путешествие из Петербурга в Москву*.

Такие ФЕ, как *Московский университет; по московскому времени; Первые города от Москвы – два девяносто верст; Кто в Москве не бывал, красоты не видал*; *Девичья коса – на всю Москву краса; Наш городок – Москвы уголок*, дают представление о Москве как эталоне, точке отсчета, представление о норме.

2. Москва – дальнее расстояние

В следующих ФЕ Москва представлена как предел дали: *Копна от копны, как от Ростова до Москвы; Бабка от бабки, как от Москвы до Вятки; В тереме высоко, а до Москвы далеко; Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь; Вашу братью и до Москвы не перевешаешь*.

3. Москва – центр мира, точка пространства, в которое направлено движение

Данную группу составляют ФЕ, в которых Москва выступает как цель движения, предел устремлений (часто с иронической оценкой), например: *В Москву, в Москву, в Москву!* (фраза, которую повторяют три чеховские героини, уверенные в том, что счастье возможно только в Москве). К этой же группе относятся: *В Москву за новыми песнями; В Москву разгонять тоску, съездить в Москву* (в псковских диалектах о неудачной поездке); *За спасибо мужичок в Москву сходил да еще полспасиба домой принес; Для поговорки мужик в Москву пеши шел* (о бесцельной поездке).

4. Москва – сосредоточие национальной жизни, духовный центр России

Эта наиболее многочисленная группа ФЕ. Сюда входят: *Москва – третий Рим* (идея религиозной и государственной преемственности от Византии, Москва выступает как центр православия); *Москва всем городам мать* (идея первенства и главенства); *Москва, России дочь любима…; Москва… как много в этом звуке…; Матушка Москва*

белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая (развернутый эпитет, концентрирующий все положительные признаки: красоту, веру, гостеприимство, общительность); *В Москве сорок сороков церквей; Была в Москве, видела золотые маковки* (большое количество церквей, представление о Москве как о духовном центре страны); *В Москве каждый день праздник* (речь идет о престольных праздниках, которых в Москве много в связи с большим количеством церквей); *Матушка Москва … православная*, *Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова* и др.

5. Москва – дороговизна

Москва здесь осмысляется как дорогой город, жизнь в котором требует больших затрат: *Московские цены, Москва любит запасец* (о необходимости запасаться), *Москва бьет с носка, а Питер бока повытер* (оба города дороги); *Москва стоит на болоте… а больше деревенского едят* (Москва не производит, а потребляет); *В Москве толсто (густо, часто) звонят, да тонко (жидко, редко) едят*; *В Москве деньгу беречь, себя не стеречь; В Москву брести – последнюю копейку несть; Хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести*.

6. Москва – символ изобилия

Представление о Москве как месте изобилия, в котором много людей, денег, еды, а также возможностей, представлено в следующих ФЕ: *Москва людна и хлебна; Московские калачи* (гастрономический символ); *Была бы догадка, а на Москве денег кадка; В Москве калачи как огонь горячи; Славится Москва невестами, колоколами да калачами; Москва не клином сошлась* (о безграничности); *В Москве все найдешь, кроме птичьего молока; В Москве недорода хлебу не бывает; Матушка Москва …хлебосольная; В Москве каждый день праздник*.

7. Москва – место, где каждый сам за себя, равнодушен к чужой нужде

Это представление наиболее полно выражено в ФЕ *Москва слезам не верит* (нет доверия и сочувствия слезам и плачу) и в следующих его вариантах: *Москва ни по ком не плачет; Москва ни по чем не плачет; Москва по нашим бедам не плачет; Москвы не разжалобишь / не расквелишь; Москва – кому мать, кому мачеха; Москва что доска: спать широко, да кругом метет; Живучи в Москве, пожить и в тоске / Живет на Москве – в немалой тоске*.

8. Москва – власть

Данная группа объединяет ФЕ, в которых Москва осмысливается как источник власти, указов и угрозы, место, где решается судьба человека. Москва выступает не просто как центр страны, а как субъект власти, требующий подчинения, например: *Живи, живи, ребята, пока в Москве не проведала (об угрозе); В Москву идти – голову нести; Москва указ дала; Москва видит; Бей челом на Туле, ищи на Москве*.

9. Москва – чужбина

Данная группа ФЕ строится на оппозиции «свой – чужой», причем чужим оказывается именно Москва. Наиболее показательны следующие выражения: *В Москве все найдешь, кроме родного отца и матери; Хороша Москва, да не дома; Москва – кому мать, кому мачеха.*

10. Москва – обман

В данной группе реализуются представления о Москве как о месте, которое обманчиво: Москва обещает, но не дает. Она ассоциируется с ложью, обманом, лицемерием, иллюзиями. Например: *Пошел на Москву торговать – на погорелое собирать* (торговля в Москве обернулась убытком); *Московская правда* (ироническое обозначение лжи); *Московские люди землю сеют рожью, а живут ложью; Показать Москву* (больно потянуть за уши); *Не видала Москва таракана. Эка невидаль, что каша ест*ся (насмешка над тем, что не является новым).

11. Москва – история

Данная группа представлена ФЕ, которые своим происхождением обязаны тому или иному историческому событию, связанному с Москвой: *Пропал / сгинул, как француз в Москве* (отнесение к событиям Отечественной войны 1812 года); *Москва от искры загорелась / Москва от копеечной свечи сгорела* (появление фразеологизма связано с пожарами в Москве в 1443 г. и 1773 г.).

12. Москва – оппозиция Санкт-Петербургу

Оппозиция Москва – Санкт-Петербург строится по ряду признаков: *Москва – девичья, а Петербург – прихожая* (фраза из письма Пушкина, в которой содержится намек, что Петербург – место формальных визитов, светских выходов, место службы, а Москва – это в первую очередь домашняя атмосфера, семейные и родственные отношения, сватовство и т. п.); *Москва веселится, Петербург служит* (противопоставление праздность – служба); *Москва – женского рода, Петербург – мужского* (речь идет не сколько о грамматике, сколько о том факте, что в XVIII–XIX вв. Петербург был городом с преимущественно мужским населением); *Москва невестится, Петербург женихается*; *Москва – матушка, Петербург – батюшка / отец; Москва живет домами, Петербург – площадями; Москва нужна России, для Петербурга нужна Россия* (о независимости и самодостаточности Москвы); *Москву любят, о Петербурге рассуждают*; *Москва создана веками, Питер – миллионами* (оппозиция время – деньги); *Москва – от сердца, Петербург – от головы* (оппозиция разум – чувства).

Итак, психолингвистическое значение топонима «Москва» на материале русской фразеологии и паремиологии имеет следующие семы: географический объект, центр мира и национальной жизни, центр духовной жизни, вектор движения, дороговизна, изобилие, равнодушие, обман, тоска, одиночество, оппозиция Петербургу. Ядро

психолингвистического значения составляют семы «центр», «точка, куда направлено движение», «равнодушие», «обман», периферия представлена семами – «географический объект», «дороговизна», «изобилие».

Полученные результаты подтверждаются результатами ассоциативного эксперимента. Так, на слово-стимул ***Москва*** среди многих ассоциаций можно увидеть такие, как *столица, большой город, высокомерие, богатство, купола, товар, слеза, златоглавая, белокаменная, холм, семь холмов, слезам не верит, третий Рим, путешествие, деньги, православие, город золотой, величина* и др.

Литература

Белянин В. П. Живая речь: словарь разговорных выражений (1929 статей, 2558 единиц) / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – Москва: ПАИМС, 1994. – 183 с.

Большой словарь русских поговорок (по темам): более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 783 с.

Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2014. – 781 с.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 606 с.

Кузьмич В. Жгучий глагол: словарь народной фразеологии / В. Кузьмич. – Москва: Зеленый век, 2000. – 285 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. / М. И. Михелльсон. – Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, ценз. 1902–1903. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/figurative-words-allegories/index-204.htm#204 (дата обращения 15.10.2026).

Словарь ассоциаций русского языка. URL: https://sinonim.org/as/москва (дата обращения: 16.10.2026).

Словарь современного русского литературного языка. – Т. 6. – Л.-М. – Москва; Лениград: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 1284–1286.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи: монография / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 170 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

Т.С. Падерина (г. Иркутск, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ *СВОЙ – ЧУЖОЙ*)

В статье рассматривается проблема значения слова как феномена актуального языкового сознания носителя языка. Обосновывается необходимость разграничения системно-языкового и психолингвистического подходов к изучению *значения*. Особое внимание уделяется соотношению словарного значения и содержания в процессе речевой деятельности. Рассматривается зависимость актуализации значения от контекста, коммуникативной ситуации, языкового и жизненного опыта носителя языка. На материале оппозиции *свой – чужой* сопоставляются словарные характеристики, контекстуальные реализации и опубликованные ассоциативные данные. Показано, что содержание языковой единицы в языковом сознании выходит за пределы её словарной дефиниции и включает социальные, оценочные, эмоциональные и культурные компоненты.

Ключевые слова: языковое сознание, значение слова, актуальное значение, семантика, лексическая единица.

This article examines the issue of word meaning as a phenomenon of the native speaker’s current linguistic consciousness. It argues for the need to distinguish between systemic-linguistic and psycholinguistic approaches to the study of meaning. Particular attention is paid to the relationship between dictionary meaning and content in the process of speech activity. The dependence of meaning actualisation on context, communicative situation, and the native speaker’s linguistic and life experience is examined. Using the opposition own – alien, dictionary characteristics, contextual realisations and published associative data are compared. It is demonstrated that the content of a linguistic unit in linguistic consciousness extends beyond its dictionary definition and includes social, evaluative, emotional and cultural components.

Keywords: linguistic consciousness, word meaning, actual meaning, semantics, lexical unit.

В современных лингвистических и психолингвистических исследованиях актуальным остается проблема *значения слова*. Именно через значение наиболее очевидно проявляется взаимосвязь языка, сознания человека и объективной реальности. Вместе с тем изучение значения как компонента языковой системы и как феномена индивидуального языкового сознания носителя языка ориентированы на решение различных, хотя и пересекающихся исследовательских задач. Так лингвистическое описание направлено прежде всего на установление места лексической единицы в системе языка, выявление ее семантической структуры и определение закономерностей функционирования. В свою очередь психолингвистический подход предполагает обращение к содержанию, связанному с лексической единицей в сознании конкретного носителя языка, а также особенностями его репрезентации в процессе речевой деятельности [Залевская 2007; Леонтьев 2005; Российская психолингвистика 2021].

В отечественной психолингвистике проблема языкового сознания рассматривается в связи с изучением индивидуального и коллективного опыта, механизмов формирования и функционирования языковых представлений, а также зависимости языковых явлений от социально-культурных условий [Уфимцева 2021; Яковлев 2022]. Для носителей языка значение слова не ограничивается словарной дефиницией. Лексическая единица интегрирована в картину мира субъекта и связана с предметным опытом, образами, оценками, эмоциональными реакциями и типичными ситуациями употребления. В связи с этим актуальной представляется проблема описания *значения* не только как элемента языковой системы, но и как феномена актуального языкового сознания, содержание которого получает непосредственную значимость в конкретном процессе восприятия, понимания и порождения речи.

Цель работы – обосновать теоретические подходы к описанию *значения* как феномена актуального языкового сознания и продемонстрировать возможности такого подхода на материале семантической оппозиции *свой – чужой*.

Отечественная психолингвистическая традиция, представленная в работах А. А. Леонтьева и А. А. Залевской, рассматривает *значение* в связи с функционированием слова в сознании человека, его индивидуальным лексиконом, знаниями и опытом. Современные исследования дополняют этот подход учетом ассоциативных, коннотативных и эмотивных характеристик значения. Разграничение словарного значения и содержания языковой единицы в сознании имеет принципиальное значение для исследования языкового сознания, поскольку словарная дефиниция представляет собой результат научной систематизации языкового материала, тогда как содержание слова связано с опытом его освоения и использования.

Словарные материалы позволяют установить семантическую основу языковой единицы, тогда как психолингвистические данные дают возможность выявить более широкий комплекс связанных с ней представлений и оценок. И. А. Стернин подчеркивает необходимость объективного исследования содержания языковых единиц и выделения устойчивых характеристик на основе специальных исследовательских процедур [Стернин 2011]. Следовательно, задачей психолингвистического описания становится установление того, какие характеристики языковой единицы представлены в языковом сознании носителей, насколько они устойчивы и в каких условиях актуализируются. В связи с этим целесообразно разграничивать потенциальное содержание языковой единицы и ее актуальное содержание. Актуальное значение при этом не следует понимать как новое, отдельно существующее значение слова. Оно представляет собой результат выборочной актуализации определенных компонентов уже существующего содержания.

Актуализация определяется не только контекстом, но и знаниями и опытом конкретного носителя. Языковое сознание формируется в процессе деятельности человека, его взаимодействия с другими людьми и освоения социально-культурного опыта. А. А. Яковлев подчеркивает значение динамического подхода, позволяющего учитывать изменения языкового сознания под воздействием социально-культурных и индивидуально-личностных факторов. Следовательно, при исследовании значения необходимо учитывать не только относительно устойчивое содержание языковой единицы, но и способы его актуализации в различных речевых условиях.

Сложный объект изучения обусловливает необходимость комплексного исследования языкового сознания и значения языковых единиц. Для этой цели целесообразно сочетать ассоциативные методы, лексикографический анализ и изучение контекстуального употребления. Такой подход позволяет соотнести три аспекта значения: системное значение, связи языковой единицы в сознании носителей и особенности ее актуализации в реальной речи. Ассоциативные данные позволяют выявить наиболее доступные для носителя связи языковой единицы с другими элементами языкового сознания; лексикографический материал показывает ее системное значение; контекстуальный и корпусный анализ позволяет установить условия актуализации соответствующих компонентов. Комплексное использование снижает риск односторонней интерпретации данных [Красных 2023].

В традиционном лингвистическом описании значение слова определяется через совокупность признаков, закрепленных в языковой системе. Словарь фиксирует и систематизирует эти признаки, обеспечивая относительно устойчивое понимание языковой единицы членами языкового сообщества. Однако содержание слова в сознании носителя языка не сводится исключительно к словарной дефиниции, так как оно функционирует в системе многообразных связей, формирующихся в процессе речевого и неречевого опыта человека. Словарное описание представляет собой результат научной систематизации и обобщения языкового материала, тогда как содержание языковой единицы в сознании связано с конкретным опытом ее усвоения и использования.

Для конкретизации положения о различии словарного значения и содержания языковой единицы, актуализируемого в языковом сознании носителя, обратимся к сравнению лексем *свой* и *чужой*. Выбор данной пары обусловлен тем, что она представляет собой устойчивую семантическую и культурную оппозицию, связанную с категоризацией людей, пространства, объектов и отношений по признаку принадлежности или непринадлежности к определенному субъекту или группе.

Словарное описание показывает, что у лексемы *свой* основным значением является обозначение *принадлежности субъекту,*

отнесенности к нему или его группе. Одновременно фиксируются значения, связанные с *близостью, родством, общностью убеждений и принадлежностью к одной стороне*. Лексема *чужой* представлена, соответственно, значениями *принадлежности другому, отсутствия непосредственного отношения, неродства, территориальной и культурной отдаленности, принадлежности к другой группе* [БТС 2000]. Таким образом, на примере лексикографического материала наблюдается противопоставление *свой – чужой,* которое не ограничивается отношением собственности, а включает территориальную, пространственную, межличностную и культурную соотнесенность.

Опубликованные ассоциативные исследования позволяют дополнить эту картину. Так, для стимула *свой* характерны связи с такими представлениями, как *родной, близкий, друг, брат, товарищ, знакомый, дом, свой человек, хороший, дорогой, надежный*. Для стимула *чужой* выявляются связи с представлениями *не свой, не родной, незнакомый, враг, иностранец, опасный, страшный, плохой, посторонний* и др. [РАС 1994]. Тем самым ассоциативный материал демонстрирует переход от собственно отношения принадлежности к более широкому комплексу социально-психологических и эмоционально-оценочных характеристик. Основные направления содержания рассматриваемой оппозиции представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Основные компоненты содержания оппозиции свой – чужой

Параметр	Свой	Чужой
Базовое отношение	принадлежность субъекту	принадлежность другому
Социальное отношение	член своей группы	представитель другой группы
Межличностное отношение	близкий, друг, товарищ	посторонний, незнакомый
Родство	родной	неродной
Пространство	свой дом, свое место	чужой дом, чужое место
Идентичность	мой, наш	не мой, другой
Эмоционально-оценочный компонент	близкий, дорогой, хороший, надежный	опасный, страшный, плохой
Культурный компонент	свое, знакомое	другое, непривычное, чужое

Сопоставление словарных и ассоциативных данных позволяет сделать важное наблюдение. Словарное описание задает *семантическую основу оппозиции,* тогда как данные языкового сознания раскрывают ее психологическое и культурное содержание.

Контекстуальный материал, в свою очередь, позволяет увидеть, как эти компоненты актуализируются в реальном употреблении. Показательны словосочетания *свой человек*, *свои люди*, *свой дом*, *своя сторона*, с одной стороны, и *чужой человек*, *чужие люди*, *чужой дом*, *чужая сторона*,

чужой язык, с другой. В них признак принадлежности переносится с предмета на социальные отношения, пространство, культуру и систему ценностей. Например, в сочетании *свой дом* преимущественно демонстрируется принадлежность и личная соотнесенность, *свой человек* – близость и доверие, *свои люди* – групповая принадлежность, *свой язык* – культурная идентичность. Аналогично *чужой дом* актуализирует отсутствие принадлежности, *чужой человек* – социальную дистанцию, *чужой язык* – культурную инаковость.

Таким образом, сопоставление трех типов материала позволяет представить последовательность исследования следующим образом: *словарное значение → контекстуальная реализация → ассоциативное содержание.*

При этом контекст не создает новое содержание языковой единицы, а способствует выборочной актуализации тех компонентов, которые потенциально с ней связаны. Актуальное значение поэтому нельзя сводить ни к словарной дефиниции, ни к отдельной ассоциативной реакции. Оно формируется во взаимодействии языковой единицы с контекстом, коммуникативной ситуацией и личным опытом носителя языка.

Содержание языковой единицы может иметь различную степень общности для носителей языка. Одни характеристики являются относительно устойчивыми и разделяются большинством носителей, другие связаны с определенными социальными или культурными группами, третьи обусловлены индивидуальным опытом. При интерпретации психолингвистических данных необходимо учитывать частотность, устойчивость и воспроизводимость выявляемых характеристик.

Одним из перспективных направлений практического применения психолингвистического изучения значения является создание словарей языкового сознания. В отличие от традиционного толкового словаря, ориентированного на описание значения с позиций языковой системы, такой словарь должен отражать содержание, представленное у носителей языка и проявляющееся в их речевой деятельности. Материал оппозиции *свой – чужой* показывает, что подобное описание может включать ассоциативные, оценочные, эмоциональные и культурные характеристики, а также сведения об условиях их актуализации и вариативности у разных групп носителей. Сопоставление данных, полученных в разные периоды, позволяет исследовать динамику языкового сознания, поскольку изменение социального и культурного опыта может сопровождаться изменением содержания языковых единиц.

Подведем итог. Рассмотрение значения слова как феномена актуального языкового сознания позволяет дополнить системное описание семантики данными о функционировании языковой единицы в сознании носителя. Словарное значение представляет собой относительно

устойчивую основу понимания слова, тогда как содержание языковой единицы включает более широкий комплекс знаний, представлений, оценок и связей. В процессе речевой деятельности происходит выборочная актуализация определенных компонентов этого содержания в зависимости от контекста, коммуникативной ситуации, опыта носителя и социально-культурных условий. Материал оппозиции *свой – чужой* показывает, что словарное значение является необходимой, но недостаточной основой для описания содержания языковой единицы в языковом сознании. Ассоциативные и контекстные данные позволяют выявить социальные, эмоциональные, оценочные и культурные характеристики, связанные с ее функционированием.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1534 с.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник / А. А. Залевская; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования, Российский гос. гуманитарный ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: РГГУ, 2007. – 559 с.

Красных В. В. Психологическая структура значения и проблемы понимания текста / В. В. Красных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 1306–1320.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – Москва: Смысл; Академия, 2005. – 287 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. – Москва, 1994-1996.

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллективная монография / науч. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. – Москва: Институт языкознания – ММА, 2021. 626 с.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова / И. А. Стернин // Русистика. – 2011. – № 1. – С. 5–13.

Уфимцева Н. В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю. Н. Караулова / Н. В. Уфимцева, О. В. Балясникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 238–254.

Яковлев А. А. О динамическом и статическом подходе к изучению языкового сознания / А. А. Яковлев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 7 (465). – С. 137–145.

Е. В. Старостина (г. Саратов, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

В статье на материале обратного Ассоциативного словаря школьников Саратова анализируются прецедентные ассоциативные связи учеников I–XI классов. Выявлены ведущие источники прецедентности: литература, экранная культура, музыка и историко-общественная память.

Ключевые слова: психолингвистика, языковое сознание школьников, прецедентная реакция, ассоциативный словарь, культурная память.

Drawing on the reverse Associative Dictionary of Saratov Schoolchildren, the article analyzes precedent associative links in students from Grades 1 to 11. The study identifies the major sources of precedent phenomena: literature, screen culture, music, and historical and social memory.

Keywords: psycholinguistics, schoolchildren's linguistic consciousness, precedent reaction, associative dictionary, cultural memory.

Настоящее исследование посвящено изучению прецедентных ассоциативных связей в языковом сознании школьников, а именно выявлению степени значимости для испытуемых разных сфер прецедентности. Материалом исследования послужила первая часть обратного тома Ассоциативного словаря школьников Саратова (АСШС). Ассоциативный материал собирался среди школьников I–XI классов в 1998–2008 гг., поэтому он отражает языковое сознание школьной возрастной группы именно конца 1990–2000-х годов. Следует учитывать, что полученные выводы носят предварительный характер, поскольку рассматривался не весь массив реакций школьников, а лишь его часть (реакции, представленные в части А–Н обратного словаря).

В результате анализа ассоциативного материала нами было обнаружено 855 пар «стимул-реакция» (всего – 1917 реакций), которые носят прецедентный характер. По данным А. П. Сдобновой, которая изучала прецедентные реакции школьников на всем массиве словаря, общий прецедентный ономастикон школьников составляет более 3000 единиц [Сдобнова 2014]. Большинство этих ассоциативных связей носит единичный характер, например, **Агния Барто** ← *мяч*; **аленький** ← *цветок*, но среди отобранных пар были зафиксированы и частотные ассоциативные связи, например, на стимул **круглый** 17 испытуемых дали реакцию *колобок*. Есть реакции, которые встречаются в словаре только один раз: например, реакция *Джек Лондон* дана только на стимул **север**. Но есть и реакции, которые даны сразу на несколько стимулов: например, реакцию *Буратино* вызывают 14 разных стимулов (**актер, спектакль, сцена, фильм, тайна, богатый, глупый, смешной** и др.).

В своих предыдущих исследованиях мы аналогичным образом анализировали прецедентные феномены в языковом сознании взрослых

носителей языка (на материале словарей РАС и ЕВРАС) [Старостина 2017, 2019, 2020, 2021]. Изучение прецедентных ассоциативных связей на материале этих словарей позволило нам прийти к выводу о том, что ассоциативный словарь можно рассматривать как инструмент реконструкции культурной памяти. Реакции прецедентного характера могут быть вызваны не только такими очевидными стимулами, как **книга, фильм, литература, картина** и т. п., но и практически любым стимулом, имеющимся в словаре. Один и тот же культурный феномен способен актуализироваться через название произведения, имя автора, героя, цитату либо прецедентную ситуацию. Именно поэтому обратный словарь в этом смысле особенно продуктивен: он позволяет увидеть, как совершенно разные стимулы приводят испытуемого к одному и тому же культурному объекту.

Сопоставление данных РАС и ЕВРАС с материалом АССШС показывает, что литература и фольклор сохраняют статус ведущих источников прецедентности. Именно на их долю приходится наибольшее число выявленных нами пар (298 пар, 472 реакции). Школьники упоминают различных писателей (например, реакции *А.С. Пушкин, Александр Пушкин* были даны на 5 различных стимулов – **автор, культура, литература, рисунок, памятник**), героев произведений (реакцию *Винни Пух* вызвали стимулы **авторитет, информация, Карлсон, медведь, овца, толстый**), названия произведений (*Война и мир* ← **армия, война, литература, мир, сражение, страница**), цитаты (*молочка принесла* ← **пришла**), встречаются также отсылки к прецедентным ситуациям (*бутылка* ← **волшебник**). Набор упоминаемых школьниками текстов, их авторов и героев, в целом соответствует ожидаемому кругу их чтения: с одной стороны, это детская литература, ее авторы и герои – *А. Барто, В. Бианки, Маршак, Носов, Айболит, Аладдин, Баба-Яга, Аленький цветочек, Али-баба, Белоснежка, Буратино, Винни Пух, дед Мазай, Дюймовочка, Змей Горыныч, Золушка, ослик Иа, Иванушка-дурачок, Карабас-Барабас, Карлсон, Волшебник Изумрудного города, Колобок, Кощей Бессмертный, Красная Шапочка, Незнайка* и др. С другой стороны – произведения школьной программы, их авторы и герои: *А. С. Пушкин, Булгаков, Бунин, Гоголь, Державин, Достоевский, Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Горе от ума, Война и мир, Капитанская дочка, Муму, Болконский, Гамлет, Дездемона, Левша* и т. п.

Как показал анализ прецедентных связей словаря ЕВРАС, для студентов также особенно устойчивы связи с текстами, усвоенными еще в детстве, а также с текстами русской классики школьного канона и известной зарубежной литературой. По-видимому, данный набор литературных прецедентных текстов формируется в течение всего школьного периода, а в более позднем возрасте расширяется за счет текстов современной русской и зарубежной литературы (в материалах

ЕВРАС мы находили отсылки к таким авторам, как В. Пелевин, Мураками, у школьников встретилась только одна ассоциативная пара такого типа: *А. Маринина* ← **книга**).

К данной группе реакций примыкают прецедентные ассоциативные связи, содержащие отсылки к мифологии. Мы выделили их в отдельную группу (23 пары, 49 реакций). Здесь встречаются отсылки к древнегреческим мифам и легендам: реакции *Аид, Гера, Геракл, Геркулес, Зевс, Кентавр*, которые даны на самые разные стимулы, например, **Геракл ← сильнейший** (10), **сильный** (6), **воин** (4), **сила** (3), **большой, грабитель, добро, здоровье, смелый, сражение**.

Второй по числу выявленных пар группой является группа реакций, связанных с кино и телевидением, – 205 ассоциативных пар, 393 реакции. Кино, телесериалы, мультфильмы, телепередачи, актеры и персонажи образуют крупный прецедентный фонд. Наиболее частыми способами актуализации прецедентных феноменов являются названия фильмов, сериалов, мультфильмов и телепередач, а также имена актеров и ведущих (реже – героев). Например, школьники упоминают такие фильмы и сериалы, как *Американский пирог, Бетховен, Брат-2, Бригада, Бумер, Ван Хельсинг, Вечный зов, Гарри Поттер, Гонщик, Горец, Дальнобойщики, Девятая рота, Зачарованные, Кадетство, Крестный отец, Матрица, Ночной дозор, Властелин колец.* Реакция в виде названия фильма может быть вызвана не только стимулом *фильм*, но и другими разнообразными стимулами. Например, реакция *Брат-2* дана на стимулы **брат** (3) и **родина**, а реакцию *Бригада* помимо стимула **фильм** (9) вызывают также стимулы **банда** (40), **белый** (2), **мафия** (14), **свой, служба.**

Среди упоминаемых актеров преобладают зарубежные имена и фамилии: *Аль Пачино, Ван Дамм, Джеки Чан, Джонни Депп, Наталия Орейро,* но в ассоциативном материале встречаются упоминания и некоторых российских актеров: *Безруков, Бодров, Г. Вицин, Даниил Страхов, Л. Дуров, Меньшиков, Михалков*. Небольшую часть прецедентных реакций данного типа составляют имена персонажей фильмов и мультфильмов: *Джеймс Бонд, Дракула, Каркуша.*

В данной группе реакций также широко представлены названия телепередач и фамилии их ведущих: *Аншлаг, Дом-2, В мире животных, Вести, Ералаш, Звездный час, Закон и порядок, Зов джунглей, КВН, Наша Раша, В. Познер, Валдис Пельш, Дибров.* Набор стимулов, вызывающих реакции такого рода, также достаточно разнообразен – начиная от ожидаемых **передача, программа, актер, фильм** и заканчивая достаточно нестандартными связями, например, стимулы **авторитет, представление, робкий, собственный** вызывают реакцию *Джонни Депп*, а стимулы **истинный, смех, сцена, шутка** (2), **юмор** (3) – реакцию *КВН.*

С медиасредой связана и отдельная группа реакций, отсылающих к рекламным текстам (27 пар, 52 реакции). Нами были выявлены такие

ассоциативные связи, как *Альпен Гольд* ← **шоколад** (2), *Ариэль* ← **порошок** (10), **чистый;** *Домик в деревне* ← **бабушка, деревня, мой, село;** *Бочкарев* ← **большой, бочка** (2); *Галина бланка* ← **кубики** (2) и др. В отличие от литературы или классического кино, рекламный текст зависит от интенсивности трансляции. Когда рекламная кампания исчезает, часто исчезает и прецедентная связь. Поэтому рекламный фонд очень чувствителен ко времени проведения эксперимента.

Таким образом, именно эти две сферы – литература и экранная культура – являются как для испытуемых ЕВРАС, так и для саратовских школьников основными источниками прецедентности. Отличие заключается, однако, в том, что для школьников практически столь же значимой сферой является сфера музыки и эстрады (135 пар, 208 реакций). Школьники очень активно упоминают имена и фамилии не только классических композиторов (*Бах, Бетховен, Моцарт*), но и современных певцов. Чаще всего школьники упоминают *Алсу, Баскова, Витаса, Глюкозу, Киркорова,* группы *Ария, Иванушки Int., Король и шут*. Опять же чаще всего подобные реакции возникают на стимулы **концерт, гастроли, голос, песня, эстрада, музыка, композитор, группа, петь**, что вполне закономерно, но встречаются и интересные ассоциации. Например, стимул **иногда** вызвал реакцию *Алсу*, стимул **революция** – реакцию *Би-2*, стимул **ветер** – реакцию *ДДТ*, стимулы **возможно** и **невозможно** – реакцию *Дима Билан*, стимул **вытекают** – реакцию *Мумий Тролль*, стимул **кукла** – реакцию *Иванушки Int.*, а стимул **кровь** – реакцию *Группа крови*. Во всех случаях такое ассоциирование обусловлено созвучием стимула с названием песни данного исполнителя.

Достаточно большой пласт прецедентных реакций школьников связан с упоминанием исторических деятелей, различных исторических событий и в целом с общественной и исторической памятью (91 ассоциативная пара, 497 реакций). Наиболее часто упоминаемыми историческими деятелями являются *Ленин* (всего 206 реакций в разных падежных формах – *Ленин, Ленина, Ленину*), *Ельцин* (110 реакций) и *Гагарин* (38 реакций). Имена исторических деятелей часто возникают в качестве реакций на стимулы **памятник, революция**. Реакция *Ельцин* актуализируется такими стимулами, как **великий; власть** (3); **выборы** (63); **голосование** (32); **государство** (2); **гражданин; Кремль** (3); **революция; Россия** (3); **толстый**. Из исторических событий школьники чаще всего вспоминают *Бородино* (23 реакции *Бородино, Бородинская, Бородинское*) и Куликовскую битву (42 реакции *Куликово поле, Куликовская, Куликовская битва, Куликовский, Куликовское, Куликовское поле, Куликовское сражение*). Такого рода реакции чаще всего даются на стимулы **сражение, битва, война**. Интересно то, что количество ассоциативных пар такого рода гораздо меньше, чем в предыдущих случаях (91 пара), но общее число ассоциаций достаточно велико

(497 реакций), поскольку некоторые ассоциации очень частотны: *Ельцин* ← **выборы** (63), *Ельцин* ← **голосование** (32), *Ленина* ← **памятник** (62), *Гагарин* ← **ракета** (29) и др.

Остальные группы прецедентных реакций (живопись, наука, печатные СМИ, пословицы и поговорки, интернет и игры) представлены не столь значительным числом связей, следовательно, можно сделать вывод о том, что данные сферы не являются для школьников столь же важными источниками прецедентности.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выявить такие ведущие для школьников рубежа 1990–2000-х гг. сферы прецедентности, как литература, фольклор и мифология, телевидение и реклама, музыка, историческая и общественная память. Важно также и то, что полученные нами выводы в целом согласуются с результатами проведенного ранее анализа словарей РАС и ЕВРАС и показывают, что данные сферы являются важными и для молодежи 1990-х и 2010-х годов, однако именно для школьников сфера музыки и эстрады оказывается почти столь же значимой, как и сфера телевидения.

Для школьников литературный компонент оказывается особенно значимым. Возможно, это связано с возрастом информантов и воздействием школьного чтения. Кроме того, наше исследование подтверждает вывод А. П. Сдобновой о сильной медиатизации языкового сознания школьников [Сдобнова 2004], в ассоциациях школьников действительно значительный пласт образуют прецедентные реакции, связанные с телевизионной, эстрадной и рекламной сферами. Наше исследование дает этому тезису количественное подтверждение. Если рассматривать экранную культуру, музыку, рекламу и СМИ как широкий медиакультурный блок, то к нему относятся 376 уникальных пар, то есть около 44 % всех выявленных нами прецедентных пар. При этом часть этих пар одновременно связана с литературой – например, в случае экранизированных литературных произведений не всегда можно точно определить, имел ли испытуемый в виду книгу или снятый по этой книге фильм/мультфильм (например, *Гарри Поттер, Властелин колец, Карлсон*). Следовательно, тезис о сильном влиянии медиадискурса на языковое сознание школьников получает достаточно отчетливое количественное подтверждение.

И наконец, важным выводом следует считать наблюдение о том, что прецедентная реакция может появиться практически в любом ассоциативном поле: именно такую картину показывает сплошной анализ первой части (А–Н) обратного тома АССШС. Прецедентная реакция может быть дана не только на очевидные стимулы **книга, фильм, песня, передача**, но и на семантически удаленные стимулы. Таким образом, прецедентные связи являются устойчивым компонентом ассоциативно-вербальной сети школьника.

Литература

Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 1. А–Н / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – 480 с.

Сдобнова А. П. Прецедентные феномены в ассоциативном словаре школьников / А. П. Сдобнова // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 227–239.

Сдобнова А. П. Ассоциативный словарь школьников как лексикографический источник исследования русской культуры / А. П. Сдобнова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 315–317.

Старостина Е. В. Динамические процессы в русскоязычных ассоциативных полях, вызванные влиянием современного медиадискурса / Е.В. Старостина // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского, 1–3 марта 2017 г. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 73–78.

Старостина Е. В. Влияние медиатекстов на языковое сознание носителей русского языка / Е. В. Старостина // ЗНАК: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – №4 (34). – С. 151–156.

Старостина Е. В. Прецедентные вербальные ассоциации носителей русского языка и их динамика / Е. В. Старостина // Языковое сознание. Речевая коммуникация: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина, Саратов, 14–16 октября 2020 г. / отв. ред. О. Ю. Крючкова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2020. – С. 547–555.

Старостина Е. В. Влияние текстов культуры на языковое сознание носителей русского языка (на материале вербальных ассоциаций) / Е. В. Старостина // Perswazja językowa w różnych dyskursach / Речевое воздействие в разных дискурсах / ред. Ж. Сладкевич. Т. 6. – Гданьск: Издательство Гданьского университета, 2021. – С. 149–156.

М. А. Стернина (г. Воронеж, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье на конкретном языковом материале рассматриваются возможности инструментария разрабатываемого в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы сопоставительно-параметрического метода для психолингвистических исследований.

Ключевые слова: психолингвистика, сопоставительно-параметрический метод, индексализация, шкалирование.

At the example of concrete linguistic material the paper examines the potential for psycholinguistic research of the tools of comparative-parametric method developed within the framework of the Voronezh theoretical-linguistic school.

Keywords: psycholinguistics, comparative-parametric method, indexalization, scaling.

Сопоставительно-параметрический метод, уже более 20 лет разрабатываемый в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы в области общего и русского языкознания, за последние годы расширил свои возможности и стал активно применяться не только для сопоставительных, контрастивных и внутриязыковых исследований, но и для исследований в области психолингвистики. Исследовательские процедуры данного метода – *индексализация* параметров анализа и *шкалирование* выявленных различий – позволяют преодолеть присущий семантическим исследованиям субъективизм и дают возможность исследователям сделать объективные, базирующиеся на конкретных числовых показателях выводы о характере языковых явлений.

Использование элементов сопоставительно-параметрического метода для психолингвистических исследований началось с введения И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой в теперь уже достаточно далеком 2011 г. в их опубликованной в издательстве LAMBERT AcademicPublishing совместной монографии «Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы» *индекса яркости семы*, вычисляемого через отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых [Стернин 2011]. Как отмечают авторы, «*индекс яркости семы* представляется очень важным показателем семантического компонента, так как он показывает реальное место, занимаемое им в значении слова в языковом сознании носителя языка, отражает степень актуальности того или иного семантического компонента для языкового сознания» [Стернин 2011, с. 99].

Исследователями был введен также совокупный *индекс яркости значения* (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение сем, что позволяет выделить более и менее яркие, ядерные и периферийные значения в семантеме слова и ранжировать их по яркости [Там же].

Использование данных индексов для членов Воронежской теоретико-лингвистической школы стало настолько привычным, что без них не обходится практически ни одно психолингвистическое исследование.

В качестве примера приведем одно из выполненных под руководством И. А. Стернина исследование Е. А. Дьяконовой, посвященное топонимам, символизирующим Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка. В указанном исследовании, в частности, было выполнено сопоставительное исследование психолингвистических значений пяти основных топонимических вариантов наименования Санкт-Петербурга: *Санкт-Петербург, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград*. Для каждого наименования в рамках его психолингвистического значения были высчитаны индексы яркости входящих в него сем, а также совокупный индекс яркости

значения. Для топонима *Санкт-Петербург* психолингвистическое значение с указанием индекса яркости сем выглядит следующим образом:

Санкт-Петербург – красивый 0,30 культурный 0,28 город 0,10, связанный с дореволюционным прошлым 0,24 и именем Петра I 0,20 и монархической формой правления 0,10, столица 0,10, имеет другие варианты названия 0,06, связан с литературой 0,06 , большое количество достопримечательностей 0,36, построен на воде 0,10, есть мосты 0,04, имеет специфический климат 0,20, православный 0,04, со спокойным ритмом жизни 0,14, торжественный 0,10, с высоким уровнем жизни 0,06, современный 0,08, напоминает человека 0,08, любимый 0,06, построен из камня 0,04, большой 0,04, серый 0,04, гордый 0,04, благородный 0,02, светлый 0,02, имеет специфическую лексику 0,02, жеманный 0,02, надменный 0,02, европейский 0,02, тяжелый 0,02, бывают белые ночи 0,02, есть кафе 0,02. СИЯ составил 2,96 [Дьяконова 2018, с. 150].

В результате проведенного анализа исследователь пришел к выводу, что совокупный индекс яркости, характеризующий актуальность значения слова для языкового сознания, у разных наименований одного и того же города разный: наиболее высокий он у варианта *Петербург* – 5,18, а наиболее низкий у варианта *Питер* – 2,5 [Дьяконова 2018, с. 155].

С помощью такого инструмента сопоставительно-параметрического метода, как индексализация, было выявлено, что топонимические варианты названия одного и того же города по-разному представлены в сознании носителей языка.

Отметим, что на данный момент в рамках сопоставительно-параметрического метода для психолингвистических исследований введен в общей сложности 41 выраженный в виде индексов параметр. При этом почти половина из введенных индексов (19) были введены А. В. Рудаковой (единолично или в соавторстве с И. А. Стерниным [Стернина 2025, с. 92-99]. А. В. Рудаковой было также предложено 8 шкал для интерпретации результатов психолингвистических исследований [Стернина 2025, с. 144-147].

Так, в ходе разработки методов психолингвистической дифференциации близких по значению языковых единиц А. В. Рудаковой был введен *индекс ассоциативной синонимии* слов, вычисляемый как отношение меньшего показателя яркости ассоциата-синонима к большему, а также предложена *шкала степени ассоциативной синонимии слов* [Рудакова 2023, с. 138].

Согласно данной шкале для стимулов КАЦАП и МОСКАЛЬ была определена нулевая степень ассоциативной синонимии (значение индекса ассоциативной синонимии оказалось равным 0), для стимулов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК – очень низкая степень (значение индекса 0,09), для стимулов ДРУГ и ТОВАРИЩ – невысокая степень (индекс равен 0,23), для стимулов АЛКОГОЛИК и ПЬЯНИЦА – средняя (индекс равен 0,65), а для

стимулов ВРАЧ и ДОКТОР с индексом ассоциативной синонимии 0,83 – высокая.

Целый ряд новых индексов для психолингвистических исследований был введен в последние годы членами Воронежской теоретико-лингвистической школы доцентами Л. В. Кривенко и И. А. Барабушкой в ходе выявления особенностей репрезентации семантики топонимов *Воронеж* и его англоязычного эквивалента в языковом сознании носителей английского языка как неродного в условиях субординативного билингвизма, под которым исследовательницы понимают ситуацию, когда в процессе использования билингвом языков один из них является доминантным (обычно родной язык (Я1)) и оказывает заметное влияние на Я2.

Ассоциативный эксперимент был проведен с двумя группами искусственных билингвов, а именно со студентами, которые погружены в искусственно созданную языковую среду в процессе обучения в университете. Задачей респондентов в первой группе было записать на английском языке первую реакцию на стимул *Voronezh*, а во второй группе – записать на русском языке первую реакцию на соответствующий стимул на русском (*Воронеж*).

В ходе исследования были использованы, в частности, введенные авторами *индекс эндемичности семантических признаков* – отношение количества семантических признаков, выявленных на материале только одного языка, к общему количеству семантических признаков, выявленных в данном языке, и *индекс совпадения семантических признаков* – отношение количества семантических признаков, выявленных на материале обоих языков, к общему количеству семантических признаков, выявленных в данном языке [Барабушка 2025].

Полученные численные результаты были интерпретированы с помощью разработанной в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалы ранжирования степени выраженности исследуемых параметров, согласно которой в зависимости от численных значений представленных в виде индексов параметров, степень их выраженности варьируется от нулевой до абсолютной [Кривенко 2013].

Исследование показало, что оба топонима имеют *значительную* степень эндемичности реакций (показатель ИЭР для топонима *Воронеж* – 53,6%, для топонима *Voronezh* – 60,6%) и *яркую* степень совпадения реакций (показатель ИСР для топонима *Воронеж* – 46,4%, для топонима *Voronezh* – 39,4%), что свидетельствует о том, что ассоциативное поле русского топонима и ассоциативное поле его английского эквивалента в плане полученных на соответствующие стимулы реакций, имеют больше отличий, чем сходств.

Наиболее эффективно инструменты сопоставительно-параметрического метода используются для определения национальной специфики ассоциативных полей, поскольку сам метод изначально и был

нацелен, прежде всего, для определения именно национальной специфики языков.

Так, в выполняемом под нашим руководством диссертационном исследовании Д. В. Утицких для определения национальной специфики ассоциативных полей (АП) было введено в общей сложности 15 новых индексов, ориентированных на выявление национальных особенностей структурной организации ассоциативных полей и их семантико-когнитивной организации. Использование данных индексов и их интерпретация с помощью шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок дало возможность сделать обоснованные выводы о степени выраженности национальной специфики рассматриваемых ассоциативных полей в рамках обозначенных аспектов.

Покажем возможности сопоставительно-параметрического метода для определения национальной специфики ассоциативных полей на языковом материале ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME.

Для определения национальной специфики структурной организации данных полей были использованы следующие введенные Д. В. Утицких параметры и индексы: *ассоциативная плотность поля, ассоциативная плотность зоны поля, индекс сформированности поля, индекс совпадения зон поля, индекс пересечения зон поля, индекс эндемичности зоны поля, индекс эндемичности ассоциативного поля, индекс разнообразия поля* [Утицких 2025а].

Далее были использованы разработанные в рамках сопоставительно-параметрического метода шкалы: шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам для параметров, выраженных в процентах, и шкала определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам для параметров, выраженных в абсолютных числах [Стернина 2025, с. 141].

В результате применения этих шкал к исследованным полям была определена степень выраженности национальной специфики их структурной организации.

Наибольшая степень проявления национальной специфики, характеризуемая как заметная, была отмечена по индексу разнообразия поля, то есть по количеству разных ответов в поле, а также по параметру ассоциативной плотности крайней периферии. По параметру ассоциативной плотности ядра различий не выявлено. По остальным параметрам национально-специфические различия являются несущественными (4 параметра) и видимыми (4 параметра).

Для окончательного вывода о степени выраженности национальной специфики АП ВРЕМЯ – TIME была использована шкала выраженности национальной специфики лексических группировок, согласно которой в зависимости от характера преобладающих национально-специфических

различий степень выраженности национальной специфики определяется как невыраженная, неярко выраженная, умеренно выраженная, ярко выраженная, либо гипервыраженная [Стернина 2025, с. 142].

Поскольку в рассматриваемых ассоциативных полях преобладают несущественные и видимые национально-специфические различия, было констатировано, что национальная специфика структурной организации данных полей является неярко выраженной.

Также с помощью инструментов сопоставительно-параметрического метода была изучена национальная специфика семантико-когнитивной организации данных ассоциативных полей. Для этих целей были использованы следующие введенные диссертантом индексы: *индекс представленности семантических реакций, индекс представленности речевых реакций, индекс представленности культурно-обусловленных реакций, доля понятийных /оценочно-эмоциональных / символических реакций, индекс метафоричности* [Утицких 2025б]. Для интерпретации результатов были использованы те же шкалы, которые были использованы для определения национальной специфики структурной организации полей.

В результате применения шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам было установлено, что по двум параметрам (*индексу представленности культурно-обусловленных реакций* и *индексу метафоричности*) национально-специфические различия являются наиболее яркими и характеризуются как существенные, по остальным параметрам национальная специфика определяется как несущественная – 2 параметра, видимая – 2 параметра и заметная – 1 параметр.

Применение к полученным результатам, зафиксировавшим преобладание несущественных и видимых различий, шкалы выраженности национальной специфики лексических группировок дало основание признать национальную специфику семантико-когнитивной организации данных ассоциативных полей также неярко выраженной.

Таким образом, применение сопоставительно-параметрического метода к анализу национальной специфики структурной и семантико-когнитивной организации ассоциативных полей дало возможность выявить, по каким параметрам она выражена наиболее ярко, по каким – менее ярко, а также определить степень ее проявления по каждому из параметров и по полю в целом.

Мы остановились лишь на некоторых примерах использования инструментария сопоставительно-параметрического метода для психолингвистических исследований. Представляется, однако, что это далеко не полный перечень того, чем данный метод может быть полезен психолингвистам, и что по мере развития этого метода его функционал для психолингвистических исследований, будет расширяться.

Литература

Барабушка И. А. Общее и различное в репрезентации топонимов в первичном и вторичном языковом сознании / И. А. Барабушка, Л. А. Кривенко // Язык и национальное сознание: сб. науч. ст. / Науч. ред. М. А. Стернина, А. В. Рудакова. – Вып. 31. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025. – С. 73–77.

Дьяконова Е. А. Сопоставительный анализ психолингвистических значений топонимических вариантов (*Санкт-Петербург, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград*) / Е. А. Дьяконова // Сопоставительные исследования 2018: сб. ст. / Науч ред. М. А. Стернина. – Вып. 15. – Воронеж: РИТМ, 2018. – С. 149–155.

Кривенко Л. А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Л. А. Кривенко. – Воронеж, 2013. – 22 с.

Рудакова А. В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект: монография / А.В. Рудакова. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023. – 347 с.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: 20 лет развития: монография / М. А. Стернина. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2025. – 158 с.

Утицких Д. В. Национальная специфика структурной организации ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME / Д. В. Утицких // Язык и национальное сознание: сб. ст. / Науч. ред. М. А. Стернина, А. В. Рудакова. – Вып. 31. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2025а. – С. 96–100.

Утицких Д. В. Национальная специфика семантико-когнитивной организации ассоциативных полей ВРЕМЯ – TIME / Д. В. Утицких // Сопоставительные исследования 2025: сб. ст. / Науч ред. М. А. Стернина. – Вып. 22. – Москва: ООО «РИТМ», 2025б. – С.104–111.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В. А. Ильина (г. Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ В СОДЕРЖАНИИ НОМИНАНТОВ СОСТОЯНИЯ: СИТУАТИВНО-ТЕМПОРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье речь идет о реализации психологической категории длительности состояния как ситуативно-темпорального значения номинантов состояния в языке, которое классифицируется как значение кратковременности, долговременности, сиюминутности, вневременности и реализуется в языке при помощи лингвистического времени.

Ключевые слова: значение длительности, ситуативно-темпоральное значение, категория состояния, лингвистическое время, психологическое время.

The article discusses the realization of the psychological category of the state duration as the situational-temporal meaning in language, which is classified as the meaning of short, long, immediate duration and the meaning of timelessness and is realized through linguistic time in language.

Keywords: meaning of duration, situational-temporal meaning, category of state, linguistic tense, psychological time.

Целью статьи является описать, как значение длительности состояний, которое является психологической категорией, реализуется в языке как ситуативно-темпоральное значение номинантов состояния. Для реализации поставленной цели нам необходимо решить ряд задач, а именно: дать определение ситуативно-темпоральному значению, определить его типы (объективно-темпоральное значение и субъективно-темпоральное значение), а также конкретизировать значение длительности состояний как значение кратковременности, долговременности, сиюминутности и вневременности, которое в языке реализуется как виды ситуативно-темпорального значения при помощи лексического, грамматического значений времени и лингвистического контекста.

Характеризуя категорию состояния в целом, отметим, что в психологии она разрабатывается в трудах С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, В. В. Знакова, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, В. А. Ганзена, Г. Хакена, Н. Д. Левитова, Ю. Е. Сосновиковой. В лингвистике категория состояния исследуется в работах С. Н. Цейтлина, О. Г. Берестовой; переходное и пограничное состояние как частные проявления универсальной понятийной категории состояния через ФСП в работах А. С. Фалеевой; семантические категории состояния в языке в работах Л. М. Васильева и М. В. Всеволодовой;

стативные предикаты в формальной семантике в работе А. Кратцера (A. Kratzer). Предикаты на уровне стадии (stage-level) и индивидуальном уровне (individual-level), а также предикаты, которые соответствуют состояниям рассматривает Г. Карлсон (G. Carlson). У. Чейф (W. Chafe) классифицирует состояния как типы предикатов. Д. Дэвидсон (Davidson) описывает логический анализ действий и событий, а также выделяет основу для разграничения состояний и событий.

Точки зрения перечисленных выше исследователей отражают определенный теоретический подход к изучению психических состояний. В этой связи укажем на гносеологический подход (трактовка психического состояния как объекта научного познания, то есть его теоретического осмысления и эмпирической верификации); субъектно-деятельностный подход (акцент на активности субъекта как детерминирующем факторе психики; изучение индивидуального и коллективного опыта на протяжении жизненного пути; рассмотрение психологии субъекта через призму структурного, динамического и регулятивного аспектов анализа); деятельностный подход (комплекс теоретических и эмпирических исследований, в которых становление, развитие и функционирование психики и сознания раскрываются через различные формы предметной деятельности субъекта); экопсихологический подход (в фокусе исследования – системные взаимосвязи в парах «индивид – среда» или шире «человек – природа»); системный подход (в качестве идеального объекта исследования выступает целостность феномена, его многокомпонентная структура и иерархическая многоуровневость).

Логика статьи обусловлена логикой исследования, поэтому на первом этапе мы раскрываем содержание понятия состояния в психологии, затем в лингвистике и приходим к выводу, что значение психологического и лингвистического времени является частью семантики номинантов состояния. Под временем мы подразумеваем значение длительности, которое переживается как психологическое время.

1. Категория состояния в психологии

Любая типологическая система базируется на совокупности базовых дифференцирующих признаков – тех критериев, которые исследователь постулирует в качестве релевантных для репрезентации сущностных характеристик классифицируемого объекта. В русле субъектно-деятельностного подхода значимое место занимают классификационные модели, разработанные Н. Д. Левитовым и Ю. Е. Сосновиковой.

В исследовании Н. Д. Левитова [1964] представлена дифференциация психических состояний по модальностно-функциональным основаниям. Автор выделяет состояния, типичные для интеллектуальной деятельности, а также эмоциональные, волевые и характерологические состояния;

отдельно систематизированы состояния, актуализирующиеся в контексте трудовой деятельности.

Ю. Е. Сосновикова [1975] аргументирует необходимость построения классификации психических состояний на базе универсальных категориальных оснований анализа феноменов – категорий времени, пространства, структуры и функции. В соответствии с данной методологической установкой автором предложены следующие таксономические основания:

- по параметру продолжительности – с разграничением кратковременных, умеренно продолжительных и продолжительных состояний;
- по степени пространственной локализации и эксплицитности проявления – с выделением интрапсихических (замкнутых внутри системы) состояний, внешне выраженных состояний, а также состояний, детерминированных пространственным положением субъекта, его локализацией и дистанцией относительно определенного центра;
- по уровню напряженности (включая общий тонус и отдельные компоненты) и степени нормативной адекватности (в том числе ситуативной уместности и соответствия морально-этическим стандартам);
- по критерию осознанности – деятельность и общение, а также способы поведения определяются устойчивыми индивидуальными особенностями личности.

В качестве промежуточного вывода отметим, что к числу релевантных классификаторов были отнесены направленность личности и система ее отношений (к себе, к деятельности, к социальным субъектам и др.), а также волевые, эмоциональные и когнитивные компоненты личностной структуры. Самостоятельным классификационным основанием выступают природно-биологические детерминанты личности, обусловливающие специфику психофизиологических состояний. Существенное таксономическое значение придается категориям «деятельность» и «общение». Процедура отнесения конкретного психического состояния к определенной таксономической группе осуществляется на основании принципа доминирования конкретного психического компонента в структурной организации данного состояния.

Категориальный аппарат описания психического состояния включает ряд фундаментальных признаков:

- целостность состояния как системного образования (состояние интерпретируется не как совокупность изолированных проявлений, а как интегративная совокупность характеристик);
- временная детерминированность: психическое состояние на определенный временной интервал детерминирует общий режим психической деятельности и характеризуется специфическим проявлением;

- промежуточный онтологический статус в динамической иерархии психики: в динамическом аспекте состояние занимает промежуточную позицию между психическими процессами и устойчивыми психическими свойствами;
- принцип эксклюзивности актуального состояния (субъект в конкретный момент времени («здесь и сейчас») может пребывать лишь в одном доминирующем психическом состоянии);
- фоновая функция состояния, то есть психическое состояние выступает в качестве интегрального фона, модулирующего психическую деятельность;
- наличие модальной спецификации (каждому состоянию присуща определенная модальность);
- темпоральная ограниченность: психическое состояние по своей природе является временным образованием, даже при выраженной стабильности;
- единица анализа состояния – диада «переживание – поведенческая реакция» (действие, поступок), трактуемая как структурное единство аффективного и поведенческого компонентов;
- ситуативная обусловленность, то есть психическое состояние всегда детерминировано конкретной ситуацией и контекстом;
- диалектическое единство изменчивости и устойчивости (состояние концептуализируется как противоречивое единство динамики и стабильности);
- вариативность степени осознанности, то есть уровень рефлексивной представленности состояния варьирует в широком диапазоне;
- функциональная роль в поддержании системной координации (основная функция психического состояния заключается в обеспечении согласованной динамики и взаимодействия подсистем психики и сомы (с приоритетом психического компонента) в интервалах между значимыми для субъекта изменениями среды);
- детерминация продуктивности деятельности: эффективность реализации деятельности коррелирует со способностью субъекта актуализировать состояние, адекватное задачам и условиям деятельности.

Пространственно-временная организация психического состояния базируется на трактовке времени как формы упорядочивания, координации и структурирования психических процессов. Формирование временного ряда обусловлено восприятием субъектом категории длительности, репрезентируемой в форме переживания протяженности процесса. Согласно позиции Ю. К. Стрелкова [2001], субъект конституирует временную структуру посредством переживания «дления», тем самым интегрируясь во временной континуум как носитель опыта длительности. Переживание длительности и трансформации состояния формирует временной ряд, включающий такие параметры, как временные интервалы,

последовательность, длительность, дискретность, цикличность и др. Функциональное назначение данного ряда состоит в синхронизации активности субъекта, разворачивающихся событий, ситуативных контекстов и пространственных условий.

Таким образом, на основании темпоральных критериев психические состояния дифференцируются как четыре таксономические группы [Прохоров 2005]:

- оперативные – с продолжительностью в диапазоне секунд и минут;
- текущие – длительностью от одного часа до одних суток;
- длительные – продолжающиеся от одной недели до одного месяца;
- сверхдлительные – сохраняющиеся в течение года и более.

2. Категория состояния в лингвистике

Состояние как семантическая категория репрезентирует временный, контекстуально обусловленный признак объекта или ситуации, характеризующийся отсутствием имманентной динамики (внутреннего развития) при обязательной темпоральной протяженности. В семантической таксономии категория состояния противопоставляется иным предикативным классам: в оппозиции «состояние – свойство» релевантен параметр темпоральной устойчивости (состояние носит преходящий характер, свойство трактуется как константная характеристика); в оппозиции «состояние – действие» значим параметр динамичности (состояние маркирует статичную конфигурацию, действие – активную реализацию процесса). Дополнительно фиксируется противопоставление категории состояния категории события (событие семантически предполагает наличие внутреннего предела/границы, состояние таковым не обладает) и категории результата (результат концептуализируется как точечная семантическая единица, состояние – как интервальная).

В лингвистической традиции И. И. Мещанинов [1978] ввел категорию «понятийных категорий», продемонстрировав их системообразующую роль в формировании семантического пространства и грамматической организации языка. В рамках функционально-семантического подхода, разработанного А. В. Бондарко [2002], состояние концептуализируется как полицентрическое функционально-семантическое поле (ФСП), не сводимое к единой грамматической категории, но интегрирующее разноуровневые языковые средства. В структуре ФСП состояния выделяются следующие зоны: ядро (лексемы категории состояния – предикативы на *-о*, краткие прилагательные и причастия в предикативной функции); приядерный сегмент (стативные глаголы, например, *спать, болеть, ждать*; аналитические предикативные конструкции с прилагательными и причастиями, например, *был рад, оставался спокоен*); периферия (предложно-падежные формы, например, *в отчаянии, на грани*; наречия, деепричастные формы, конструкции с

существительными-предикативами, например, *пора, время*). В составе ФСП дифференцируются микрополя (подполя), соответствующие различным типам состояний: естественного, физиологического, психического, интеллектуального, социального; дополнительно разграничиваются результативная (перфектная) и нерезультативная (неперфектная) семантические сферы как базовые семантические регистры.

И. П. Матханова [1998] предлагает системное описание семантики состояния в русском языке посредством аппарата категориальных ситуаций. Автор выделяет комплекс категориальных семантических признаков состояния (СКС): статичность, темпоральная протяженность, инактивность субъекта, перцептивная маркированность, ориентация на субъект восприятия. В рамках данной модели проводится разграничение дискретного и недискретного способов языковой репрезентации состояния.

По параметру темпорально-аспектуальной характеристики отметим, что преимущественно глагольные предикаты состояния передаются при помощи несовершенного вида (НСВ), совершенный вид используется для передачи фазности и смены типа ситуации на «переход в состояние», присутствует сочетаемость с маркерами длительности (*долго, несколько дне*й), узуальности (*обычно, всегда*), фазовыми глаголами (*стать, перестать, пройти*). По темпоральной структуре выделяются такие типы состояний как ***континуальное*** ((фоновое) нелокализованное, без четких границ, несчетное (тревожно последние дни)); ***дискретное*** ((эпизодическое) локализованное, с границами); ***счётное*** (три приступа тревоги); ***узуальное***, типичное, регулярное (спокойно в этом доме); ***результативное*** (перфектное); состояние как ***результат предшествующего действия*** (в доме убрано).

К средствам выражения категории состояния в языке можно отнести, во-первых, собственно слова категории состояния (предикативы) (неизменяемые слова, которые выступают в роли главного члена безличного предложения (сказуемого) и обозначают состояние, часто имеют суффикс *-о* и соотносимы с краткими прилагательными или наречиями). К словам категории состояния мы также относим описания состояния природы и среды, физическое состояние человека/животного, эмоциональное (психическое) состояние, интеллектуальное состояние, оценочные состояния (общая оценка ситуации). Во-вторых, модально-оценочные и модально-волевые слова состояния. Они выражают не само состояние, а отношение к возможности, необходимости, долженствованию, готовности. В лингвистике их часто относят к категории состояния либо к модальным словам, но функционально они работают как предикаты состояния «готовности/неготовности» или «разрешенности / запрещенности». К видам модально-оценочных и модально-волевых слов состояния относим возможность / невозможность (*можно, нельзя*), необходимость / долженствование (*надо, нужно,*

необходимо), желательность/нежелательность (*хочется, неохота*), временная уместность (*пора, время*). В-третьих, слова состояния, производные от причастий (безличные формы), которые выражают состояние среды или результат действия, оформляются как безличные предикаты (*натоплено, заперто*).

В-четвертых, слова состояния, соотносимые с существительными (безличная номинация состояния). Это лексемы, которые по происхождению – существительные, но в безличной конструкции функционируют как предикат состояния (*пора, досуг, недосуг*). Существительные-состояния (собственно стативные) обозначают состояние как самостоятельный объект, передают значение фоновости, длительности, неконтролируемости, без акцента на динамику. Часто употребляются с безличными конструкциями (*было тревожно*, *наступила тишина*). Существительные с семантикой фазности (начало/конец/середина состояния) показывают границу или переход в состояние. Существительные, выражающие длительность и меру состояния, передают количественную оценку протяженности состояния (часто в составе конструкций с указанием меры). Существительные-аффекты (кратковременные вспышки) обозначают интенсивные, но кратковременные эмоциональные реакции (высокая интенсивность, короткая длительность, часто неконтролируемость). Существительные-оценки и ценностные состояния (состояние через призму ценности, нормы, оценки) могут сочетаться с гиперболизированной длительностью (*вечное счастье, бесконечная тоска*). Физиологические и психофизиологические состояния (конкретные состояния организма, часто с четкой временной привязкой и измеримостью) могут сочетаться с маркерами длительности и интенсивности (*сильная боль, кратковременный озноб*). Состояния среды и обстановки, описывающие состояние окружающего мира, а не субъекта, часто выполняют функцию фона в нарративе.

В-пятых, глагольные формы, выражающие состояние (стативные глаголы и связки, актуализирующие время состояния, фазовые глаголы со значением начала/конца/продолжения состояния). Хотя это не «слова категории состояния» в узком смысле, в лингвистических моделях их нужно учитывать как средства выражения состояния.

В-шестых, адъективные и причастные формы, функционирующие как предикат состояния, то есть краткие прилагательные (*тихо, темно, холодно*) и страдательные причастия (*заперто, открыто*) в безличных конструкциях могут выражать состояние.

3. Ситуативно-темпоральное значение и значение длительности в психологии

На основе вышесказанного мы делаем вывод, что категория состояния в психологии и ее номинанты в лингвистике обладают значением

длительности. Возникает вопрос как эта длительность объективируется в содержании номинантов. Каким структурным компонентом содержания она является. Мы берем за основу классификацию значений И. М. Кобозевой [2009]. Вслед за автором выделяем денотативное значение, сигнификативное значение, прагматическое и синтаксическое значения в структуре содержания номинантов состояния и дополняем ее за счет выделения ситуативно-темпорального значения.

В основу ситуативно-темпорального значения положено представление о ситуативности и значении длительности. Первая составляющая понятия ситуативно-темпоральное значение – это ситуативность. Отметим, что «ситуативность речи, в которую включаются конкретные экстралингвистические условия речевого акта, эмоциональный и психологический контекст и пр.» [Звегинцев 2008, с. 238] следует изучать не только лингвистическими средствами. Под ситуативностью необходимо понимать непременную абстрактную особенность речи, а также ее влияние на структуру речевых образований.

По мнению Г. Х. Вригта, при исследовании различных аспектов проблематики времени, на самом деле исследуется не время, а факты, события во времени, так как именно ситуации, или события, области пространства времени обладают исключительным статусом среди феноменов действительности. В основе подобной интерпретации ситуации лежит представление о ней как о категории, обладающей атрибутами места, времени, временной протяженности. В качестве основных свойств ситуаций выделим, во-первых, принадлежность к реальному, а не логическому пространству, во-вторых, доступность чувственному восприятию, в-третьих, наличие протяженности во времени, в-четвертых, наличие локализации во времени и пространстве. Особая роль в понимании ситуации отводится слову как средству доступа к единой информационной базе человека, при этом с помощью языка говорящий не обозначает реальную ситуацию целиком, а только ее значимую для акта коммуникации часть [Семенова 2009].

Второй составляющей ситуативно-темпорального значения является темпоральный компонент (в контексте нашего исследования значение длительности). С точки зрения психологии под длительностью мы понимаем объективно или субъективно переживаемую длительность личностью, то есть субъективное переживание длительности коррелирует с понятием психологического времени индивида, которое отражается в языке при помощи лингвистического (грамматического, лексического, контекстуального) времени. Значение времени как грамматическая категория детерминирует временную ответственность (временную референцию) ситуации, отображенной в предложении, и овнешняется при помощи спрягаемых глагольных форм, указывающих на протекание процесса в одном из трех временных планов. Контекстуальное время как

темпоральная характеристика семантики предложения связано с лексическим и грамматическим временем слов, образующих лингвистический контекст.

Заключение

В качестве психологической основы ситуативно-темпорального значения было выделено значение длительности объективного и субъективного времени, а в качестве лингвистической основы – лингвистическое время, структурными компонентами которого являются лексическое, грамматическое и контекстуальное время [Ильина 2011].

Таким образом, **ситуативно-темпоральное значение** делится на *субъективно-темпоральное значение* и *объективно-темпоральное значение*. Объективно-темпоральное значение – объективное переживание индивидом значения длительности как кратковременности, долговременности, сиюминутности, вневременности, выраженное в языке при помощи темпоральных маркеров. В основе лежит лексическое и грамматическое время. Субъективно-темпоральное значение – субъективное переживание индивидом значения длительности как кратковременности, долговременности, сиюминутности, вневременности, выраженное в языке при помощи контекстуального времени. В основе лежит психологическое время (как отражение в психике системы временных отношений между событиями жизненного пути), в содержании которого заключены оценки одновременности, последовательности, длительности, скорости протекания различных событий жизни, их принадлежности к настоящему, удаленности в прошлое и будущее.

Литература

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка / А. В. Бондарко; Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 248 с.

Ильина В. А. Одиночество в языковом сознании носителей русской и английской культур: монография / В. А. Ильина. – Москва: МГОУ, 2011. – 416 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 352 с.

Левитов Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов. – Москва: Просвещение, 1964. – 344 с.

Матханова И. П. Синтаксические дериваты и восполнение языковых лакун (на материале русских высказываний с семантикой состояния) / И. П. Матханова // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы всерос. конф., посвящ. 120-летию Том. ун-та / редкол.: О. В. Блинова (отв. ред.) [и др.]; М-во общ, и проф. образования РФ, Междунар. акад. наук высш. шк., Том. гос. ун-т. – Томск, 1998. – С. 174–176.

Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1945. – Изд. перераб. и доп. – Ленинград: Наука, 1954; репринт – 1978.

Прохоров А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности / А. О. Прохоров. – Москва: PerSe, 2005. – 350 с.

Семенова В. Г. Тождество и время: философско-лингвистический анализ [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... доктора филос. наук / В. Г. Семенова. – Москва, 2009. – 54 с.

Сосновикова Ю. Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика: пособие для студентов и учителей / Ю. Е. Сосновикова; Горьк. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Горький: Изд-во Горьк. пед. ин-та, 1975. – 118 с.

Стрелков Ю. К. Инженерная и профессиональная психология: учеб. пособие для вузов / Ю. К. Стрелков. – Москва: Высш. шк., Academia, 2001. – 358 с.

У. Д. Камбаралиева (г. Бишкек, Кыргызская Республика)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается концепт «время» как многокомпонентное образование, в котором пересекаются представления о длительности и последовательности событий, жизненном пути, ценностях и культурной памяти. На материале русской и киргизской лингвокультур анализируются способы осмысления темпоральности, а также соотношение общечеловеческих смыслов и культурно обусловленных оттенков.

Ключевые слова: концепт «время», темпоральность, языковое сознание.

This article examines the concept of “time” as a multifaceted construct in which notions of duration and the sequence of events, life paths, values, and cultural memory intersect. Drawing on examples from Russian and Kyrgyz linguistic and cultural contexts, the article analyzes ways of conceptualizing temporality, as well as the relationship between universal meanings and culturally conditioned nuances.

Keywords: the concept of “time,” temporality, linguistic consciousness.

Время как одна из базовых категорий дает возможность человеку накапливать опыт и оценивать все происходящее вокруг, фиксировать последовательность событий, их продолжительность, соотнести настоящее с прошлым, что относится к насущным потребностям человека. Утверждение о том, что эта потребность человека является универсальной, является аксиомой, но способы языковой экспликации темпоральных отношений и связанных с ним оценок отличаются в разных культурах, поэтому концепт «время» представляет интерес для науки.

В языке темпоральные явления и отношения не просто вербализуются. В словах, устойчивых выражениях и пословицах отражаются коллективные способы интерпретации опыта: представления о своевременности, необратимости, терпении, жизненных этапах и ценности определенного момента. Концепт «время» в таком восприятии объединяет понятийные знания, чувственно-образные ассоциации и оценки, сформированные в общественной и индивидуальной практике

коммуникации, при этом связывает природные процессы с человеческой биографией, социальными нормами и памятью сообщества.

Актуальность темы обусловлена трансформацией всех видов связей и отношений в социуме, которая происходит под влиянием цифровой коммуникации. Интенсификация обмена информацией и новые способы организации труда и обучения усилили внимание к планированию и экономии времени. Эти тенденции опираются на традиционные представления, которые соотносят временной порядок с природными циклами, возрастом и этапами жизни, поскольку в языковом сознании представителя определенной лингвокультуры могут сосуществовать и дополнять, корректировать друг друга различные модели.

Целью статьи является анализ этнокультурных коннотаций концепта «время» в актуальном языковом сознании на данном этапе и выявление особенностей экспликации всеобщих временных представлений в конкретных языковых и культурных выражениях. Для достижения цели рассмотрены известные теоретические позиции по концепту, выявлены основные метафорические модели времени в русской и киргизской лингвокультурах и проанализированы некоторые результаты ассоциативного эксперимента.

В современной антропоцентрической лингвистике концепт описывается как сложная ментальная структура, в которой объединяются знания о явлении, связанные с ним образы и ценностные смыслы [Попова 2007]. В. И. Карасик рассматривает культурные концепты как особые формы переживаемого знания, отражающие опыт личности и сообщества [Карасик 2002] С. Г. Воркачев связывает изучение концептов с обращением языкознания к человеку, культуре и общественным отношениям [Воркачев 2007]. На основе этих позиций время можно анализировать не только как физически измеряемую величину, но и как объект человеческой интерпретации.

Как показал результат контрастивного анализа темпоральной лексики русского и киргизского языков, для описания структуры концепта времени следует разграничить несколько взаимосвязанных планов, возникших в результате интерпретации. Первый план связан с измерением человека процесса времени, оно дает возможность соотносить события по длительности и последовательности: секунды, минуты, часы, дни, месяцы, годы. Второй план связан с календарным восприятием времени: сутки, сезоны, праздники и памятные даты организуют коллективную жизнь. Третий план отражает протекание событий во времени, процессуальный: они начинаются, продолжаются, задерживаются или завершаются. Четвертый план связан с биографией: время понимается через рождение, взросление, возраст, накопление опыта и завершение человеческой жизни, а следующие эмоционально-оценочный и культурно-исторический планы отражают отношение ко времени как к благоприятной возможности,

ограничению, ценности или силе изменений. По нашему мнению, классификация временных отрезков связана с особыми видами темпоральной категоризации в концептуальной картине мира [Камбаралиева 2018]. Человек может категорировать окружающую действительность на основе своих социально-политических опытов (социокультурная: ВОВ, «разрезание пут годовалому ребенку» и др.), исходя из своей активной позиции в преобразовании окружающей действительности (актологическая: названия видов деятельности человека в четырех временах года; время закипания чая (15–20 мин.); время молитв, и др.) и на основе наблюдательной, пассивной позиции (обсервативной: признаки изменения и обозначения изменений в окружающей среде: голендуха, день равноденствия и др.).

Указанные номинации временных отрезков могут сочетать в себе несколько значений в зависимости от коммуникативных ситуаций [Камбаралиева 2021]. Например, «момент» как небольшой отрезок хронологического времени в контексте может приобретать значение решающей возможности, что связано с широкой семантикой концепта, включающей культурные образы, оценки и формы коллективного опыта, выходящей за рамки грамматической категории времени.

Как известно, важным способом структурирования концептуального содержания является метафора, посредством которой абстрактное время эксплицируется через более доступные сферы опыта – движение, путь, обладание ресурсом или человеческое действие. Используя их, человек, как носитель определенного языка, может упорядочивать опыт и демонстрировать значимые свойства времени [Арутюнова 1990].

Контрастивный анализ языковых материалов позволяет выделить общие для разных культур признаки времени: длительность, последовательность, изменение, различение прошлого, настоящего и будущего, а также осознание необратимости отдельных событий, которые связаны с общими условиями человеческого существования. Однако универсальность самого опыта не означает полного совпадения его языкового осмысления, поскольку в признаках привычных явлений, а также в типичных контекстах и оценках проявляется национальная специфика.

Одной из распространенных моделей времени является представление его как динамичного объекта. В русском и киргизском языках эта модель выражена такими глаголами, как «идет», «летит», «мчится», «течет», «не ждет»; «келет», «учат», «сызат», «күтпөйт» и т. д. В подобных и других конструкциях абстрактное по сущности время персонифицируется и наделяется способностью двигаться и воздействовать на человека. Оно выступает не только участником ситуаций, но и как самостоятельное явление, заставляющее осознавать человека, что он не может управлять темпом событий и вынужден соотносить свои действия с ним. В ряде

русских и киргизских устойчивых выражений время выступает как сила, меняющая обстоятельства и человеческое восприятие: «время покажет», «время лечит», «со временем проходит». Подобные формулы выражают представление о преобразующей способности длительности: ситуация, кажущаяся неизменной в настоящем, может получить иную оценку позднее. Связь времени с исторической памятью проявляется также в словах, обозначающих поколения, давность, эпохи и памятные события. Поэтому временная картина мира включает не только личную биографию, но и коллективное представление о прошлом.

Другая распространенная в обеих лингвокультурах модель представляет время как ресурс, который может закончиться, поэтому в глаголах, обладающих валентными и сочетаемостными способностями со словом «время», отражается способность человека распоряжаться временем как материальным средством: «тратить», «экономить», «выиграть», «терять» и т. д.

На данном этапе эта модель становится особенно заметной, поскольку деятельность человека во всех сферах оценивается через планирование, эффективность, соблюдение сроков и актуальность метафоры времени как ресурса повышается в условиях ускоренного ритма жизни.

Модель времени как пути эксплицирует жизненное движение: прошлое – как пройденный отрезок, будущее – продолжение пути, ориентир, настоящее – точка оценки и планирования пути. Циклическое восприятие времени, связанное с повторяемостью, регулярностью явлений в природе и занятий человека, существует параллельно с линейной схемой, означающей направленность и необратимость.

Таким образом, в восприятии времени носителями русской и киргизской лингвокультуры можно отметить много общего и проявление национальной специфики необходимо искать не в наличии совершенно уникального понятия времени, а в том, какие стороны общего опыта выдвигаются на первый план и какие устойчивые языковые средства закрепляют соответствующие смыслы.

Следует отметить, что оценочная неоднозначность временных соотношений в русской и киргизской культуре раскрывается в противопоставлении своевременности и опоздания. Такие единицы, как «вовремя», «в срок», «в установленное время», обычно указывают не только на соответствие хронологическому сроку, но и на уместность коммуникативного поведения в определенных ситуациях. Совершать что-либо вовремя, в срок означает соблюсти ожидания социума, тогда как опоздание может интерпретироваться как нарушение договоренности или неуважительное отношение к другим людям. В этом плане русские отличаются более бережным отношением ко времени, чем киргизы [Камбаралиева 2021].

По результатам ассоциативного эксперимента, время в русской лингвокультуре предстает одновременно как движение, ресурс и фактор жизненных перемен. Его содержание связано с терпением, эффективностью, своевременностью, опытом и судьбой. Подобные сочетания реакций свидетельствуют о многомерности концепта.

В ответах киргизов можно различить циклическую перспективу, соотносимую с повторяемостью природных и календарных периодов, и линейную перспективу, выражающую движение человеческой жизни от одного этапа к другому. Вторая особенно отчетливо обнаруживается в ассоциациях, связывающих время с возрастом, жизнью и необратимостью. Тесная связь жизни с природными изменениями, сезонностью и хозяйственными периодами создает контекст, в котором циклическая модель времени может приобретать особую значимость.

Вместе с тем, безусловно, этот контекст невозможно механически переносить на всех современных носителей языка, поскольку различные факторы, такие как образ жизни, образование, современные технологии, индивидуальный опыт и др., могут влиять на формирование актуального сознания.

По результатам эксперимента можно заключить, что на данном этапе понимание времени русскими и киргизами как ресурса, находящегося в распоряжении отдельного человека, заметно усиливается. Сочетания «личное время», «свободное время», «рабочее время», «время для себя», «не хватает времени» и «планировать время» в различных контекстах описывают классификацию действий во времени и распределение обязанностей. Такое использование темпоральных значений демонстрирует соотношение времени с человеческими приоритетами и возможность самостоятельно определять порядок действий.

Ресурсная модель основывается на осознании ограниченности временных возможностей, поэтому глаголы «экономить», «тратить», «сберегать» и «терять» оказываются семантически точными для выражения отношения к длительности. Метафора времени как капитала подчеркивает идею личной ответственности, но может одновременно выражать ощущение постоянной нехватки времени.

В наши дни, когда наблюдается непрерывный бесконечный поток информаций в цифровой среде, а ожидание ответа нередко сокращается, ресурсная модель становится особенно актуальной. Быстрота реакции начинает восприниматься как самостоятельное преимущество, а противопоставление «быстро – медленно» приобретает оценочное значение. Вместе с тем нельзя утверждать, что ускорение одинаково влияет на всех людей или полностью вытесняет другие способы осознания и переживания времени.

Традиционные представления о сезонности, возрасте и повторяемости жизненных этапов продолжают сосуществовать с индивидуальным

планированием. Следовательно, современное языковое сознание не заменяет одну временную модель другой, а объединяет несколько перспектив. В русской и киргизской лингвокультурах это взаимодействие проявляется на фоне общих социальных изменений, но конкретные языковые образы и ассоциативные связи могут различаться.

Дискретность значения темпоральности проявляется в том, что временные отрезки получают различную ценность в зависимости от жизненной ситуации. Один и тот же промежуток может восприниматься как ожидание, упущенная возможность, период отдыха или время для достижения цели. Следовательно, значение времени определяется не только объективной длительностью, но и тем, какое место этот отрезок занимает в человеческом опыте.

Сопоставление рассмотренных материалов позволяет говорить о нескольких общих составляющих концепта времени: представлении о движении и изменении, осознании необратимости, связи с жизненным циклом, разграничении прошлого, настоящего и будущего, а также понимании времени как ограниченного ресурса. В обеих лингвокультурах время получает положительную или отрицательную оценку в зависимости от обстоятельств и отношения человека к происходящему.

Различия обнаруживаются прежде всего в доступных языковых данных и в том, какие смысловые акценты они позволяют выявить. Русские примеры отчетливо демонстрируют метафоризацию времени как активной силы, его персонификацию и противопоставление своевременности опозданию. Киргизские ассоциативные результаты особенно наглядно показывают связь времени с жизнью, возрастом, необратимостью, возможностями, счастьем и успехом.

Более точное описание предполагает наличие общего концептуального ядра, которое получает конкретные культурные выражения в лексике, устойчивых оборотах и ассоциативных реакциях.

Концепт «время» занимает значимое место в современном языковом сознании, поскольку объединяет представления о последовательности событий, природных циклах, человеческой биографии и ценностях в новом цифровом пространстве. Его содержание не ограничивается хронологическим измерением: оно включает образы движения и пути, оценки своевременности, переживание необратимости и осмысление времени как условия человеческих возможностей.

Как показали результаты эксперимента, для современного языкового сознания характерно взаимодействие традиционных и актуальных смыслов. Циклические представления и связь времени с возрастом сохраняются наряду с идеей личного ресурса, который необходимо планировать и рационально распределять. Следовательно, этнокультурные коннотации возникают именно на пересечении общечеловеческого опыта и конкретных языковых проявлений.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апреся. – Москва: Наука, 1974. – 368 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – Москва: Прогресс, 1990. – 512 с.

Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы / С. Г. Воркачев // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66, №2. – С. 13–22.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.166–205.

Камбаралиева У. Д. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира / У. Д. Камбаралиева. – Бишкек: АврасияПресс, 2018. – 312 с.

Камбаралиева У. Д. Русское и киргизское коммуникативное поведение / У. Д. Камбаралиева, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки / РИТМ, 2021. – 216 с.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 266 с.

В. А. Лошкарева (г. Тверь, Россия)

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ МАТЕРИАЛЕ)

В статье рассматривается понятие когнитивной стратегии. Приводятся результаты исследования по сопоставлению когнитивных стратегий освоения слова, выявленных на экспериментальном материале, и когнитивных стратегий освоения слова, выявленных на лексикографическом материале.

Ключевые слова: когнитивная стратегия, освоение слова, заимствование, англицизм, язык-реципиент.

The article examines the concept of cognitive strategy. Results of a research comparing the cognitive strategies of word acquisition identified on experimental material and the cognitive strategies of word acquisition identified on lexicographic material are presented.

Keywords: cognitive strategy, word acquisition, borrowing, anglicism, recipient language.

В эпоху глобализации, активного диалога культур и стремительного прогресса цифровых технологий особого внимания требуют процессы обмена между языками и культурами. Заимствования сегодня – это не просто лингвистический инструмент для расширения словарного запаса. В современном мире они выступают индикатором общественных изменений и трансформации мировоззрения.

Цель исследования заключается в изучении процесса освоения заимствования на этапе стабилизации его значения в системе языка-реципиента.

Без изучения этапа стабилизации невозможно понять, как и почему заимствование становится полноценной частью языка, а не просто временным явлением в языке-реципиенте.

Процесс освоения иноязычной лексики может быть описан в единицах когнитивных стратегий.

Многогранность явления когнитивной стратегии осложняет выведение его универсального определения. В рамках освоения слова носителем языка под когнитивной стратегией подразумеваются «закономерности выбора способов решения задач познания для достижения определенных целей» [Павлов 2006, с. 63]. В аспекте освоения лексической единицы системой языка, речь должна идти о тех общих процессах, которые подчиняются общим логико-стратегическим закономерностям, лежащим в основе общих когнитивных событий, которые протекают в системе языка. Такое понимание когнитивной стратегии соотносится с одним из значений термина «когнитивный», описанных Е. С. Кубряковой: «связанный с когницией, т. е. с процессами и результатами познания» [Кубрякова 2001, с. 7].

Для сопоставления когнитивных стратегий освоения заимствований, полученных в результате перевода слов-прототипов заимствований из языка-источника и на лексикографическом материале, проведено экспериментальное заимствование.

Языковой материал исследования (30 англицизмов) отвечает следующим критериям: недавнее появление слов в русском языке; использование в сфере экономики и СМИ; потенциальное затруднение в толковании их значений носителями русского языка; зафиксированность слова в англо- и русскоязычных словарях.

Ключевыми источниками языкового материала исследования стали «Новейший толковый словарь русского языка XXI века» Е. Н. Шагаловой [Шагалова 2011] и «Словарь иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой [Егорова 2014]. Для толкования значения английских прототипов интересующих нас заимствований использовался электронный ресурс Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary URL].

Перечислим задействованные в исследовании англицизмы: *авторизация (authorization), аутлет (outlet), баннер (banner), блэкаут/блэк-аут (blackout), боди (body), бокс-офис (box-office), бэкграунд (background), воркшоп (workshop), демпинг (dumping), диверсификация (diversification), истеблишмент (establishment), камбек/камбэк (comeback), кампейн (campaign), коллектор (collector), криэйтор/креатор (creator), лаунж/лаундж (lounge), листинг (listing), лузер (loser), мейджор (major), месседж (message), милитари (military), опен-эйр (open air), офшор/оффшор (offshore), паркинг (parking), релиз (release), ридер (reader), роялти (royalty), саунд (sound), сток (stock), эквайер (acquirer).*

К каждому задействованному в экспериментальном исследовании

англицизму мы подобрали по 4 предложения на английском языке (при помощи электронных ресурсов Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary URL] и WooordHunt [WooordHunt URL]), содержащих слово-прототип интересующего нас заимствования. Из 120 предложений только 48 допускают перевод на русский язык при помощи англицизма, в других – контекст не позволяет использовать заимствование в переводе. В рамках экспериментального исследования мы рассматриваем перевод испытуемыми тех предложений, где возможен перевод англицизмом.

Приведем пример такого задания для слова **паркинг**, в скобках укажем эталонный вариант перевода предложений с учетом уместности по контексту употребления англицизма (англ. **parking**):

Parking *fines are given for parking offences.* (За нарушение правил **парковки** взимаются штрафы.)

This type of ***parking*** *is the most optimal for tenants.* (Этот вид **паркинга** / автостоянки наиболее оптимальный для арендаторов.)

He made a real performance of ***parking*** *the car.* (Он устроил настоящий спектакль из **парковки** автомобиля.)

We offer free ***parking*** *to all members of our club.* (Мы предлагаем бесплатный **паркинг** для всех членов нашего клуба.)

Испытуемыми экспериментального исследования стали 16 переводчиков (носителей русского языка).

Проанализируем выявленные в результате перевода слов на русский язык когнитивные стратегии освоения заимствований.

На материале экспериментального исследования выявлены три стратегии освоения слова: сужение (26 слов, например, **офшор**), сохранение тождественности (2 слова: **авторизация** и **диверсификация**; для слова **опен-эйр** стратегия сохранения тождественности встречалась в некоторых ответах испытуемых) и замещение (2 слова: **кампейн** и **милитари**) значения заимствования.

Обратимся к лексикографическим источникам [Егорова 2014; Шагалова 2011] для выявления когнитивных стратегий освоения слова на материале словарей и сопоставления результатов, полученных в ходе двух этапов исследования.

На лексикографическом материале выявлены четыре стратегии освоения заимствования: сужение (25 слов, например, **аутлет**), замещение (2 слова: **кампейн** и **милитари**), расширение (2 слова: **авторизация** и **коллектор**) и сохранение тождественности (1 слово: **диверсификация**) значения заимствованного слова в языке-реципиенте.

По результатам экспериментального исследования можно сделать следующий вывод: как правило, когнитивные стратегии, выявленные на основании ответов испытуемых, совпадают с когнитивными стратегиями освоения заимствования, выявленными на материале словарей, с доминированием стратегии сужения значения заимствования в языке-

реципиенте, но в некоторых случаях одно и то же слово может быть заимствовано языком-реципиентом при помощи разных когнитивных стратегий. Для некоторых англицизмов когнитивные стратегии, выявленные при переводе слов-прототипов испытуемыми и на материале словарей, не совпадают. Перечислим такие заимствования: **авторизация** – сохранение тождественности значения в ответах испытуемых, расширение на материале словарей; **коллектор** – сужение значения в ответах испытуемых, расширение на материале словарей (две противоположные стратегии); **опен-эйр** – в некоторых ответах испытуемых сохранение тождественности значения, сужение на материале словарей (в подавляющем количестве ответов испытуемых – стратегия сужения слова, что совпадает со стратегией, выявленной на материале словарей).

Проанализируем те случаи, когда английские слова заимствуются русским языком при помощи атипичных стратегий освоения заимствований (расширения, замещения и сохранения тождественности значения слова).

Стратегия расширения значения слова не встречается ни в одном из переводов английских слов-прототипов англицизмов испытуемыми, а выявляется исключительно на лексикографическом материале (**авторизация** – сохранение тождественности у испытуемых; **коллектор** – стратегия сужения у испытуемых).

Два англицизма характеризуются стратегией замещения значения своего слова-прототипа из языка-донора: **кампейн** и **милитари**. Стратегия замещения значения у этих заимствований выявляется как исходя из ответов испытуемых, так и при анализе словарного материала.

Стратегия сохранения тождественности в принимающем языке присуща заимствованиям **авторизация**, **диверсификация** и **опен-эйр**. **Авторизация** характеризуется такой стратегией только в ответах испытуемых, на лексикографическом материале – расширение значения. **Диверсификация** – единственное задействованное в исследовании слово, для которого стратегия сохранения тождественности слова выявляется на материале словарей, а не в ответах испытуемых. Слово **опен-эйр** только в некоторых ответах характеризуется стратегией сохранения тождественности, но в целом стратегия сужения значения этого слова совпадает и на лексикографическом материале, и в ответах испытуемых.

Таким образом, выявлены четыре когнитивные стратегии освоения заимствования принимающим языком: сужение, замещение, расширение и сохранение тождественности заимствованного слова.

В целом, когнитивные стратегии освоения, выявленные на основании ответов испытуемых и на лексикографическом материале, совпадают между собой. Однако есть исключения. Стратегия сохранения тождественности значения, выявленная из ответов испытуемых, заменяется стратегиями расширения и сужения значения на материале

словарей. Слово может заимствоваться при помощи противоположных стратегий: сужением значения в ответах испытуемых, расширением значения на лексикографическом материале.

Ярко выраженной когнитивной стратегией является сужение значения слова в языке-реципиенте. Атипичными стратегиями освоения заимствования являются стратегии расширения, замещения и сохранения тождественности значения слова. Стратегия расширения значения может быть выявлена только на лексикографическом материале (испытуемые для этого случая использовали стратегии сужения и сохранения тождественности значения). Стратегия замещения значения у одних и тех же слов совпадает и в ответах испытуемых, и в словарных материалах. Стратегия сохранения тождественности в принимающем языке проявляется у заимствований по-разному: может выявляться в ответах испытуемых, но на лексикографическом материале для того же самого слова будет встречаться расширение значения; для другого слова, наоборот, может выявляться только на словарном материале; в другом случае такая стратегия может выявляться лишь частично в ответах испытуемых, но будет преобладать стратегия сужения значения этого слова и на лексикографическом материале, и в ответах испытуемых.

Литература

Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. – Москва: Аделант, 2014. – 800 с.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «Когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 1. – С. 4–10.

Павлов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «Когнитивная стратегия» / Д. Н. Павлов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 62–64.

Шагалова Е. Н. Новейший толковый словарь русского языка XXI века / Е. Н. Шагалова. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Theasurus, 2006. URL: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения 24.07.2026).

WooordHunt, 2026. URL: https://wooordhunt.ru/ (дата обращения 29.07.2026).

О. Ю. Мельник (г. Москва, Россия)

ЯДРО И БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ КОНЦЕПТА *MONEY* В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье анализируются ядро и ближняя периферия концепта money в языковой картине мира носителей английского языка на основе дефиниционного анализа, а также анализа идиоматических выражений и эвфемизмов с компонентом «деньги». Автор приводит обзор существующих подходов к понятиям языковой картины мира, концепта, описанию структуры концепта.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, структура концепта.

The article discusses the core and the periphery of the concept “money” on the basis of the definitional analysis as well as through the study of idioms and euphemisms containing a relevant semantic component. The article gives a general outlook of the existing approaches to the phenomena of linguistic worldview and the structure of concept.

Keywords: linguistic worldview, concept, the structure of concept.

Человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах. По мнению Е. С. Кубряковой, картина мира – это «сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединенная в известную интегральную систему, – а это и можно считать моделью мира, или картиной мира… Субстрат такой системы – концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения и т. п., некие идеальные сущности, не всегда связанные напрямую с вербальным кодом» [Кубрякова 1988, с. 141].

Е. С. Яковлева под языковой картиной мира понимает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [Яковлева 1996, с. 47]. Источники формирования картины мира могут быть следующими:

1) врожденное знание – на уровне врожденного знания человек не отличается от животного;

2) знание, полученное человеком в результате его практической деятельности – опыт взаимодействия человека с природой и социумом;

3) знание, полученное из текстов, с которыми человек знакомится на протяжении своей жизни;

4) знание, выработанное в процессе мышления;

5) знание, внушенное родным языком – «когнитивное наследство, предоставляемый ей этносом стартовый капитал» [Морковкин 1996].

Особенности языковой картины мира и ее природа обусловлены языком, поскольку язык – важнейший способ формирования и бытования знаний человека о мире. В процессе деятельности человек познает объективный мир и фиксирует результаты познания в слове. Совокупность этих знаний, представленных в языковой форме, и является языковой картиной мира [Гончарова 2012, с. 7].

По мнению исследователей, языковая картина мира относится к картине мира как частное к целому, занимая при этом значительное пространство в картине мира, поскольку знание, внушаемое человеку родным языком, намного превосходит по объему и качественному разнообразию знание, полученное из всех других источников, вместе взятых [Морковкин 1996].

Таким образом, языковая картина мира – ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующаяся средствами языка. Каждый естественный этнический язык имеет особую картину мира, т. е. отражает определенный способ восприятия и организации мира. Языковая личность организует содержание высказывания в соответствии с языковой картиной мира, и в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Наличие специфических языков приводит к возникновению специфических языковых картин мира у представителей разных народов [Гончарова 2012, с. 9].

Существует множество разнообразных трактовок термина «концепт». По мнению В. Н. Телии, концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстензии этого знания» [Телия 1986, с. 173]. Рассматривая сущность концепта, исследователи особо отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека. Его семантическое содержание при этом интерпретируется в контексте форм мысли носителя языка как этнокультурная репрезентация. Таким образом, познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка. «Концепт являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно, этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы» [Телия 1986, с. 174].

Концепт проявляется в контексте культуры, поэтому предметно-образная характеристика слова-концепта часто закрепляется в языке в устойчивых идиоматических высказываниях, пословицах, поговорках, клише или воспринимается как прецедентная текстовая структура, со временем потерявшая связь с текстом-источником или авторским кодом. Рассматривая сущность концепта, исследователи особо отмечают его принадлежность культуре человека. Содержание концепта заключается в репрезентации «этнокультурного кода» нации [Степанов 1981].

Представители Воронежской научной школы З. Д. Попова, И. А. Стернин рассматривают концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой «квант структурированного знания». Концепт, по их мнению, выражается в языке лексемами, словосочетаниями, предложениями, текстами и совокупностями текстов. Рассмотрев языковые выражения концепта, можно получить представление о его содержании в сознании носителей языка [Попова 1999, с. 10–11].

Кроме того, З. Д. Попова и И. А. Стернин утверждают, что менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления. Концептосфера определяет менталитет народа (особенности восприятия и понимания действительности): образующие национальную

концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов – суждений о действительности. С другой стороны, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов – имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий [Попова 1999, с. 9–10].

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт – это содержательная единица мышления, порождаемая культурой определенного этноса, закрепляемая в языке в устойчивых идиоматических высказываниях, пословицах, поговорках, клише. Также можно утверждать, что концепт неразрывно связан с коллективным культурным опытом, с «контекстом как ценностным многомерным явлением, аккумулирующим основные культурные коды, принятые в современном информационном пространстве» [Антонова 2008].

Ученые высказывают различные точки зрения относительно структуры лингвокультурного концепта. В своем исследовании мы придерживались полевой структуры концепта, представленной в монографии З. Д. Поповой, И. А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике». Согласно полевой модели структуру концепта можно представить в виде круга, имеющего ядро и периферию. Ученые полагают, что ядро концепта составляет основное понятие, семы, зафиксированные в словарных дефинициях, а его периферию – те семантические признаки, которые привносятся культурой [Попова 2001].

Обратимся к составу ядра концепта ***money***. Для начала рассмотрим данный концепт на материале дефиниций, представленных в словарях английского языка Oxford English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.

Определение, указанное в словаре Oxford Dictionary:

1. *A current medium of exchange in the form of coins and banknotes; coins and banknotes collectively* (средство обращения в форме монет и банкнот; монеты и банкноты в общем).

1.1 *(moneys or monies) formal. Sums of money* (денежные средства);

1.2 *the assets, property, and resources owned by someone or something; wealth* (капитал, имущество и ресурсы, принадлежащие какому-то человеку или организации; богатство);

1.3 *financial gain* (финансовая прибыль);

1.4 *payment for work; wages* (оплата труда; зарплата).

Определение, указанное в словаре Macmillan English Dictionary for Advanced Learners:

1. *What you earn, save, invest and use to pay for things. Money can be kept in a bank, where it can earn interest. If you have a bank_account, you can pay for things with a cheque* (деньги – это то, что люди зарабатывают, копят, инвестируют и используют как средство платежа. Деньги могут быть

вложены в банк под проценты. Если у человека есть счет в банке, то у него есть право расплатиться, выписав банковский чек).

1.1 *the coins and pieces of paper that you can use to pay for things* (монеты и банкноты, с помощью которых люди расплачиваются).

Определение, указанное в словаре Merriam Webster Dictionary:

1. *Something generally accepted as a medium of exchange, a measure of value, or a means of payment: such as officially coined or stamped metal currency, paper money* (общепринятое средство обмена, меры стоимости, средство платежа, например, официально выпущенные металлические и бумажные знаки);

2. *wealth reckoned in terms of money* (благосостояние в денежном эквиваленте);

2.1 *an amount of money* (денежная сумма).

3. *a form or denomination of coin or paper money* (номинал (монеты, банкноты)).

Проанализировав дефиниции лексемы ***money***, можно сделать следующий вывод: в зону ядра концепта входят ключевые слова-репрезентанты: монеты/твердая валюта (*metal currency, coins*), банкноты/бумажная валюта (*paper currency, banknotes, paper money*), средства/денежные суммы (s*ums*), финансовая прибыль (*financial gain*), зарплата/оплата труда (*payment, wages*), капитал (*assets*), имущество (*property*), богатство (*wealth*), ресурсы (*resources*), банковский чек (*cheque*), валюта (*currency*). Таким образом, 15 слов-репрезентантов образуют ядро концепта. Наличие такого большого числа слов, вербализирующих концепт *money*, говорит о том, что исследуемый концепт является одним из базовых, по крайней мере, в англоязычной лингвокультуре.

Согласно мнению ученых З. Д. Поповой и И. А. Стернина, фразеологические обороты являются компонентами национального языка, привнесенными культурой, и относятся к ближней периферии концепта. В ходе исследования было найдено 22 устойчивых выражения, которые содержат лексему ***money***. Отобранные устойчивые выражения были взяты из трех словарных источников: The dictionary by Merriam-Webster, Collins English Dictionary, Oxford English Dictionary. Далее была выявлена частотность употребления вышеуказанных устойчивых выражений (количество случаев указано в скобках). Поиск проводился на электронных сайтах газет Великобритании и США (*BBC, The Evening Standard, Politico, The Washington Post, The Independent, The Guardian*) за 2020–2026 гг.:

(160) *to have/give a run for money*;

(103) *to put your money where your mouth is*;

(102) *to rake in the money*;

(66) *to throw money at something*;

(52) *easy money*;

(48) *not for love or money*;

(35) *money talks*; *money is no object*;
(33) *to chip in money*;
(27) *to stump up money*;
(26) *to have money to burn*;
(25) *time is money*;
(22) *fool and his money are soon parted*;
(20) *fast money*;
(18) *money doesn't grow on trees*;
(16) *you pays your money and takes your choice*;
(15) *to spend money like water*;
(13) *money is the root of all evil;*
(12) *to be in the money*; *money for old rope*;
(7) *money burns a hole in one's pocket*.

Так как в проанализированных устойчивых выражениях были выделены одинаковые семантические компоненты, была проведена их группировка и последующий подсчет употребления в англоязычных СМИ. Таким образом, была выявлена частотность употребления компонентов ближней периферийной зоны концепта (в скобках указано количество случаев): 1. богатство (175); 2. мотивация (160); 3. ответственность (103); 4. ценность (85); 5. легкодоступный предмет (84); 6. зло (79); 7. деньги – не главное (48); 8. источник власти, влияния (35); 9. вклад (33); 10. средство платежа (27); 11. предмет, требующий осторожного обращения (22); 12. расточительство (22); 13. труднодоступный предмет (18); 14. риск (16).

Чтобы иметь более полное представление о составе ближней периферии концепта, рассмотрим эвфемизмы, которые содержат лексему ***money*.** Своей целью эвфемизмы имеют смягчить высказывание, не вызвать негативные эмоции у реципиента, а также прикрыть или завуалировать некоторые моменты действительности. Анализ эвфемизмов (по Holder R.W. How to say what you mean: Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 2002), которые содержат лексему ***money*,** позволяет выделить несколько основных групп:

1. *Bribery* (взятка)

К этой группе относятся следующие эвфемизмы:

a. *Hush money – a bribe to ensure silence*.

В данном случае использовано нейтральное слово *hush*, которое переводится как тишина, молчание. Вместе со словом *money* оно образует эвфемизм *hush money* – взятка, деньги, выплачиваемые за молчание, за неразглашение информации.

b. *Tea money – (British) a bribe*.

В данном случае эвфемизм *tea money* означает взятка.

c. *Street money – (American) electoral bribes*.

Приведенная дефиниция говорит о том, что эвфемизм *street money* также обозначает взятку, которую дают во время избирательной программы политика.

2. *Stealing* (кража)

К этой группе относятся следующие эвфемизмы:

a. *Hot money – money held or obtained illegally*.

В общей лексике приведенный эвфемизм имеет перевод «спекулятивный капитал», в сфере экономики «капитал, вывозимый за границу из опасения налогового обложения», однако создатель словаря эвфемизмов английского языка Р. Холдер приводит следующее определение: *money held or obtained illegally*, что позволяет нам утверждать, что приведенный выше эвфемизм имеет значение «краденые деньги».

b. *To grab money – to steal money*.

В первом значении глагол *to grab* переводится как «схватить», но, образовывая вместе со словом *money* эвфемизм, он означает «красть, присваивать, прибрать к рукам».

3. *Crime* (преступление)

К этой группе относятся следующие эвфемизмы:

a. *Launder money – to bring money dishonestly obtained into apparently legal circulation or account*.

Эвфемизм *to launder money*, «отмывать деньги», включает в себя нейтральный компонент *launder – to make something dirty clean*, однако вместе данные слова образуют словосочетание со значением «преступные денежные махинации».

b. *Dirty money – money that is illegally gained, illegally transferred or utilized, especially money gained through forgery, bribery or thievery*.

За нейтральным словосочетание *dirty money* скрываются деньги, которые были получены или заработаны незаконным путем, в результате воровства, дачи взятки или преступных денежных операций.

c. *Black money – cash gained or used illegally*.

В данном эвфемизме также имеется семантический компонент «преступление».

4. *Violence* (насилие)

К этой группе относятся следующие эвфемизмы:

a. *Blood money – extortion, in standard usage, a reward for bringing about another's death or compensation paid to surviving relatives in respect of a killing*.

В данном случае в определении эвфемизма *blood money*, плата наемному убийце или денежная компенсация родственникам убитого, имеется сема «насилие».

Следовательно, в результате анализа словарных дефиниций, в данных эвфемизмах были выявлены следующие компоненты ближней (периферийной) зоны концепта, которые имеют негативную окраску:

1. *hush money* – взятка (729); 2. *tea money* – взятка (1); 3. *street money* – взятка (0); 4. *hot money* – кража (7); 5. *to grab money* – кража (26); 6. *to launder money* – преступление (737); 7. *dirty money* – преступление (179); 8. *black money* – преступление (12); 9. *blood money* – насилие (72).

Посмотрим на частотность употребления данных эвфемизмов (указана в скобках). Поиск проводился на электронных сайтах газет Великобритании и США (*BBC, The Evening Standard, Politico, The Washington Post, The Independent, The Guardian*) за 2020–2026 гг. В связи с тем что в нескольких эвфемизмах были выделены одинаковые компоненты, возникла необходимость группировки: *преступление* (928 случаев); *взятка* (730 случаев); *насилие* (72 случая); *кража* (33 случая).

В результате нашего исследования было установлено, что концепт ***money*** в английской языковой картине мира является базовым концептом, о чем говорит большое число слов, репрезентирующих данный концепт, и компонентов, которые входят в его периферию. **Ядро концепта** образуют 15 слов-репрезентантов (монеты/твердая валюта *(metal currency, coins),* банкноты/бумажная валюта *(paper currency, banknotes, paper money),* средства/денежные суммы *(sums),* финансовая прибыль *(financial gain),* зарплата/оплата труда *(payment, wages),* капитал *(assets),* имущество *(property),* богатство *(wealth),* ресурсы *(resources),* банковский чек *(cheque),* валюта *(currency)*). Данные слова-репрезентанты являются нейтральными.

Однако анализ **ближней периферии** (идиомы и эвфемизмы) концепта ***money*** свидетельствует о том, что в англоязычной картине мира деньги ассоциируются с *богатством*, *мотивацией*, *ценностью*, *легкодоступным предметом, злом*. В значительной степени ***money*** связаны с *преступлением*, *взяткой*, *насилием*, *кражей*. Таким образом, если ядро концепта семантически нейтральное, ближняя периферия концепта скорее негативно окрашена. В любом случае, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что деньги – важный компонент языковой картины мира носителя английского языка.

Литература

Антонова Л. Г. «Концепт» и «Контекст» в условиях современного коммуникативного пространства / Л. Г. Антонова // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – №4. – С. 157–160.

Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н. Н. Гончарова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – №2. – С. 396–405.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – С. 141–172.

Морковкин В. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва, 1996. – 415 с.

Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, ВГУ, 1999. – 35 с.

Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, Истоки, 2001. – 191 с.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – Москва: Наука, 1981. – 361 с.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1986. – 173 с.

Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – 1996. № 1–2–3. – С. 47–56.

И. А. Морозова (г. Борисоглебск, Россия)

ЧЕМ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ МОЖЕТ ПОМОЧЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА КАК ФЕНОМЕНА АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается потенциал технологий искусственного интеллекта для исследования значения слова в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка. Современные нейросети имеют в наличии инструменты для автоматизированного моделирования ментального лексикона, выявления неявных семантических связей, анализа диахронического развития и динамического обновления словарей языкового сознания.

Ключевые слова: языковое сознание, значение слова, психолингвистика, ассоциативные словари, лексикография, диахронический анализ, искусственный интеллект.

This article examines the potential of artificial intelligence technologies for investigating word meaning within the theory and practice of describing the linguistic, communicative, and cognitive consciousness of native speakers. Modern neural networks offer tools for the automated modeling of the mental lexicon, the identification of implicit semantic connections, and the analysis of both the diachronic development and the dynamic updating of lexicons of linguistic consciousness.

Keywords: linguistic consciousness, word meaning, psycholinguistics, associative dictionaries, lexicography, diachronic analysis, artificial intelligence.

Проблема значения слова – центральный вопрос теоретической и прикладной лингвистики. Если структурная лингвистика традиционно рассматривала значение как системную, объективно зафиксированную в словарях единицу, то психолингвистика и когнитивная наука сместили фокус на значение как достояние индивида – феномен актуального

языкового сознания. Значение в этом контексте – не застывшая дефиниция, а динамическая, вероятностная структура, включающая индивидуальный опыт, культурные коннотации и сиюминутный контекст.

Для исследования психолингвистического значения слова традиционно применяются разнообразные ассоциативные эксперименты (свободный, направленный), метод субъективных дефиниций и др. Все эти «инструменты» направлены на экспликацию того, что «живет» в голове носителя языка.

Основным инструментом фиксации коллективного языкового сознания на сегодняшний день остаются словари, построенные на базе массовых ассоциативных экспериментов: Русский ассоциативный словарь [РАС 2002]; Ассоциативный словарь употребительной русской лексики – [АСУРЛ 2011], а также на основе результатов семантической интерпретации экспериментальных данных: Рудакова А.В., Коваленко С.В., Стернин И.А. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 1-4 [Рудакова 2018, 2020]; Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 6-10 / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова [2019]. Однако сбор таких данных крайне трудоемок, дорог, помимо перечисленного, имеет определенные ограничения:

1) статичность – словарь отражает срез конкретного временного периода, а языковое сознание под влиянием социальных изменений, политических событий, технологического прогресса и других факторов меняется стремительно;

2) дискретность – ассоциативный эксперимент дает набор реакций, но не показывает плотность, силу и иерархию связей внутри ментального лексикона;

3) селективность – исследователь всегда ограничен заранее составленным списком стимулов, мы не знаем, как связаны между собой слова, которые не были включены в анкету, но могут быть тесно связаны в сознании (например, *локдаун* и *масочный режим* в 2020 году).

Естественно, в нашу эпоху цифровизации, когда главным ресурсом становятся данные, а ключевым инструментом – технологии, возникает вопрос, который вынесен в заголовок статьи. Именно с этим вопросом мы обратились к CigaChat – российской генеративной нейросети, предлагаем ее ответы для анализа.

Цель данной статьи – рассмотреть, каким образом технологии искусственного интеллекта могут автоматизировать сбор данных о языковом сознании, какие могут предложить новые методы анализа значения слова как когнитивного феномена, а также как могут использоваться для создания ассоциативных и психолингвистических семантических словарей.

Полагаем, что полученные ответы вызовут интерес и неоднозначные оценки ученых-психолингвистов. Возможности ИИ представлены в виде конкретных пунктов с необходимыми пояснениями и комментариями.

1. Векторные представления слова как модель ментального лексикона

Прорыв в ИИ произошел с переходом от дискретных моделей (они работают с отдельными символами, объектами, в этом случае слово – это просто индекс в словаре) к дистрибутивным (которые связаны с непрерывными векторами). Модели Word2Vec, GloVe, а затем и контекстуальные модели (ELMo, BERT) представляют слово в виде многомерного вектора (набора чисел). В этом пространстве геометрическая близость векторов соответствует семантической близости понятий в языковом сознании.

Если в русском языке слова *врач* и *доктор* – это синонимы, то в векторном пространстве ИИ они находятся на критически малом расстоянии друг от друга, так как встречаются в идентичных контекстах. Данная векторная арифметика позволяет моделировать когнитивные аналогии, которые являются отражением структур языкового сознания. Для исследователя языкового сознания это означает, что ИИ строит непрерывную карту ментального лексикона. В результате, анализируя тексты соответствующих периодов, можно измерить, насколько близко в сознании современного носителя языка находятся понятия *патриотизм* и *государство*, как изменилось расстояние между понятиями *Европа* и *друг /враг* за последние десять лет.

2. Трансформерные модели и реконструкция актуального значения

Появившиеся модели ИИ на базе архитектуры трансформера произвели «революцию» в понимании контекста. В предыдущих моделях у слова *ключ* всегда один вектор, последующие модели генерируют уникальный вектор для каждого употребления слова в зависимости от его окружения. Эти возможности позволяют ИИ моделировать феномен актуального языкового сознания в реальном времени:

– разграничение многозначности: ИИ способен отличить психолингвистическое значение слова *ключ* в сознании человека, читающего статью о замках, от семемы слова в сознании читателя статьи о музыке или роднике;

– выявление имплицитных связей: нейросети улавливают статистические закономерности, которые человек не всегда осознает. Анализ векторов может показать, что в актуальном языковом сознании (например, в текстах СМИ 2023–2024 гг.) понятие *суверенитет* семантически сблизилось с понятиями *технология* и *экономика*, хотя в традиционных словарях эти связи не являются ядерными;

– моделирование коннотаций: ИИ может определить, какие эмоциональные и социальные роли приписываются словам в массовом сознании. Например, анализ векторов слов *эмигрант* (переезд на

постоянное место жительства), *беженец* (человек, бегущий от войны, преследований), *релокант* (добровольный переезд, не обязательно навсегда, с сохранением работы, в том числе удаленной, или бизнеса) в разных сегментах интернета покажет колоссальный разрыв в их коннотативном наполнении, что отражает групповые особенности современного языкового сознания.

3. ИИ как инструмент изучения динамики языкового сознания

По нашему мнению, одним из наиболее значимых вкладов ИИ в лингвистику может являться возможность проведения крупномасштабного диахронического анализа. Как известно, языковое сознание исторично: оно меняется вместе с обществом. Традиционно для сравнения сознания разных эпох лингвистам приходилось сопоставлять словари, созданные с разницей в десятилетия, что давало лишь самое общее представление о сдвигах.

ИИ позволяет анализировать «слои» языкового сознания с точностью до года, месяца или даже недели:

1. Временные срезы векторных пространств: исследователи могут обучать одну и ту же модель на корпусах текстов разных периодов (1990-х, 2000-х, 2010-х и 2020-х годов и др.). В результате получаются разные векторные пространства. Сравнивая положение одного и того же вектора в этих пространствах, можно математически точно измерить семантический дрейф. Вектор слова *граница* в 1990-е годы в русскоязычном корпусе был тесно связан с географией и топонимикой (*финская, польская, пересекать*). В пространстве 2020-х годов он значительно сместился в сторону векторов *закрыта, режим, пропуск, контрольно-следовая полоса,* что отражает сдвиг в коллективном языковом сознании.

2. Отслеживание разнообразных семантических изменений. Анализ частотности и контекстов определенных слов в динамике показывает не просто рост популярности, но и изменение их смыслового наполнения по мере вхождения в массовое сознание.

Покажем это на примере слова *нейросеть*. В 2018–2019 гг. лексема *нейросеть* в сознании общества была связана с академическим контекстом и узкими задачами: «распознавание лиц», «лаборатория», «математика». В 2023–2024 гг., с выходом в публичный доступ генеративных моделей, вектор *нейросеть* резко приблизился к векторам *творчество, картинка, промпт, GigaChat, замена человека*. ИИ зафиксировал переход технологии из категории «сложный инструмент для специалистов» в категорию «массовое бытовое явление».

3. Фиксация «семантических шоков». В моменты резких социальных изменений (кризисы, пандемии, технологические прорывы) языковое сознание реагирует скачкообразно, испытывает «когнитивный сбой». Алгоритмы обнаружения аномалий могут в реальном времени отслеживать резкие изменения в совместной встречаемости слов, сигнализируя

лексикографу о том, что в сознании социума формируется новая, острая смысловая связь, требующая немедленной фиксации.

Так, до 2020 г. слово *удаленка* в сознании фрилансеров и IT-специалистов соседствовало со словами *свобода, путешествия, гибкий график*. В 2020–2021 гг. вектор резко сместился в зону понятий «изоляция», «Zoom», «прокрастинация», «выгорание», «кухня». К 2022–2023 гг., когда гибридный формат стал нормой, вектор стабилизировался, но сохранил в ближайшем окружении слова *эффективность, контроль*. ИИ наглядно показал, как за три года значение слова прошло путь от «привилегии» через «вынужденную меру» к «новой трудовой норме».

4. ИИ в подготовке психолингвистических словарей

Технологии ИИ позволяют переосмыслить сам формат словаря, превратив его из статичной книги в динамическую, интерактивную систему. Все это весьма значимо для создания словарей нового типа. Что же конкретно в этой лексикографической области может сделать ИИ?

1. Автоматическая генерация ассоциативных полей. Вместо проведения опросов исследователи могут использовать ИИ для генерации вероятностных ассоциативных полей. Обучив модель на существующих данных РАС, можно «доопросить» нейросеть: предъявить ей слово-стимул и получить ранжированный список наиболее вероятных реакций, основанный на закономерностях, усвоенных из миллиардов текстов.

2. Динамические словари неологизмов и сленга. Языковое сознание молодежи – самый динамичный пласт. Традиционная лексикография не успевает фиксировать сленг. ИИ-системы мониторинга социальных сетей (ВКонтакте, Telegram) в реальном времени могут отслеживать появление новых слов (*вайб, кринж, пов* и др.), имеющиеся модели способны строить предварительные «словарные статьи» этих слов, описывая не только значение, но и типичную коннотацию, социальную группу употребления и частотный диапазон. Это позволяет подготовить базу для словаря языкового сознания, который обновляется достаточно быстро.

3. Реконструкция субъективных дефиниций. Метод субъективных дефиниций дает богатый материал о структуре индивидуального сознания. ИИ позволяет автоматизировать этот процесс. Большие языковые модели, такие как GigaChat, обученные на огромном массиве человеческих текстов, по сути, содержат в себе усредненную модель коллективного языкового сознания. Запрос к модели «Объясни простыми словами, что такое *справедливость*», генерирует текст, который является статистически наиболее вероятным ответом среднего носителя языка. Сравнение тысяч таких сгенерированных дефиниций с результатами реальных опросов позволяет выявлять зоны когнитивного диссонанса – места, где «официальное» понимание слова расходится с его бытовым, обыденным восприятием.

Следует отметить, что CigaChat, наряду с позитивными перспективами использования ИИ в исследовании языкового сознания, отмечает имеющиеся риски. Перечислим их.

1. Проблема «черного ящика». Исследователь видит результат (вектор, ассоциацию), но не всегда понимает внутреннюю логику модели. Это затрудняет когнитивную интерпретацию данных. Лингвист рискует изучать не человеческое сознание, а артефакты алгоритма.

2. Смещение данных. ИИ обучается на текстах из интернета. Эти тексты отражают языковое сознание наиболее активной, пишущей части населения, но могут игнорировать сознание пожилых людей, жителей отдаленных регионов или людей, не пользующихся цифровыми технологиями. Картина сознания получается искаженной.

3. Этический вопрос. Если ИИ научится идеально предсказывать реакции языкового сознания, это открывает возможности для манипуляции общественным мнением через точечную работу со словами-триггерами.

4. Проблема исторической чистоты данных. При диахроническом анализе возникает вопрос: отражает ли изменение векторов реальное изменение сознания или это лишь следствие изменения корпуса (например, в 1990-е гг. было меньше цифровой текстовой рефлексии, чем сейчас)?

Таким образом, на основе полученных ответов нейросети можно сделать ряд выводов. Искусственный интеллект не заменяет психолингвистический эксперимент, но кардинально меняет его масштаб и инструментарий.

ИИ позволяет перейти от изучения «застывшего» языка словарей к анализу «живого» языка в его непрерывном движении, включая возможность наблюдения за этим движением в исторической ретроспективе.

В исследовании значения слова как феномена языкового сознания ИИ выступает в роли мощного микроскопа, позволяющего увидеть плотность семантических связей, динамику коннотаций и структуру ментального лексикона в масштабах всего общества.

Подготовка психолингвистических словарей с помощью ИИ – это переход к мониторингу современного состояния языка и языкового сознания его носителей, что открывает беспрецедентные возможности для когнитивной науки и смежных с ней областей.

Литература

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики / Науч. ред. И. А. Стерина, А. В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2011. – 183 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – 175 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 6. Частотная лексика / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – 130 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 8. Синонимы (с комментариями) – Ч. 1 / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – 140 с.

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 9/1. Возрастные значения (с комментариями) / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2019. – 178 с.

Рудакова А. В. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Антропонимы / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. – Вып. 1. – 136 с.; Вып. 2. – 127 с.; Вып. 3. – 108 с.

Рудакова А. В. Психолингвистический толковый словарь русского языка. Антропонимы. Вып. 4 / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин. – Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. –126 с.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]; РАН. – Москва: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. – 781 с.; Т. 2. – 992 с.

О. Б. Полянчук (г. Воронеж, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОТРИЦАНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации концепта «отрицание» в медиадискурсе. Исследование проводится на материале французского языка. Указывается на взаимосвязь между прагматической установкой адресанта политического дискурса и квалификацией информации и как позитивная / негативная. Выявляются причины смещения традиционных границ гармонии / дисгармонии. Рассматриваются различные языковые уровни, эксплицирующие идею отрицания. В частности, стилистический и лексический аспекты языка демонстрируют наивысшую частотность. Анализируются примеры из медиадискурса, в которых отрицание передается через американизмы, метафору и языковую игру. Отмечается тенденция к синергетическому использованию средств отрицания разных уровней.

Ключевые слова: медиадискурс, отрицание, речевая агрессия, ирония, метафора, языковая игра.

The article examines the linguistic means of representing the concept of “negation” in media discourse. The study is based on material from the French language. It highlights the relationship between the pragmatic stance of the sender in political discourse and the classification of information as positive/negative. The reasons for the shifting of the traditional boundaries of harmony/dysfunction are identified. Various linguistic levels that explicate the idea of negation are considered. In particular, the stylistic and lexical aspects of language demonstrate the highest frequency. Examples from media discourse are analyzed in which negation is conveyed through Americanisms, metaphor, and wordplay. A tendency towards the synergistic use of negation means at different levels is noted. Keywords: media discourse, negation, speech aggression, irony, metaphor, wordplay. A tendency towards the synergistic use of negation devices at different levels is observed.

Keywords: media discourse, negation, speech aggression, irony, metaphor, language play.

В современном мире границы моральных идеалов оказываются размытыми, что связано с их неустойчивостью, субъективизмом и отрицанием устоявших эстетических ценностей. Одной из причин неустойчивости и изменчивости таких границ является нестабильность общественных отношений, политических взглядов, быстро меняющиеся общечеловеческие ценности. К причинам, воздействующим на критерии разграничения положительного и отрицательного, также относятся и факторы личностного характера, такие как желание обратить внимание на собственную личность, выделиться из общей массы. Такие попытки нередко связаны с поиском отрицательного имиджа, ошибочной установкой на поиск гармонии в дисгармонии, протеста против устоявшихся идеалов красоты. Такой протест не может, на наш взгляд, быть созидательным, поскольку, несмотря на изменчивость канонов прекрасного, меняются лишь его формы, указывая на разнообразие Божественного замысла. Однако когда поиск новых форм выходит за пределы разумного, а именно за пределы «поля гармонии», человек попадает в «поле дисгармонии».

Другим аспектом отрицания является естественная для человека установка на борьбу со злом, на протест против всего, что связано с уничтожением, разрушением.

В медиадискурсе отрицание проявляется в различных его формах: в политическом дискурсе (политические дебаты, газетные статьи), телевизионных дебатах и др. Мы, вслед за ван Дейком, считаем, что дискурс, в частности, политический, не ограничивается текстом, а включает в себя социальный контекст коммуникации, обуславливающий участников коммуникации, а также процессы производства и восприятия речи с учетом фоновых знаний [Дейк 1989]. Как отмечает А. П. Чудинов, политический дискурс содержит компоненты, которые влияютна продуцирование и перцепцию речи: «К числу этих компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается и “живет” данный текст» [Чудинов 2018].

Целью настоящей статьи является исследование вербальных средств репрезентации отрицания, представленных на различных уровнях языка в современном французском медиадискурсе. В данном случае рассматриваются лексический и словообразовательный уровни языка, а также его стилистический аспект. Каждый из указанных аспектов обладает специфическими средствами выражения оппозиции. В этой связи задачами данного исследования являются:

1) дифференцировать средства репрезентации оппозиции в соответствии с аспектами языка (лексический, словообразовательный, стилистический);

2) рассмотреть лингвистические проблемы, касающиеся взаимодействия внутреннего и внешнего синтаксиса лексической единицы в ее связи с социокультурным фактором и особенностями медиатекста, в котором она фигурирует.

Как было отмечено ранее, дискурс отражает социальные, исторические, экономические и национальные особенности. Он также может быть институциональным и включать в себя политический институт. Важнейшее отличие политического дискурса как институционального заключается в том, что это – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. СМИ являются главной средой существования политической коммуникации. По мнению исследователей, медиадискурс является основным каналом освещения политических событий, а потому понятия «медиадискурс» и «политический дискурс» стремятся к сращиванию [Шейгал 2004]. Существуют некоторые характерные особенности языка массовой коммуникации, которые были отмечены М. Н. Володиной [Володина 1999]:

1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации, в которых развиваются новые виды текста и диалогических форм;

2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности средств массовой информации;

3) демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

4) «американизация» языка средств массовой информации;

5) следование речевой моде;

Анализируя современный медиадискурс, лингвисты подчеркивают его экспрессивный и оценочный характер в сочетании с функциями информирования и воздействия. Это создается с помощью образности и стандартизации одновременно. Важнейшая роль медийного текста раскрывается в его политической ориентированности: информация передается с целью получения социальной оценки в той или иной области.

Материалом исследования послужили фрагменты французских политических дискуссий и дебатов, представленных в теледебатах на французском канале ТФ1, а также во французской прессе.

Как уже указывалось, языковая интерпретация выступления или реплики политического лидера определяется его прагматической задачей. В такой ситуации объективно положительное может превратиться в

отрицательное и наоборот. Нами сделана попытка систематизировать такие прагматические задачи и языковые средства их репрезентации.

Наиболее распространенной прагматической установкой является установка на ироническое отношение к политическим оппонентам либо политической ситуации. В данном случае идея отрицания проявляется в протесте против неприемлемых качеств либо ошибочной политики представителя власти или политической партии.

Ирония в политическом дискурсе выступает в роли средства речевой агрессии. В основе использования речевой агрессии лежит особое психологическое состояние коммуниканта. По мнению Ю. В. Щербининой, «речевая агрессия – это проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2004, с. 20].

Проанализируем способы, которые используются для выражения агрессии. С. Г. Тер-Минасова выделяет следующие способы репрезентации речевой агрессии: немотивированное использование новых иноязычных слов, лингвосуггестивное воздействие текстов, экспансия лексики малых социумов, языковая демагогия, метафоризация, создание специфической метафорической картины мира [Тер-Минасова 2015].

Перейдем к классификации способов репрезентации иронии.

Приведем несколько примеров, в которых ирония представлена лексическими средствами:

(1) *Celui qui se présentait comme « un leader pro business » présente un bilan sans appel : tous les indicateurs sont au rouge : l'emploi, la croissance, la dette, les déficits, les investissements, la création d'entreprise alors qu'il nous disait lui-même que la première année de son action allait être déterminante.* (Тот, кто выдавал себя за «бизнес-лидера», демонстрирует безупречный баланс: все показатели в минусе: занятость, экономический рост, задолженность, дефицит, инвестиции, создание бизнеса, в то время как он сам говорил нам, что первый год его деятельности будет определяющим.)

Автор высказывания иронизирует, указывая на действия президента в сфере экономики, называя его *un leader pro business,* выражая сомнение в его деловых качествах.

(2) *A l'image de Fidèle Castro qui discourait pendant 7 heures d'affilée, M. Macron a fait son show, volontairement entouré d'élus ceints de bleu blanc rouge, triés sur le volet.* (Подобно Фиделю Кастро, выступавшему 7 часов подряд, г-н Макрон устроил свое шоу, окружив себя выборными должностными лицами, одетыми в синее, белое и красное.)

В данном примере *show* используется для передачи негативного отношения к действиям объекта иронии, а слово «шоу» близко по значению к слову «фарс».

В приведенных примерах языковая репрезентация идеи отрицания, связанная с лексическим уровнем языка, проявляется в использовании американизмов.

В еще одном высказывании политик называет оппонента «младшим Олландом», тем самым указывая на его несостоятельность как политика, что связано с его относительно молодым возрастом.

(3) *Vous êtes l'héritier de François Hollande, qui vous soutient deux fois par jour, ainsi que de l'intégralité de vos amis ministres avec lesquels vous avez gouverné (…) Pourquoi vous n'acceptez pas cet héritage tellement évident qu'on vous appelle maintenant Hollande junior?* (Вы наследник Франсуа Олланда, который поддерживает вас дважды в день, а также всех ваших друзей-министров, с которыми вы правили (…) Почему вы не принимаете это настолько очевидное наследие, что теперь вас называют Младшим Олландом?)

Наиболее частотными оказываются примеры, в которых оппозиция положительное / отрицательное (в частности, отрицание негативных проявлений) передается стилистическими, в частности, метафорическими средствами.

(4) Например, говоря о ЕС, М. Ле Пен приводит выразительный метафорический образ (поезд, летящий в пропасть): *«… ni les référendums français, hollandais ou irlandais, ni le Brexit qui sont autant de clignotants rouges sur le passage du train fou de l'Union européenne, ni le précipice vers lequel elle nous mène n'ont suscité la moindre remise en cause».*

Прилагательное *clignotant* означает мигающий огонь, информирующий об изменении направления. Красный цвет говорит об опасности, а прилагательное «*fou*» («сумасшедший») является ярким оценочным эпитетом. Все это указывает на то, что, по мнению Ле Пен, ЕС идет по неправильному пути.

Продолжая свое выступление, она приводит еще один аналогичный метафорический образ:

(5) *Notre projet n'est pas de descendre sur le quai ni de rester dans le wagon à regarder les beaux paysages et les vaches qui broutent, mais de monter dans la locomotive pour rediriger le train sur les bons aiguillages.* (Наш план не в том, чтобы сойти с платформы или остаться в фургоне, глядя на красивые пейзажи и пасущихся коров, а в том, чтобы попасть в локомотив, чтобы управлять поездом, вовремя переключая стрелки.)

Метафоры, используемые для репрезентации иронии, могут классифицироваться как перцептуальные, в частности, метафоры, основанные на сходстве по внешнему облику, например, зооморфные метафоры:

(6) *«C'est un ancien sénateur socialiste, on ne s'en débarrasse pas. On ne change pas les taches d'un léopard». – Marine le Pen.* (Это закоренелый сенатор-социалист, от которого невозможно избавиться.)

Выражение «*taches d'un léopard*» (пятна леопарда), означает нечто отрицательное, от чего невозможно освободиться, нечто неизменное, являющееся сущностью.

По мнению автора высказывания, адресат не в силах измениться, он никогда не изменит свои привычки.

Рассмотрим еще один пример, включающий зооморфную метафору:

(7) *Heureusement que Hamon a parlé en premier du revenu universel, sinon Macron caméléon, Macron le paradoxe, Macron le démagogue, en parlerait! – Gérald Darmanin.*

Адресант сравнивает Эммануэля Макрона с хамелеоном, указывая на его способность приспосабливаться к политической ситуации.

Кроме описанных видов метафоры, для выражения отрицательного отношения к политическим лидерам или событиям используются аффективные метафоры:

В этой же речи адресант использует яркую аффективную метафору:

(8) *Nous sommes à la fin du conte et découvrons que sous la cape du gentil chevalier se cache en réalité un ogre qui brûle de dévorer la belle princesse endormie. – Marin le Pen* (Марин ле Пен: В конце сказки мы обнаруживаем, что под плащом доброго рыцаря на самом деле скрывается людоед, который горит желанием сожрать прекрасную спящую принцессу.)

В данном случае автор использует сказочные образы для передачи оценки: *gentil chevalier, un ogre, la belle princesse.* Так Марин ле Пен критикует Евросоюз, сопоставляя его с благородным рыцарем (*gentil chevalier*), который на самом деле оказывается людоедом (*un ogre*), который хочет погубить Францию, прекрасную принцессу (*la belle princesse*).

Адресант продолжает критически высказываться о Европейском союзе:

(9) *Pourtant, progressivement, sa horde de fonctionnaires et ses dirigeants post-nationaux ont mis en place les éléments constitutifs d'un Etat fédéral et ils ont vampirisé méthodiquement toutes les parcelles de souveraineté des pays.* (Однако постепенно орда его чиновников и его постнациональные лидеры установили составляющие федеративного государства и методично высосали кровь из всех клеток суверенитета стран.)

В приведенном примере автор прибегает к ярким негативным образам, критикуя чиновников, сравнивая их с воинственными племенами и даже вампирами, питающимися суверенитетом стран, тем самым уничтожая его.

Ряд аффективных метафор базируется на образах, связанных с негативными природными явлениями:

Обратимся к следующим примерам, иллюстрирующим природные катаклизмы:

(10) *... la révolution technologique de l'intelligence artificielle dont l'uberisation est une des manifestations comme le tsunami scientifique dont le transhumanisme est une inquiétante perspective nécessitent la mise en place de régulations.* (Технологическая революция искусственного интеллекта, одним из проявлений которой является уберизация, как и научное цунами, тревожной перспективой которого является трансгуманизм, требуют установления регламентов.)

(11) *La Nation incarne ce besoin de civilisation dont les peuples ont soif. Elle incarne un besoin de certitudes sur lesquelles s'appuyer dans la tempête de notre monde.* (Нация воплощает в себе эту потребность в цивилизации, которую жаждут народы. Он воплощает потребность в уверенности, на которую можно положиться в буре нашего мира.)

Частотными примерами являются примеры метафоры, основанной на языковой игре. Как отмечают ученые-психолингвисты, «… языковая игра имеет установку на комический эффект. Она воплощает в себе веселую, смеховую грань речевой деятельности человека» [Горелов 2001, с. 183].

Приведем пример, в котором языковая игра представлена словообразовательными средствами, в частности телескопированием:

(12) *Le "gouvernemaman" va dire aux gens qu'on ne va pas sur les réseaux sociaux durant une semaine, mais le reste de l'année, les enfants passent huit heures par jour sur leurs écrans! Allô, la pertinence du Parti Québécois!* – Thomas Mulcair. (Томас Мюлкэр: «Мамадминистрация» будет призывать не заходить в социальные сети в течение недели, но все остальное время в году дети проводят по восемь часов в день перед экраном! Алло, адекватность Квебекской партии!)

В данном случае мы наблюдаем словообразовательную игру, с одной стороны, а с другой – каламбур, строящийся на замене слов схожими по фонетическому звучанию, т. к. части слов «*gouvernement*» и «*maman*» имеют схожую звуковую оболочку.

Приведем еще один пример такого типа:

(13) *Macron est un président 'égologique'* – Yannick Jadot. (Янник Жадо: Макрон – 'эгологический' президент.).

Так, политический деятель, член партии зеленых высказывает критику в адрес действующего президента, после чего поясняет:

(14) *J'ai qualifié Emmanuel Macron de président 'égologique', parce qu'il ne parle que de lui, jamais d'écologie.* (Я назвал Эммануэля Макрона 'эгологическим' президентом, потому что он говорит только о себе, а не об экологии».) Данный пример указывает на языковую игру, основанную на смешении слов «эго» (направленный на собственное *я*) и «экологический».

Рассмотрим языковую игру, разрушающую языковые сочетания, направленную на конкретных политических лиц.

(15) *C'est un feuilleton médiatique, à chaque jour suffit son épisode… On a eu Zemmour retire sa cravate, Zemmour pointe les journalistes, Zemmour*

contre le permis à points: c'est Zemmour est dans le pré. – Olivia Grégoire (Оливия Грегуар: Это мыльная опера в СМИ, каждый день новый эпизод… Мы уже видели «Земмур снимает галстук», «Земмур целится в журналистов», «Земмур против водительского удостоверения с балльной системой»: это «Земмур на лугу».)

Так, выражение «*Zemmour est dans le pré*» является отсылкой к телешоу «*L'amour est dans le pré*» («Любовь на лугу»). Так, мы наблюдаем двойной каламбур. С одной стороны, высмеивается эпизодическое появление в СМИ кандидата в президенты, что сравнивается с сериями мыльной оперы, а с другой – уже рассмотренная замена слов, схожих по звучанию: *Zemmour* и *amour*. Таким образом, мы наблюдаем языковую игру, адресованную в сторону Эрика Земмура, который, не являясь официальным кандидатом в президенты, часто фигурирует в СМИ, что вызывает насмешки со стороны других политических деятелей.

Приведем еще один пример языковой игры для выражения иронии как отрицания неприемлемого:

(16) *Mi-mandat: Fromage de Hollande entre mimolette et gouda. – Gustave Pie* (Среднесырочный: сыр Олланда между мимолетом и гаудой.)

В приведенном примере используется, с одной стороны, фонетическая ассоциация (президент Олланд и голландский сыр), а с другой стороны, высмеивается его посредственность (нечто среднее между двумя сырами).

Обобщая результаты проанализированного языкового материала, можно сделать следующие выводы:

1. В политическом дискурсе понимание положительного и отрицательного определяется прагматической установкой адресата речи.
2. Идея отрицания, протеста проявляется как речевая агрессия, требующая использования языковых средств разного уровня.
3. Наиболее репрезентативными аспектами языка, в которых представлена речевая агрессия в политическом дискурсе, являются стилистический (ирония, метафора, языковая игра) и лексический (полисемия и заимствования).
4. Политический дискурс является «катализатором», стимулирующим одновременную экстериоризацию вербальных средств разных уровней, что рассматривается как одна из его специфических характеристик.

Литература

Володина М. Н. О специфике языка массовой коммуникации / М. Н. Володина // Материалы конф. отделения МАИ. – Москва, 1999. – С. 86.

Горелов И. Н. Основы психолингвистики: учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Изд. 3, перераб. и доп. – Москва: Издательство «Лабиринт», 2001. – 304 с.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т. А. ван Дейк. – Москва: Прогресс, 1989. – 310 с.

Тер-Минасова С. Г. Культурные и языковые аспекты национальной безопасности / С. Г. Тер-Минасова // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. – Прага, 2015. – С. 21–29.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – 5-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2018. – 255 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва, 2004. – 324 с.

Щербинина Ю. В. Речевая агрессия: территория вражды / Ю. В. Щербинина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: реферативный журнал. – Москва, 2013. – С. 366–388.

Э. А. Салихова, Д. И. Фатхиева (г. Уфа, Россия)

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ СХОДСТВА СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: АНАЛИЗ ПРАКТИЧЕСКОГО КЕЙСА

В статье рассматриваются результаты лингвистического исследования словесных обозначений (товарных знаков) на тождество и сходство до степени смешения. Анализ представлен на основе практического кейса: сравнения реально функционирующих названий *Ourmaste*r и *Master*, где второй из них выступает в качестве зарегистрированного в РФ товарного знака.

Ключевые слова: словесные обозначения, сходство до степени смешения, товарный знак, лингвистический анализ.

The article examines the results of a linguistic study of verbal designations (trademarks) on identity and similarity to the point of confusion. The analysis is presented on the basis of a practical case: a comparison of the actually functioning names Ourmaster and Master, where the second of them acts as a registered trademark in the Russian Federation.

Keywords: verbal notation, confusingly similar, trademark, linguistic analysis.

Существует обширная специализированная литература, посвященная анализу различных коммерческих наименований, под которыми понимают «результат языковой номинации учреждений и товаров, преследующей коммерческие цели и ориентированной на получение прибыли [Новичихина, 2022, с. 134].

Обратимся к алгоритму исследования на примере случая из экспертной практики – сопоставления реально существующих наименований *Master* и *Ourmaster*. Для установления сходства и различия в звуковом облике исследуемых товарных знаков рассматриваются их основные фонетические параметры (фонемный состав, структура слогов, акцентологические свойства (ударение), влияние редукции, редкие с точки зрения фонетической системы русского и английского языка особенности), а также признаки определения звукового сходства, определенные в

«Методических рекомендациях Роспатента по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» [Приказ Роспатента].

Сопоставление фонематических транскрипций [ˌaʊəˈmɑːstə] и [ˈmɑːstə] демонстрирует следующее:

1) в противопоставленном обозначении *Ourmaste*r присутствуют все звуки, составляющие исследуемое обозначение *Master* – общий элемент. При этом в обозначении *Master* отсутствуют три фонемы, имеющиеся в начале обозначения *Ourmaste*r ([aʊə]), что составляет 33% общего количества звуков в противопоставленном обозначении;

2) совпадение фонем наблюдается во всех фонетически сильных позициях, имеющихся в обоих обозначениях. Совпадают находящиеся в сильных позициях фонемы: [m], [ɑː], [s], [t] и даже ослабленный [ə];

3) основное ударение в обоих обозначениях падает на один и тот же слог, содержащий ядро *-mas-*;

4) первый компонент *our-* [aʊə] является фонетически ослабленным и подвергается значительной редукции в быстрой речи, вплоть до нейтрального [ə], в случае если компонент в принципе произносится. Это приводит к тому, что звуковая доминанта всего обозначения *Ourmaste*r смещается на ударный второй слог [-ˈmɑːst-], максимально сближая его звуковой облик с обликом *Master* [ˈmɑːstə];

5) два из трех слогов обозначения *Ourmaste*r (*-mas-ter*) тождественны слогам обозначения *Master*. Ударные слоги тождественны;

6) наблюдается совпадение звукосочетаний в ключевой, запоминающейся части обозначений. Тождественными являются звукосочетания, составляющие ядро [mɑːstə];

7) состав гласных и согласных в общей, значимой части обозначений тождественен.

Так, соотношение звукового облика исследуемого обозначения *Master* и противопоставляемого обозначения *Ourmaste*r может быть квалифицировано как «тождество звучания конечных, значимых частей обозначений» при возможном различии начальных частей, что рассматривается в [Приказ Роспатента...] как один из типичных случаев значительного звукового сходства словесных обозначений. Выявленное не исключает возникновение ситуаций коммуникации (например, быстрая речь, шумная обстановка), в которых происходит смешение исследуемых и противопоставленных обозначений на уровне физического (слухового) восприятия, обусловленное доминированием общего фонетического ядра.

Сопоставление графического облика обозначений *Ourmaste*r и *Master* выявило:

1) обозначение *Ourmaste*r включает в себя полностью все графемы, составляющие обозначение *Master* (6 графем: *M-a-s-t-e-r*). Элемент *Master* является общим для всех обозначений и конечным в обозначении *Ourmaste*r;

2) обозначение *Master* состоит из 6 графем, *Ourmaste*r – из 9 графем;

3) различие заключается в наличии в начале обозначения *Ourmaste*r префиксального элемента *our-* (3 графемы: *o-u-r*). В памяти потребителя оба обозначения (*Ourmaster* и *Master*) могут ассоциироваться с общим ядром *Master*, что создает высокую вероятность смешения между ними [Гиляревский 1978];

4) наблюдается совпадение сочетаний букв в значимой, запоминающейся части обозначений. Тождественными являются буквосочетания, составляющие ядро *master*;

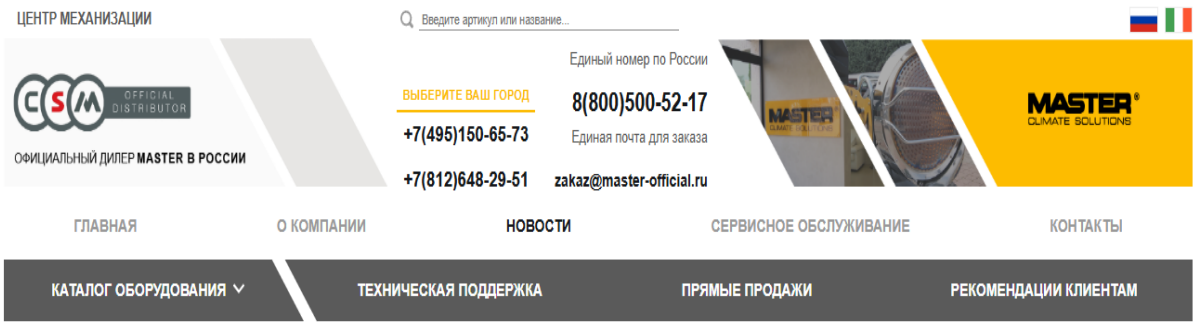
5) наличие общего значительного графического элемента *master* в обоих обозначениях является ключевым фактором, определяющим сходное общее зрительное впечатление. Элемент *our-* является графически и семантически подчиненным, что снижает его различительную значимость.

Исследуемое обозначение *Master* русскоязычным сознанием чаще воспринимается как калька *Мастер* с английского языка. Калька представляет собой заимствование иноязычных слов, высказываний, фраз буквальным переводом соответствующей языковой единицы, а также как результат этих заимствований: слова, высказывания и фразы. Написание слова прописными буквами применяется в современном русском языке для передачи аббревиатур и для выделения слова в тексте. Наименование бренда / товарного знака на латинице избирается производителями из-за престижности и позитивных ассоциаций с высоким качеством, международным уровнем и технологичностью, которые формируются у потребителей благодаря влиянию зарубежных брендов и культур. Латиница также удобнее для дизайна и визуального оформления бренда, обеспечивает большую гибкость в создании логотипов и общей айдентики. К тому же латинское написание обеспечивает единообразие бренда и его узнаваемость в разных странах. Название на латинице выглядит привычнее и воспринимается у потребителей с определенным благорасположением. Безусловно, выбор написания названия бренда зависит от ряда факторов, связанных с конкретным бизнесом: целевой аудитории, ниши, географии бизнеса, долгосрочных планов.

Исследуемые обозначения рассматриваются как словесные. Их графическое оформление, включая выбор гарнитуры, начертание шрифта, кегль, цвета фона и текста, носит нейтральный характер, находится в пределах нормы и не является существенным с точки зрения выполнения ими функции индивидуализации товаров и услуг. Фактически отличия графического облика обозначения *Ourmaster* от облика *Master* сводятся к наличию начального элемента *our-*, который не обладает достаточной различительной силой для преодоления общего зрительного сходства, определяемого доминирующим и общим элементом *Master*.

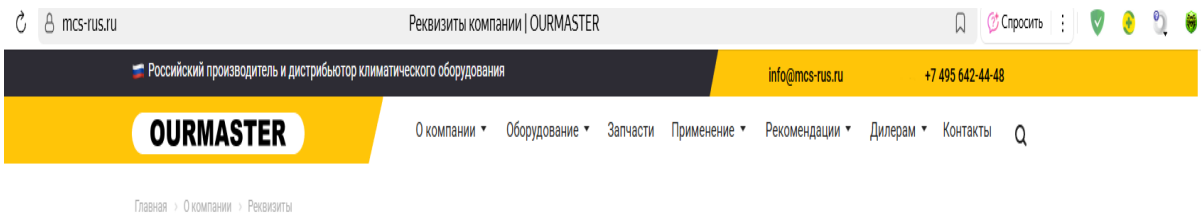
Соотношение графического облика исследуемого обозначения *Master* и противопоставленного обозначения *Ourmaster* может быть квалифицировано как «вхождение одного обозначения в другое» и «тождество значительных частей обозначений», что рассматривается в «Методических рекомендациях...» Роспатента как признаки, свидетельствующие о наличии графического сходства. Они являются определяющим, а различия (наличие префикса *our*-) недостаточны для предотвращения их смешения при употреблении в письменной форме на уровне физического (визуального) восприятия в условиях беглого просмотра, недостаточной видимости или невнимательности потребителя.

Элементом товарного знака, знака обслуживания *Master*, выполненного в красном цвете, содержатся мелким шрифтом выполненные слова «производитель котельного оборудования». Надпись не является комбинированным элементом знака, поэтому не влияет на снижение информативности. Подобная надпись отсутствует в товарном знаке, знаке обслуживания *Ourmaster* без цветового сочетания. Однако поиск компаний по предлагаемой продукции в сети интернет или по реквизитам в «Сведениях...» наводит потребителя / потенциального клиента на практически идентичные в цветовом (серо-желто-черное сочетание), структурном и содержательном аспектах (сравни скриншоты №1 и №2) дизайнерского исполнения страницы.



Скриншот №1 информативной части сайта компании *Master*

Компании *Master* является официальным дистрибьютором *Master* в России; элемент надписи *climate solution* дословно переводится как «климатическое(-ие) решение(-я)», и имеет родовидовое соотношение с элементом в описании товарного знака «производитель котельного оборудования».



Скриншот №2 информативной части сайта компании *Ourmaster*

Элементом смешения может являться также надпись на сайте второй компании – «Российский производитель и дистрибьютор климатического оборудования». Климатическое оборудование – это общее название группы приборов, которые помогают регулировать температуру, влажность, чистоту и движение воздуха в жилых или рабочих помещениях. Понятие «климатическое оборудование» является родовым по отношению к «котельному оборудованию», обозначающим комплекс устройств и систем, предназначенных для производства, распределения и управления тепловой энергией. Эти понятия взаимосвязаны и соотносятся как часть к целому.

Вероятны ситуации устной коммуникации, в которых возможно устойчивое смешение исследуемых и противопоставленных обозначений на уровне физического (слухового) восприятия, когда исследуемое обозначение *Ourmaster* может быть воспринято слушающим как тождественное противопоставленному *Master* за счет редукции первого компонента *our* в слабой позиции произношения.

Методы семантического анализа в лингвистике не позволяют выявлять «общие впечатления», возникающие при восприятии товарного знака. При экспертизе словесных обозначений необходимо учитывать сходство – различие именно сильных элементов. Сильные и слабые элементы товарных знаков характеризуют «способность к смыслоразличению, что представляет собой важнейшую характеристику любых знаков в семиотической системе» [Баранов 2022, с. 25]. Как известно, знак обладает планом выражения (физический носитель, форма знака), планом содержания (семантика) и значимостью (связями знака с другими знаками в семиотической системе – реальными или виртуальными). Способность к смыслоразличению определяется вхождением знака в оппозиции к другим знакам в парадигматической группе, что выявляет его характерные свойства в противоположность другим аналогичным знакам, то есть «смыслоразличительная сила связана со значимостью знака в семиотической системе» [Там же, с. 27].

В наименованиях *Master* / *Ourmaster* совпадает корневая часть. Очевидный элемент различения – слово *our*, которое формально различает данные наименования. Словесный элемент *our* понимается носителями русского языка как «наш», то есть семантика обозначения *Ourmaster* – «наш мастер». Согласно «Большому толковому словарю русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2007), слово «мастер» зафиксировано в русской лексической системе со значением «Квалифицированный работник, занимающийся каким-либо ремеслом», «Человек, достигший большого умения, мастерства в работе, творчестве, деле», «Искусный, ловкий в каком-либо деле человек» [БТС 2007, с. 524]. Данное значение возникло в результате семантической адаптации английского заимствования, где, по данным Кембриджского словаря, исходное значение «специалист»

является лишь одним из многих, уступая по частотности значениям «хозяин, владелец», «учитель», «магистр» [Кембриджский словарь: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/master].

Слово *Master* присутствует в словарях английского языка и широко известно в русском языке как заимствованное. Доминирующими значениями в оригинале согласно Кембриджскому словарю являются: 1) владелец, хозяин (чего-либо или кого-либо); 2) повелитель, господин; 3) учитель, наставник; 4) магистр (академическая степень); 5) оригинал (в противоположность копии). Однако в английском языке семантический спектр слова «master» значительно шире, и значение «квалифицированный специалист» не является основным. Значение «специалист» («a person who is very skilled in a particular job or activity») является лишь одним из многих и употребляется намного реже [Там же]. В русском языке значение «квалифицированный специалист» стало доминирующим благодаря процессу калькирования и адаптации заимствования.

Таким образом, слово *Master* не является изобретенным, а представляет собой устоявшееся заимствование в русском языке, обладающее собственной семантикой и высокой частотностью употребления. Оно функционирует в русскоязычной среде как имя нарицательное, а в контексте товарного знака – как имя собственное. При этом его использование в качестве товарного знака для товаров и услуг, связанных с ремонтом, строительством и оборудованием, носит описательный характер, что может ослаблять различительную способность знака в отсутствие приобретенной узнаваемости бренда. Описательные обозначения пользуются более узкой правовой охраной [Приказ Роспатента...].

Наличие слова *master* в словарях английского языка и его активное использование в русском языке как заимствованного слова свидетельствует о том, что оно воспринимается как латинское написание русского слова *Мастер*. Написания *Мастер* и *Master*, таким образом, являются в современном русском языке двумя способами передачи на письме одного и того же слова. Фактически *Мастер* и *Master* чаще имеют разное значение, а использование латиницы здесь обусловлено стремлением к некой элитарности. Потребитель же воспринимает обозначение в целом, а не как набор букв того или иного алфавита. Для широко известного заимствования использование латиницы является распространенной практикой, не меняющей сути обозначения. Следовательно, визуальное сходство между *Мастер* и *Master* также является высоким.

Исследуемые словесные обозначения зарегистрированы в качестве товарных знаков для обозначения товаров класса 11 МКТУ, что охватывает широкий спектр товаров (устройства и установки для контроля за состоянием окружающей среды, в частности для освещения,

приготовления пищи, охлаждения и санитарной обработки) [МКТУинфо]. По своим категориально-семантическим свойствам слово *мастер* относится к лексико-грамматическому разряду обозначений лиц по профессии или роду деятельности, выступает в современном русском языке как описательное обозначение, что определяется его значением «специалист», «квалифицированный работник».

Данное слово представляет собой цельнообразованную непроизводную основу. Слово *мастер* происходит от лат. magister «мастер, хозяин». В древнерусский язык слово «мастер» заимствовано в форме «мастеръ» – «магистр ордена». Наряду с этим существовала форма «магистръ» (зафиксирована у Нестора-Искандера и других авторов), которая могла быть получена через ср.-греч. *μάγιστρος*. Путь заимствования форм на *-ер* трудно определить точно. Допускается (не без фонетических затруднений) посредство польск. «majster». Происхождение из англ. *master* признается маловероятным ввиду наличия ранних древнерусских примеров на *-ер* [Фасмер]. Итак, компонент *мастер* представляет собой целостную корневую морфему, исторически восходящую к латинскому *magister*, которая не поддается дальнейшему морфемному членению в синхронном аспекте современного русского языка. Как отмечается в академических источниках, подобные заимствования сохраняют свою целостность и не подвергаются морфемному анализу.

При анализе слова *мастер* следует рассматривать его как монолитную лексическую единицу без внутренней морфемной структуры, что соответствует принципам синхронного словообразовательного анализа современного русского языка и данным исторической лингвистики.

С учетом особенностей семантики товарных знаков, сути конфликтной ситуации, предполагающей использование исследуемых обозначений как названий товаров и услуг в области оборудования и строительства, общих свойств семантики имен собственных (слово Х имеет значение «предмет, называемый Х»), точное лексическое значение исследуемого обозначения *Мастер* / *Master* при его использовании для обозначения заявленных товаров и услуг может быть сформулировано следующим образом: «товар / услуга, называемые обозначением *мастер,* которое ассоциируется с высоким качеством, мастерством, профессионализмом».

Слово *мастер* является в современном русском языке существительным мужского рода, склоняется по образцу существительных второго склонения. Обозначение *master*, выполненное в латинице, в письменных текстах официального стиля является неизменяемым. Очевидно, что как словесный элемент *master*, так и соответствующее ему русскоязычное восприятие *мастер* в составе рассматриваемых наименований семантически тождественны.

Обозначения *Ourmaster* в дословном переводе «наш мастер», в русскоязычной версии звучит как [ауэрмастер], но, с бóльшей долей вероятности, трудно- и неудобопроизносимое сочетание сокращается говорящими из экономии речевых усилий до простого в произношении [мастер], то есть равновеликому и совпадающему с произношением предыдущего наименования бренда. Словосочетание «наш мастер» имеет прозрачную семантику и понимается как «принадлежащий нам, свойственный нам квалифицированный специалист», если опираться на толкования слов «наш» [СРЯ: https://kartaslov.ru/значение-слова/наш] и «мастер» [СРЯ: https://kartaslov.ru/значение-слова/мастер]. Данное сочетание является свободным, описательным и не обладает признаками товарного знака, являясь лишь переводом. Однако на практике для обозначения товарного знака *Ourmaster* устойчиво используется его прямое звуковое воспроизведение – [ауэрˈмастэр]. Сочетание «наш мастер» является лишь пассивным, словарным переводом компонентов, но не активным, употребляемым названием бренда в русскоязычной среде. Фонетическая адаптация англоязычного композита *Ourmaster* привела к образованию устойчивого звукового комплекса [ауэрˈмастэр], который функционирует как единое, неразложимое на смысловые части целое для рядового потребителя.

Точное лексическое значение англоязычного обозначения товарного знака может быть определено следующим образом: «товар / услуга, называемые составным обозначением *Ourmaster*, которое ассоциируется с коллективным владением, общим мастерством и высоким качеством».

Противопоставленное обозначение *Ourmaster* оформлено в виде цепочки прописных букв латиницы, состоящей из двух компонентов: местоимения *our-* и существительного *Master*, объединенных в одно целое без разделителей. Слово *ourmaster* отсутствует в словарях современных европейских языков и русского языка и может быть интерпретировано как составное слово (композит), образованное слиянием английского местоимения *our* («наш») и существительного *master* [Приказ Роспатента...].

Проведенный анализ компонентного состава и семантики показывает, что компонент *Master* является семантически сильным, основным носителем значения, функционирующим как корневая морфема, будучи именем нарицательным. В то же время компонент *our-* является префиксальным и семантически ослабленным, вносящим в значение смысловой компонент принадлежности, коллективности («наш»), поскольку указание на принадлежность представляет собой типичный прием, не обладающий высокой различительной способностью [Жарков 2009, с. 33–35]. Его семантика является описательной для заявленных товаров и услуг классов 07, 11 и 35 МКТУ.

При этом существенно, что и слово *Ourmaster* в современном русском языке, имея значение «наш хозяин», выступает как контекстуальный синоним наименованию *Master*. Номинация *Ourmaster* таким образом оказывается тавтологичной *Master*. Наличие в составе одного из сравниваемых наименований слова *our* («наш») не способствует его смысловому приращению, которое позволяло бы эффективно различать обсуждаемые наименования.

Как отмечалось, к числу сильных элементов в рассматриваемых наименованиях относится словесный элемент *Master*. Целостная семантика этих элементов мотивируется именно этим компонентом, легко вычленяемым на основании дистрибутивного анализа минимальных значимых компонентов, однозначно соотносимых с общеизвестными словами русского языка или их значащими морфемами.

Словарный и контекстный анализ компонента *Master* показывает, что он воспринимается русскоговорящими как транслит с устойчивой семантикой, то есть калька с заимствованного слова, которая продуктивна в русском языке благодаря множеству заимствованных одноструктурных слов (прилагательное *мастерский (-ое, -ая)*, наречие *мастерски*, существительные *мастерица, мастерок, мастерище, мастерство*, а также слова, связанные с деятельностью и образованием, как *мастерская* и *мастеровой*), что для их понимания носителю русского языка нет необходимости владеть соответствующим иностранным языком.

Из проведенного анализа следует, что словесным элементам *Master* / *Ourmaster* в рамках современного русскоязычного дискурса нельзя приписать иные значения, кроме того, что каждый из них является частью наименования, но это тривиальная часть семантики любого имени нарицательного. В логико-философской традиции в отличие от нарицательных существительных имена собственные относятся к определенным дескрипциям. Согласно теории определенных дескрипций Б. Рассела, типичный способ языкового указания на лицо или объект – это использование более или менее развернутого (сложного) описания, или дескрипции, где упоминаются те или иные свойства описываемого объекта [Баранов 2019, с. 38]. Например, фамилия Петров в теории Б. Рассела – это определенная дескрипция вида человек, носящий фамилию Петров. Соответственно, семантика товарного знака или шире – наименования организаций, товаров и услуг – имеет форму «организация, товар и услуга, называемые X», где X – форма товарного знака (номинации).

Словесный элемент *our* в наименовании *Ourmaster* должен был бы быть сильными компонентом, однако де-факто он этой функции не выполняет, поэтому наименования *Master* / *Ourmaster* сходны до степени смешения.

Как выяснилось, в значениях исследуемых обозначений отсутствуют семантические компоненты, которые могли бы рассматриваться как

признаки их существенного смыслового несходства, исключающие вероятность их смешения на основе внешнего сходства (на уровне физического восприятия). В частности, исследуемые и противопоставленные обозначения, исходя из их грамматических, категориально-семантических и иных смысловых свойств, способны к употреблению в тождественных контекстах.

Таким образом, в значениях исследуемых и противопоставленных обозначений не выявлено звуковых, графических, смысловых компонентов, которые могли бы обеспечить возможность их разграничения в сознании потребителя на уровне психического восприятия. Напротив, наличие общего доминирующего семантического ядра *Master* и способность функционировать в идентичных контекстах (товары класса 11 МКТУ) создают предпосылки для их смыслового сближения.

Литература

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – Москва: Флинта, 2007. – 592 с.

Баранов А. Н. Семантическое сходство как один из аспектов лингвистической экспертизы товарных знаков / А. Н. Баранов, О. М. Грунченко // Труды института лингвистических исследований (Acta Linguistica Petropolitana). – 2019. – Vol. 15.1. – С. 17–41.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: РАН, ИЛИ; Норинт, 2007. – 1536 с.

Гиляревский Р. С. Иностранные имена и названия в русском тексте / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин. - Изд. 2. – Москва: «Международные отношения», 1978. – 303 с.

Жарков И. В. Сходство товарных знаков: есть вопросы / И. В. Жарков // Патентный поверенный. – 2009. – № 1. – С. 33–35.

Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (приказ Роспатента от 31.12.2009 г. № 197). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102309/ (дата обращения: 28.09.2026).

МКТУинфо. URL: https://mktu.info/goods/11 (дата обращения: 28.09.2026).

Новичихина М. Е. Лингвистическая экспертиза товарного знака: критерии выделения сильных элементов составного обозначения / М. Е. Новичихина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 133–141.

Приказ Роспатента от 27.03.1997 г. № 26 (ред. от 31.12.2009 г.) «О Методических рекомендациях по отдельным вопросам экспертизы заявок на регистрацию товарных знаков». URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rospatenta-ot27031997-n-26-o/ (дата обращения: 27.09.2026).

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению / Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова. – Москва: Московская международная школа переводчиков, 1994. – 400 с.

СРЯ –Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: https://kartaslov.ru/ (дата обращения: 28.09.2026).

Стернин И. А. Основы лингвокриминалистики / И. А. Стернин. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 304 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. URL: https://lexicography.online/etymology/vasmer/м/мастер (дата обращения: 28.09.2026).

Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 29.09.2026).

А. В. Шуманская (г. Минск, Республика Беларусь)

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «MAN» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМЕРИКАНЦЕВ

В статье представлена методика моделирования смысловой структуры концепта «Man» в языковом сознании американцев, выявленные на материалах ассоциативных экспериментов.

Ключевые слова: концепт «Man», смысловая структура, направления идентификации, языковое сознание американцев.

The article presents a methodology for modeling the semantic structure of the concept “Man” in the linguistic consciousness of Americans, identified on the basis of associative experiments.

Keywords: concept “Man”, semantic structure, directions of identification, linguistic consciousness of Americans.

Термин *концепт* широко применяется в самых разных направлениях лингвистики: когнитивистике, лингвокультурологии, психолингвистике, социолингвистике, этнопсихолингвистике и др., а также является одним из центральных понятий в смежных науках (культурологии, психологии, философии и др.), однако, единого понимания данного термина в современной лингвистике пока нет.

В рамках настоящего исследования мы придерживаемся интегративного подхода в рассмотрении *концепта* как фрагмента «живого знания» (термин А. А. Залевской), отмечая двойственную природу *концепта*: с одной стороны, базовое «перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [Залевская 2005, с. 410–411]; с другой стороны, *концепт* представляет собой «произведение коллективного разума», обладающее сложной, многомерной, упорядоченной структурой в силу неоднородного характера культуры и сознания индивида [Курганова 2020, с. 72]. Н. И. Курганова указывает на важность изучения «живого коллективного знания» с точки зрения «типичного, закономерного, повторяющегося в характере и способе осмысления мира носителями языка и культуры» путем обращения к «операциональному знанию», т. е. тенденциям, закономерностям

речемыслительной деятельности того или иного этноса [Курганова 2020, с. 40].

Интегративный подход к пониманию *концепта* требует обращения к соответствующей методике исследования, обеспечивающей доступ не только к результатам, но и к процессам когнитивной деятельности [Курганова 2020, с. 8]. Таким методом, по мнению Н. И. Кургановой, может выступить продолженный ассоциативный эксперимент [Курганова 2019], суть которого заключается в том, что испытуемые должны отреагировать на слово-стимул с помощью пяти слов или словосочетаний. В этом случае «для участников эксперимента процесс установления ассоциативных связей носит естественный и мотивированный характер, ориентированный на поиск ответа для самого себя и для организатора испытаний» [Курганова 2019, с. 28]. Таким образом, продолженный ассоциативный эксперимент позволяет наблюдать, как разворачиваются процессы смыслообразования у обычных носителей языка и культуры, тем самым именно он выступает не только эффективным средством доступа к «структурам знания, эксплицитно выраженным в слове», но и средством реконструкции неосознаваемого знания, т. е. операционального [Курганова 2020, с. 98].

Комплекс процедур по моделированию структурных параметров *концепта* включает следующие шаги: 1) классификацию всех ассоциатов поля в соответствии с типом смысловой связи и выделение на этой основе когнитивных слоев; 2) ранжирование когнитивных слоев в соответствии с количественными параметрами и моделирование когнитивной структуры концепта, выделение ядерных, приядерных и периферийных слоев; 3) моделирование смысловой структуры концепта на основе выделенных когнитивных слоев и учета семантических характеристик ассоциатов, выделение ведущих смысловых моделей [Курганова 2020, с. 95].

В целях изучения функционирования концепта «Man» / «Мужчина» в американском языковом сознании нами была проведена серия продолженных ассоциативных экспериментов среди граждан США, в ходе которых участникам было предложено дать в письменной форме по пять ассоциативных реакций на слово-стимул ***man*** ‘мужчина’ на родном языке.

С американской стороны в ассоциативном эксперименте приняло участие 100 человек в возрасте от 18 до 60 лет: мужчины (48 %) и женщины (52 %). Среди всех анкет были отобраны только те, в которых испытуемые указывали: а) страну проживания – США, б) в графе «Ваша национальность» – «американец/ка», в) в качестве родного языка – английский.

На слово-стимул *man* было получено 500 вербальных реакций [Шуманская 2024]. Ранжирование ассоциатов по параметру частотности позволило представить ассоциативное поле, полученное на слово-стимул *man*, как структурированное образование и выделить в нем ядро (218 асс.),

приядерную часть (234 асс.) и периферию, представленную единичными реакциями (48 асс.).

На одном из этапов комплексного исследования было проведено моделирование смысловой структуры концепта «Man». С этой целью каждый когнитивный слой, выделенный на основе анализа смысловой связи «слово – стимул – ассоциат», был дифференцирован с учетом семантики ассоциатов, что позволило выявить набор смысловых моделей, репрезентирующих способы идентификации мужчины в языковом сознании американцев:

1. Отличительные свойства, качества мужчины (206 асс.):

1.1 Мужчина – его физические свойства, качества (63 асс.): *masculinity* ‘маскулинность’ 30, *strong* ‘сильный’ 10, *handsome* ‘красивый’ 6, *tall* ‘высокий’ 5, *adulthood* ‘совершеннолетие, зрелость’ 3, *loud* ‘громкий’ 3, *athletic* ‘спортивный’ 2, *ugly* ‘некрасивый’ 2, *heterosexual* ‘гетеросексуальный’, *white* ‘обладающий белым цветом кожи’;

1.2 Мужчина – его индивидуально-личностные свойства, качества (40 асс.): *brutal* ‘грубый’ 10, *aggressive* ‘агрессивный’ 9, *audacity* ‘наглость, дерзость’ 2, *hardness of emotion expression* ‘с трудом выражающий эмоции’ 2, *inherently destructive* ‘разрушительный по своей сути’ 2, *non-emotional* ‘неэмоциональный’ 2, *spontaneous* ‘спонтанный’ 2, *unavailable* ‘«недоступный»’ 2, *confused* ‘смущенный, поставленный в тупик’, *entitled* ‘статусный’, *foolhardy* ‘безрассудный’, *hard to come of age* ‘нежелающий взрослеть’, *outgoing* ‘общительный’, *shy* ‘застенчивый’, *silent* ‘молчаливый’, *successful* ‘успешный’, *unfulfilled* ‘нереализованный’;

1.3 Мужчина – его морально-нравственные свойства, качества (34 асс.): *hardwork* ‘усердный труд’ 19, *morality* ‘нравственность’ 6, *love* ‘любовь’ 2, *caring* ‘заботливый’, *dependable* ‘надежный’, *generous* ‘щедрый’, *greedy* ‘жадный’, *lazy* ‘ленивый’, *lying* ‘лживый’, *warmth* ‘сердечность’;

1.4 Мужчина – его волевые свойства, качества (29 асс.): *powerful* ‘влиятельный’ 9, *confident* ‘уверенный’ 7, *calmness* ‘спокойствие’ 3, *responsible* ‘ответственный’ 2, *stability* ‘стабильность’ 2, *a man of action* ‘деятельный, энергичный’, *bold* ‘смелый’, *discipline* ‘дисциплина’, *independent* ‘независимый’, *persistence* ‘упорство’, *stress resistance* ‘стрессоустойчивость’;

1.5 Мужчина – его интеллектуальные свойства, качества (25 асс.): *intelligence* ‘интеллект’ 19, *stupid* ‘глупый’ 3, *has a reputation for being intelligent without having to prove it* ‘обладающий репутацией умного человека, которому не нужно это доказывать’, *humor* ‘юмор’, *inquisitive* ‘любознательный’;

1.6 Мужчина – его религиозная природа (15 асс.): *created in the image of God* ‘созданный по образу и подобию Божьему’ 14, *non-religious* ‘нерелигиозный’.

Семантический слой «**Отличительные свойства, качества мужчины»** (206 acc.) по количеству компонентов занимает первое место в иерархии структуры концепта «Man». В этом слое репрезентированы физические, интеллектуальные, волевые, морально-нравственные и индивидуально-личностные свойства и признаки мужчины, а также его религиозная природа. Ведущими смысловыми моделями идентификации концепта «Man» в рамках данного слоя выступают: а) Мужчина – его **физические** свойства, качества (*strong* ‘сильный’, *handsome* ‘красивый’); б) Мужчина – его **индивидуально-личностные** свойства, качества; в) Мужчина – его **морально-нравственные** свойства, качества (*hardwork* ‘усердный труд’, *caring* ‘заботливый’); г) Мужчина – его **волевые** свойства, качества (*confident* ‘уверенный’, *responsible* ‘ответственный’); д) Мужчина – его **интеллектуальные** свойства, качества (*intelligence* ‘интеллект’); е) Мужчина – его **религиозная природа** (*created in the image of God* ‘созданный по образу и подобию Божьему’).

2. Обыденные дефиниции мужчины (121 acc.):

2.1 Мужчина – его социальный статус (92 acc.): *male* ‘особь мужского пола’ 36, *leader* ‘лидер’ 25, *gym bro / friend* ‘друг из спортзала’ 9, *boy* ‘мальчик, парень’ 8, *human being* ‘человек’ 7, *guy* / *dude* ‘парень’ 3, *he / him / his* ‘он / его’ 3, *fighter* ‘боец’;

2.2 Мужчина – его семейный статус (29 acc.): *father* ‘отец’ 16, *husband* ‘муж’ 6, *son* ‘сын’ 4, *brother* ‘брат’ 2, *cousin* ‘двоюродный брат’.

Семантический слой «**Обыденные дефиниции мужчины**» (121 acc.) в языковом сознании американцев дифференцируются через призму двух типов смысловых моделей: а) **социальный** статус и б) **семейный** статус. Учет частотности компонентов данного слоя показал, что доминантной смысловой моделью идентификация концепта «Man» выступает: «Мужчина – **его социальный статус**».

3. Атрибуты мужчины (85 acc.):

3.1 Мужчина – его психофизиологические атрибуты (76 acc.): *having XY chromosomes* ‘обладающий мужским генотипом’ 26, *testosterone* ‘тестостерон’ 21, *bulging muscles* ‘накачанные мускулы’ 12, *hair* ‘волосы’ 4, *beard* ‘борода’ 3, *big size* ‘крупное телосложение’ 3, *male sexual organs* ‘мужские половые органы’ 2, *penis* ‘мужской половой орган’ 2, *chest* ‘грудная клетка’, *smile* ‘улыбка’, *sperm* ‘мужские половые клетки’;

3.2 Мужчина – его материальные / нематериальные блага (9 acc.): *cars / mechanics* ‘транспортные средства’ 4, *money* ‘деньги’ 2, *children* ‘дети’, *phone* ‘телефон’, *has a dog* ‘имеет собаку’.

Слой «**Атрибуты мужчины**» (85 acc.) раскрывается с помощью следующих моделей: а) Мужчина – его **психофизиологические атрибуты**; б) Мужчина – его **материальные / нематериальные блага**. Доминантной (в 3 раза выше степень актуализации) смысловой моделью идентификации концепта «Man» выступает: «Мужчина – его

психофизиологические атрибуты» (*testosterone* ‘тестостерон’, *bulging muscles* ‘накачанные мускулы’).

4. Оценки, отношения (37 асс.):

4.1 Мужчина – отрицательная оценка (22 асс.): *danger to women* ‘опасен для женщин’ 7, *patriarchy* ‘патриархат’ 3, *toxic* ‘токсичный’ 3, *inappropriate behavior at times* ‘временами неподобающее поведение’ 2, *misogyny* ‘женоненавистничество’ 2, *scary* ‘пугающий’ 2, *troublesome* ‘проблемный’ 2, *horse* ‘груб. амер. кобель’;

4.2 Мужчина – положительная оценка (15 асс.): *gentleman* ‘джентльмен’ 4, *macho* ‘мачо’ 3, *buffalo* ‘амер. разг. воскл. Вау’ 2, *funny* ‘смешной’ 2, *respect* ‘уважение’ 2, *beloved* ‘любимый’, *predator* ‘хищник’.

Смысловой слой «**Оценки, отношения**» (37 асс.) раскрывается с помощью следующих смысловых моделей: а) Мужчина – **отрицательная** оценка; б) Мужчина – **положительная** оценка.

5. Действия мужчины (32 асс.):

5.1 Мужчина – его действия (32 асс.): *does / plays sport / football / weightlifting* ‘занимается спортом / футболом / тяжелой атлетикой’ 7, *goes drinking beer / at barbecue with his friends / colleagues* ‘ходит выпивать пиво / на барбекю со своими друзьями / коллегами’ 4, *makes up the rules* ‘устанавливает правила’ 3, *does / sets up his business* ‘ведет / основывает свой бизнес’ 2, *doesn’t listen* ‘не слушает’ 2, *owns the wealth* ‘владеет богатством’ 2, *pays bills* ‘оплачивает счета’ 2, *runs the world* ‘управляет миром’ 2, *advises* ‘советует’, *clutters* ‘говорит невнятно / сумбурно’, *dies for his family* ‘готов умереть за свою семью’, *drives* ‘водит автомобиль’, *genders* ‘присваивает кому-то или чему-то определенный пол’, *gets the best jobs* ‘получает лучшие предложения по работе’, *tracks podcast* ‘отслеживает данные подкастов’, *violates his privilege* ‘преступает полномочия’.

Семантический слой «**Действия мужчины**» (32 асс.) находится на периферии структуры концепта «Man» в языковом сознании американцев. Характерно, что в других сравниваемых культурах (белорусской, русской) данный слой не был выделен. С учетом семантики вербализованных ассоциатов в этом слое выделяется следующая смысловая модель: «Мужчина – его действия».

6. Функции мужчины (19 асс.):

6.1 Мужчина – его функции (19 асс.): *protection* ‘защита’ 9, *provider of his family* ‘кормилец семьи’ 9, *sex* ‘секс’.

Учет семантики ассоциатов данного слоя «**Функции мужчины»** (19 асс.) позволяет выделить одну смысловую модель: «Мужчина – **его функции**» в семье и социуме.

Таким образом, на основе анализа семантики ассоциатов мы сформировали смысловую структуру и представили ее в виде следующих

смысловых моделей, репрезентирующих способы идентификации концепта «Man» в языковом сознании американцев (Таблица 1).

Таблица 1

Смысловая структура концепта «Man»
в языковом сознании американцев

№ п/п	Смысловые модели	Вес	
		в асс.	**в %**
1.	**Отличительные свойства, качества мужчины**	**206**	**41,2**
1.1	Мужчина – его физические свойства, качества	63	12,6
1.2	Мужчина – его индивидуально-личностные свойства, качества	40	8
1.3	Мужчина – его морально-нравственные свойства, качества	34	6,8
1.4	Мужчина – его волевые свойства, качества	29	5,8
1.5	Мужчина – его интеллектуальные свойства, качества	25	5
1.6	Мужчина – его религиозная природа	15	3
2.	**Обыденные дефиниции мужчины**	**121**	**24,2**
2.1	Мужчина – его социальный статус	92	18,4
2.2	Мужчина – его семейный статус	47	5,8
3.	**Атрибуты мужчины**	**85**	**17**
3.1	Мужчина – его психофизиологические атрибуты	76	15,2
3.2	Мужчина – его материальные / нематериальные блага	9	1,8
4.	**Оценки, отношения**	**37**	**7,4**
4.1	Мужчина – отрицательная оценка	22	4,4
4.2	Мужчина – положительная оценка	15	3
5.	**Действия мужчины**	**32**	**6,4**
5.1	Мужчина – его действия	32	6,4
6.	**Функции мужчины**	**19**	**3,8**
6.1	Мужчина – его функции	19	3,8

Как видим, смысловая структура концепта «Man» в языковом сознании испытуемых американцев характеризуется высоким уровнем дифференцированности: в рамках 6 когнитивных слоев выделяются 14 смысловых моделей, по которым идет идентификации концепта «Man». В языковом сознании **американцев** высоко актуализированными являются следующие смысловые модели:

а) Мужчина – его **социальный статус** (18,4 %);

б) Мужчина – его **психофизиологические атрибуты** (15,2 %);

в) Мужчина – его **физические** свойства, качества (12,6 %);

г) Мужчина – его **индивидуально-личностные** свойства (8 %);

д) Мужчина – его **морально-нравственные** свойства, качества (6,8 %);

е) Мужчина – его **действия** (6,4 %);

ё) Мужчина – его **семейный** статус (5,8 %);

ж) Мужчина – его **волевые** свойства, качества (5,8 %);

з) Мужчина – его **интеллектуальные** свойства, качества (5 %).

На периферии идентификации концепта «Man» в языковом сознании **американцев** находятся следующие смысловые модели:

1) Мужчина – **отрицательная оценка** (4,4 %);
2) Мужчина – его **функции** (3,8 %);
3) Мужчина – его **религиозная природа** (3 %);
4) Мужчина – его **положительная оценка** (3 %);
5) Мужчина – его **материальные / нематериальные блага** (1,8 %).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить следующее.

Смысловая структура концепта представляет собой набор ядерных (высоко актуализированных) и периферийных семантических моделей, используемых испытуемыми в ходе процессов смыслопорождения при идентификации мужчины.

Доминантными смысловыми моделями идентификации концепта «Man» в языковом сознании американцев выступают две: а) Мужчина – его социальный статус (18,4 %); б) Мужчина – его психофизиологические атрибуты (15,2 %).

Литература

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А. А. Залевская. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с.

Курганова Н. И. Образ мира через призму концептов повседневности: монография / Н. И. Курганова. – Минск: РИВШ, 2020. – 200 с.

Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова/ Н. И. Курганова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). – С. 24–38.

Шуманская А. В. Содержание концепта «Мужчина» по материалам ассоциативных экспериментов, проведенных среди россиян и американцев / А. В. Шуманская // Материалы XXVIII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы германской филологии и лингводидактики». – Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – Ч. 1. – С. 184–187.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н. В. Аверкина (г. Москва, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ IT-ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена семантическим и словообразовательным процессам в современной немецкой IT-терминологии в условиях развития цифровых технологий и интенсивного межъязыкового взаимодействия. На материале немецкоязычных IT-текстов и документов Федерального ведомства по информационной безопасности Германии рассматриваются англоязычные заимствования, гибридные композиты, метафорическая номинация и семантическая специализация общеупотребительной лексики. Показано, что заимствованные единицы адаптируются к грамматической системе немецкого языка и включаются в продуктивные модели словообразования. Одновременно общеупотребительные слова благодаря образности приобретают специальные значения в компьютерной сфере. Развитие термина трактуется как взаимосвязь номинации, системной интеграции и контекстуального закрепления значения.

Ключевые слова: немецкая IT-терминология, цифровые технологии, термины, заимствования, сложные слова, метафора, изменение значения.

The article examines semantic and word-formation processes in modern German IT terminology in the context of digital development and intensive language contact. Drawing on German-language IT texts and documents of the German Federal Office for Information Security, it discusses English borrowings, hybrid compounds, metaphorical nomination, and semantic specialization of general vocabulary. The analysis shows that borrowed items adapt to German grammatical patterns and participate in productive word formation. At the same time, words such as Fenster and Maus acquire specialized meanings in computing. Term development is considered as an interaction between naming, integration into the terminological system, and contextual stabilization of meaning.

Keywords: German IT terminology, digital technologies, terms, borrowings, compounds, metaphor, meaning change.

Развитие цифровых технологий сопровождается появлением новых объектов, процессов и способов взаимодействия, которые требуют языкового обозначения. В немецкой IT-терминологии этот процесс особенно заметен из-за значительной роли английского языка в международной профессиональной коммуникации. При этом терминологическое обновление осуществляется не только за счет прямого заимствования: существенное значение имеют гибридное словообразование и семантическое переосмысление уже существующих единиц. Поэтому современную IT-лексику целесообразно рассматривать как динамическую систему, в которой внешнее языковое влияние взаимодействует с внутренними ресурсами немецкого языка.

Английский выступает одним из главных источников IT-лексики, однако распространение англицизмов не означает автоматического вытеснения немецких средств выражения. Заимствованные основы сочетаются с немецкими компонентами, включаются в словоизменительные модели и образуют новые терминологические ряды. Одновременно общеупотребительные слова приобретают специальные значения, когда привычные образы переносятся на цифровые объекты и операции.

Цель статьи – выявить основные способы образования немецких IT-терминов и описать взаимосвязь между номинацией и формированием их значения в профессиональном дискурсе.

Объект исследования – современная немецкая IT-терминология; предмет – словообразовательные и семантические механизмы ее развития. Материал составляют примеры современной немецкой IT-лексики и нормативные тексты, включая документы Федерального ведомства по информационной безопасности Германии (BSI). Используются описательный и контекстуальный анализ, а также элементы словообразовательного и семантического анализа. Особое внимание уделяется связи между структурой названия, его системными отношениями и закреплением значения в профессиональном контексте.

1. Термин в системе профессиональной коммуникации

IT-термин одновременно называет объект или процесс и связывает его с определенной областью профессионального знания. Его значение определяется не только составом слова, но и местом в системе понятий, типичных контекстах употребления. Например, *Server* в профессиональной коммуникации существует не изолированно: он входит в сочетания *Webserver, Datenbankserver, Anwendungsserver, Mailserver* и *Serverinfrastruktur*. Эти образования уточняют функциональные характеристики базового понятия и демонстрируют продуктивность модели, в которой общий компонент обеспечивает системную связь между терминами.

В развитии термина можно выделить три этапа. Первый – номинация: новое явление получает языковое обозначение – посредством заимствования, сложения или метафорической номинации. Второй – системная интеграция: термин вступает в устойчивые сочетания, распространяется в профессиональной коммуникации и может стать компонентом производных слов. Третий этап – контекстуальная стабилизация: в ходе употребления значение уточняется в технической документации, профессиональном общении и нормативных текстах. Эти этапы аналитически различимы, однако в реальной языковой практике могут протекать параллельно.

Даже закрепившийся термин может получать дополнительные значения, входить в новые сочетания или становиться основой для новой

номинации. Поэтому термин следует рассматривать как динамическую языковую единицу, развитие которой связано с изменениями в самой IT-сфере.

2. Английские заимствования и их адаптация

Одной из наиболее заметных характеристик современной немецкой IT-лексики является присутствие англоязычных элементов. *Server, Browser, Software, Hardware, Interface, Cloud* и *Streaming*. Международная узнаваемость делает их удобными в профессиональной коммуникации. Однако после перехода в немецкий язык они включаются в его языковую систему. Особенно наглядно это проявляется в гибридных образованиях *Cloud-Dienst, Cloud-Anbieter, Cloud-Nutzung и Cloud-Sicherheit*. Английский компонент сохраняет связь с международной терминологией, а немецкий уточняет обозначаемую услугу, участника или процесс.

Грамматическая адаптация проявляется и в глаголах *downloaden, uploaden, streamen, scannen* и *googeln*. Глагольные парадигмы строятся по нормативам немецкого языка. Например, *Ich downloade die Datei*, *Wir streamen einen Film.* Таким образом, заимствование становится частью грамматически функционирующей немецкой лексики и представляет собой не только лексическое пополнение, но и включение иноязычного элемента в грамматическую и словообразовательную систему языка-реципиента.

Сосуществование английских и немецких форм отражает разные коммуникативные задачи: *User* и *Benutzer*, *Interface* и *Benutzeroberfläche*. Английские варианты могут быть привычны в международной профессиональной среде, тогда как немецкие обладают большей прозрачностью для носителя немецкого языка. Выбор зависит от адресата, типа текста и необходимой степени точности. Поэтому конкурирующие названия не обязательно вытесняют друг друга.

3. Композит и гибридная номинация

Для немецкого языка особенно характерна возможность компактно выражать сложное понятие посредством композитов. В IT-сфере эта модель приобретает особую значимость. Единицы *Datenbank, Datenschutz, Rechenzentrum, Benutzeroberfläche* и *Informationssicherheit* образованы из знакомых компонентов, однако функционируют как самостоятельные термины. Их значение не всегда сводится к простой сумме частей: например, *Informationssicherheit* обозначает специализированную область обеспечения безопасности информации, а не просто сочетание двух отвлеченных понятий.

Композит помогает включить новое явление в уже существующую систему языка и одновременно показать его связь с другими объектами. Компонент *Daten* повторяется в образованиях, связанных с обработкой и хранением информации; элемент *Sicherheit* участвует в номинациях, описывающих защиту разных объектов. В результате новые термины не

только увеличивают словарный состав, но и формируют группы единиц, объединенных общими компонентами и смысловыми отношениями.

Гибридные композиты особенно показательны для немецкой IT-терминологии. В *Cloud-Dienst* английская основа сочетается с немецким существительным, а *Cloud-Computing-Dienst* обозначает более конкретное понятие. Таким образом, подобные структуры выполняют двойную функцию. С одной стороны, они сохраняют связь с международной терминологией; с другой – включают новую единицу в немецкую словообразовательную систему. В нормативных текстах их значение может быть дополнительно закреплено: например, термин *Cloud-Computing-Dienst* используется в немецком законодательстве об информационной безопасности.

4. Метафора и семантическая специализация

Не все IT-термины создаются из новых или заимствованных основ. Значительный пласт терминологии формируется за счет переосмысления уже существующей лексики. Немецкое *Fenster* обозначает окно в здании, но в компьютерной среде – отдельную область интерфейса; *Maus* называет животное, а также устройство управления курсором; *Papierkorb* обозначает место хранения удаленных файлов в интерфейсе. В этих случаях наблюдается развитие специального значения на основе уже существующей лексической формы. Новое значение опирается на понятный образ: окно на экране ограничивает видимую область, корзина служит местом для удаленных файлов, а мышь помогает управлять курсором. Метафорический перенос облегчает первоначальное понимание новых функций и делает интерфейс более интуитивным.

По мере распространения термина первоначальный образ может отходить на второй план. Для пользователя *Papierkorb* становится прежде всего названием конкретной функции, а не ассоциацией с обычной корзиной. Значение закрепляется благодаря постоянному употреблению, контексту и профессиональной практике. Таким образом, метафора важна на этапе концептуализации, после чего термин начинает функционировать как устойчивая профессиональная единица.

Сходный процесс наблюдается у слова *Speicher*. В общеупотребительном значении оно связано с хранением, тогда как в IT-сфере образует ряд *Arbeitsspeicher, Datenspeicher и Cloud-Speicher*. Каждый компонент уточняет, о каком именно типе памяти или хранилища идет речь. Специализация не уничтожает исходное понятие, а создает сопутствующее значение в определенном контексте.

5. Контекстуальная обусловленность терминологического значения

Еще одной существенной характеристикой современной IT-терминологии является зависимость значения от коммуникативной ситуации. Например, *Plattform* в общеупотребительном языке может быть

физическая площадка или основание. В цифровом дискурсе *Plattform* означает программную или технологическую среду: *Die Plattform ermöglicht den Austausch digitaler Inhalte.* При этом профессиональное значение может дополнительно конкретизироваться: *Online-Plattform, Cloud-Plattform, E-Commerce-Plattform.*

Таким образом, контекст не просто устраняет многозначность. Он участвует в формировании актуального содержания термина.

Аналогично, слово *Client* в техническом описании называет программный компонент, взаимодействующий с сервером, но в деловой коммуникации может пониматься как обозначение клиента.

Контекст не только помогает избежать неоднозначности, но и уточняет, какие признаки понятия важны в конкретной ситуации. Например, сочетания *Online-Plattform, Cloud-Plattform* и *E-Commerce-Plattform* указывают на разные виды цифровых платформ. Значение термина складывается из его связей с другими словами, типичных ситуаций употребления и определений, принятых в профессиональной среде.

В нормативном дискурсе точность терминов особенно важна, поскольку от нее зависит понимание требований и обязанностей. В материалах BSI используются специализированные обозначения, включая *Cloud-Dienst* и *Cloud-Computing-Dienst* в рамках определенной системы понятий. Нормативное употребление показывает, что терминологическая устойчивость обеспечивается не только частотностью слова, но и его формальным определением.

6. Взаимодействие номинации и семантической динамики IT-термина

Рассмотренные примеры показывают, что ономасиологический и семасиологический подходы дополняют друг друга при описании терминологического развития. Ономасиологический анализ позволяет установить, какими языковыми средствами новое понятие получает название. Например, цифровая область хранения и обработки ресурсов получает обозначение *Cloud*, основанное на метафорическом переносе. Семасиологический анализ, в свою очередь, направлен на выявление изменений и уточнений значения уже существующей языковой единицы в процессе ее профессионального употребления. На основе *Cloud* сформировался ряд терминов: *Cloud-Dienst, Cloud-Anbieter, Cloud-Nutzung* и *Cloud-Sicherheit*. Первоначальное название стало основой для новых слов и понятий.

В случае *Fenster* и *Maus* процесс был иным: эти слова существовали в немецком языке задолго до появления компьютерной техники, но позднее получили специальные значения. Оба механизма, ономасиологический и семасиологический, участвуют в формировании IT-терминологии, хотя имеют разные отправные точки. Их сочетание обеспечивает более

комплексное описание немецкой IT-терминологии и позволяет учитывать, как структурные свойства терминов, так и условия их профессионального употребления.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько закономерностей развития современной немецкой IT-терминологии.

Во-первых, немецкий язык активно использует английские единицы, однако их включение в терминологическую систему сопровождается грамматической и словообразовательной адаптацией.

Во-вторых, наиболее продуктивным способом образования IT-терминов является композит. Особенно характерны гибридные образования, в которых английский компонент сочетается с немецким: *Cloud-Dienst, Cloud-Anbieter, Cloud-Nutzung*.

В-третьих, значительный пласт терминологии формируется посредством семантического переосмысления уже существующей лексики. Единицы *Fenster, Maus, Papierkorb, Anwendung, Speicher* получают специализированные значения в цифровом дискурсе. Метафорическая номинация играет существенную роль на начальном этапе обозначения новых цифровых объектов. После терминологической стабилизации она может отходить на второй план.

В-четвертых, терминологическое значение нельзя рассматривать вне контекста. Одна и та же единица может по-разному пониматься в разных понятийных системах, а профессиональное определение может заметно сузить ее смысл.

Таким образом, развитие терминологии представляет собой циклический процесс: новый концепт получает название, которое затем закрепляется, образует новые языковые модели и приобретает семантическую специализацию; дальнейшее распространение термина создает новые контексты и потенциально новые значения.

Современная немецкая IT-терминология развивается под влиянием цифровых технологий и международной профессиональной коммуникации. Она представляет собой открытую систему, в которой заимствования взаимодействуют с собственными словообразовательными возможностями немецкого языка. Изучение этих процессов позволяет глубже понять механизмы языковой динамики и особенности номинации в условиях цифровой трансформации общества.

Литература

Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik. IT-Grundschutz-Kompendium. Edition 2023. – Bonn: Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik; Köln: Reguvis Fachmedien GmbH, 2023. – 858 S.

Bundesrepublik Deutschland. Gesetz über das Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik und über die Sicherheit in der Informationstechnik von Einrichtungen (BSI-Gesetz – BSIG) [Электронный ресурс]. – Официальный текст (дата обращения: 06.09.2026).

Roelcke T. Fachsprachen. – 3., neu bearb. Aufl. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. – 269 S. – (Grundlagen der Germanistik; 37).

Chang Y. Anglizismen in der deutschen Fachsprache der Computertechnik: Eine korpuslinguistische Untersuchung zu Wortbildung und Bedeutungskonstitution fachsprachlicher Komposita. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. – 204 S.

А. С. Андреева (г. Воронеж, Россия)

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛИЦИЗМОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена изучению отношения современной молодежи к новым англицизмам в сленге и оценке степени их интеграции в речь. Установлено, что наиболее употребительны слова цифровой и эмоционально-оценочной сфер, тогда как узкоспециальные и устаревающие англицизмы перемещаются на периферию. Показано, что профессиональная принадлежность (филологи / медики) не является барьером для активного использования англицизмов.

Ключевые слова: новые заимствования, молодежный сленг, восприятие англицизмов.

The article is devoted to studying the attitude of modern youth towards new Anglicisms in slang and assessing the degree of their integration into speech. It has been established that the most commonly used words are those from the digital and emotional-evaluative spheres, while highly specialized and outdated Anglicisms are moving to the periphery. It has been shown that professional affiliation (philologists / medical professionals) is not a barrier to the active use of Anglicisms.

Keywords: new borrowings, youth slang, perception of Anglicisms.

По наблюдениям специалистов, русский язык сегодня переживает активную фазу трансформации, вызванную глобализацией, цифровизацией и расширением межкультурных связей [Петранкова 2025, с. 58]. Одним из наиболее ярких проявлений этих процессов стало стремительное и массовое вхождение англицизмов в молодежный сленг. Использование неологизмов-англицизмов молодежью представляет собой многогранный лингвистический феномен, обусловленный комплексом экстра- и интралингвистических факторов. Лингвисты отмечают, что его изучение требует учета как процессов семантической и словообразовательной адаптации, так и функционально-прагматических установок, доминирующих в молодежной среде [Колоскова 2023].

Мы обратились к исследованию новых заимствований-англицизмов в молодежном сленге с целью изучения степени их интеграции в речь молодежи, выявления их функций и отношения к ним респондентов. Для решения этих задач использовались опрос и экспериментальные методы.

Модель нашего исследования включала в себя несколько шагов: 1) указание респондентами социологической информации (пол, возраст,

род занятий, участие в компьютерных играх); 2) самооценочный опрос о частоте использования англицизмов; 3) шкалирование отношения к заимствованиям (*плохо ↔ хорошо, свое (свой сленг) ↔ чужое (незнакомое), модно ↔ устарело*); 4) открытый вопрос.

Экспериментальные данные были получены от 73 человек в возрасте от 14 до 30 лет. Большинство респондентов – женщины (80,8%) в возрасте 18–21 года (68,5%), которые являются студентками вузов (75,3%). Также в число респондентов вошли малочисленные группы школьников и других представителей молодежи. Более 70% опрошенных играют в компьютерные игры «почти никогда» или «редко». Из этого можно сделать вывод, что источником интеграции англицизмов в их речь является не геймерская среда, а иные сферы: социальные сети, мессенджеры и повседневное общение. При сравнении двух групп респондентов по профилю специальности (опрошенные 18–21 года – филологи, 22–25 лет – медики) можно заметить, что группа медиков более гендерно сбалансирована и проявляет более высокую вовлеченность в компьютерные игры: 38,5% играют часто или постоянно против 25,0% в группе филологов. Однако это сравнение осложнено возрастным расхождением групп.

Для самооценочного опроса о частоте использования англицизмов были предложены 15 англицизмов трех смысловых групп. В первой группе представлен соцсетевой сленг (***свайп, репост, фейк, скам***). Данные слова описывают базовые механики пользования соцсетями и прочно входят в повседневную речь. Во вторую группу объединены слова эмоционально-оценочного сленга (***вайб, пикми, абьюзер, буллить, кринж, краш, хейтить***). Эта высокоактивная группа англицизмов также используется в повседневном общении для быстрой оценки эмоционального состояния или поведения окружающих. К третьей группе относятся слова игрового сленга и интернет-жаргона (***троллить, аппнуть, имба, брейнрот***).

Для определения частотности использования англицизмов был рассчитан средний балл по шкале от 0 до 3, где 0 – «никогда», 1 – «редко», 2 – «иногда», 3 – «часто». Чем выше средний балл, тем активнее слово используется в речи. Результаты указаны в Таблице 1. Дополнительно указана доля ответов «часто» (3), чтобы показать, насколько слово популярно в своей максимальной категории.

Таблица 1

Частотность использования англицизмов

№	Слово	Средний балл	Доля ответов «часто»
1	**Вайб**	2,14	45,2%
2	**Свайп**	2,10	48,0%
3	**Троллить**	2,10	45,2%
4	**Апнуть**	2,10	35,6%
5	**Репост**	2,07	37,0%
6	**Пикми**	2,05	47,9%
7	**Абьюзер**	2,04	38,4%
8	**Фейк**	2,00	35,6%
9	**Скам**	1,96	35,6%
10	**Буллить**	1,88	32,9%
11	**Кринж**	1,84	41,1%
12	**Имба**	1,78	30,1%
13	**Хейтить**	1,49	17,8%
14	**Брейнрот**	1,23	5,5%
15	**Краш**	1,21	11,0%

Анализ показывает, что к самым частотным словам относятся ***вайб***, ***свайп*** и ***троллить***. Редко используются слова ***краш*** и ***брейнрот***. Если же ранжировать только по доле ответов «часто», то лидирует ***свайп*** (48,0%), а замыкает список ***брейнрот*** (5,5%).

По степени употребительности можно выделить три группы: 1) наиболее употребительные (средний балл выше 2,0): ***вайб, свайп, троллить, апнуть, репост, пикми, абьюзер, фейк***; 2) средняя частота (средний балл от 1,5 до 2,0): ***скам, буллить, кринж, имба***; 3) редкие (средний балл ниже 1,5): ***хейтить, брейнрот, краш.***

Эти данные показывают, что в активном словаре молодежи преобладают слова, описывающие цифровую жизнь и эмоциональный фон. Наименее употребительны англицизмы с узкой или уже устаревающей семантикой. Также значимые различия обнаружены между частотой использования универсальных интернет-терминов и специфичного геймерского жаргона. Можно выделить два основных кластера слов: «повседневная цифровая коммуникация» с высокой частотой использования и «геймерский/устаревающий сленг» с низкой частотой.

Для анализа оценочных профилей восприятия респондентам были предложены 10 слов: ***альтушка, глоу-ап, гринфлаг, забанить, мастхэв, пранк, скилловый, топовый, флексить, шеймить.*** В результате были выявлены следующие группы слов.

Первый профиль – «свое + модное + хорошее». К нему респондентами были отнесены слова ***топовый, скилловый, мастхэв***. Это освоенный актуальный сленг с положительной оценкой. Данные слова полностью встроены в речь. Они утратили оттенок чужеродности и используются как выражение одобрения или необходимости.

Второй профиль – «свое + модное + плохое». К нему относятся слова ***забанить, шеймить***. Это освоенный актуальный сленг с отрицательной оценкой. Само описываемое действие воспринимается негативно, но термины прочно вошли в речь как полезные языковые инструменты.

Третий профиль – «чужое + модное + хорошее». Пример – слово ***гринфлаг***. Оно модное, но еще не до конца освоенное. Воспринимается как специализированное заимствование из популярной психологии. Активно используется благодаря моде на психологическую грамотность и эмоциональный интеллект, но всё еще ощущается как заимствованное.

Четвертый профиль – «чужое + устаревшее + плохое». К нему отнесены слова ***флудер, пранк***. Такие слова относятся к периферии молодежного сленга, ассоциируются с культурой «старого» интернета до середины 2010-х гг., воспринимаются как уже неактуальные и вызывающие легкое раздражение, отторжение.

Пятый профиль – «свое + устаревшее + хорошее». Примеры – ***флексить***, ***гостинг***. Это ностальгический или пассивный запас: слова хорошо знакомы, не вызывают отторжения, но их активное употребление в речи уже снизилось. Они перешли в разряд понятной, но уже неактуальной лексики.

На последнем этапе нашего исследования респондентам был задан открытый вопрос: «Приведите 3 англицизма, которые вы используете почти каждый день, но которых не было в опросе».

Анализ результатов опроса позволил выявить слова, которые респонденты используют ежедневно. Это дает картину реального и актуального словаря молодежи за рамками заданных исследователем категорий.

Тема «Игры» представлена словами: ***изи, сигма, фармить, килл, айтем, прайм, нерд, го, пушить, дропнуть, могать, лаки/анлаки, ультануть, дефолт, гайд.*** Это игровая лексика, перенесенная в повседневное общение, которая означает высокие результаты деятельности или высокое качество предметов.

Тема «Соцсети» представлена словами: ***хайп, рофл / рофлить, треш, свэг, рилсы, шортсы, спойлер, лайфхак, контент, пост, донат, селфи, лайкнуть, промоушен, тайминг, кэнселлить, альтушка.*** Это слова, описывающие цифровую культуру, виды контента и поведение в соцсетях.

Тема «Психология и эмоции» представлена словами: ***муд, тильт, триггер, редфлаг, инсайт.*** Это лексика, пришедшая в язык из популярной психологии. Она отражает моду на психологическую грамотность, ментальное здоровье и рефлексию.

Тема «Учеба и работа» представлена словами: ***дедлайн, фидбэк, бэкстейдж, коворкинг, файл, синк, линк, шерить, маркетплейс, тайм***. Это корпоративная и академическая лексика, интегрированная в бытовое общение.

Тема «Повседневное общение» представлена словами: ***чилить, гуглить, сори / сорри, юзать, баг, девайс, игнорить, камон, анриал, плиз, окей, чекнуть, месседж, лайтовый, энивей, по-фасту.*** Это слова-действия, описывающие рутинные практики и цифровые привычки.

Тема «Отношения» представлена словами: ***шипперить, редфлаг, кэнселлить***. Это лексика, связанная с межличностными отношениями, романтическими и дружескими связями.

Среди дополнительно выявленных англицизмов мы также определили наиболее частотные, которые затем были распределены по темам:

- ***дедлайн*** (5 упоминаний), сфера «учеба / работа»;
- ***хайп*** (4 упоминания), сфера «соцсети»;
- ***чилить / чилл*** (4 упоминания), сфера «быт»;
- ***рофл / рофлить*** (4 упоминания), сфера «соцсети»;
- ***треш*** (3 упоминания), сфера «соцсети».

Перечисленные слова можно отнести к хорошо освоенной общеупотребительной лексике, данные едиицы характерны именно для молодежной аудитории.

В русле нашего исследования ранее, в 2024 году, был проведен опрос студентов-филологов об отношении к использованию англицизмов в речи [Андреева 2024, с. 127–131]. Интересно было сравнить данные двухлетней давности и современные с точки зрения отношения к заимствованиям и стабильности / нестабильности тенденции их использования. Сопоставление показало, что высокая доля использования сленга в окружении, отмеченная в 2024 году (67%), в целом согласуется с новыми данными, хотя и несколько ниже. От 30 до 48% опрошенных часто используют 12 слов из предложенных 15.

Основные цели использования англицизмов в речи студентов в 2024 г. – желание выражать мысль ярко, образно (57%) и кратко (33%), а также быть точнее. Это соотносится с ответами на открытый вопрос в новом опросе. Частое использование в дополнительных ответах таких слов, как ***треш*** (что-то негативное, вызывающее отвращение, неприятное удивление, абсурдное, нелепое или крайне низкого качества), ***тильт*** (состояние эмоциональной нестабильности), ***инсайт*** (озарение, удачная идея или глубокое понимание чего-либо), ***фидбэк*** (обратная связь) и др., подтверждает, что молодежь использует заимствования как семантически емкие единицы, заменяющие длинные описания.

В целом позитивное отношение к сленгу, зафиксированное у 71% филологов в 2024 году, согласуется с нашими оценочными профилями, где актуальные заимствования (***гринфлаг, гостинг, мастхэв, топовый, скилловый, флексить***) воспринимаются респондентами как «хорошие».

Данные предыдущего и текущего опроса свидетельствуют также, что в своей речевой практике студенты ведут себя одинаково, независимо от специальности. Профиль обучения не является барьером для активной

интеграции сленга в речь. Приоритетом для молодых людей выступает коммуникативная эффективность, семантическая точность и эмоциональная окраска, которые в полной мере обеспечивают англицизмы.

Литература

Андреева А. С. Заимствования в молодежном жаргоне: особенности образования и понимания семантики / А. С. Андреева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / науч. ред. А. В. Рудакова. – Москва: РИТМ, 2024. – Вып. 10. – С. 127–131.

Колоскова О. А. Неологизмы как маркеры эволюционных тенденций в лексической системе английского языка / О. А. Колоскова, В. В. Зуева // Российский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 57–65. – DOI: 10.15643/libartrus-2023.1.5.

Петранкова Д. Ю. Влияние англицизмов на молодежный сленг современного русского языка / Д. Ю. Петранкова // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. ст. / Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины. – Гомель, 2025. – Вып. 18. – С. 58–62.

В.А. Винскявичус, В.Р. Саркисьянц (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ШАХМАТНАЯ МЕТАФОРА – СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье представлен анализ шахматной метафоры в политическом дискурсе. Шахматная метафора в политическом медиатексте актуализирует фреймы «геополитические шахматы» и «шахматная партия». В русских, английских и испанских медиатекстах 2000–2025 гг. выделены ядерные слоты: *шах/мат* (предупреждение / финал), *рокировка* (кадровая перестановка без смены задач), *пешка* (уязвимый участник), *эндипиль* (завершающая фаза). Русский дискурс тяготеет к военной и внутриполитической тематике, английский же к процедурной (*импичмент, выборы*), испанский в свою очередь к парламентской и историко-дипломатической.

Ключевые слова: политическая метафора, шахматная метафора, языковое сознание, политический медиадискурс, фреймово-слотовая модель.

The article presents an analysis of chess metaphor in political discourse. A chess metaphor in a political media text actualizes the frames "geopolitical chess" and "chess game." In Russian, English and Spanish media texts 2000-2025. nuclear slots are allocated: check/checkmate (warning/final), castling (personnel reshuffle without changing tasks), pawn (vulnerable participant), endipile (final phase). Russian discourse gravitates to military and domestic political topics, while English to procedural (impeachment, elections), Spanish, in turn, to parliamentary and historical-diplomatic.

Keywords: political metaphor, chess metaphor, language consciousness, political media discourse, frame-slot model.

Метафорическая модель «Политика – это шахматная партия» включает 5 фреймов: «Шахматы», «Шахматные фигуры», «Игроки в шахматы», «Фазы шахматной партии», «Шахматные ходы и комбинации».

Фрейм «Шахматы» содержит слоты «шахматная доска» (политическая шахматная доска), «правила игры» (строгие правила политической игры), «партия» (геополитическая партия). Фрейм «Шахматные фигуры» делится на подслоты «сильные фигуры» (король, ферзь, ладья, слон) и «слабые фигуры» (пешка). Фрейм «Игроки в шахматы» включает слоты «гроссмейстер» (политический гроссмейстер), «новичок» (политик-новичок в шахматной игре), «противник» (оппонент по шахматной партии). Фрейм «Фазы шахматной партии» содержит слоты «дебют» (политический дебют), «миттельшпиль» (середина политической партии), «эндшпиль» (политический эндшпиль). Фрейм «Шахматные ходы и комбинации» включает слоты «рокировка», «гамбит», «размен», «жертва фигуры», «многоходовая комбинация».

Фрейм рассматривается как типовая ситуация или структура знаний с набором типичных элементов, слот – как позиция (роль, параметр) в структуре фрейма, заполняемая лексемой или выражением из текста. Заполнителем является какая-либо лексическая единица или их сочетание. В политическом медиатексте слот «игроки» заполняется лексемами *Путин, Байден, Зеленский* и т. д.; слот «фигуры» заполняется лексемами *король, ферзь, пешка*; слот «ходы» – лексемами *рокировка, гамбит, шах*; слот «фазы» – лексемами *дебют, миттельшпиль, эндшпиль*; слот «критические ситуации» – терминами *мат, пат, цугцванг*.

Фреймово-слотовый анализ включает 4 шага: выделение фрейма, перечисление слотов, сбор заполнителей из корпуса текстов, сопоставление заполнителей по языкам, периодам, жанрам или политическим силам. Метод показывает, какие элементы исходной области «шахматы» переносятся на целевую область «политика», а какие остаются незадействованными.

Слово «шахматы» имеет два значения: 1. Игра на доске в 64 клетки между 16 белыми и 16 черными фигурами. 2. Набор фигур для такой игры. В политическом медиатексте актуализируется первое значение, т. е. игра как процесс со стратегией, тактикой, фазами и критическими ситуациями.

Двумя наиболее продуктивными фреймами являются «Политические события – это геополитические шахматы» и «Политические решения – это результат шахматной игры». Первый описывает макроуровень политического дискурса как противостояние государств, блоков, цивилизаций, а второй – описывает микроуровень, т. е. конкретные решения политиков, кадровые перестановки, тактические ходы.

Концептуальные смыслы шахматной метафоры: «состязание», «соперничество», «борьба», «победа». Политическая деятельность

концептуализируется как интеллектуальное состязание со строгими правилами, многоходовыми стратегиями и победой сильнейшего.

Слот «внешняя политика – это шахматы» реализуется через метафору «геополитические шахматы»: *Учитывая «любовь» Вашингтона к геополитическим шахматам, вполне можно ожидать, что КНДР вскоре может стать новой точкой напряжения* (Царьград, 02.04.2023).

Слот «внутренняя политика – это шахматы» фиксирует противостояние власти и общества: *Украина для власти – это больше геополитические шахматы* (t.me/www.newsinfo.ru, 24.09.2024).

Слот «военные действия – это шахматная партия» актуализирует мат как финал: *В США признали: Путин поставил Байдену политический мат* (Мир тесен, 2021). Шах выступает предупреждением: *Владимир Путин поставил «Орешником» шах Западу* (Комсомольская правда, 2024). Пат маркирует тупик: *Политический пат: как Украина готовится к встрече «нормандской четверки»* (Звезда, 2019). Шах обозначает более напряженную ситуацию, чем пат: *Если сравнить Землю с огромной политической шахматной доской, то Москва и Пекин поставили Вашингтону «шах»* (РенТВ, 2023). Мат – это финальная точка: *Этим ходом президент поставил мат всем прогнозам политологов: столь странной рокировочки не ожидал никто* (Комсомольская правда, 2006).

Термин «рокировка» сохраняет денотативное содержание: фигуры перемещаются, но не удаляются с поля. Пример: *Рокировка по-украински: Зеленский меняет команду – новые лица, старые задачи* (og47.ru, 05.09.2024). Аналогично: *Большая силовая рокировка Обамы* (РИА Новости). Слот «рокировка» заполняется при описании кадровых перестановок без смены политического курса. Лексема «пешка» обозначает слабую фигуру с ограниченными возможностями: *Война для Зеленского – это в шахматной партии перевернуть доску* (Царьград, 11.10.2022). Эндипиль фиксирует завершающую фазу: *В. Путину – белому королю – обеспечили сильную игру с достаточно предсказуемым эндипилем* (НКРЯ). Слот «игроки» заполняется лексемой «гроссмейстер»: *Стивен Миллер описал встречу Трампа и Карни как игру гроссмейстера в шахматы* (Fox News, 2025). Слот «слабый игрок» реализуется через противопоставление «шахматы vs. шашки»: *Жириновский играет в жесткий хоккей, а они пытались в мирные шахматы* (О. Березовский). Шахматная метафора используется для описания медиапространства: *Наш враг понимает это лучше, чем кто-либо. В войне нового типа враг восполнит пробел и будет играть нашими фигурами на нашей территории. Как и планировал Бжезинский – для глобалистов шахматы – это игра для одного, а не для двоих* (философский пост, journals.uspu.ru).

В американских медиатекстах «endgame» обозначает финальную стадию политического процесса: *This would give the undecided a clear alternative to impeachment, and is the most likely White House endgame*

(M. J. Gerson and K. T. Walsh, U. S. News Report, December 21, 1998). “Checkmate” используется для безвыходной ситуации. В кипрском политическом дискурсе: *If you don’t know when to make your move, you’ll be checkmated*. “Pawn” маркирует манипулируемого участника: *Individuals like Edward Hunt were sacrificed like pawns to protect the institution*. В медиатекстах о миграции: *Stop using migrants as political pawns* (The San Bernardino Sun, 11.06.2023). Концептуальная метафора “POLITICS IS A CHESS GAME” фиксируется в латвийском предвыборном дискурсе 2024 г. при описании выборов в Европарламент: *In 2024, the same conceptualisations of thinking a few moves ahead in a chess game can be observed as Latvia faces elections for the European Parliament*. Слот «геополитическая шахматная доска» реализуется в метафоре chessboard: *Nor did the chessboard cease to model an idealized state* (архивное исследование). Противопоставление «шахматы vs. шашки» фиксируется в американском политическом дискурсе: *The quips began as generic ”chess vs. checkers“ comparisons* (Washington Examiner, 2014). Слот «кровавые шахматы» фиксируется в российском оппозиционном дискурсе: *Russian opposition politician Lev Shlosberg has been arrested and charged with discrediting the Russian army after describing the Ukraine war as a game of „bloody chess“* (Canberra Times, 2025).

В испанском языке “jaque” («шах») и “enroque” («рокировка») функционируют как парламентские термины: *En el lenguaje parlamentario – por extensión, en el periodístico – se recurre a la expresión „poner en jaque“ cuando un político aprieta o acorrala a su adversario. Y si éste se hace fuerte y responde decimos que „se enroca“* (El Diario Vasco, 26.11.2022). Президент США Гарри Трумэн в 1947 г. использовал шахматную метафору в официальном выступлении: *Tradicionalmente, las relaciones internacionales se han comparado con un juego de ajedrez en el que cada nación trata de burlar y dar jaque mate a la otra* (El Diario Vasco, 26.11.2022). Трумэн противопоставил эту модель американо-мексиканским отношениям: *No puedo aceptar esa comparación respecto de las relaciones entre su país y el mío, señor presidente* (El Diario Vasco, 26.11.2022). Метафора “tablero de ajedrez” («шахматная доска») применяется к геополитическому пространству: *Eurasia es el tablero de ajedrez en el que se sigue jugando la lucha por la primacía mundial* (El Diario Vasco, 26.11.2022). В мексиканском политическом медиатексте: *México está convertido en un tablero de ajedrez con sus 32 piezas. Los campos negros y los blancos los ocupan los dos grupos políticos dentro del PRI* (La Jornada, 17.11.2017). Слот «партия» заполняется при описании политических процессов: *La metáfora de la política como una gran partida de ajedrez cobra sentido alegórico si revisamos el devenir del noble juego a lo largo de los siglos* (El Diario Vasco, 26.11.2022).

Исторический пример использования шахматной метафоры в политическом памфлете: *Le pamphlet attribué à William Cartwright de 1642*

intitulé The Game at Chesse est un exemple particulièrement abouti d'utilisation politique de la métaphore échiquéenne. Les Blancs représentent l'armée parlementaire, les Noirs, l'armée du roi (hal.science). Слот «материальная культура» фиксируется в исследовании шахматных артефактов: *An illustrated birthday card for Oskar Kusch. The battling armies of a chess set made in the Warsaw Ghetto out of bread resemble black Ottomans in turbans decorated by gold stars and crescents against white Poles* (Oxford Academic, 2023).

Русский дискурс использует шахматную метафору преимущественно для описания военных действий и внутриполитического противостояния. Наиболее частотными лексемами являются *мат, шах, рокировка, пешка, эндипиль*. Так, лексема *мат* обнаруживается в 457 случаях, *шах* – в 278, *рокировка* – в 143, *пешка* – в 98 и *эндшпиль* – в 77 случаях. Английский дискурс тяготеет к процедурной лексике: "endgame" (завершение процедуры) в 168 случаях, "checkmate" (блокировка оппонента) в 112 случаях, "pawn" (уязвимый участник) в 358 случаях. Военная тематика представлена слабее. Испанский дискурс демонстрирует высокую степень лексикализации шахматных терминов в парламентской речи: "jaque" (233 вхождения), "enroque" (86), "tablero" (345) функционируют как устойчивые политические метафоры.

Во всех трех языках актуализируется оппозиция «сильная фигура – слабая фигура» (король/ферзь – пешка; king/queen – pawn; rey/reina – peón). Различие: русский дискурс чаще использует мат как абсолютный финал, английский – "endgame" как процедурное завершение, испанский – "jaque" как предупреждение. Частотность шахматных метафор в русском политическом медиадискурсе выше, чем в английском и испанском. В английском корпусе зафиксирована одна метафора из исходной сферы «шахматы» – "endgame". В испанском корпусе шахматные метафоры концентрируются в парламентской и дипломатической тематике.

Дальнейшее исследование предполагает количественный анализ корпусов СМИ 2020–2026 гг. по каждому языку.

Литература

Девяткова М. И. Метафорическая модель «Политика – это игра в шахматы» в российском и американском политическом дискурсе / М. И. Девяткова // Гуманитарно-педагогическое образование. – 2018. – Т. 4. № 3. – С. 35–39.

Кондратьева О. Н. Шахматная метафорика в российском политическом медиадискурсе / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. – 2025. – № 2 (110). – С. 48–53.

Нахимова Е. А. Метафорическая модель «Политические лидеры – это шахматисты» в медиапространстве 2020–2024 гг. / Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Политическая лингвистика. – 2024. – № 6 (108). – С. 111–118.

Чудинов А. П. Метафорическая модель «Политика – это шахматная партия» в медиапространстве 2022–2024 гг. (на материале Telegram-каналов) / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Политическая лингвистика. – 2025. – № 2 (110). – С. 205–214.

Azuaga M. Ajedrez y política, las dos caras del tablero // El Diario Vasco. 26.11.2022.
La Jornada. 17.11.2017.
Gerson M. J., Walsh K. T. U. S. News Report. December 21, 1998.
The San Bernardino Sun. 11.06.2023.
Canberra Times. 10.06.2025.
Oxford Academic. Checkmate: Chess Artifacts and Artworks Made and Played in Extremis. 27.07.2023.

Л. А. Литвинова (г. Воронеж, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛСГ «НАИМЕНОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ» ПО ДАННЫМ БЭС

В статье представлен диахронический анализ энциклопедического значения единиц ЛСГ «Наименования сельских поселений». Сделаны выводы об определенной подвижности содержания единиц ЛСГ, о влиянии экстралингвистических (прежде всего хозяйственных и экономических, а также географических) факторов на формирование значения единиц ЛСГ, об определенной семантической трансформации отдельных слов в составе ЛСГ, которая обеспечивает семантическую устойчивость и позволяет этим словам не устаревать с течением времени.

Ключевые слова: семантический признак, исторический период, лексико-семантическая группа, семантическая трансформация.

The article presents a diachronic analysis of the encyclopedic meaning of LSG units "Names of rural settlements." Conclusions were drawn about a certain mobility of the content of LSG units, about the influence of extralinguistic (primarily economic and economic, as well as geographical) factors on the formation of the value of LSG units, about a certain semantic transformation of individual words in the composition of LSG, which provides semantic stability and allows these words not to become obsolete over time.

Keywords: semantic feature, historical period, lexico-semantic group, semantic transformation.

Большой энциклопедический словарь – это универсальное справочное издание, которое сочетает лингвистическую и энциклопедическую информацию, чем достигается цель не только дать толкование слова, но и по возможности предоставить развернутое описание явления, понятия или предмета. Словарь охватывает многие отрасли знаний, отражая одновременно современность и прошлое. Универсальность представленной информации в словаре, ее ширина и глубина соответствует названию источника – «большой энциклопедический». Он включает как общеупотребительную лексику, историзмы и архаизмы, так и слова ограниченного употребления. Универсальность словарных материалов подтверждается также информацией по русскому языку, русской литературе, культуре России и ее истории. Словарная типичная статья раскрывает основное значение, предлагает этимологическую

справку и сопровождает вышеуказанную информацию энциклопедическим комментарием (это могут быть исторические справки, сведения о культуре, быте, предметах материальной культуры) и материалом для иллюстрации понятия и примерами употребления, цитатами из литературы, пословицами, поговорками.

В современном русском языке лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) «Наименования сельских поселений» насчитывает 22 лексические единицы: АУЛ, ВЕСЬ, ВЫСЕЛКИ, ДЕРЕВНЯ, ЗАИМКА, КИШЛАК, ПОГОСТ, ПОСЕЛЕНИЕ, ПОСЕЛОК, ПОСЕЛЬЕ, ПОЧИНОК, ПРИСЕЛОК, СЕЛЕНИЕ, СЕЛИТВА, СЕЛИЩЕ, СЕЛО, СЛОБОДА, СТАНИЦА, СТАНОВИЩЕ, УСАДЬБА, УЛУС, ХУТОР [Литвинова 2025].

Информация словаря по единицам вышеуказанной ЛСГ представлена ниже (историческая информация в словарных статьях выделена жирным шрифтом):

1. АУЛ (тюрк), селение (в прошлом кочевое, ныне оседлое) у народов Ср. Азии; горное селение на Сев. Кавказе [Прохоров 2004].

2. ВЕСЬ 1) прибалтийско-финское племя в Приладожье и Белозерье. Сельское хозяйство, промыслы. С 9 в. в составе Киевской Руси. Потомки весей – вепсы. 2) Название небольшого сельского поселения у славян [Прохоров 2004].

3. ВЫСЕЛОК (выселки), в России сельские поселения, все жители которого переселились из другого населенного пункта. Обычно сохранял название прежнего поселения с добавлением слова «Выселок» [Прохоров 2004].

4. ДЕРЕВНЯ в узком, исторически сложившемся в русском языке значении небольшое сельское поселение (более мелкие носили название выселков, починков, хуторов, заимок и т. д.). В широком значении понятие деревня охватывает весь комплекс социальных, экономических, культурно-бытовых, природно-географических особенностей и условий жизни деревни как социально-экономической категории, отличной от города [Прохоров 2004].

5. ЗАИМКА название (чаще в Сибири) поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий [Прохоров 2004].

6. КИШЛАК (от тюрк. кышлак, букв. – зимовье), 1) первоначально зимовка кочевников и полукочевников Ср. и Передней Азии. 2) Сельское поселение в Ср. Азии [Прохоров 2004].

7. ПОГОСТ первоначально центр сельской общины на северо-западе Др. Руси. Позднее центр административно-податного округа, крупное селение с церковью и кладбищем. С 18 в. погостом называют отдельно стоящую церковь с кладбищем, позднее сельское кладбище [Прохоров 2004].

8. ПОСЕЛЕНИЕ см. Населенный пункт.

НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ населенное место (поселение), первичная единица расселения людей в пределах одного застроенного земельного участка (город, поселок городского типа, село). Обязательный признак населенного пункта – постоянство использования его как места обитания из года в год (хотя бы сезонно) [Прохоров 2004].

9. ПОСЕЛОК в Российской Федерации низовая административно-территориальная единица, населенный пункт, расположенный вне городской черты. Существует 3 вида: рабочие поселки (на их территории имеются промышленные предприятия, стройки, железнодорожные узлы и другие объекты; население не менее 3 тыс. человек); курортные поселки (имеют лечебное значение; население не менее

2 тыс. человек); дачные поселки (места летнего отдыха горожан). Население рабочих и курортных поселков (общее название «поселок городского типа») включается в состав городского населения [Прохоров 2004].

10. ПОЧИНОК город (с 1926) в Российской Федерации, Смоленская обл. Железнодорожная станция. 10,8 тыс. жителей (1993). Комбикормовый завод; производство стройматериалов. В России название возникающего сельского поселения [Прохоров 2004].

11. Приселок – словарная статья отсутствует.

12. Селение – словарная статья отсутствует.

13. Селитва – словарная статья отсутствует.

14. СЕЛИЩЕ (в археологии), остатки древнего неукрепленного поселения [Прохоров 2004].

15. СЕЛО одно из древнейших названий поселений у славян. В Киевской Руси – княжеское загородное имение. Позже у русских – крупное крестьянское поселение с церковью. У украинцев и белорусов – вообще селение, равнозначно деревне [Прохоров 2004].

16. СЛОБОДА название различных поселений в Русском государстве 11-17 вв., население которых временно освобождалось от государственных повинностей. Известны слободы стрелецкие, монастырские, ямские, иноземные, в городах – слободы ремесленников [Прохоров 2004].

17. СТАНИЦА 1) в 16-17 вв. в Русском государстве казачий отряд для защиты засечной черты, находившийся перед ней. 2) В России крупное казачье сельское поселение или административно-территориальная единица, объединяющая несколько небольших казачьих селений [Прохоров 2004].

18. Становище – словарная статья отсутствует.

19. УЛУС 1) родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану или вождю у народов Центральной и Ср. Азии, Сибири. 2) В России административно-территориальная единица типа русской волости у бурят, калмыков и якутов [Прохоров 2004].

20. УСАДЬБА комплекс жилых, хозяйственных, парковых и других построек, составляющих одно хозяйственное и архитектурное целое. Традиционные крестьянские усадьбы включали избу, гумно, хлев, конюшню и др. В 17-19 вв. сложился тип помещичьей усадьбы (барский дом, обслуживающие постройки, парк, церковь и т. д.). Существовали и городские усадьбы (дом, служебные корпуса, сад). Усадьбой называется также производственный и жилой центр колхоза, совхоза [Прохоров 2004].

21. ХУТОР 1) сельское поселение (однодворное, позднее многодворное) при освоении новых земель… 2) На Кубани и Дону, а также на Украине – поселения вне сел и станиц, независимо от числа дворов... 3) В России – обособленная крестьянская усадьба на земельном участке индивидуального владения [Прохоров 2004].

22. Поселье – словарная статья отсутствует.

Историческая информация в словарных статьях словаря по единицам данной ЛСГ представлена в Таблице 1 в хронологическом порядке в соответствии с общепринятыми ключевыми периодами российской истории.

Таблица 1

Семантическое содержание единиц
ЛСГ «Наименования сельских поселений» в диахронии

Лексическая единица	**Период рос. государственности**	**Историческая информация в словарной статье**	**Семантический признак**
ПОГОСТ	Догосударственный период, IX век	**центр сельской общины на северо-западе Др. Руси**	- в сельской местности; - территориальная особенность
ВЕСЬ	Догосударственный период, IX век	небольшое сельское поселение **у славян**	- размер; - в сельской местности
СЕЛИЩЕ	Догосударственный период, IX век	**остатки древнего неукрепленного поселения**	- степень защиты поселения; - древнее
ПОСЕЛЕНИЕ	Догосударственный период, IX век	**первичная единица расселения людей в пределах одного застроенного земельного участка, постоянное место обитания**	- древнее; - постоянное проживание
СЕЛО	Догосударственный период, IX век	**одно из древнейших названий поселений у славян**	- древнее
СЕЛО	Киевская Русь, IX-XIII вв.	**княжеское загородное имение**	- в сельской местности; - принадлежит князю
ДЕРЕВНЯ	Московская Русь, XIV-XV вв.	**исторически сложившемся в русском языке значение – небольшоесельское поселение**	- размер; - в сельской местности
СЛОБОДА	Московская Русь, XI-XVII вв.	**Поселение в Русском государстве с населением без гос повинностей** (стрелецкие, монастырские, ямские, иноземные)	- особенности налогообложения; - занятость жителей
ПОГОСТ	Московское царство, XI-XVII вв.	**центр административно-податного округа**, крупное селение с церковью и кладбищем	- особенности налогообложения; - размер; - наличие церкви
СЕЛО	Московское царство, XI-XVII вв.	**Позже у русских – крупное крестьянское поселение с церковью**	- размер; - жители; - наличие церкви
ЗАИМКА	Российская империя, XVIII-XX вв.	название (чаще в Сибири) поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, **вдали от освоенных территорий**	- территориальная особенность; - количество дворов

ПОЧИНОК	Российская империя, XVIII-XX вв.	**В России название возникающего сельского поселения**	- территориаль ная особенность; - в сельской местности; - новое
ХУТОР	Российская империя, XVIII-XX вв.	**Сельское поселение (однодворное, позднее многодворное) при освоении новых земель**	- в сельской местности; - количество усадеб; - условие возникновения
ВЫСЕЛОК	Российская империя, XVIII-XX вв.	**в России** сельские поселения, все жители которого переселились из другого населенного пункта. Обычно сохранял название прежнего поселения с добавлением слова «Выселок»	- территориаль ная особенность; - особенности жителей; - особенности названия поселения
СТАНИЦА	Российская империя, XVIII-XX вв.	В России крупное казачье сельское поселение или административно-территориальная единица, объединяющая несколько небольших казачьих селений	- в сельской местности; - жители; - административ-но-территориаль-ная единица
ПОСЕЛОК	Советский период, 1922–1991 гг., XX век	**в Российской Федерации низовая административно-территориальная единица, населенный пункт, расположенный вне городской черты**. Существует 3 вида: рабочие поселки (на их территории имеются промышленные предприятия, стройки, железнодорожные узлы и другие объекты; население не менее 3 тыс. человек); курортные поселки (имеют лечебное значение; население не менее 2 тыс. человек); дачные поселки (места летнего отдыха горожан)	- низовая единица в административной иерархии; - функции поселения

Данные Таблицы 1 позволяют проанализировать процесс формирования исследуемой лексико-семантической группы со следующих позиций: 1) количество слов в составе ЛСГ в определенный период исторического развития; 2) количество семантических признаков у слов-единиц в определенный период исторического развития; 3) трансформация значения некоторых лексических единиц в динамике.

1. Количество слов в составе ЛСГ в определенный период исторического развития

1) **Догосударственный период истории России**. В этот период словарный материал фиксирует 6 лексических единиц – ВЕСЬ, ПОГОСТ, СЕЛИЩЕ, ПОСЕЛЕНИЕ, СЕЛЕНИЕ, СЕЛО.

2) **Киевская Русь.** Упоминается новое значение одной лексической единицы – СЕЛО.

3) **Московская Русь.** Появляются 2 новые лексические единицы: ДЕРЕВНЯ и СЛОБОДА, а также отмечаются ранее появившиеся в русском языке слова ПОГОСТ и СЕЛО.

4) **Российская империя**. Словарь фиксирует целую серию новых слов в составе исследуемой ЛСГ – ЗАИМКА, ПОЧИНОК, ХУТОР, ВЫСЕЛОК, СТАНИЦА.

5) **Советский период.** В этот исторический период появляется слово ПОСЕЛОК, кроме того следующие лексические единицы остаются в активном словаре русского языка – СЕЛО, СТАНИЦА, ДЕРЕВНЯ, ПОСЕЛЕНИЕ, ХУТОР, КИШЛАК.

Следует также отметить, что в Большом энциклопедическом словаре отсутствуют 4 слов (ПРИСЕЛОК, СЕЛЕНИЕ, СЕЛИТВА, ПОСЕЛЬЕ), следовательно, не все семантические признаки включены в корпус данной ЛСГ.

Очевидно, что каждый исторический период оставил свой собственный «след» в семантическом поле лексико-семантической группы, однако заметный в разной степени.

Таким образом, содержание этой группы характеризуется определенной подвижностью: одни слова появляются из-за определенных исторических условий, обстоятельств и вызовов времени; другие слова устаревают по ряду причин; третьи слова приобретают новые значения и остаются в активном словаре русского языка многие столетия. «Как известно, в современной отечественной лингвистике сложилось достаточно устоявшееся воззрение на развитие языка как результат действия интерлингвистических, так и экстралингвистических факторов. К экстралингвистическим причинам развития словарного состава языка относят факторы социальных, политических, исторических, экономических, научно-технических и т. д. изменений в жизни конкретной лингвокультурной общности» [Бурмистрова 2014].

2. Количество семантических признаков у слов-единиц в определенный период исторического развития также разнится.

Максимальное количество семантических признаков наблюдается в **период Российской империи:**

- расположение сельского поселения (на неосвоенных территориях, в сельской местности, при освоении новых земель – на Кубани, Дону, на

Украине, в Средней Азии, в Сибири, в России повсеместно, вне села/станицы);

- сословность жителей (крестьяне, казаки, коллектив переселенцев из прежнего поселения в новое);

- административное деление (низовая единица, несколько казачьих поселение);

- размер / количество дворов в поселении (крупное);

- время и условие возникновения (новое / недавно основанное).

Количество семантических признаков **догосударственный период** представляют следующий ряд:

- время основания (древнее, древнейшее);

- размер (небольшое);

- расположение сельского поселения (на северо-западе Руси, в сельской местности);

- степень защиты поселения (неукрепленное);

- жители (постоянное / непостоянное проживание);

- административный статус (центр сельской общины).

Семантические признаки лексических единиц в **период Московской Руси:**

- размер (небольшое, крупное);

- расположение поселения (в сельской местности);

- особенности налогообложения (без государственных повинностей);

- жители (крестьяне, стрельцы, ямщики, иноземцы, монастырская слобода).

Наименьшее количество семантических признаков фиксируется в период Киевской Руси и советский период.

Очевидно, что каждая историческая эпоха фиксирует особые и/или специфические семантические признаки, однако универсальными и основными можно будет считать следующие: 1) расположение сельского поселения, 2) его размер, 3) жители сельского поселения.

3. Трансформация значения некоторых лексических единиц ЛСГ в динамике

Что касается трансформации значения некоторых лексических единиц в динамике, ряд слов в данной ЛСГ (ПОГОСТ, ПОСЕЛЕНИЕ, СЕЛО, СТАНИЦА, ДЕРЕВНЯ) демонстрируют семантическую устойчивость и достаточную гибкость, чтобы оставаться в современном русском языке вне пассивного вокабуляра. Например, слово ДЕРЕВНЯ изначально означало «пахотное поле» (др. рус.) – «двор с участком земли» – «крестьянское селение» (17–18 вв.) – «небольшой сельский населенный пункт» (совр.).

Итак, данное исследование доказывает, что лексико-семантическая группа «Наименование сельских поселений» формировалась под большим влиянием экстралингвистических причин, в том числе исторических изменений с течением времени. Количественно данное семантическое

объединение отражает разные исторические периоды, но следует отметить, что вышеуказанные периоды неравномерны в своем влиянии на формирование ЛСГ. Несмотря на довольно обобщенный срез словарных определений наименований сельских поселений в русском языке, очевидно, что это не просто обозначения места проживания, но и представления о жителях и их занятиях, положении поселения в системе управления и его функциях.

Литература

Литвинова Л. А. Историко-этимологический аспект описания значения наименования сельских наименований в русском языке / Л. А. Литвинова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2025. – №2(57). – С. 132–142.

Бурмистрова Т. А. Структура и содержание лексико-семантической группы наименований населенных пунктов (по данным источников лингвистического и справочного характера) / Т. А. Бурмистрова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3(46). – С. 233–235.

Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва; Санкт-Петербург: Большая Российская энциклопедия: Норинт, 2004. – 1452 с.

А. Е. Мулюкина (г. Нижний Новгород, Россия)

ФУНКЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РОЛИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ДИСКУРСЕ ИНДУСТРИИ КРАСОТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЙ ОТТЕНКОВ ПРОДУКТОВ ДЕКОРАТИВНОЙ КОСМЕТИКИ РОССИЙСКИХ БРЕНДОВ)

Исследование колоративов в дискурсе индустрии красоты позволяет выявить маркетинговые стратегии и задачи брендов, их целевую аудиторию, а также статусность брендов и их историю. В ходе анализа рассмотрены прагматические функции прецедентных феноменов в роли колоративов. Проведенное исследование показало, что колоративы с прецедентными феноменами в их составе чаще выполняют персуазивную, делимитативную, людическую и имиджеобразующую функции, подчеркивая статус бренда и транслируя его идеологию.

Ключевые слова: прецедентные феномены, лингвокультурология, когнитивистика, колоративы, дискурс индустрии красоты

A study of colour names in the beauty industry discourse enables us to identify brands' marketing strategies and objectives, their target audience, as well as the status of the brands and their background. This analysis deals with the pragmatic functions of precedent phenomena functioning as colour names. The study revealed that colour names containing precedent phenomena most frequently fulfil persuasive, ludic, and image functions, emphasising the brand's status and conveying its ideology.

Keywords: precedent phenomena, cultural linguistics, cognitive linguistics, colour names, beauty industry discourse.

Данная статья посвящена анализу колоративов, содержащих прецедентные феномены, в дискурсе индустрии красоты. Систематизированное изучение данного вида дискурса началось относительно недавно. Е. Ю. Мельникова использует термин «дискурс индустрии красоты» и дает следующее определение: «контаминированный тип дискурса, который связан с развитием технологий сферы красоты, изобретением и производством косметических средств или оборудования, а также с защитой, оценкой, маркетингом и продажей продукции или услуг. Дискурс индустрии красоты имеет институционально-персонифицированную форму, поскольку реализуется как в профессиональной, так и в бытовой коммуникации…» [Степанов 2026, с. 103]. Дискурс индустрии красоты всё больше привлекает внимание исследователей. Изучающие дискурс индустрии красоты отмечают, что в данном дискурсе выделяются черты медицинского и рекламного дискурсов, что также определяет особенности данного типа дискурса [Вавилова 2015, с. 124]. Реклама косметики, как правило, представляет собой креолизованный текст, в котором «вербальные и невербальные компоненты образуют одно… целое» [Анисимова 1992, с. 63]. К невербальным компонентам в рекламе можно отнести рисунки, фотографии, схемы, таблицы и др. [Елина 2008, с. 36]. Представление о креолизованности в рекламе особенно важно при анализе колоративов, поскольку цвет продукта часто демонстрируется визуально, а вербальное цветообозначение служит лишь дополнением, не всегда объективно описывающим цвет.

Актуальность исследования обусловлена тем, что прецедентные феномены до сих пор не были в фокусе исследований по теории цветообозначений. Несмотря на разработанность теории прецедентности и теории цветономинации, пересечению данных исследовательских направлений не были посвящены отдельные научные работы.

Объектом исследования являются прецедентные феномены, используемые в названиях оттенков декоративной косметики. Предметом исследования выступают функциональные особенности колоративов, содержащих прецедентные феномены (прецедентные имена, тексты, ситуации и высказывания).

Материалом исследования послужили колоративы, содержащие прецедентные феномены. Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки на сайтах российских производителей декоративной косметики («Divage», «Elian Russia», «Russian Beauty Guru», «Masura», «Tintberry» и др.) и на платформах косметических магазинов («Золотое яблоко», «Лэтуаль», «Рив Гош»). В фокусе данного исследования российские бренды косметики.

Цель работы заключается в определении основных функций прецедентных феноменов, выступающих в роли колоративов в дискурсе индустрии красоты.

Теория цветообозначений является одним из активно развивающихся направлений в современной лингвистике. Исследования в этой области ведутся в русле сопоставительной лингвистики (В. Г. Гак, В. А. Юрик), социолингвистики (Л. В. Лаенко, Е. В. Ясногородская), психолингвистики (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина), лингвокультурологии (Е. А. Михайлова, А. М. Куслик, Р. В. Алимпиева). Кроме того, внимание исследователей привлекают колоративы в рекламном дискурсе, в том числе в сегменте декоративной косметики (Сун Чуньчунь, Л. В. Печенникова и др.). Однако прецедентные феномены как средство номинации цвета до сих пор не становились предметом отдельного исследования.

Термин «прецедентный феномен» (далее – ПФ) был введен Ю. Н. Карауловым и получил развитие в работах Г. Г. Слышкина, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных и др. Согласно В. В. Красных, ПФ представляют собой единицы, хорошо известные лингвокультурному сообществу, актуальные в когнитивном плане и регулярно воспроизводимые в речи [Красных 2002, с. 43-44]. Важным критерием идентификации ПФ является наличие инварианта восприятия [Красных 1997, с. 7-8].

Теоретической базой для анализа функций послужили классификации О. С. Незнаевой [Незнаева 2019, с. 96-107], Г. Г. Слышкина [Слышкин 2000, с. 85], О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2014, с. 159], а также М. В. Терских, которая дополнительно выделяет функции ПФ, релевантные для рекламного дискурса: имиджеобразующую, делимитативную, аттрактивную [Терских 2003, с. 20-23].

В ходе анализа установлено, что в исследуемом корпусе доминируют прагматические (имиджеобразующая, делимитативная и персуазивная), эстетическая и людическая функции. Рассмотрим перечисленные функции.

Имиджеобразующая функция. Данная функция заключается в том, что ПФ способствуют созданию определенного образа (имиджа) компании, бренда. Выбор определенных ПФ подчеркивает их ценности, цели, маркетинговое направление, общую тематику продукции, уникальные черты. Большинство проанализированных колоративов реализуют данную функцию, поскольку отсылка к прецедентным единицам выводит на первый план уникальные черты бренда. Многие бренды таким образом стремятся обозначить свою национальную принадлежность. Например, бренд Masura, коллекция лаков которого содержит цветообозначения *Братец Иванушка, Царевна Лебедь, Колобок, Теремок, Иван Царевич, Озеро Ильмень, Оренбургский пуховый платок* и т. д. подчеркивает связь с русской культурой и указывает на российское происхождение продукции.

Бренд Nabyo реализует иную стратегию самопрезентации. Он позиционирует себя как динамичный и современный бренд для молодежи. Среди наименований оттенков их продукции встречаются такие колоративы с ПФ, как *Статус в аське, Селия-Офелия, Подснежники. Добавить в корзину*.

Бренд более высокого ценового сегмента, Russian Beauty Guru, также использует для обозначения цветов ПФ из сферы российской культуры, однако фокусируется на ПФ из литературы и прецедентных именах, связанных с Москвой: *Тучки небесные, Приют певца, Легкомыслие милый грех, Патрики, Большой театр*. Так создатели бренда дают понять, что бренд тесно связан с Москвой и российской культурой в целом. В отличие от более молодежных брендов, бренд люксового сегмента ставит своей задачей продемонстрировать хороший вкус, эрудированность, ценность продаваемого продукта. Однако для данного бренда так же, как и для Masura, важно дать понять, где создавали продукцию.

Делимитативная функция. Данная функция реализуется, когда ПФ становятся маркерами принадлежности к определенной социальной, генерационной группе (например, молодые люди, люди с высоким уровнем дохода, профессионалы индустрии красоты). Такие колоративы нацелены прежде всего на эту аудиторию, оставаясь зашифрованными для остальных.

Например, бренды, 7Days, Soda используют ПФ из поп-культуры (*Kryptonite, Rainbow Dash, Mario, Zelda*) в своих колоративах, т. к. они направлены на молодежную аудиторию. Делимитативная функция также реализуется теми ПФ, которые используются для цветообозначения брендом Nabyo. Среди колоративов заметно несколько основных тенденций в выборе ПФ: апелляция к азиатской поп-культуре (*Лайла, Путешествие Тихиро, Дневник Юкитэру*), ретро маркетинг или маркетинг ностальгии (*Падал прошлогодний код, Новый 2016-й*), а также использование интернет-мемов и трендов из социальных сетей (*Сикс Севен, Черемша, Лучшая версия*). Отсылку на фильм «Субстанция» в данном случае дополняет кислотно-лаймовый цвет лака, т. к. этот цвет в сочетании с названием вызывает ассоциации с сывороткой из этого фильма. Апелляция к ним также эффективна, потому что вербализуемая форма таких ПФ, как правило, отличается краткостью, легко воспроизводима, легко узнаваема и имеет устойчивую форму.

Колоративы *Кикимора, Гарпия, Немезида* также реализуют имиджеобразующую функцию, подчеркивая мифологическую и фэнтезийную тематику бренда (Sigil inspired Tammy Tanuka). Отсылки к фольклорным и мифологическим персонажам наделяют цветообозначения таинственностью и создают тематическое единство продуктовой линейки.

Персуазивная функция. Суть персуазивной функции заключается в том, что ПФ используются в речевых стратегиях убеждения, т. к. отсылка

на авторитетный источник придает значимости коммуникативному сообщению. Персуазивная функция реализуется имплицитно – через использование прецедентных имен, отсылающих к известным женщинам: музам (*Прекрасная Мона Лиза, Жанна Самари*), моделям (*Твигги, Тайра, Летиция, Наоми*), мифическим персонажам (*Геката, Аврора, Artemis, Bastet*). В данных примерах ПФ не просто обозначают цвет, они также сигнализируют покупателю о потенциальных качествах продукта и о том, что именно данный продукт положительно изменит внешность потребителя, приблизит к образу богини, музы, прекрасной девушки с картины.

Людическая функция. Данная функция заключается в том, что ПФ используются для создания языковой игры, создают юмористический тон, а также используются как элемент интертекстуальной игры. Данная функция находит реализацию через:

1) измененные формы ПФ, создающие языковую игру, каламбур, например, у бренда Dance Legend колоративы коллекции косметических продуктов помогают также определить цвет *Wake me up before you cocoa* (шоколадный), *Carrot-e kid* (оранжевый как морковь), при этом изменения устойчивых лексических единиц с помощью каламбуров основанных на частично омофонических словах (carrot-karate) добавлены лишь для создания игривого, легкого тона;

2) использование оксюморона, эффекта обманутого ожидания и иронии. Такие нетипичные для декоративной косметики колоративы, как *Кикимора, Гарпия, Дездемона, Колобок, Мамонтенок* («Мама для мамонтенка»), *Царевна-лягушка, Grinch, Cruella,* не вызывают ассоциаций с красивым, возвышенным и утонченным. В данных примерах основной целью становится интертекстуальная игра, а также игра на контрасте привычных ассоциаций, которые вызывают данные ПФ, в сочетании с предметом, который они обозначают;

3) интертекстуальную и метатекстуальную игру с покупателем. Иногда встречаются колоративы с ПФ, которые используются в основном, чтобы привлечь интертекстуальные связи ради самих интертекстуальных связей, например, комплект румяна – хайлайтер – бронзер имеет цветовые обозначения *Рассветы, Закаты, Жилые массивы* соответственно. В данном случае апелляция к ПФ становится очевидной, только когда мы воспринимаем колоративы всего комплекта. Представленный ПФ выполняет людическую функцию как основную, потому что становится для покупателя несложным паззлом, который нужно сначала собрать, а потом расшифровать.

Эстетическая функция. Данная функция призвана прежде всего создать определенный художественный образ, выразить эстетическую оценку по отношению к предмету наименования. Колоративы, отсылающие к произведениям искусства (*Лунная соната, Девушка с жемчужной сережкой*) или к живописным местам и кинокартинам (*Гоа,*

Под солнцем Тосканы, Елисейские поля, Римские каникулы), вызывают у потребителя позитивные ассоциации, связывая цвет продукта с культурно-эстетическими кодами.

Стоит также отметить, что прямая цветономинация не является основной функцией ПФ, однако несмотря на это в некоторых случаях отсылка к ПФ позволяет определить цвет. Например, колоратив *Grinch* называет глиттер зеленого цвета – цвета, который является основным в цветовой гамме данного персонажа. *Smurfette* дает представление о голубом оттенке. Однако большинство колоративов с ПФ (*Home alone, Алладин, Казино Рояль, Бременские музыканты, Унесенные ветром* и др.) не позволяют точно определить цвет продукта.

Таким образом, в ходе исследования нами были выявлены и систематизированы колоративы с ПФ в дискурсе индустрии красоты, а также определены их основные функции.

Необходимо также подчеркнуть, что, несмотря на стремление многих российских брендов косметики апеллировать к культурным кодам и коннотациям русской культуры, некоторые бренды выбирают латиницу для написания колоративов своей продукции или используют для этого английский язык. В ходе исследования было установлено, что колоративы с ПФ реализуют широкий спектр функций, среди которых имиджеобразующая, делимитативная, людическая, персуазивная, эстетическая. Эти функции работают на создание имиджа бренда, отражение общей тематики коллекции, стремление убедить покупателей в уникальности продукта, в пользе для их жизни, самооценки и внешности, желание привлечь клиентов определенных социальных и возрастных групп («таргетинг») и на создание игрового тона. Напротив, функция цветообозначения проявляется факультативно, не является доминирующей или определяющей для колоративов, содержащих прецедентные феномены.

Литература

Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–79.

Вавилова Е. Н. Косметологический дискурс: постановка проблемы / Е. Н. Вавилова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – №4 (157). – С. 124–126.

Елина Е. А. Семиотика рекламы: учебное пособие / Е. А. Елина. – Москва: ИТК «Дашков и Ко», 2008. – 65 с.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.

Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – Москва: Филология, 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.

Незнаева О. С. Прецедентные феномены в студенческом общении: механизмы появления и актуализация в различных речевых ситуациях: дисс. … канд. филол. наук / О.С. Незнаева. – Саратов, 2019. – 188 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография / Г. Г. Слышкин. – Москва: Academia, 2000. 128 с.

Степанов В. Н. Функциональный параметр процесса неологизации современного дискурса индустрии красоты (на материале английского и русского языков) / В. Н. Степанов, Е. Ю. Мельникова // Иностранные языки в высшей школе. – 2026. – №1 (76). – С. 101–111.

Терских М. В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. В. Терских. – Омск, 2003. – 26 с.

М. Е. Новичихина (г. Воронеж, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕВАЛЬВАЦИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА (В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА)

Статья посвящена семантической девальвации – утрате словом различительной способности из-за массового коммерческого использования. На примере лексемы «икона» / «ICON» показан путь от сакрального символа до маркетингового клише. Рассмотрен экспертный случай о товарных знаках с элементом ICON. Выделены этапы девальвации и типы доказательств неохраноспособности.

Ключевые слова: коммерческое обозначение, товарный знак, языковое сознание, семантическая девальвация.

The article is devoted to semantic devaluation – the loss of a word’s distinctive capacity due to its widespread commercial use. Using the lexeme “icon” / “ICON” as an example, the path from a sacred symbol to a marketing cliché is shown. An expert case concerning trademarks with the ICON element is examined. The stages of devaluation and the types of evidence of non-distinctiveness are identified.

Keywords: commercial name, trademark, linguistic consciousness, semantic devaluation.

Проблема значения как феномена актуального языкового сознания находит, пожалуй, одно из самых наглядных проявлений в сфере коммерческих обозначений и словесных товарных знаков. Именно здесь значение слова перестает быть предметом отвлеченной лексикографической фиксации и превращается в живую, подвижную сущность, которая на наших глазах рождается, трансформируется и, что особенно интересно, умирает, оставляя после себя пустую оболочку. Происходит так называемая семантическая девальвация, при которой

семантически нагруженное слово в результате массового коммерческого употребления утрачивает свою различительную способность и превращается в маркетинговый штамп.

Поводом для данной публикации стало конкретное дело: комиссия лингвистов-экспертов проводила лингвистическое исследование обозначения «ICON Lips», а также знаков, которые ему противопоставили: «ICON SKIN», «ICON HAIR», «ICON BABY», «ICON MAN». Перед экспертами поставили два вопроса. Первый: слово ICON – общеупотребительное ли оно применительно к товарам для стиля, красоты и декоративной косметики? Второй: можно ли считать элемент ICON сильным в знаках оппонента?

При проведении такой экспертизы важно разобраться, какие части обозначения выполняют индивидуализирующую функцию, а какие только создают рекламный фон. Если элемент постоянно встречается на рынке, в СМИ, в блогах, на маркетплейсах и в чужих товарных знаках, он уже не воспринимается как сильный. Потребитель не видит в нем указания на конкретного производителя. Для него это обычная хвалебная характеристика. Поэтому вопрос об общеупотребительности ICON был главным. От ответа зависело, сохранил ли элемент различительную способность в своей товарной категории.

За частным спором видно и более общее явление. Значение в языковом сознании меняется: слово может пройти путь от яркой метафоры до тиражируемого клише, а затем до почти пустого знака. Тогда оно уже не называет, а оценивает. На примере слова «икона» и ее английского аналога ICON этот путь виден довольно отчетливо.

Сравним два толковых словаря. В словаре С. И. Ожегова у слова «икона» только одно значение: живописное изображение Бога, святых, предмет религиозного поклонения [Ожегов 1972, с. 226]. Переносных значений и стилистических помет нет. Во всех более поздних словарях картина другая. Основное значение остается, но появляется помета «трад.-поэт.» и более широкий иллюстративный материал. Это уже примета времени.

Теперь откроем любой номер «Elle» или «Glamour» за последние пять лет. «Икона стиля», «бьюти-икона», «икона красоты», «икона цвета» – такие словосочетания встречаются постоянно. К религиозному опыту слово «икона» здесь уже не отсылает. Оно стало синонимом «эталона», «образца», «кумира», а проще говоря – маркетинговым эпитетом со значением «лучшее в своей категории».

Это и есть семантическая девальвация: процесс, при котором исходно сильная, культурно нагруженная лексема в результате интенсивного коммерческого использования превращается в клише. Ее различительная способность – та самая, что так важна для товарного знака – снижается до нуля.

Этапы этой девальвации удобно проследить на нашем примере слова «икона». Сначала оно жило в своей сакральной нише – церковнославянская традиция, высокий стиль, духовная культура. Тогда мысль о товарном знаке «Икона» вряд ли могла прийти в голову: дело даже не в юридической невозможности, а в самом характере слова. Потом оно начало работать как метафора в элитарной культуре. «Икона стиля» применительно к Коко Шанель – еще не массовое клише, а изысканный троп для узкого круга. Значение расширялось, но связь с сакральным еще чувствовалась, и именно поэтому метафора была живой. Дальше метафору подхватили глянец, блоги, реклама – и исходный смысл начал стираться. Наконец, девальвация завершилась: слово превратилось в маркетинговый штамп, слабый и почти пустой знак, который не столько сообщает уникальную информацию, сколько выражает положительную оценку. В этом отношении «икона» сближается с «шедевром», «легендой», «классикой», «элитным», «премиальным» – все эти слова прошли похожий путь.

Как в экспертизе обосновать неохраноспособность такого элемента?

Один путь – словари. Переносное значение «образец, эталон» уже фиксируется в толковых словарях последних лет, пусть и с пометой «публиц.». Значит, языковое сообщество признало такое употребление. Но существенно другое: даже это переносное значение не связано с механизмом действия товара. «Икона», в отличие, скажем, от «жиросжигателя», не объясняет, как работает средство. Она лишь говорит, что оно лучшее. А это не описание, а оценка.

Другой аргумент – реальный узус. На Wildberries или Ozon можно найти тысячи карточек: «икона цвета» для помады, «икона объема» для туши, «икона сияния» для хайлайтера. Такая частотность сама по себе показывает, что слово потеряло оригинальность.

Третий тип доказательств – реестр зарегистрированных товарных знаков. Поиск по открытой базе Роспатента показывает: словесный элемент «ICON» (в различных написаниях и комбинациях) присутствует в сотнях действующих свидетельств в классах МКТУ 3 (косметика), 5 (фармацевтика), 35 (реклама) и 44 (медицинские услуги). Это прямое свидетельство того, что рынок уже насыщен подобными обозначениями. А значит, с точки зрения различительной способности «ICON» для косметики – элемент настолько слабый, что практически нерабочий.

Возвращаясь к делу об «ICON Lips», заметим, что решение Роспатента было, на наш взгляд, абсолютно верным. Обозначение признали неохраноспособным. Но дело не в юридическом исходе. Дело в том, что этот конкретный спор высветил гораздо более масштабный культурный сдвиг. Слово, которое когда-то требовало благоговения, сегодня успешно продает тушь для ресниц. Это не хорошо и не плохо. Это

просто факт. Задача же эксперта – фиксировать этот факт и делать из него профессиональные выводы.

Слово «икона» девальвировалось. Но пока лингвисты спорят о критериях описательности, маркетологи уже наверняка придумали следующее слово, которое мы будем анализировать через пять лет. Возможно, это будет «святыня», «реликвия» или что-то, чего мы пока не слышали. Но процесс останется тем же: сакральное → метафора → клише → пустой знак.

В заключение хотелось бы вернуться к проблеме динамики значения в языковом сознании. Рассмотренный пример показывает, что значение не является застывшей данностью: оно живет, движется, меняет свою конфигурацию под влиянием коммуникативной практики. Лексема «икона» прошла путь от сакрального символа до маркетингового клише, и этот путь – не отклонение, а норма языковой жизни.

Но девальвация значения не останавливает смыслопорождение: языковое сознание постоянно рождает новые метафоры, и этот процесс не прекращается.

Для лингвиста-эксперта это имеет практические последствия. Оценивая различительную способность знака, нельзя ограничиваться словарными дефинициями – нужно учитывать актуальный узус, то, как слово реально функционирует в современной коммуникации. Поскольку значение динамично, эксперт вынужден постоянно следить за языковой средой, а не полагаться на раз и навсегда установленные критерии. И наконец, сам феномен семантической девальвации требует дальнейшего осмысления – как в сугубо лингвистическом, так и в юрислингвистическом ключе.

Литература

Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва: Советская энциклопедия,1972. – 848 с.

В. Ю. Панфилов (г. Воронеж, Россия)

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ НАРЕЧИЙ НА –*СКИ*

Статья посвящена проблеме лексикографического описания сравнительно-уподобительных наречий на *-ски*, образованных от прилагательных с финалью *-ский*. На материале «Грамматического словаря русского языка» и «Малого академического словаря» анализируется практика словарной фиксации таких наречий и способы их толкования.

Ключевые слова: сравнительно-уподобительные наречия, прилагательные на *-ский*, лексикография, словарная дефиниция, словообразование.

The article addresses the problem of lexicographic description of comparative and assimilating adverbs with the suffix -ski (-ски), derived from adjectives ending in *-skii*

(*-ский*). Drawing on the material of the Grammar Dictionary of the Russian Language and the Small Academic Dictionary, it analyses the practice of dictionary fixation of such adverbs and the ways of their definition.

Keywords: comparative and assimilating adverbs, adjectives ending in *-skii* (*-ский*), lexicography, dictionary definition, word formation.

Сравнительно-уподобительные наречия представляют собой один из разрядов производной лексики русского языка. Их семантика складывается на основе уподобления: действие или признак описываются через отсылку к тому, что названо производящей основой (кому-чему-либо, выступающему в качестве типичного носителя свойства). В результате в значении таких наречий совмещаются компаративный, квалификативно-обстоятельственный и часто оценочный компоненты. Именно это делает трудным лексикографическое описание таких слов: в словаре не только должна быть указана связь с производящим словом, но и должна отражаться образная основа значения, а также его прагматические и/или стилистические особенности.

Между тем в существующей лексикографической практике единые принципы описания сравнительно-уподобительных наречий отсутствуют. В одних случаях наречие дается в статье производящего прилагательного без собственной словарной статьи (например, *нищенски, по-нищенски* в статье прилагательного *нищенский* – БАС; *дружески, по-дружески* в статье прилагательного *дружеский* – БАС). В других словарях в отдельных статьях есть отсылка к производящему слову через конструкцию «наречие к…» (например, *зверски, шутливо* – МАС) или без нее (например, *по-лакейски*: см. лакейский – Ушаков). Также в словарях дается толкование через сравнение, уподобление при помощи конструкций «как свойственно…», «как характерно…» (*по-абхазски, по-английски, по-боксерски, по-отцовски* – Ефремова). Нередко образный компонент остается невыраженным, а оценочные или стилистические смыслы не фиксируются вовсе. Такая непоследовательность особенно заметна из-за того, что исследуемые наречия обладают высокой коммуникативной востребованностью. Решение этой проблемы поспособствует решению основного вопроса языкознания, которым, по мысли О. Н. Селиверстовой, является «описание языковых знаков, а задачей лингвистической семантики – описание означаемых этих знаков» [Селиверстова 2004, с. 34].

Актуальность проблемы определяется двумя взаимосвязанными аспектами [Огольцева 2008]. Первый аспект – практический, методический. Материалы исследования необходимы в практике преподавания русского языка как иностранного. Для иностранных учащихся недостаточно знать, что сравнительно-уподобительные наречия связаны с производящими прилагательными, им необходимо понимать конкретную семантику слов, какие оценки и ассоциации они несут, в каких контекстах употребляются. Без отражения этих сведений в словаре и

учебных материалах учащиеся испытывают трудности как с правильной интерпретацией высказываний, так и с их порождением. Следовательно, разработка способов лексикографической фиксации сравнительно-уподобительных наречий имеет прямой выход в лингводидактику.

Второй аспект – теоретический. Вся образная производная лексика русского языка, и сравнительно-уподобительные наречия в частности, нуждается в глубоком системном анализе и типизации групп слов, различающихся как по характеру мотивации, так и по источнику образного значения. Необходимо определить, от каких типов производящих основ регулярно образуются наречия, как соотносятся в их семантике собственно компаративные и оценочные смыслы, где проходит граница между узуальным и окказиональным, как взаимодействуют словообразовательная модель и лексическое значение. Только на этом теоретическом основании возможна разработка единых принципов и частных аспектов лексикографического отражения образной (метафорической и компаративной) лексики.

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать способы лексикографической фиксации сравнительно-уподобительных наречий, образованных от прилагательных на *-ский*, а также предложить подход к их типизации с учетом характера мотивации и источника образного значения.

Объектом исследования явились сравнительно-уподобительные наречия русского языка, взятые из «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка (ГС) [Зализняк 1980]. Предметом исследования стали особенности отражения семантики сравнительно-уподобительных наречий в толковых словарях.

В результате сплошной выборки из обратного словаря мы выявили 3210 прилагательных с финалью *-ский*. Они должны быть производящей базой для интересующих нас наречий.

Заметим, что прилагательные на *-ский* неоднородны. Они отражают деление русских прилагательных на разряды: притяжательные (*профессор – профессорский*), относительные (*город – городской*) и качественные (*малый – маломальский*). Такая неоднородность имеет исторические корни. Как отмечает И. В. Ерофеева, уже в древнерусский период продуктивный суффикс *-ьск-* сочетался с основами личных имен существительных (в отличие от суффикса *-ьн-*, осложнявшего основы глаголов и имен разного значения). Прилагательные с суффиксом *-ьск-* «выражали значение принадлежности, приближаясь по грамматическому значению к адъективам с поссесивным значением» [Ерофеева 2009, с. 60]. Постепенно «значение *притяжательности* превращается в значение родовой принадлежности, *свойственности* лицу или коллективу» [Там же]. Такая тенденция в развитии значений прилагательных на *-ский* (от принадлежности к свойственности), на наш взгляд, создала предпосылки

для формирования сравнительно-уподобительной семантики образованных от них наречий.

При анализе материала было установлено, что не от всех прилагательных в словаре даются производные наречия. Доля прилагательных, служащих производящей основой для наречий, составляет примерно 1,3% от общего корпуса слов (43 слова из 3210). Это следующие прилагательные: *стариковский, воровской, чертовский, шутовской, отцовский, адский, городской, людской, ханжеский, божеский, дружеский, человеческий, отеческий, юридический, ребяческий, всяческий, мальчишеский, товарищеский, мужской, злодейский, свойский, геройский, хозяйский, хамский, деревенский, женский, нищенский, свинский, материнский, барский, варварский, рыцарский, зверский, мастерский, братский, светский, детский, скотский, сиротский, маломальский, ругательский, предательский, дьявольский.* Данные словообразования приводятся в Таблице 1.

Как видно из приведенных данных, сравнительно-уподобительные наречия в нашей выборке образуются по двум моделям: с помощью конфикса *по-…-ски* и суффикса *-ски*. Однако следует отметить, что такое словообразование неоднородно. От 14 прилагательных наречия образуются при помощи суффикса (например, *чертовский – чертовски*); от 20 прилагательных – при помощи конфикса (например, *стариковский – по-стариковски*). Только от 9 прилагательных в словаре отмечаются пары наречий, образованные конфиксальным и суффиксальным способом (например, *шутовской – шутовски – по-шутовски* и др.).

Также было зафиксировано наречие *по-щегольски*, для которого в Грамматическом словаре не дается производящего прилагательного.

Самым продуктивным оказывается приставочно-суффиксальный способ – им в общей сложности образовано 30 наречий. Это объясняется тем, что префикс *по-* вносит в семантику наречия дополнительный компонент – сопоставительное значение, выражающее признак, соотносимый с кем-чем-либо.

Грамматический словарь, однако, отражает не все потенциально возможные наречия. Дериваты, не зафиксированные словарем, могут активно встречаться в узуальном употреблении. Это подтверждается данными Национального корпуса русского языка, где для каждого из рассматриваемых прилагательных нами были найдены производные наречия обеих моделей. Например:

- *по-стариковски* (Ел он *по-стариковски* неаккуратно… [Инна Ким. Первая встречная // «Нева», 2023]) и *стариковски* (Глухов горячился, *стариковски* брызгал слюной – и читал, читал… [Вячеслав Рыбаков. Трудно стать Богом (1996)]);

Таблица 1

Список прилагательных на *-ски*

№	Прилагательное	-ски	по-…-ски
1.	стариковский	-	по-стариковски
2.	воровской	воровски	по-воровски
3.	чертовский	чертовски	-
4.	шутовской	шутовски	по-шутовски
5.	отцовский	-	по-отцовски
6.	адский	адски	-
7.	городской	-	по-городски
8.	людской	-	по-людски
9.	ханжеский	ханжески	-
10.	божеский	-	по-божески
11.	дружеский	дружески	по-дружески
12.	человеческий	человечески	по-человечески
13.	отеческий	отечески	по-отечески
14.	юридический	юридически	-
15.	ребяческий	-	по-ребячески
16.	всяческий	всячески	-
17.	мальчишеский	-	по-мальчишески
18.	товарищеский	-	по-товарищески
19.	мужской	-	по-мужски
20.	злодейский	злодейски	-
21.	свойский	-	по-свойски
22.	геройский	геройски	-
23.	хозяйский	-	по-хозяйски
24.	хамский	-	по-хамски
25.	деревенский	-	по-деревенски
26.	женский	-	по-женски
27.	нищенский	-	по-нищенски
28.	свинский	-	по-свински
29.	материнский	-	по-матерински
30.	барский	-	по-барски
31.	варварский	варварски	-
32.	рыцарский	рыцарски	по-рыцарски
33.	зверский	зверски	-
34.	мастерский	мастерски	-
35.	братский	братски	по-братски
36.	светский	светски	по-светски
37.	детский	детски	по-детски
38.	скотский	-	по-скотски
39.	сиротский	-	по-сиротски
40.	маломальский	мало-мальски	-
41.	ругательский	ругательски	-
42.	предательский	предательски	-
43.	дьявольский	дьявольски	-
44.	-	-	по-щегольски

- *чертовски* (Из этих поездок он приезжал понурым, поседевшим и *чертовски* уставшим [Илья Прозоров. «Шафали» // «Звезда», 2022]) и *по-чертовски* («Во-первых, так *по-чертовски* не обнимают добрых людей, а во-вторых, что это такое значит, брат Аркадий? [Н. А. Полевой. Живописец (1833)]);

- *предательски* (Прошлогодняя трава *предательски* прятала лужи и только [Гульшат Абдеева. Я не буду плакать, бабушка // «Аврора», 2024]) и *по-предательски* (А еще через день ударила зима… Ударила нежданно-негаданно, *по-предательски* [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)]).

Поэтому полученные данные, скорее, свидетельствуют о консервативности словаря, чем об отсутствии словообразовательного потенциала у остальных прилагательных.

Кроме того, наречия могут возникать окказионально. Такие примеры мы тоже находим в НКРЯ. Например:

- *по-спилберговски* (Впрочем, кино получилось *по-Спилберговски* затянутым, аж на 2,5 часа [Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)]);

- *похренистически* (В первом фильме ведет не самое богатое он существование <…>, довольно *похренистически* относится к людям [Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)]);

- *по-зюгановски* (На столе помимо других блюд – картошка *по-зюгановски* [Что будет на столе у Зюганова и Жириновского на Новый год // Парламентская газета, 2021.12.31]).

Можно сделать предположение об определенной избирательности словообразовательной модели: наречия образуются не от любых прилагательных, а только от таких, чья семантика предполагает уподобительное толкование. Однако видно, что нечастотные и редкие образования подтверждают регулярность модели и ее открытость для новых единиц. Поскольку именно такие единицы демонстрируют живой механизм словообразования, который не всегда отражается в лексикографических источниках.

Выделенные наречия были сопоставлены с данными «Малого академического словаря» (МАС). Так, в словаре отмечены только 19 из исследуемых слов: *шутовски, воровски, чертовски, адски, дружески, отечески, юридически, всячески, злодейски, по-свойски, геройски, варварски, рыцарски, зверски, мастерски, братски, мало-мальски, предательски, дьявольски*. А вообще, по подсчетам Е. В. Огольцевой, от 200 прилагательных на *-ск*(ий), приведенных в МАСе, лексикографически описано лишь 40 наречий на *-ски* [Огольцева 2008].

Стоит отметить, что «Малым академическим словарем» фиксируются не все варианты, предлагаемые «Грамматическим словарем». Так, в МАС

выделяются только по одному производному наречию от прилагательных *рыцарский* (*рыцарски*) и *братский* (*братски*).

Кроме того, в МАС были найдены слова, вовсе отсутствующие в «Грамматическом словаре». Это наречия, образованные суффиксальным способом: *хамски* (вместо *по-хамски* – ГС), *нищенски* (вместо *по-нищенски* – ГС), *матерински* (вместо *по-матерински* – ГС), *скотски* (вместо *по-скотски* – ГС), *щегольски* (вместо *по-щегольски* – ГС). Также выделяются слово *нечеловечески*, не зафиксированное в ГС (вместо *человечески*).

Расхождения между двумя словарями можно объяснить разными подходами к отбору материала. ГС ориентирован на словообразование и фиксирует потенциальные формы слов, тогда как МАС нацелен на лексическую семантику и отражает узуальную практику. Поскольку сравнительно-уподобительные наречия оказываются довольно востребованными и активно употребляются в текстах различных стилей и жанров, можно сделать вывод о непоследовательности лексикографической практики и отсутствии единого критерия отбора наречий. Свою роль играет и экономия при составлении словников. Отсылочная форма позволяет описать слово минимальными средствами, не увеличивая объем словаря. Однако здесь возникает новая проблема: в таком случае читатель оказывается ограничен и не получает сведений о реальной семантике, образной основе и прагматических возможностях наречия.

Обратимся к способам лексикографирования наречий.

Большинство из исследуемых наречий в МАС описываются отсылочным способом при помощи конструкции «наречие к…» с указанием производящего прилагательного. Таких 19 слов: *шутовски* (наречие к шутовской), *адски* (наречие к адский), *дружески* (наречие к дружеский), *нечеловечески* (наречие к нечеловеческий), *отечески* (наречие к отеческий), *злодейски* (наречие к злодейский), *геройски* (наречие к геройский), *хамски* (наречие к хамский), *нищенски* (наречие к нищенский), *матерински* (наречие к материнский), *варварски* (наречие к варварский), *рыцарски* (наречие к рыцарский), *зверски* (наречие к зверский), *мастерски* (наречие к мастерский), *братски* (наречие к братский), *скотски* (наречие к скотский), *предательски* (наречие к предательский), *дьявольски* (наречие к дьявольский), *щегольски* (наречие к щегольский). Такой способ лексикографической конкретизации слов не раскрывает собственно наречной семантики.

Только 6 исследуемых слов имеют самостоятельные дефиниции, зафиксированные в словарных статьях.

Воровски, *нареч*. Как свойственно ворам, мошеннически. Украдкой, тайком. *Рубин хочет унизить, Рубин подрывает силу, ищет в человеке то, что воровски прокрадывается из подсознания* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)].

Чертовски, *нареч*. Очень, до крайности. *Он показывал мне примеры, и они были чертовски убедительны*. [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976].

Юридически, *нареч*. В соответствии с правовыми нормами, по закону. *Но брат Эмиль сказал, что раз юридически отцу исполняется сто лет 11-го, то вправе ли сыновья юбиляра вносить коррективы?* [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)].

Всячески, *нареч*. Всеми способами, различным образом. *Асфоманты не только не скрывали факта своего существования, но всячески его афишировали* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

По-свойски, *нареч*. 1. Как свойственно своим, близким людям. *Он стоял передо мной, ласково и по-свойски улыбаясь*. [Борис Минаев. Детство Левы (2001)] 2. По своей воле, по своему усмотрению. *Боевой капитан разделался с этим идейным мучителем по-свойски* [Олег Ермаков. За сибирским Вергилием // «Дружба Народов», № 9, 2020].

Мало-мальски, *нареч*. Сколько-нибудь, хоть немного. *Саня побродил немного среди обломков фаянса и полиэтиленовой шелухи, но так и не нашел ничего мало-мальски ценного...* [Александр Бабин. Распад // «Дружба Народов», № 1, 2020].

Как видно, собственно сравнительно-уподобительная семантика, которая должна быть ядерной для исследуемых слов, встречается только у двух слов: *воровски, по-свойски* (в 1 знач.).

Описательно-синонимическим типом представлена дефиниция наречия *юридически*.

Остальные наречия развивают самостоятельное метафорическое значение (*чертовски, мало-мальски, по-свойски, всячески*), которое утрачивает связь с исходной словообразовательной моделью.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Образование наречий на *-ски* от прилагательных на *-ский* является продуктивным. Такие наречия демонстрируют последовательные семантические преобразования по линии «притяжательное – относительное – качественное», что может быть представлено в виде логической цепочки: принадлежит кому? – свойственно кому? – как? Подобная динамика отражает исторические изменения суффикса *-ьск-*, который прошел путь от выражения притяжательности к выражению свойственности лицу или группе, что и создало предпосылку для формирования сравнительно-уподобительной семантики наречий.

Анализ словарных дефиниций позволил выявить следующие формулы толкования: 1) отсылочная («нареч. к…»); 2) компаративная («как свойственно…»); 3) метафорическая (самостоятельное лексическое значение); 4) описательно-синонимическая. При этом, как показывает материал, словарь в большинстве случаев не отражает компаративную природу исследуемых наречий. Доминирующей оказывается отсылочная

формула толкования, не раскрывающая собственно наречной семантики, ее образной основы.

Наличие или отсутствие приставки *по-* может являться свидетельством изменения семантики наречия. Если конфиксальные образования (*по-человечески – как человек, по-злодейски – как злодей*) сохраняют сопоставительно-уподобительную семантику, то суффиксальные формы (*человечески, злодейски*) от нее отходят, развивая собственно качественные, оценочные значения. Это позволяет предположить, что приставка *по-* выступает маркером компаративности, а ее отсутствие сдвигает семантику в сторону качественности.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С. А. Кузнецова]. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.

Ерофеева И. В. Адъективный суффикс *-ЬСК-* как средство словообразования в летописном тексте / И. В. Ерофеева // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. –2009. – Т. 151. – Вып. 6. – С. 60–72.

Ефремова Т. Ф. Новый толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение: около 100 000 слов / А. А. Зализняк. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1980. – 879 с.

Огольцева Е. В. Образный потенциал сравнительно-уподобительных наречий / Е. В. Огольцова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Вып. 13. Филологические науки. – Симферополь: НИЦ КИПУ, 2008. – С. 4–8.

Селиверстова О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – Москва: Яз. славян. культуры, 2004. – 959 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.)

Т. Г. Попова (г. Москва, Россия)

ДИНАМИЧНОСТЬ И ИНФОРМАТИВНАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена описанию динамики и информативной насыщенности юридического дискурса. Анализ материала показывает, что специфика языка права определяется как терминологией, так и стилистикой. Для юридического дискурса определяющими факторами являются такие параметры, как характеристика участников коммуникативного акта, цель и задачи общения, особенности параметров устного или письменного тестов и т. д. Автор статьи анализирует лексические единицы, которые, с одной стороны, не несут смысловой нагрузки в обычном, повседневном понимании, но

при этом имеют конкретное значение в юридическом стиле изложения. На основе анализа практического материала, в статье делается вывод о том, что корреляция точности и приблизительности номинации, глубины семантического объема лексем, а также широты и узости десигната лексических единиц дает основание автору работы сделать заключение о том, что лексическая единица обладает разной степенью информативной насыщенности. Кроме этого, в статье также уделено внимание описанию процессов расширения семантики юридической терминологической единицы.

Ключевые слова: юридический дискурс, семантика, лексическая единица, термин.

The article is devoted to the description of the dynamics and informative saturation of legal discourse. Based on the analysis of practical examples in the work, it is noted that the specifics of the language of law are determined by both terminology and stylistics. For legal discourse, the determining factors are parameters such as the characteristics of the participants in the communicative act, the purpose and objectives of communication, the characteristics of the parameters of oral or written tests, and so on. The author of the article analyzes lexical units, which, on the one hand, do not carry a semantic load in the usual, everyday understanding, but at the same time have a specific meaning in the legal style of presentation. Based on the analysis of practical material, the article concludes that the correlation of the accuracy and approximation of the nomination, the depth of the semantic volume of lexemes, as well as the breadth and narrowness of the designation of lexical units gives grounds to conclude that the lexical unit has varying degrees of informative saturation. In addition, the author of the article also pays attention to the description of the processes of expanding the semantics of a legal terminological unit.

Keywords: legal discourse, semantics, lexical unit, term.

Приступая к освещению вопросов, связанных с юридическим дискурсом и его динамичностью, а также проблемами информативной насыщенности, прежде всего, следует отметить, что изыскания, посвященные языку права, берут свое начало еще с далекого XVII столетия, когда юристами делаются попытки упорядочить систему права. С этого времени не ослабевает интерес к изучению языка права. Для анализа юридического языка применяются самые различные научные методы, в том числе, такие методы, как историко-сравнительный метод, логический метод, элементы стилистического анализа, метод контекстно-ситуативного анализа, метод функционального анализа, метод интроспекции и интерпретации текста, методы структурного анализа (Ж. Рей и А. – Ж. Арно и др.).

Юридический дискурс представляет собой совокупность, состоящую из письменных и устных юридических текстов, которые содержат специальные понятия. Говоря об особенностях юридического дискурса, прежде всего, следует отметить, что специфика обсуждаемого нами дискурса определяется как терминологическим аппаратом, так и стилистическими особенностями. При этом в данном контексте также необходимо подчеркнуть, что юридический дискурс, прежде всего, следует относить к институциональному типу и, следовательно, для него определяющими являются такие параметры, как область правоприменения,

характеристика участников коммуникативного акта, цель и задачи общения, а также особенности параметров устного или письменного тестов и т. д.

В юридических текстах можно встретить такие фразеологические сочетания и терминологические единицы, как ‘*on the proposal of’ the court’; ‘recommendation of’; ’ as laid down in’;’ judicial organ’; ‘the international court of justice’; ‘to hear a case’; ‘casting vote’; ‘to deal with a case’; ‘a body of judges’; ‘summary procedure’* и др.

Описание процессов языковой номинации в аспекте теории лексического и семантического и варьирования нуждается в акцентировании нашего внимания на таких понятиях, как «глубина семантического объема лексемы», «степень неоднородности семантики лексем», «шкала неоднозначности», «динамизм лексического значения», «точность – приблизительность номинации». Так, например, под «глубиной семантического объема» в лингвистической науке имеется в виду количество элементов семантической структуры лексемы. Говоря иными словами, речь идет о ее лексико-семантических вариантах (ЛСВ).

В контексте наших рассуждений можно привести такой пример:

He cast a stone at the policemen. – Он бросил камень в полицейских.

He chucked a stone at the cops. – Он запустил камнем в фараонов.

Эти примеры показывают, что в зависимости от стилистической принадлежности меняется также и лексическая единица, которая используется для описания действия или лица – участника событийного ряда. Первое предложение характеризуется стилистической нейтральностью, тогда, как второе предложение (*He chucked a stone at the* cops. – Он запустил камнем в фараонов) относится к формально-разговорному стилю.

На основании приведенных нами примеров можно также говорить о том, что в ситуации, которая нуждается в конкретизации особенностей действий или же в ситуациях, когда отправитель информационного сообщения описывает их в ином стилистическом регистре, меняется и наполнение высказывания. Например, в приведенном нами выше предложении (*He chucked a stone at the cops.* – Он запустил камнем в фараонов) вместо официального стиля высказывания, звучащего, как *He cast a stone at the policemen.* – Он бросил камень в полицейских применяется обиходный / разговорный / повседневный стиль и, соответственно, используется лексико-семантический вариант (ЛСВ) узкозначного слова.

Далее в этой связи приведем примеры, которые связаны с использованием слов и выражений, не несущих смысловой нагрузки в обычном, повседневном понимании. Однако они имеют конкретное значение в юридическом стиле изложения. В качестве подобных примеров могут служить терминологическая единица языка права *replevin* – иск о возвращении владения движимой вещью, виндикационный иск, а также в

качестве примера приведем латинизм, имеющий отношение к юридическому языку: *nemo dat* (*nemo dat not habet*) – принцип, согласно которому никто не может передать или продать то, правами собственности на что он не располагает.

В том случае, если ситуация общения требует от участников коммуникативного акта некоторой информации, которая не нуждается в каком-либо уточнении, то в ней реализуется лексико-семантический вариант (ЛСВ) полисемантического / многозначного слова или широкозначная лексема.

Корреляция точности и приблизительности номинации, глубины семантического объема лексем, а также широты и узости десигната лексических единиц дает основание сделать вывод о том, что лексическая единица обладает разной степенью информативной насыщенности. В данном контексте обратимся к синонимической группе с доминантой *to influence.* Глагол *to influence* переводится как *влиять, оказывать влияние на кого-то или что-то*. На синонимической шкале окажутся такие глаголы, как *to convince, to persuade, to urge, to dominate, to induce to motivate, to impress, to flatter, to prompt, to tempt, to incite, to dispose, to prevail upon, to jawbone.*

При этом антиподом глагола *to influence* является глагол *to jawbone.* Отметим, что глагол *to influence* имеет не только общее значения оказывания влияния на кого-то или на что-то, но и представляет собой единственный «бесцветный» глагол в этой семантической группе. Тем не менее, будучи доминантой синонимического ряда, данная лексема, обладает достаточно широким семантическим диапазоном и, таким образом, оказывается номинативно-приблизительной.

Выше мы отметили, что антиподом глагола *to influence* является глагол *to jawbone.* Данный глагол синонимического ряда с доминантой *to influence* находит в речи свое применение в том случае, если необходимо акцентировать внимание на попытке влияния с помощью сильного убеждения, особенно насильственного побуждения к подчинению. Кроме этого глагол *to jawbone* также применяется в речи, когда говорится о призыве к добровольному выполнению официальных пожеланий или руководящих принципов*: to jawbone – to try to influence through strong persuasion, especially to urge to comply violently; to urge voluntary compliance with official wishes or guidelines.*

Таким образом, можно сделать вывод, что лексема *to jawbone* является гиперконкретной и ярко-оценочной лексемой.

Далее для сравнения в качестве иллюстрации приведем следующий миниконтекст: *He jawboned enough thousands of dollars to set up an office and hire his personnel.* Речь здесь идет о бизнесмене, который пролоббировал свой бизнес и тем самым получил кредит незаконными

способами, что и вызывает у обсуждающих данную ситуацию критическое, негативное отношение к происходящему.

Congresswoman Weintrob jawboned local officials about their responsibilities toward the immigrant community. – Конгрессвумен Вайнтроб отчитала местных чиновников за их ответственность перед иммигрантским сообществом.

Говоря об особенностях полисемантичности лексических единиц, в том числе, терминологических единиц, используемых в языке права, прежде всего, нужно подчеркнуть, что к случаям многозначности относят целый ряд явлений. Во-первых, здесь нужно отметить применение одного и того же термина в самом широком и узком значениях. Во-вторых, в качестве важной причины назовем наличие у однозначного термина в языке двух и более близких по значению, но, при этом, совершенно различных терминов в другом языке. Подобный феномен называется скрытой многозначностью термина.

Так, например, терминологическая единица *chancellor* [ˈʧɑːns(ə)lə] обладает целым рядом значений. Приведем два основных значения: 1) *канцлер* и 2) *председатель «суда справедливости»* в ряде штатов США. ~ of the Exchequer [ɪksˈʧekə] – министр финансов. При этом первое названное нами значение лексической единицы *chancellor* является общеанглийским.

Вместе с тем лексическая единица *chancellor* обладает и другими значениями, например, *право справедливости* и «канцелярский суд». Кроме этого, лексическая единица *chancellor* передает понятие *суд права справедливости.*

Терминологические единицы, используемые в юридическом дискурсе, как правило, лаконичные. Они достаточно четко обозначают понятия, находящие свое применение в области права. Их можно разделить на две группы: те, которые понятны рядовому читателю, и те, которые известны узкому кругу лиц. Юридическую терминологию мы можем распределить на две большие группы. Первая группа будет представлена такими терминологическими единицами, как *witness – свидетель, defendant – «ответчик», «обвиняемый», подсудимый, prosecutor – обвинитель, прокурор.*

В качестве примера юридических терминологических единиц, которые мы можем отнести ко второй группе, могут быть названы такие термины юридического языка, как, например, *prison escort arrangements,* что переводится на русский язык, как *«меры по сопровождению заключенных», right of audience,* которое мы переводим, как *право выступать в суде.*

Расширение семантики юридической терминологической единицы можно проследить на таких примерах, как *witness competent*, который на русский язык следует переводить, как *«свидетель, допущенный к даче*

показаний» и *‘witness adverse’*, который следует переводить, как «нежелательный свидетель». Говоря иными словами, речь здесь идет о свидетеле, который не расположен к допрашиваемому его лицу и дает показания в пользу противоположной стороны.

Таким образом, мы описали динамичность и информативную насыщенность юридического дискурса. При этом следует сделать вывод о том, что важным способом для определения многозначности служит такой способ определения полисемантичности, как метод выявления и анализа особенностей функционирования в различных окружениях в специальных текстах, где и выявляется разница в семантике омонимичных и многозначных терминов.

Следующий вывод, к которому мы приходим, описывая динамичность и насыщенность юридического дискурса, сводится к нашему заключение о том, что динамичность в юридическом дискурсе связана с кумулятивной функцией, способностью лексической единицы концентрировать в себе целый ряд смысловых компонентов.

Литература

Косоногова О. В. Характеристика юридического дискурса / О. В. Косоногова // Историческая и социально-образовательная мысль. – Москва, 2015. – № 1. – С. 61–65.

Попова Т. Г. Жаргон в юридическом дискурсе / Т. Г. Попова // Вопросы права: особенности перевода юридических текстов и межкультурной коммуникации: сб. ст. по материалам Международной научно-практической конференции. – Москва, 2026. – С. 79–80.

Daniel Greenberg, ed. Stroud's Judicial Dictionary of Words and Phrases, 9th edn. London: Sweet & Maxwell, 2016.

David Hay, ed. Words and Phrases Legally Defined, 5th edn. 4 vols. London: LexisNexis, 2021.

Gerry W. Beyer, Pamela Anne Dallefeld, & Stephanie A. Williams. Modern Dictionary for the Legal Profession, 5th edn. Getzville, N.Y.: William S. Hein & Co., 2021.

Jonathan S. Lynton. Ballentine's Legal Dictionary and Thesaurus. Rochester, N.Y.: Lawyers Co-operative Pub., 2020.

Merriam-Webster's Dictionary of Law. Springfield, Mass.: Merriam-Webster, 2016.

Robert Sellers Smith & Adele Turgeon Smith. West's Tax Law Dictionary. 2024 edn. St. Paul, Minn.: Thomson West, 2023.

Stephen Michael Sheppard. The Wolters Kluwer Bouvier Law Dictionary. Desk edn. 2 vols. NY: Wolters Kluwer Law & Business, 2019.

Т. Н. Слободянюк (г. Тверь, Россия)

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье сравниваются системы стилистических помет в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова 1949 г. (1-е изд.) и «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1997 г. (4-е изд.), а также анализируются лексемы, маркированные пометами негативной оценочности.

Ключевые слова: лексема, оценочность, помета, система помет, стилистическая маркировка.

The article compares the systems of stylistic marks in S. I. Ozhegov's "Dictionary of the Russian Language" (1949, 1st edition) and in S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova's "Explanatory Dictionary of the Russian Language" (1998, 4th edition), and also analyses lexemes marked with marks indicating negative evaluation.

Keywords: lexeme, evaluativeness, label, label system, stylistic marking.

Одним из важнейших лексикографических приемов, с помощью которого толковый словарь указывает на функционально-стилистическую принадлежность и экспрессивно-эмоциональную окраску лексемы, является стилистическая помета. Особое место занимают пометы негативной оценочности, т. к. они маркируют отрицательной эмоционально-экспрессивной оценкой предмет или явления и тесно связаны с лингвоаксиологией. Системы стилистических помет различны в толковых словарях русского языка. Это объясняется множеством факторов: подходы к кодификации лексики у авторских коллективов, отсутствие единой концепции стилистического описания слов, целевые ориентиры, хронологический разрыв и т. п. Однако и у одного авторского коллектива один лексикографический проект претерпевает изменения с каждым последующим изданием. Эти изменения требуют особого внимания и детального анализа, так как они указывают, как менялись лексикографические подходы к стилистической маркировке и отражались процессы, происходившие в русском языке в рамках определенного периода, чем обусловлена актуальность данного исследования.

Цель публикации – сравнить системы стилистических помет в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова 1949 г. (1-е изд.) и «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1997 г. (4-е изд.), а также проанализировать лексемы, маркированные пометами негативной оценочности в данных изданиях, а главное – продемонстрировать, как изменение системы помет повлияло на стилистическую маркировку лексем.

Первое издание включает 50 100 слов, 4-е – 80 000. В руководстве к пользованию в обоих изданиях указано: «В соответствии с задачами словаря, включающего только основной запас слов современного

литературного языка, в него, как правило, не помещаются: специальные слова, которые являются узкопрофессиональными, частными терминами; областные слова; слова просторечия с явно выраженным вульгарным, грубым оттенком, а также слова фамильярного стиля; старинные или устаревшие слова; сложносокращенные слова и собственные имена различных типов» [Ожегов 1949, с. 5; Ожегов 1997, с. 5].

Таким образом, подходы к лексическому наполнению похожи, однако количественный состав 4-го издания расширился на 30 000 слов. Увеличение словника можно объяснить не только необходимостью описания новых слов и пополнением его заимствованиями, но и желанием Н. Ю. Шведовой сделать словарь более емким.

В первом издании к пометам, указывающим стилистическую характеристику слова, автор относит 8 помет (***«разг.»***, ***«обл.»***, ***«презр.»***, ***«неодобр.»***, ***«пренебр.»***, ***«шутл.»***, ***«ирон.»***, ***«бран.»***), 6 из которых означают, что в слове содержится та или иная эмоциональная выразительная оценочность обозначаемого словом явления (***«презр.»***, ***«неодобр.»***, ***«пренебр.»***, ***«шутл.»***, ***«ирон.»***, ***«бран.»***). В четвертом издании список данной группы шире: 13 помет (***«книжн.»***, ***«высок.»***, ***«офиц.»***, ***«разг.»***, ***«прост.»***, ***«обл.»***, ***«презр.»***, ***«неодобр.»***, ***«пренебр.»***, ***«шутл.»***, ***«ирон.»***, ***«бран.»***, ***«груб.»***), 7 из которых обозначают эмоциональную выразительную оценочность (***«презр.»***, ***«неодобр.»***, ***«пренебр.»***, ***«шутл.»***, ***«ирон.»***, ***«бран.»***, ***«груб.»***). Появление стилистических помет ***«книжн.»***, ***«высок.»***, ***«офиц.»***, ***«прост.»***, ***«груб.»*** в четвертом издании словаря может свидетельствовать о необходимости более детального описания стилистически окрашенных лексем в связи с активным вхождением их в речь, перемещением из одной стилистической сферы в другую. Также невозможно игнорировать стремление авторов четвертого издания более детально описывать лексемы: не просто обобщенно фиксировать лексемы, а как можно подробнее отразить все области употребления, учитывая аксиологические тенденции. С. И. Ожегов прямо поясняет, что первое издание словаря ставит перед собой цель описания лексики с точки зрения нормативного употребления, а в четвертом издании говорится об изменчивости литературной нормы употребления слов и невозможности полного описания лексем.

Рассмотрим лексемы, зафиксированные с новыми стилистическими пометами, на букву А в четвертом издании. Наиболее многочисленная группа – это лексемы с пометой ***«книжн.»*** (53). Так как большинство слов уже было зафиксировано в первом издании (44) без каких-либо помет, можно предположить, что необходимость в помете ***«книжн.»*** появилась как способ разграничения книжной и разговорной лексики по причине включения в четвертое издание последней. Девять лексем (*авторитаризм, альма-матер, альянс, аналог, аномалия, антихрист, артистизм, аспект, ассимиляция*) являются новыми или обретают новое значение и, как

следствие, фиксируются и кодифицируются в четвертом издании. С пометой ***«прост.»*** зафиксировано 10 лексем (*аварийщик, авторша, агрономша, адвокатша, актёрка, амбал, аморалка, арап, архаровец, анафема*), а в первом издании в соответствии с нормативной задачей словаря данные лексемы или значения, маркированные соответствующей пометой, отсутствуют. Это доказывает стремление Н. Ю. Шведовой включить разговорную лексику в состав словаря и, как следствие, включить помету ***«прост.»***. Однако следует отметить, что с пометой ***«груб.»***, несмотря на то, что она также включена в четвертое издание, на букву А лексем не зафиксировано. Это доказывает стремление авторов словаря отразить баланс между живой разговорной речью и нормативностью языка. С пометой ***«высок.»*** в четвертом издании зафиксированы фразеологизм *принести на алтарь* и лексема *артерия* во втором значении «путь сообщения» как маркер высокой степени торжественности и ненейтральности значений, что закономерно: включение в состав словаря ненейтральной лексики приводит к необходимости включения помет, которые указывают не только на сниженность употребления, но и на высокий стиль. Данные значения также зафиксированы в первом издании без помет, что может указывать переход значений из нейтрального статуса в высокий. С пометой ***«офиц.»*** зафиксировано выражение «в адрес» как клише официально-делового стиля. Следовательно, кодификация данного выражения в качестве примера с соответствующей пометой указывает на стремление Н. Ю. Шведовой отразить не только язык разговорный, нейтральный, высокий, но и язык делового общения. Отсутствие такого выражения в первом издании может свидетельствовать о том, что С. И. Ожегов, составляя словарь, не ставил перед собой такую задачу.

Таким образом, можно предположить, что стремление сделать новое издание более обширным с точки зрения стилистической наполненности, в том числе фиксируя лексемы, содержащие оценку в своем значении, привели к необходимости включения помет ***«груб.»***, ***«книжн.»***, ***«высок.»***, ***«офиц.»***, ***«прост.»***.

Рассмотрим слова с пометами негативной оценочности. На букву А в первом издании зафиксирована 1 лексема (*ареопаг* ***«ирон.»***), в четвертом издании – 14. Лексемы можно типологизировать на 4 группы относительно наличия помет негативной оценочности: 1) слова, относящиеся к стабильному слою; 2) ранее зафиксированные слова, у которых появилась помета; 3) новые слова с пометой; 4) слова, перешедшие из нейтрального статуса в сниженный.

К группе 1 «Стабильный слой» относится 1 лексема *ареопаг* ***«ирон.»***. Хотя помета негативной оценочности в исследуемом хронологическом периоде не изменилась, следует отметить, что в самом толковании лексемы наблюдаются некоторые изменения: в первом издании лексема

поясняется как «судилище, собрание» [Ожегов 1949, с. 15], а в четвертом – «собрание авторитетных лиц» с пометой ***«книжн.»*** [Ожегов 1997, с. 28]. Включение компонента «авторитетный» стремится к уточнению статуса участвующих в собрании лиц, а исчезновение компонента «судилище» свидетельствует о том, что целью такого собрания не является осуждение.

Группу 2 составляет 5 лексем, которые зафиксированы только в четвертом издании. Следовательно, нельзя проследить динамику лексем: *алиментщик* ***«неодобр.»***, *алкаш* ***«неодобр.»***, *аника-воин* ***«ирон.»***, *анонимка* ***«неодобр.»***, *анонимщик* ***«презр.»***. Из 5 указанных слов 4 именуют качества людей. Также в качестве примеров фиксируются в четвертом издании три устойчивых выражения: *не ангел* ***«неодобр.»***, *как свинья в апельсинах* ***«ирон.»***, *сорвать аплодисменты* ***«ирон.»*** с негативными пометами.

Группа 3: в четвертом издании прослеживается лексикографическое описание не только новых слов, но и новых значений уже зафиксированных ранее лексем: *амбиция* («2. Претензии, притязания на что-нибудь» ***«неодобр.»*** [Ожегов 1997, с. 23]), *анафема* («2. Употребляется как бранное» ***«прост.»*** [Ожегов 1997, с. 24]). Включение новых лексем, значений и устойчивых выражений свидетельствует о том, что такие новые значения, видимо, стали более частотными и требовали фиксации с соответствующими пометами негативной оценочности.

Группа 4 – это устойчивые выражения, зафиксированные в словарных статьях, которые сменили нейтральный статус на сниженный. Например, фразеологизмы *кроток, как агнец* ***«ирон.»*** и *питаться акридами и диким медом* ***«ирон.»*** в первом издании зафиксированы без негативных помет, а в четвертом издании – с пометой ***«ирон.»***. Это свидетельствует о том, что из устаревших библейских выражений они перешли в употребление с оттенком иронии в живую разговорную речь. Авторы четвертго издания отразили данный процесс, что свидетельствует об аксиологическом сдвиге по отношению к библейским ценностям.

Таким образом, проанализировав системы стилистических помет и лексемы на букву А, маркированные пометами негативной оценочности в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1-е изд. 1949 г.) и «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (4-е изд. 1997 г.), можно сделать следующие выводы:

1) четвертое издание обширнее на 30 000 слов;

2) в первом издании автор ограничивается нормативным описанием лексики, четвертое издание – это способ более детального описания лексики, в том числе путем маркирования;

3) в четвертом издании более детальная система стилистических помет;

4) анализ негативно окрашенных лексем указывает на некоторые аксиологические сдвиги в конце XX в.: изменение отношения к некоторым личностным качествам и реалиям;

5) четвертое издание словаря фиксирует не только нейтральные слова, но и слова высокого стиля, а также обладающие сниженной оценочностью. Но так как авторы анализируемых словарей указывают, что, как правило, в словари не входят «просторечные слова и значения с ярко выраженной грубой окраской» следует включить при исследовании динамики семантико-стилистического статуса лексики другие толковые словари, соответствующие хронологии изучаемого периода.

Литература

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов; Гл. ред. акад. С. П. Обнорский, Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. – XVI, 968 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. Б. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1997. – 939 с.

Пестова А. Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – нач. XXI в.: дисс. … канд. филол. наук / А. Р. Пестова. – Москва, 2022. – 165 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. –170 с.

Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте: учебное пособие / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 167 с.

О. В. Торопчина (г. Бийск, Россия)

МЕМНЫЕ ФРАЗЫ КАК ЕДИНИЦЫ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются три мемные фразы, получившие распространение в русскоязычном интернете и популярные среди молодежи в 2025–2026 гг.: «сикс севен», «пепе, шнейне, фа, втфа» и «базовый минимум». Материалом послужили ответы 198 респондентов, которым предлагалось составить предложение с каждой фразой. Анализ показал, что фразы находятся на разных стадиях освоения: от семантически размытого междометия до устойчивого выражения с закрепленным значением. Различия проявляются в доле осмысленных ответов и в характере контекстов.

Ключевые слова: интернет-мем, молодежный сленг, языковое сознание, мемная фраза.

The paper examines three internet meme phrases that are current among Russian-speaking youth in 2025–2026: «six seven», «pepe, schneine, fa, wtfa», and «basic minimum». The material consisted of responses from 198 respondents, who were asked to compose a sentence with each phrase. The analysis showed that the phrases are at different stages of acquisition: from a semantically vague interjection to a set expression with an established meaning. The differences manifest in the proportion of meaningful responses and in the nature of the contexts.

Keywords: internet meme, youth slang, linguistic consciousness, meme phrase.

Интернет-мемы являются полноценным лингвокультурным явлением, которое активно влияет на речь молодежи, формирует новые слова и устойчивые выражения. Мем рассматривается как прецедентный феномен, обладающий узнаваемостью, воспроизводимостью и способностью к переосмыслению и появлению новых контекстов [Канашина 2018]. Именно прецедентность связывает мем с культурным опытом носителя: чтобы «считать» отсылку, нужно знать мем-культуру, актуальные тренды и интернет-дискурс.

Связь мемов с молодежным сленгом проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, мемы порождают новые лексические единицы: отдельные слова («кринж», «рофл», «вайб»), которые входят в активное употребление, в том числе и через мем-контекст [Gimadetdinova 2024]. Это согласуется с наблюдением исследователей молодежного сленга: сленг «пополняется новыми жаргонизмами из сферы социального нетворкинга, видеоигр, разных субкультур», а общение в мессенджерах включает «элементы креолизованного текста, сочетающие письменный текст, изображения и видео, мемами» [Власов 2021]. Во-вторых, мемы выполняют функцию социальной идентификации: через них молодые люди маркируют принадлежность к своей группе. В исследованиях интернет-сленга эта функция фиксируется прямо: сленг создает ощущение групповой принадлежности, а знание актуальных мемных формул воспринимается как маркер «своего» в цифровом сообществе [Gimadetdinova 2024]. В-третьих, мемные фразы нередко выступают как средство внутригрупповой коммуникации – они понятны прежде всего тем, кто погружен в соответствующую среду.

Особую роль в этом процессе играет **лингвокреативный потенциал мема**. Он реализуется через **трансформации** (расширение компонентного состава, замену единиц в рамках лексико-семантической группы, актуализацию оценочных и экспрессивных компонентов), которые делают мем узнаваемым, но одновременно порождают смысловой сдвиг [Полонский 2023].

Важно и то, что мемы неодинаково осваиваются языком. Одни остаются вирусной шуткой на несколько недель и исчезают, другие закрепляются как устойчивые выражения и переходят в общий сленг. М. А. Кронгауз описал жизненный цикл мема, выделяя стадии создания, распространения, использования по инерции и угасания [Кронгауз 2012]. Однако некоторые мемы «застревают» на определенной стадии, оставаясь узнаваемыми, но не воспроизводимыми в речи.

Итак, мемные фразы могут рассматриваться как единицы молодежного сленга, поскольку они обладают основными признаками сленговых единиц: воспроизводимостью в неформальной коммуникации, способностью выполнять функцию социальной идентификации и

тенденцией к семантическому сдвигу – утрате исходного значения и приобретению нового, закрепленного в коллективном языковом опыте. Именно эти признаки позволяют отграничить мемную фразу, закрепившуюся в языке, от вирусной шутки, не вышедшей за пределы одного коммуникативного эпизода.

В данной работе представлен фрагмент исследования, где в фокусе внимания находятся три мемные фразы, получившие распространение в русскоязычном интернете и актуальные для молодежи в 2025–2026 гг.:

1. **«Сикс севен»** – абсурдный числовой мем без закрепленного значения. Его происхождение связывают с треком рэпера Skrilla «Doot Doot (67)», где сочетание цифр повторяется в припеве. Популярность закрепили вирусные ролики с подростком, выкрикивающим «six-seven» на баскетбольном матче, и видео с баскетболистом Тайленом Кинни, чей жест (поочередное поднятие ладоней) стал характерным для мема. В 2025 году онлайн-словарь Dictionary.com признал «67» словом года. Фраза используется как неопределенный ответ или оценка «так себе», а ее бессмысленность стала основой вирусного распространения.
2. **«Пепе, шнейне, фа, втфа»** – мем, созданный российским рэпером Ганвестом (Руслан Гоминов). В 2025 году он начал вставлять в речь странные слова, иронизируя над движением вайперов – молодежным течением, представители которого используют англицизмы и мрачную эстетику. Каждое слово имеет условное значение: *«пепе»* – отсылка к интернет-мему «Лягушонок Пепе», означает что-то богатое; *«шнейне»* – ассоциация с Коко Шанель, тоже про роскошь; «фа» – одобрение, «хорошо»; «втфа» – отсылка к английскому WTF, выражение недовольства. Несмотря на наличие значений, фраза в речи функционирует как бессмысленный набор звуков, что и обеспечило ее меметичность.
3. **«Базовый минимум»** – выражение, закрепившееся в языке благодаря песне Sabi и Mia Boyka, выпущенной в 2025 году. Трек получил популярность в социальных сетях из-за ироничного текста о завышенных ожиданиях в отношениях. Песня развила тренд, когда пользователи сети делили жизненные обстоятельства на «базовый минимум» и «роскошный максимум».

Мы предполагаем, что данные мемные фразы находятся на разных стадиях освоения и по-разному представлены в языковом сознании носителей.

Цель работы – описать, как эти три фразы функционируют в речи молодых носителей русского языка, и показать, что за внешним сходством (все три фразы являются мемами) стоят принципиально разные типы языковых единиц.

Материалом исследования послужили ответы респондентов, полученные в ходе опроса (N = 198). Участникам предлагалось составить короткие предложения с каждой из трех фраз. Если фраза была незнакома,

то следовало написать «Не знаю». Возраст участников варьировался от 14 до 37 лет, однако большинство респондентов относилось к возрастной группе 16–22 лет (139 человек). Основная часть выборки – студенты вузов и колледжей.

При анализе данных учитывались: доля осмысленных ответов, характер контекстов (междометные, оценочные, предметные), а также наличие или отсутствие устойчивой сочетаемости. Ответы распределились следующим образом (Таблица 1). К отказам отнесены ответы «Не знаю», а также единичные вхождения, не содержащие предложения (отдельные слова, смайлы, прочерки, бессмысленный набор символов).

Таблица 1

Распределение ответов на стимульные фразы (N = 198)

Мемная фраза	Осмысленные ответы	«Не знаю» и прочие отказы
Сикс севен	103 (52%)	95 (48%)
Пепе, шнейне, фа, втфа	45 (23%)	153 (77%)
Базовый минимум	165 (83%)	33 (17%)

Таким образом, доля осмысленных ответов на мемную фразу «сикс севен» составила 52%. Однако анализ контекстов показал, что полноценные предложения встречаются в 88% (от числа осмысленных ответов); остальные 12% представляют собой повтор самой фразы без включения в синтаксическую структуру: *СИКС СЕВЕН, Сикс севен, СИКССЕВЕН.* Типичные контексты распределились по четырем группам:

1. **Встраивание фразы в предложение** (33%): *«Моя одногруппница надоела мне с мемом – сикс севен», «На доме написано сикс севен».*
2. **Рефлексия о меме** (29%): «*Весь тикток про сикс севен», «Мем сикс севен полный кринж», «Сикс севен – самый крутой мем».*
3. **Языковая игра** (26%): «*У меня 67 хромосом», «У меня сикс севен процентов», «Спал сегодня сикс севен часов».*
4. **Повтор фразы без контекста** (12%).

Семантика фразы остается размытой, что проявляется в ответах респондентов: часть респондентов прямо указывает на отсутствие значения («бессмысленный мем», «не понимаю прикола»), а те, кто встраивает фразу в предложение, используют ее не как носителя значения, а как маркер принадлежности к интернет-культуре или как элемент языковой игры. Фраза не имеет денотата и не называет никакой ситуации – она отсылает к мему как к прецедентному феномену, а не к смыслу.

Фраза «Пепе, шнейне, фа, втфа» оказалась наименее освоенной: осмысленные ответы составили 23% (45 человек). Внутри этой группы к основным типам реакций можно отнести следующие:

1. **Контекстное употребление и языковая игра** (69%): *«Я купил вчера колу, пепе шнейне фа втфа, и у меня новый чехол на телефон», «Я прихожу в аэропорт пепе шнейне втфа прохожу контроль фа втфа», «Я*

ехал по дороге фа, меня подрезал какой-то пэпэ шнейне, а я ему кричал втфа».

В эту категорию объединены встраивание фразы в контекст и ее языковое обыгрывание: граница между ними в ответах респондентов нестабильна.

2. **Повтор фразы** (31%): *«ПЕПЕ ШНЕЙНЕ ФА ВТФА», «Пепе, шнейне, фа, втфа», «Пепе шнейне вата фа».*

Помимо этого, среди 153 ответов, отнесённых к отказам, выделяются **25 реакций без воспроизведения фразы, но свидетельствующих о знакомстве с ней**: 18 отсылок к Ганвесту как источнику мема («Ганвест», «Как сказал Ганвест» и др.) и 7 отрицательных оценок («Избавьте меня от этого позора», «Бред», «Ужасный прикол» и др.). Остальные 128 отказов – это «Не знаю» или ответы без предложения. Эти реакции свидетельствуют о знакомстве с фразой, но не о владении ею: респонденты либо называют источник, либо выражают отношение, не используя саму фразу в речи.

Фраза узнаваема, но не воспроизводима в связной речи. Она выполняет функцию мема-маркера, отсылающего к источнику, а не полноценной языковой единицы.

Фразу «Базовый минимум» воспроизвели 165 респондентов из 198 (83%). Остальные 33 (17%) написали «Не знаю» или не смогли построить высказывание. Этот показатель значительно выше, чем у двух других фраз, и объясняется не только меметичностью, но и тем, что выражение закрепилось в языке благодаря песне **Sabi и Mia Boyka** «Базовый минимум». Многие ответы представляют собой прямые цитаты или близкие перефразы песенных строк. Среди 165 воспроизведений можно выделить несколько групп:

1. **Прямые цитаты и близкие перифразы строк песни** (39%). Респонденты воспроизводят строки известной песни: *«iPhone купи, ресторан плати, без повода мне подари / Кольцо с моим именем – базовый минимум», «Скучай, без повода обнимай, ай, люби, цени, уважай, ай / Чувства самые сильные – это базовый минимум».* В анкетах встречаются также сокращенные варианты*: «Айфон купи – это базовый минимум», «Дарить цветы – это базовый минимум», «Кольцо с моим именем – это базовый минимум»*. Эти ответы показывают, что песня стала источником прецедентных высказываний, а сама фраза воспринимается как устойчивая формула.

2. **Самостоятельные контексты, не связанные с песней** (30%). Здесь респонденты используют фразу для описания бытовых, учебных или рабочих ситуаций: *«Для сдачи экзамена нужно знать хотя бы базовый минимум грамматики»*, «*Чтобы брать заказы, нужно освоить базовый минимум», «8 часов сна – это не базовый минимум».* Это свидетельствует о том, что выражение перешло из мемной цитаты в самостоятельную

оценочную единицу со значением «обязательный набор действий или характеристик».

3. **Ироничное обыгрывание** (15%): *«Мужчина должен зарабатывать тридцать миллионов в день, это базовый минимум», «Миллион в минуту – мой базовый минимум», «Свозить меня на Мальдивы – это базовый минимум».* В этих случаях фраза используется с установкой на гиперболу и языковую игру.

4. **Философские обобщения** (9%): *«Базовый минимум – это здоровые отношения», «Базовый минимум – отсутствие насилия», «Базовый минимум – это чтобы люди говорили между собой прямо».* Здесь выражение наполняется этическим содержанием, что также говорит о его закреплении в языке.

5. **Упоминания самой песни или исполнителя** (6%)*: «Мия Бойка выпустила трек базовый минимум», «Слова из песни ”базовый минимум“»* и др. Эти ответы фиксируют связь фразы с источником, но не используют ее в речи.

Так, мемная фраза «базовый минимум» прошла путь от песенной строки до устойчивого выражения, свободно встраивающегося в предложение. Высокая доля воспроизведений и разнообразие контекстов подтверждают, что в языковом сознании молодежи эта фраза занимает место полноценной языковой единицы, а не только мема.

В заключение отметим, что рассмотренные мемные фразы, несмотря на общее происхождение из онлайн-среды и актуальность для молодежной аудитории, демонстрируют принципиально разные траектории освоения языком. «Сикс севен» остается семантически размытым междометием-маркером: он узнаваем и активно воспроизводится, но не имеет устойчивого денотата и чаще используется как элемент языковой игры или социальной идентификации. «Пепе, шнейне, фа, втфа» находится на еще более ранней стадии освоения: фраза известна преимущественно как отсылка к источнику (Ганвесту) и почти не встраивается в связную речь. «Базовый минимум», напротив, прошел путь от песенной цитаты до самостоятельной оценочной единицы, способной свободно встраиваться в предложение. Данные показывают, что ни интернет-источник, ни меметичность сами по себе не гарантируют закрепления в языке: решающими оказываются наличие устойчивого значения, воспроизводимость и способность к контекстному варьированию. Таким образом, мемные фразы можно рассматривать как динамическую зону молодежного сленга, в которой одни единицы остаются вирусными маркерами, а другие постепенно переходят в общий языковой фонд.

Литература

Власов М. С. Почему молодежь использует сленг и зачем педагогу следует его понимать? / М. С. Власов, О. В. Торопчина, Т. В. Гришакова // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник материалов VII Международной

научной конференции, Бийск, 26 сентября 2022 года / Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина. – Бийск: АГГПУ им. В. М. Шукшина, 2022. – С. 47–50.

Канашина С. В. Интернет-мем и прецедентный феномен / С. В. Канашина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – №4 (193). – С. 122–127. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.

Кронгауз М. А. Мемы в интернете: опыт деконструкции / М. А. Кронгауз // Наука и жизнь. – 2012. – № 11. – С. 127–132.

Полонский А. В. Полидискурсивность интернет-мема как реализация его лингвокреативного потенциала / А. В. Полонский, Ю. Н. Шаталова, С. В. Крюкова, С. В. Ушакова // Медиалингвистика. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 209–222. DOI: 10.21638/spbu22.2023.204.

Gimadetdinova V. G. Linguocreative Features of Youth Internet Slang // Zenodo. 2024. Pp. 1–5. DOI: 10.5281/zenodo.20510255.

Е. М. Химинец (г. Пермь, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВАРНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ»

В статье представлены результаты сопоставительного анализа словарных значений лексем *opération, intervention, guerre, mission*, репрезентирующих военное событие «Сервал», на материале этимологических, исторических и современных французских словарей. Выявлены архисемы, специальные и неспециальные значения, определена семная структура каждой лексемы.

Ключевые слова: лексема, семный анализ, архисема, специальное значение, военное значение, французский язык.

The article presents the results of a comparative analysis of the dictionary meanings of the lexemes opération, intervention, guerre, and mission, which represent the military event «Serval», based on etymological, historical, and modern French dictionaries. The archisemes, specialized and non-specialized meanings are identified, and the seme structure of each lexeme is determined.

Keywords: lexeme, seme analysis, archiseme, specialized meaning, military meaning, French language.

Для описания лексического значения одним из основных методов является компонентный анализ. С помощью данного метода можно изучить механизм «развертывания значений» [Стернин 1979, с. 67], так как «переакцентировка сем» [Там же] в структуре значения ведет к развитию семантики слова. Согласно З. И. Комаровой, компонетный анализ – это «методика исследования содержательной стороны значимых единиц языка, состоящая в разложении значения на минимальные семантические составляющие с целью выявления и представления семантической структуры этих единиц» [Комарова 2012, с. 432]. Сущность компонентного анализа определяется рядом исходных постулатов: «значение

двусторонних единиц языка – это сложные феномены, которые можно разложить на составляющие компоненты, а языковые подсистемы можно описать с помощью семантических признаков» [ЛЭС 2002, с. 233–234], т. е. «аспектов значения слова» [Алефиренко 2009, с. 377]. Согласно И. М. Кобозевой, компонентный анализ лексических значений – это «представление значений слов в виде комбинации элементарных компонентов смысла» или «набора семантических компонентов» [Кобозева 2000, с. 109–110]. М. В. Никитин писал, что компонентный анализ значения «непосредственно связан со структурой лексического значения и строится на той предпосылке, что все значения, кроме тех, что совпадают с элементарными понятиями, состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения» [Никитин 2007, с. 110].

Согласно И. А. Стернину и М. С. Саломатиной, «метод компонентного анализа применяется при семном анализе и семном описании значения и заключается в выделении дифференциальных и интегральных сем в значении слов» [Стернин 2011, с. 15]. Метод позволяет выявить все компоненты значений, описать интегральные и дифференциальные семы, а на основании анализа словарных дефиниций составить список сем и построить таблицу семного состава слова [Там же, с. 16].

Анализ словарного значения лексем проводился в два этапа: на первом изучались этимологические и исторические франкоязычные словари (по 8 словарей для каждой лексемы: 2 этимологических и 6 исторических), на втором – полный компонентный анализ 32 современных словарей (толковых, энциклопедических, военных, юридических). Цель – выявить все компоненты значений, определить специальное и неспециальное значения и построить таблицу семного состава.

Согласно этимологическим словарям лексема «**opération**» происходит от латинских *operari, operare* в значении travailler, faire, opérer. В «Dictionnaire de l'ancien français» зафиксировано два значения (1130): ouvrage и bonnes œuvres [Dictionnaire de l'ancien français 2001, с. 425]. В XII в. появляются значения efficacité, calcul, opération, action, effet. С XIV в. лексема используется в значении «хирургическое вмешательство», далее – в философии, теологии, математике, химии, финансовой сфере. С начала XVIII в. фиксируется военное значение при описании организованных военных действий [Dictionnaire historique de la langue française 1998].

В современных словарях выявлено неспециальное общее значение с компонентами «действие» (26 словарей из 32; архисема) и «результат» (22 словаря). Пример: «Action d'une puissance, d'un pouvoir qui produit un effet physique ou moral» [CNTRL]. Специальное невоенное значение включает медицинское (24 дефиниции), математическое (21), финансовое

(18), религиозное (13), психологическое (6), химическое и фармацевтическое (3), типографское (2). Военное значение представлено компонентами «действие» (28), «цель» (23), «характеристика» (12). Пример: «Ensemble des mouvements stratégiques ou tactiques exécutés par les forces engagées dans une action militaire» [Dictionnaire de l'Académie française]. Всего обнаружено 197 компонентов значения: неспециальное – 24,4%, специальное невоенное – 44,7%, специальное военное – 31%.

Лексема **«intervention»** происходит от латинских *intervenire*, *interventio* в правовом значении médiation [Dictionnaire étymologique de la langue française 1986: 344]. Впервые зафиксирована в XIV в. в общем значении action d'intervenir и в значении garantie, caution. В XVII в. появляется правовое значение, в XIX в. – военное désigner l'acte d'un Etat qui agit militairement hors des frontières, а также употребление в экономической, международной, социальной сферах. В 1877 г. фиксируется медицинское значение (хирургия), в середине XX в. – значение участника дебатов.

В современных словарях неспециальное общее значение включает компоненты «действие» (28 словарей из 32; архисема), «задача» (2), «результат» и «помощь» (по 1). Пример: «Action d'intervenir, d'entrer dans une affaire pour agir sur son déroulement» [Cordial.fr]. Специальное невоенное значение: медицинское (23 дефиниции), правовое и дипломатическое (16). Военное значение включает компоненты «действие» (15), «характеристика» (8), «цель» (3). Пример: «Acte d'ingérence d'un État dans les affaires d'un autre» [Le Nouveau Petit Robert 2008, с. 1360]. Всего обнаружено 97 компонентов: неспециальное – 32,9%, специальное невоенное – 40,2%, специальное военное – 26,8%.

Лексема «**guerre**» происходит от герм. *werra*, заменив латинское *bellum* [Dictionnaire etymologique de la langue française 1986, с. 309]. В древнефранцузском словаре зафиксированы значения guerre, difficulté, malheur [Dictionnaire de l'ancien français 2001, с. 302]. С XI в. лексема имеет значение lutte armée entre groupes humains ou entre Etats; в XIV в. фиксируется guerre civile; в XVII в. – guerre de religion, guerre sainte, les questions militaires, l'organisation des armées, «законы войны» [Le Robert dictionnaire historique de la langue française 1998, с. 1659].

В современных словарях неспециальное общее значение включает компоненты «действие» (20 словарей из 32; архисема), «характеристика» (14), «результат» (3). Пример: «Se dit de toute lutte par laquelle on cherche à dominer ou à éliminer un rival» [Dictionnaire de l'Académie française]. Специальное невоенное значение: политическое (4 дефиниции), название игры (2). Военное значение включает компоненты «участники» (28), «действие» (27), «характеристика» (24), «цель» и «результат» (по 5). Пример: «Conflit armé entre des nations, des États, des groupes humains» [Dictionnaire Hachette 2008, с. 730]. Всего обнаружено 137 компонентов:

неспециальное – 27%, специальное невоенное – 5,1%, специальное военное – 67,8%.

В Средние века слово «**mission**» означало frais, dépenses [Dictionnaire historique de la langue française 1998, с. 2252]. В XVI в. появляется религиозное значение, с XVII в. заимствуется широкое значение action d'envoyer, а также tâche confiée à une personne (1656). В 1831 г. фиксируется raison d'être, fonction (d'une chose), в 1842 г. – метонимическое ensemble de personnes que l'on envoie accomplir une tâche.

В современных словарях архисемой является «задача» (28 словарей из 32), конкретизируемая семами charge, fonction, mandate, devoir, but, vocation. Пример: «Charge, pouvoir donné à quelqu'un de faire une chose» [Petit Larousse 1967, с. 664]. Специальное невоенное значение: религиозное (26 дефиниций), правовое и дипломатическое (16). Военное значение представлено компонентом «действие» (2 дефиниции). Пример: «Action de combat confiée à une personne ou à une formation» [CNTRL]. Всего обнаружено 72 компонента: неспециальное – 38,8%, специальное невоенное – 58,3%, специальное военное – 2,7%.

В первую очередь необходимо обобщить полученные результаты в части анализа лексического значения лексем «opération», «intervention», «guerre», «mission». При проведении анализа этимологических и исторических словарей у лексемы «opération» выявлено неспециальное значение («ouvrage», «bonnes œuvres», «action, actes», «action d'un pouvoir qui produit un effet», также определено специальное значение (религиозное, философское, термин алхимии, медицинское, математическое, химическое, военное, финансовое, банковское). При проведении компонентного анализа современных франкоязычных словарей выявлено неспециальное общее значение, включающее компоненты «действие» и «результат», и специальное значение, включающее невоенное (медицинское, религиозное, математическое, финансовое, химическое и фармацевтическое, психологическое, типографское) и военное значения, включающее компоненты значения «действие», «характеристика», «цель», «помощь».

Обратимся к лексическому значению лексемы «intervention». При проведении анализа лексемы «intervention» в этимологических и исторических словарях выявлено неспециальное значение (общее значение включающие компоненты «действие» и «роль»), и специальное значение (правовое, военное, экономическое, медицинское, значение из международной сферы, социальной сферы). При проведении компонентного анализа современных франкоязычных словарей обнаружено неспециальное общее значение, включающее компоненты «действие», «задача», «результат», «помощь», а также специальное значение – невоенное (правовое и дипломатическое, медицинское) и

военное, которое включает компоненты «действие», «характеристика», «цель».

Перейдем к обобщению информации, полученной при проведении анализа лексемы «guerre». В этимологических и исторических словарях выявлено: неспециальное значение («difficulté», «malheur», «вражда, ссора, раздор между людьми», «... le quereller, lui faire des remontrances à ce sujet», военное имя, используемое солдатами при вступлении в армию; специальное значение (военное)). При проведении компонентного анализа словарных дефиниций современных франкоязычных словарей выявлено: неспециальное общее значение, включающее компоненты «действие», «характеристика», «результат»; специальное значение – невоенное (политическое, биологическое и название игры), военное значения (включающее компоненты «участники», «действие», «характеристика», «цель», «результат»).

При проведении анализа лексемы «mission» в этимологических и исторических словарях выявлено неспециальное значение (включающее компоненты «действие», «задача») и специальное значение (религиозное, правовое и дипломатическое). При проведении компонентного анализа современных словарей выявлено неспециальное общее значение (включающее компонент значения «задача») и специальное невоенное (правовое и дипломатическое, религиозное значение) и военное значения (включающее компонент «действие»).

Сопоставительный анализ показал, что архисемой всех четырех лексем является компонент «действие» (для mission – «задача», производная от «действия»). Наиболее многозначной является opération (197 компонентов значения), наименее – mission (72). Доля военного значения максимальна у лексемы guerre (67,8%), минимальна – у mission (2,7%). Лексемы opération и intervention характеризуются развитой системой специальных невоенных значений (медицинское, правовое, математическое, финансовое), тогда как «guerre» и «mission» тяготеют к военной и религиозно-дипломатической сферам соответственно.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Академия, 2009. – 377 с.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник / И. М. Кобозева. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / З. И. Комарова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 432 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 171 с.

Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

Centre national de ressources textuelles et lexicales (CNTRL) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnrtl.fr (дата обращения: 15.10.2026).

Cordial.fr. Le dictionnaire [Электронный ресурс]. URL: https://www.cordial.fr (дата обращения: 15.10.2026).

Dictionnaire de l'Académie française [Электронный ресурс]. URL: https://www.dictionnaire-academie.fr (дата обращения: 15.10.2026).

Dictionnaire de l'ancien français. Paris: Larousse, 2001. 425 p.

Dictionnaire étymologique de la langue française / Oscar Bloch. Paris: PUF, 1986. 344 p.

Dictionnaire Hachette. Paris: Hachette, 2008. 730 p.

Dictionnaire historique de la langue française / sous la dir. d'Alain Rey. Paris: Le Robert, 1998. 2252 p.

Le Nouveau Petit Robert de la langue française. Paris: Le Robert, 2008. 1745 p.

Petit Larousse illustré. Paris: Larousse, 1967. 664 p.

Н. В. Чумичева (г. Краснодар, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СПУНЕРИЗМА В РУССКОЙ РЕЧИ: МЕЖДУ РЕЧЕВЫМ СБОЕМ И ЯЗЫКОВОЙ ИГРОЙ

Спунеризм рассматривается в статье не только как разновидность непроизвольной речевой ошибки, но и как факт актуального языкового сознания говорящего. На сконструированных примерах русской речи анализируется психолингвистический механизм перестановки звуковых, слоговых и морфемных единиц, предлагается их типология и обсуждается подвижная граница между стихийным речевым сбоем и намеренной языковой игрой.

Ключевые слова: спунеризм, речевая ошибка, порождение речи, языковая игра, языковое сознание.

The article examines the spoonerism not merely as a type of involuntary speech error, but as a manifestation of the speaker's actual language consciousness. Drawing on constructed examples from Russian speech, it analyses the psycholinguistic mechanism behind the exchange of phonemic, syllabic and morphemic units, proposes a typology of such exchanges, and discusses the shifting boundary between spontaneous speech failure and deliberate language play.

Keywords: spoonerism; speech error; speech production; language play; language consciousness.

Термин «спунеризм» восходит к имени английского священника, педагога и многолетнего декана Нового колледжа Оксфорда Уильяма Арчибальда Спунера (1844–1930), которому молва приписывала регулярные оговорки вроде знаменитого «you have hissed all my mystery

lectures» вместо «you have missed all my history lectures» – «вы прошипели все мои таинственные лекции» вместо «вы пропустили все мои лекции по истории». Была ли эта репутация заслуженной или сложилась благодаря студенческому фольклору Оксфорда, установить сегодня едва ли возможно; куда существеннее то, что за полтора столетия слово закрепилось за целым классом речевых явлений, при которых звуковые, слоговые или морфемные элементы двух соседних слов меняются местами, порождая либо бессмысленный, либо, что интереснее, неожиданно осмысленный результат. В отечественной традиции сам термин используется реже, чем описываемое им явление: чаще говорят о контаминации, метатезе на уровне слова или попросту об «оговорках» [Ахманова 1966], хотя природа этих явлений заметно различается.

Прежде чем двигаться дальше, стоит развести спунеризм со смежными явлениями, которые в обиходе нередко называют тем же словом. **Малапропизм** – по имени незадачливой героини пьесы Р. Шеридана миссис Malaprop – состоит в замене одного слова другим, близким по звучанию, но неуместным по смыслу; здесь обмена между двумя единицами высказывания нет, есть лишь ошибочный выбор одной лексемы. **Контаминация** – слияние двух конкурирующих способов выразить одну мысль в одну гибридную форму – ближе к спунеризму по механизму конкуренции двух одновременно активных единиц, однако обычно затрагивает не звуковую оболочку двух разных слов фразы, а два синонимичных выражения одного содержания [Ахманова 1966]. **Оговорка** «по Фрейду», наконец, вообще не о фонологии: это замена, мотивированная семантически, а не звуково. **Спунеризм** же – и только он – предполагает обмен именно звуковым, слоговым или морфемным материалом между двумя единицами высказывания, остающимися при этом семантически независимыми друг от друга; смешение этих трех явлений в популярной литературе встречается постоянно и терминологической строгости явно не способствует.

Едва ли есть более простой способ убедиться в существовании языкового сознания как самостоятельной психической реальности, чем понаблюдать за тем, как оно спотыкается [Чумичева 2014]. Спунеризм здесь не досадная помеха, а редкая возможность увидеть изнанку речи: те механизмы отбора и сборки звуковой оболочки слова, которые в норме полностью скрыты от интроспекции говорящего. Модель порождения речи В. Левелта различает как минимум три относительно автономных этапа (концептуализацию замысла, формулирование, включающее лексический отбор и последующее фонологическое кодирование, и артикуляцию [Levelt 1989]); спунеризм, видимо, рождается именно на стыке лексического и фонологического уровней формулирования, когда две единицы, уже отобранные для соседних позиций высказывания, одновременно удерживаются в оперативной памяти говорящего и – по сходству

начальной позиции, ударности или ритмического рисунка – обмениваются частью своей звуковой оболочки.

Классические корпусные исследования оговорок, начатые В. Фромкин, показали, что подобные сбои закономерны, а не хаотичны: они подчиняются тем же фонотактическим правилам, что и правильная речь, и потому служат надежным источником сведений о внутренней грамматике говорящего [Fromkin 1971]. Внутри этого класса принято различать антиципацию, когда более позднее слово вторгается в более раннее, персеверацию, когда более раннее слово задерживается и влияет на последующее, и мену – обмен элементами между двумя единицами, которая и составляет ядро спунеризма [Fromkin 1971]. Активационная модель Г. Делла объясняет подобные обмены распространением возбуждения по сети языковых узлов: когда две лексические единицы готовятся к производству почти одновременно, их фонологические представления частично накладываются друг на друга, и элемент с более высоким на данный момент уровнем активации может «перехватить» позицию соседа [Dell 1986]. Иначе говоря, спунеризм – не поломка системы, а побочный, но вполне закономерный эффект ее нормальной работы в условиях временного дефицита: речь порождается быстрее, чем успевает пройти полную проверку на каждом уровне.

Русский материал вносит в эту картину существенную поправку, и как раз она заслуживает отдельного внимания. Английский язык, будучи аналитическим и обладая сравнительно бедной словоизменительной морфологией, допускает относительно свободный обмен начальными сегментами двух слов без разрушения грамматической правильности фразы – отсюда и хрестоматийность «спунеровских» примеров именно на английском материале. Русское слово, напротив, почти всегда несет на себе груз флексии, согласующей его с остальным высказыванием по роду, числу, падежу или лицу; перестановка начальных звуков двух знаменательных слов нередко либо разрушает это согласование, либо порождает форму, вовсе не существующую в языке, – и говорящий, судя по наблюдениям над спонтанной речью, куда быстрее спохватывается и исправляет такую оговорку, чем в языках со слабой флексией. Возможно, поэтому в отечественной литературе по речевым ошибкам [Земская 1979; Стернин 2001] «чистые» фонемные спунеризмы фиксируются реже, чем их более рыхлые родственники – контаминации, при которых обмен затрагивает не отдельный звук, а целый слог или корневую морфему, оставляя словоизменительную часть на месте.

Три уровня, на которых может происходить подобный обмен, удобно развести на условных, сконструированных для целей анализа примерах – таких примеров исследователю оговорок сплошь и рядом приходится строить самому, поскольку спонтанная речь отдает их лингвисту крайне неохотно. На фонемном уровне меняются местами лишь начальные

согласные: *конферентный номкрол* вместо «конформный контроль», где выделенные звуки поменялись местами, а остальная звуковая и морфологическая структура слов осталась прежней. На слоговом уровне обмен захватывает целый слог, чаще всего ударный или начальный приставочный: *построить вывод* вместо «выстроить повод» – здесь переставляются уже не отдельные звуки, а слоговые блоки, что в русском языке нередко совпадает с границей морфемы. Наконец, на уровне целого слова обмен вырождается в простую перестановку членов синтагмы и к спунеризму в строгом смысле уже не относится, хотя интуитивно ощущается говорящим как явление того же порядка – сюда тяготеют случаи вроде *надел шапку на голову и очки на нос*, превращающиеся в шутку *надел очки на голову, а шапку на нос*.

Показательно, что во всех трех случаях обмен происходит не между произвольными единицами, а между теми, что уже связаны каким-либо сходством – фонетическим, ритмическим, а нередко и семантическим. Слова, входящие в один тематический ряд или регулярно соседствующие в узусе (устойчивые сочетания, парные номинации, идиоматические блоки), спунеризируются охотнее случайных соседей по фразе: их фонологические представления, по-видимому, изначально теснее связаны в ментальном лексиконе, а значит, и вероятность взаимной интерференции при порождении речи у них выше [Dell 1986]. Тем самым спунеризм оказывается своего рода лакмусовой бумажкой не только фонологической, но и семантической организации внутреннего словаря говорящего: то, какие именно единицы «слипаются» в оговорке, косвенно свидетельствует о том, какие связи между словами реально существуют в языковом сознании носителя, а не только постулируются лингвистом извне.

Всё сказанное до сих пор касалось спунеризма как непроизвольного сбоя. Но у этого же явления есть и вторая, ничуть не менее оживленная жизнь – в качестве намеренного приема языковой игры, и о ней стоит сказать отдельно. Достаточно вспомнить детский фольклор с его перевёртышами, эстрадную и газетную каламбуристику, рекламные слоганы, построенные на обыгрывании созвучных перестановок, наконец – интернет-мемы, где спунеризм нередко служит источником нового, слегка абсурдного смысла. Языковая игра в целом, как показано в работах В. З. Санникова и Б. Ю. Нормана, строится на осознанном нарушении языковой нормы ради эстетического или комического эффекта [Санников 2002; Норман 2006], и спунеризм в этом отношении – лишь одна из доступных говорящему стратегий, но стратегия по-своему уникальная: она требует не просто знания нормы, но и способности мысленно «проиграть» звуковой обмен еще до произнесения фразы, оценить его комический потенциал и лишь затем воспроизвести уже как готовую шутку.

Литературная традиция обыгрывания подобных перестановок в русской словесности старше самого термина. Обэриуты, и в первую

очередь Даниил Хармс, охотно строили комический эффект на сдвиге звуковой оболочки соседних слов, добиваясь того особого ощущения абсурда, которое возникает, когда синтаксис остается безупречным, а лексика – как будто съехавшей со своих мест; в считалках и скороговорках детского фольклора тот же прием эксплуатируется без всякой рефлексии над его лингвистической природой, но с не меньшим эффектом. Показательно, что успех подобной игры целиком держится на сохранении узнаваемости исходной фразы: спунеризм смешит лишь тогда, когда слушатель способен мгновенно восстановить «правильный» вариант и оценить дистанцию между ним и услышанным, а значит, и здесь работает то же неявное знание говорящим и слушающим фонологической структуры слова, о котором шла речь выше.

Именно в степени контроля, а не в самом механизме, непроизвольная оговорка и сознательная игра слов расходятся. Т. А. Гридина справедливо замечает, что языковая игра эксплуатирует те же ассоциативные и фонетические связи, что лежат в основе обычных речевых сбоев, разница лишь в том, что говорящий использует их целенаправленно, а не становится их жертвой [Гридина 1996]. Спунеризм в итоге занимает промежуточное положение между полностью автоматическими процессами речепорождения и вполне осознанным метаязыковым творчеством, и граница между ними подвижна: то, что начиналось как случайная оговорка, будучи однажды замеченным и понравившимся говорящему, легко переходит в разряд намеренной шутки и воспроизводится уже сознательно. С другой стороны, иные заведомо придуманные спунеризмы, повторенные множество раз, напротив, автоматизируются и начинают срываться с языка почти непроизвольно.

Для теории актуального языкового сознания этот промежуточный статус спунеризма особенно ценен. Если непроизвольная оговорка обнажает бессознательную фонологическую разметку слова (то, как говорящий, сам того не подозревая, членит поток речи на сегменты, слоги и морфемы), то намеренный спунеризм показывает, что та же разметка вполне доступна и сознательной рефлексии: носитель языка способен не только автоматически пользоваться слоговой и морфемной структурой слова, но и произвольно манипулировать ею, опираясь на интуитивное, нигде специально не преподававшееся знание о том, где именно у слова находится «съемный» начальный элемент, а где – неприкосновенное ядро. Спунеризм в равной мере интересен и как окно в бессознательные механизмы речи, и как свидетельство того, что граница между сознательным и автоматическим в языковой способности человека куда более проницаема, чем принято думать.

Экспериментальная разработка темы применительно к русскому материалу представляется одним из перспективных направлений. В зарубежной психолингвистике давно используется методика

искусственной провокации спунеризмов через быстрое проговаривание пар слов со сходной начальной структурой – испытуемому предъявляют серию фонологически «заряженных» пар, и частота возникающих обменов служит косвенным показателем организации фонологического кодирования. Адаптация подобной методики к флективному русскому материалу потребует учета морфологического фактора, о котором говорилось выше: провоцирующие пары придется подбирать так, чтобы обмен начальных сегментов не разрушал автоматически грамматическую форму слова, иначе эксперимент будет измерять не столько фонологическую интерференцию, сколько скорость грамматического самоконтроля говорящего. Но именно это методическое усложнение и делает русский материал особенно информативным: там, где англоязычный эксперимент видит только фонологию, русский рискует одновременно высветить и ее взаимодействие с морфологией, а значит, сказать о механизмах порождения речи нечто такое, что на менее флективном материале остается попросту невидимым.

Подводя черту, замечу: при всей анекдотичности своего происхождения спунеризм интересен лингвисту не столько как курьез, сколько как закономерность – сбой, обнажающий архитектуру речепорождающего механизма и заодно неплохо служащий материалом для реконструкции ассоциативных связей внутреннего лексикона. Но, пожалуй, интереснее всего в нем именно пограничность: перед нами та редкая зона между автоматизмом и сознательным творчеством, где языковое сознание говорящего проявляет себя откровеннее, чем в любом безупречно правильном высказывании. Планомерное собирание русского корпуса подобных оговорок, и непроизвольных, и игровых, помогло бы уточнить представления о том, как единицы языка организованы в сознании их носителя, а значит, скромный спунеризм вполне заслуживает более пристального внимания, чем ему обычно достается.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – 214 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – Москва: Русский язык, 1979. – 240 с.

Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 252 с.

Чумичева Н. В. Латентные коммуникативные уровни психотерапевтического дискурса / Н. В. Чумичева // Культура и образование: электронный научно-практический журнал. – 2014. – №9 (13). – С. 35.

Dell G.S. A Spreading-Activation Theory of Retrieval in Sentence Production // Psychological Review. 1986. Vol. 93, № 3. P. 283–321.

Fromkin V.A. The Non-Anomalous Nature of Anomalous Utterances // Language. 1971. Vol. 47, № 1. P. 27–52.

Levelt W.J.M. Speaking: From Intention to Articulation. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 566 p.

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

К. С. Алексеев (г. Тверь, Россия)

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ КАК ПРЕДИКТОР АРГУМЕНТАТИВНОГО КОММУНИКАТИВНОГО СТИЛЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Error! Bookmark not defined.Представлена методика и результаты экспериментального исследования, направленного на выявление взаимосвязи между когнитивным стилем концептуализации и аргументативным коммуникативным стилем. На материале ответов 50 испытуемых осуществляется параметризация стилей по трем уровням анализа. Предложена матрица сопряженности, позволяющая оценить степень корреляции когнитивного и коммуникативного стилей, а также выявляются прагматические факторы, модулирующие эту взаимосвязь и формирующие переходную зону.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, когнитивный стиль, концептуализация, аргументативный коммуникативный стиль.

The methodology and results of a comparative experimental study aimed at identifying the relationship between the cognitive style of conceptualization and the argumentative communicative style are presented. Based on the responses of 50 participants, the styles are parameterized according to three levels of analysis. A matrix of conjugation is proposed, which makes it possible to assess the degree of correlation between cognitive and communicative styles, and pragmatic factors that modulate this relationship and form a transitional zone are also identified.

Keywords: communicative stylistics, cognitive style, conceptualization, argumentative communicative style.

Теоретическую основу работы составляют следующие постулаты когнитивной лингвистики:

1. Когнитивная стратегия понимается как «устойчивый способ организации мыслительной деятельности, который находит свое выражение в языковых средствах». Когнитивная деятельность охватывает весь этап речепроизводства от интенционального уровня речепорождения до вербальной реализации [Мкртычян 2012].

2. Когнитивная стратегия имеет три уровня организации (три аспекта): когнитивный, прагматический и аналитический [Мкртычян 2012].

3. Основной единицей, маркирующей коммуникативный стиль, является речевая стратегия – абстрактная единица интенционального уровня речепорождения. Речевые стратегии могут иметь процедурную и декларативную природу. Процедурные стратегии организуют формальный аспект высказывания (выбор и последовательность расположения структурных элементов, их пространность). Процедурные стратегии формируют когнитивный аспект коммуникативного стиля, поскольку отражают формальную специфику мышления. Выбор содержательных

(или семантических) речевых стратегий, которые имеют декларативную природу, происходит на интенциональном уровне и зависит от коммуникативно-прагматических факторов, образуя прагматический аспект коммуникативного стиля. Речевые стратегии обоих типов реализуются на вербальном уровне посредством речевых тактик. Речевые тактики анализируются на системно-структурном уровне и составляют аналитический (или системно-структурный) аспект коммуникативной стилистики.

Концепция коммуникативной стилистики апробирована на материале управленческого дискурса (разработана и описана типология управленческих коммуникативных стилей [Мкртычян 2012]), на материале туристического дискурса – представлена модель коммуникативных стилей экскурсовода с учетом темпераментальных характеристик личности, интенциональности туристического дискурса и вербальных проявлений коммуникативных стилей на основе широкого привлечения экспериментального материала и дискурсивного анализа [Янсон 2021], а также на материале манипулятивного дискурса [Мкртычян 2023].

На этапе моделирования аргументативных коммуникативных стилей была сформулирована следующая гипотеза: аргументация реализуется в рамках одного из двух аргументативных коммуникативных стилей (далее – АКС): ригидно-стереотипного АКС и лабильно-креативного АКС, либо на основе их смешанных вариантов. Понятия ригидности и лабильности заимствованы из психологии.

Ригидность в психологии мышления понимается как устойчивость, инертность мыслительных процессов, склонность к стереотипным решениям; а лабильность – как подвижность, адаптивность, способность к перестройке мыслительных стратегий [Ожегов 2000].

В отношении речевой деятельности эти понятия интерпретируются нами следующим образом: ригидность – склонность к стереотипным, речевым стратегиям, категоричности с опорой на готовые шаблоны; лабильность – способность продуцировать креативные нестандартные идеи, учитывать альтернативные точки зрения с опорой на вероятностную модальность.

В рамках настоящего исследования нами сформулирована следующая гипотеза: когнитивный стиль абстрактная / конкретная концептуализация выступает тем существенным фактором, который в числе прочих личностных особенностей мышления влияет на специфику аргументативной составляющей коммуникации.

С целью подтверждения выдвинутой гипотезы нами проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие 50 испытуемых (42 женщины и 8 мужчин) в возрасте от 19 до 67 лет. Выборка включала представителей различных возрастных групп и образовательных профилей (гуманитарное, техническое, иное).

В результате было получено 500 ответов, которые послужили материалом исследования.

Материалом послужили два массива данных:

1) ответы, полученные по методике незаконченных предложений «Я верю, что...» (5 стимулов: *честность, любовь, деньги, правила, семья*) для выявления когнитивного стиля;

2) ответы на 5 дискуссионных вопросов (например, «Является ли ИИ угрозой для человечества?») для выявления АКС с опорой на модель С. Тулмина [Toulmin 1958].

Анализ позволил выявить устойчивые паттерны совпадения когнитивного и коммуникативного стилей, а также случаи их рассогласования.

1. Паттерн прямого совпадения: Конкретный когнитивный стиль – Ригидно-стереотипный АКС. Испытуемые с конкретным стилем концептуализации демонстрируют жесткую, прямолинейную аргументацию.

Испытуемый №1: в методике «Я верю, что...» использует топосы и ограничители («честность необходима между близкими людьми», «семья – это важно»). В аргументации на дискуссионные вопросы дает категоричные, односложные ответы с опорой на иррациональные авторитеты: «Да. Для верующих это не требует дополнительной аргументации».

Испытуемый №38: в дискуссионных ответах использует исключительно культурные клише и фразеологизмы («Вспоминается фильм “Терминатор”», «Не ведают они, что творят», «Не рой другому яму, сам в нее попадешь»). Отсутствие сложного синтаксиса и абстрактных обобщений указывает на конкретный когнитивный стиль, реализующийся в ригидно-стереотипном АКС.

2. Паттерн прямого совпадения: Абстрактный когнитивный стиль – Лабильно-креативный АКС. Испытуемые с абстрактным стилем оперируют парадоксами, низкой частотностью и сложным синтаксисом как в концептуализации, так и в аргументации.

Испытуемый №43: демонстрирует высокий уровень абстракции и креативности. В ответе об ИИ строит гипотетический сценарий с использованием специальной лексики: «в наивысшей точке развития ИИ поймет, насколько несовершенны люди... Придется их либо утилизировать, либо с помощью генной инженерии выращивать определенные виды людей». Это яркое проявление абстрактного когнитивного стиля, реализуемого через лабильно-креативный АКС (развернутая модель С. Тулмина, учет условий).

Испытуемый №48: использует сложные синтаксические конструкции и философские концепты («глобальные процессы», «триумф гуманности», «приспосабливаться к тому, что есть»). Аргументация многомерна, модальность вероятностная («Думаю, что нельзя обвинять...»), что

свидетельствует о полном совпадении абстрактного когнитивного и лабильно-креативного коммуникативного стилей.

3. Переходная зона и влияние модерирующих факторов. Умеренная часть выборки (~28%) демонстрирует рассогласование стилей, что позволяет выделить факторы, влияющие на коммуникативное поведение помимо базового когнитивного стиля.

Фактор тематической осведомленности. Испытуемый №25: имеет абстрактно-конкретный когнитивный стиль («деньги – это энергия», «правила учат самоконтролю»). В вопросах, где у испытуемого есть внутренняя уверенность, он демонстрирует лабильно-креативный АКС: «Прямой угрозы нет, но может ей стать, если использовать его без контроля и ответственности». Однако в менее знакомых или эмоционально заряженных темах может давать более категоричные ответы, приближающиеся к ригидному полюсу.

Фактор эмоциональной вовлеченности и социальной желательности. Испытуемый №46: демонстрирует конкретно-абстрактный когнитивный стиль с элементами рефлексии («Затрудняюсь оценить это как аморально, но однозначно неразумно»). В вопросе об оружии проявляется тревога и эмоциональная вовлеченность, что «сжимает» аргументацию до краткого, почти ригидного утверждения: «Опасаюсь психической нестабильности человечества», несмотря на сохранение абстрактной лексики. Это классический пример смешанного ответа.

Таблица 1

Матрица сопряженности стилей

Когнитивный стиль	**Ригидно-стереотипный АКС**	**Лабильно-креативный АКС**	**Переходная зона**
Конкретный	Высокая корреляция (69%)	Низкая корреляция (7%)	Умеренно (23%)
Конкретно-абстрактный	Умеренная корреляция (25%)	Умеренная корреляция (35%)	Высокая (40%)
Абстрактно-конкретный	Низкая корреляция (16%)	Высокая корреляция (66%)	Редко (17%)
Абстрактный	Низкая корреляция (0%)	Высокая корреляция (80%)	Умеренно (20%)

Таким образом, бинарная модель когнитивных стилей концептуализации обладает высокой эвристической ценностью для прогнозирования речевого поведения: конкретный стиль статистически значимо предопределяет ригидно-стереотипную аргументацию, тогда как абстрактный стиль с высокой вероятностью приводит к лабильно-креативной стратегии. Разработанная параметризация когнитивных и коммуникативных стилей по трем уровням анализа – лексическому, грамматическому и содержательному – доказала свою валидность и может

быть использована в качестве диагностического инструмента в психолингвистической экспертизе. Переходная зона, выявленная в ходе анализа, свидетельствует о том, что прямая корреляция стилей модулируется прагматическими факторами, что объясняет наличие смешанных типов ответов и подтверждает динамический характер речевого поведения. Следующий этап исследования будет направлен на верификацию выявленной модели на комплементарных сочетаниях когнитивных и коммуникативных стилей в актах диалогического взаимодействия, что позволит приблизиться к пониманию механизмов достижения эффективности коммуникации в аргументативном дискурсе.

Литература

Мкртычян С. В. Когнитивный аспект коммуникативной стилистики / С. В. Мкртычян // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – №4. – С. 47–57.

Мкртычян С. В. Лингвистический статус коммуникативной стилистики в деятельностной парадигме / С. В. Мкртычян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 225–229.

Мкртычян С. В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе: дисс. ... д-ра филол. наук / С. В. Мкртычян. – Тверь, 2012. – 410 с.

Мкртычян С. В. Когнитивный параметр «импульсивность / рефлективность» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей / С. В. Мкртычян, Н. В. Дзундза // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». – 2023. – №4 (79). – С. 37–47.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 2000. – 940 с.

Янсон Т. А. Коммуникативные стили экскурсовода в устном туристическом дискурсе: дисс. … канд. филол. наук / Т. А. Янсон. – Тверь, 2021. – 214 с.

Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 220 p.

О. А. Андреева (г. Тверь, Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЕЙ КРИТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

Исследование выполнено в рамках коммуникативной стилистики и направлено на моделирование коммуникативных стилей критического высказывания. Обсуждаются результаты эксперимента, дается характеристика когнитивным стилям «полезависимость / поленезависимость» и соответствующим им коммуникативным стилям.

Ключевые слова: когнитивный стиль, коммуникативный стиль, критическое высказывание.

The research is carried out within the framework of communicative stylistics and is aimed at modeling the communicative styles of critical utterance. The results of the

experiment are discussed, and cognitive styles are characterized by their FIELD DEPENDENCE/ INDEPENDENCE and the corresponding communication styles.
Keywords: cognitive style, communicative style, critical utterance.

Критическое высказывание относится к числу потенциально конфликтных речевых жанров, что диктует необходимость изучения факторов, провоцирующих или предупреждающих конфликт. В рамках данного исследования критическое высказывание рассматривается с точки зрения коммуникативной стилистики: представлено моделирование коммуникативных стилей критического высказывания и их описание.

Коммуникативная стилистика является интегративным направлением лингвостилистики. Однако понятие стиля требует уточнения и разграничения с понятием дискурса, представляющим собой коммуникативную деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве [Мкртычян 2012, с. 49]. С целью упорядочить разные векторы понимания стиля и вернуть ему терминологический статус выделяется три аспекта стиля: 1) когнитивный аспект (как когнитивные процессы влияют на выбор языковых средств), 2) системно-структурный аспект (стиль рассматривается через призму уровневых языковых единиц), 3) дискурсивный (или прагматический) аспект (рассматривается влияние прагматических параметров) [Мкртычян 2012, с. 50]. Эти три взаимосвязанных аспекта формируют коммуникативную стилистику. Благодаря разграничению, которое провела С. В. Мкртычян, появляется возможность провести грань между понятиями дискурса, являющегося объектом коммуникативной стилистики, и стиля, предмета коммуникативной стилистики, определяемого как «типичная / типовая манера коммуникативной деятельности в коммуникативно-прагматическом пространстве, маркированная системой определенных динамических единиц» [Мкртычян 2011, с. 38–39].

Описание и моделирование коммуникативных стилей критического высказывания (далее – КСКВ) проводится на основе эксперимента, в котором приняли участие 54 испытуемых от 18 до 78 лет (39 женщин и 14 мужчин). Испытуемые имеют разный социальный статус и образование (уточнялось направление: гуманитарное, техническое, иное). Испытуемым предлагалось отреагировать на 10 ситуаций, относящихся к дискурсу повседневности, например: *Подростки, которые шумно себя вели в автобусе и сквернословили, оскорбили пожилого мужчину, сделавшего им замечание*. Задание для испытуемых было сформулировано следующим образом: «Отреагируйте на описанную коммуникативную ситуацию».

Гипотеза экспериментального исследования сформулирована таким образом: коммуникативный стиль критического высказывания имеет корреляцию с когнитивным стилем субъектов коммуникации.

Основанием когнитивного порядка послужил когнитивный стиль «полезависимость / поленезависимость». Под когнитивным стилем понимается «индивидуально-своеобразный способ переработки информации, который характеризует специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения» [Холодная 2004, с. 16].

Носители ПОЛЕЗАВИСИМОГО стиля, имеют следующие отличительные особенности:

– восприятие информации как единого целого, обращение внимания на контекст и взаимосвязи между элементами, что вызывает трудности в выделении отдельной детали из общей картины;

– зависимость восприятия от контекста, окружающей среды и социальных сигналов;

– фокус на внешних источниках информации;

– сложность восприятия абстрактных понятий и работы с ними;

– обладание повышенным чувством эмпатии и способностью понимать или считывать чувства других людей.

Носители ПОЛЕНЕЗАВИСИМОГО стиля, наоборот, склонны:

– выделять отдельные детали, игнорируя контекст;

– ориентироваться на внутренние ресурсы при обработке информации;

– успешнее работать с абстрактными концепциями;

– демонстрировать аналитический и критический подход к обработке информации.

Общий анализ массива полученных ответов позволил выявить два соответствующих когнитивному стилю «полезависимость / поленезависимость» коммуникативных стиля критического высказывания, которые являются полярными: эмпатично-конформный и эгоцентрично-резистентный. Характеристики каждого из стилей в обобщенном виде представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Характеристики КСКВ, соответствующих когнитивным стилям «полезависимость / поленезависимость»

Эмпатично-конформный стиль	Эгоцентрично-резистентный стиль
– эмпатичные (*я тебя понимаю,* ориентировка на другого: *ему больно*); – назидательные (*так нельзя*) без аргументации или аргументация связана с интересами других; – проявляющие отношение (доброжелательное или оскорбление); – используют стереотипные назидания; – фокусирующиеся на контексте, внешней среде	– аргументирующие и объясняющие; – описывающие ситуацию (возможно, с учетом своего интереса); – выясняющие обстоятельства и причины происходящего; – предлагающие выход; – описывающие СВОИ чувства; – детализирующие ситуацию; – фокусирующиеся на себе, своих эмоциях, ощущениях и опыте

Одним из главных отличий эмпатично-конформного КСКВ от эгоцентрично-резистентного является опора на чувства и мнение других людей, в то время как испытуемые с эгоцентрично-резистентным КСКВ описывали ситуацию исходя из рационального описания ситуации и/или своих внутренних ощущений.

Например, к эмпатично-конформному стилю можно отнести следующие реплики:

Что ты делаешь? Животному больно. Отпусти.

Молодежь, а если бы ваших дедушек так оскорбляли? Вам бы понравилось? Извинитесь!

Милая, кошке очень неприятно и даже больно.

Отпусти кошечку! Ей же больно!

Напротив, к эгоцентрично-резистентному тяготеют реплики, содержащие рациональное объяснение ситуации и/или свидетельствующие о сфокусированности на себе:

Привет! Можно ли сделать музыку тише? Я очень устала, и шум мешает мне уснуть.

Может, в другой раз потусим? А то сегодня уже поздно, и мне спать очень хочется...

Мне неприятно!

Для эмпатично-конформного стиля назидательные формулировки являются одними из самых частотных.

Так поступать неправильно. Это воровство.

Подобное поведение недопустимо в работе.

Так нельзя делать.

Это некультурно!

В отличие от назидательных формулировок, свойственных эмпатично-конформному КСКВ и лишенных обоснования критики, для эгоцентрично-резистентному КСКВ, наоборот, свойственна аргументация:

Пожалуйста, не перебивайте. Чем быстрее я договорю, тем скорее мы освободимся.

К сожалению, время моего выступления ограничено, поэтому я не могу сейчас на них прерваться.

Ты поступил неправильно. Пока ты не купил, эта жвачка не твоя.

Я понимаю, что тебе что-то не понравилось или клиент сам нагрубил, но уже говорили, что работнику недопустимо хамить в ответ. В таком случае лучше промолчать или вызвать меня, а я решу проблему. А потом ты можешь рассказать, что тебе не понравилось.

Выяснение обстоятельств проступка стало характерно для испытуемых с эгоцентрично-резистентным КСКВ:

Ты ведь не забудешь вернуть мне денежку? Ты же помнишь, что занимал у меня? Я не тороплю, если что, просто на всякий случай напоминаю.

Что случилось?

Почему ты так разговариваешь?

Для испытуемых с эмпатично-конформным КСКВ стало типичным использование оценочной лексики. При явном неодобрении поступков из предложенных ситуаций они чаще обращались к оскорблениям, отрицательно-оценочной лексике, грубым императивам, пренебрежительным формулировкам:

Ты адекватный? (пренебрежительное отношение + отрицательная оценка)

Заткнись! (грубый императив)

Овца. / Клоуны. (оскорбление)

Ты что творишь, ненормальная? (риторический вопрос, выражающий осуждение + оскорбление)

Языка у кого-то явно нет. / Дай я свое слово скажу, потом будешь свою бредятину городить. (пренебрежительная формулировка)

Контора нехороших людей. (выражение пренебрежительного отношения)

Почему вы позволяете себе так себя вести? (риторический вопрос, выражающий отрицательную оценку)

Это вопиющее хамство! (отрицательная оценка)

Наряду с формулировками отрицательной оценки для испытуемых с эмпатично-конформным КСКВ свойственно использовать и смягчающую лексику, выражающую одобрение собеседника, например, смягчение формулировок за счет слов вежливости или обращений:

Ну ты и проказник… (смягчение за счет того, что слово «проказник» содержит минимальный оттенок неодобрения)

Будь добр, иди в другую комнату (смягчение за счет вводной конструкции «*будь добр*»)

Молодые люди, следите, пожалуйста, за своей речью и за тем, как вы общаетесь со старшими. (слово «*пожалуйста*» снижает категоричность выражения)

Дорогой друг, если тебе не ценно это место работы и тебе некомфортно общаться с клиентами, то, скорее всего, следует поискать что-то более подходящее. (обращение «*дорогой друг*» сокращает дистанцию и снижает уровень язвительности выражения)

Уважаемый кассир, не могли бы вы помочь коллеге и открыть 2 кассу? / Уважаемая (имя отчество), я попрошу вас проявить уважение и продемонстрировать воспитанность. (обращение «*уважаемый/ая*» демонстрируют положительное отношение к собеседнику)

Родной, появилась возможность вернуть? / Милая, кошке очень неприятно и даже больно. (выражения «*родной*» и «*милая*» выражают доброжелательное отношение к собеседнику)

Таким образом, в настоящей публикации представлена типология коммуникативных стилей критического высказывания (эмпатично-конформный и эгоцентрично-резистентный). Коммуникативные стили смоделированы на экспериментальном материале. Дальнейшая разработка заявленной проблематики лежит в плоскости прагматического (или дискурсивного) аспекта коммуникативной стилистики, которая фокусируется на выявлении типичных речевых стратегий.

Литература

Мкртычян С. В. Когнитивный аспект коммуникативной стилистики / С. В. Мкртычян // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2012. – № 4 (033). – С. 47–57.

Мкртычян С. В. Лингвистический статус коммуникативной стилистики в деятельностной парадигме / С. В. Мкртычян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 9. – С. 225–229.

Мкртычян С. В. Стилистика устного делового дискурса: монография / С. В. Мкртычян. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 316 с.

Мкртычян С. В. Когнитивный параметр «импульсивность/рефлективность» как основа типологии манипулятивных коммуникативных стилей / С. В. Мкртычян, Н. В. Дзундза // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Филология». – №4 (79). – 2023. – С. 37–47.

Тангелов П. И. Когнитивные стили в контексте свойств личности и ее социального поведения / П. И. Тангелов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2025. – Т. 11 (77), №4. – С. 162–175.

Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 384 с.

Янсон Т. А. Коммуникативные стили экскурсовода в устном туристическом дискурсе: дисс. … канд. филол. наук / Т. А. Янсон. – Тверь, 2021. – 214 с.

А. Р. Бутешова (г. Бишкек, Кыргызская Республика)

ВЫРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КЫРГЫЗОВ

Данная статья посвящена выделению некоторых элементов стереотипизации разговорной речи кыргызов. Объектом исследования является разговорная речь городских кыргызов – билингвов, проживающих в городе Бишкек.

Ключевые слова: устная речь, темп речи, речевые акты, переключение кодов, лексико-семантические особенности речи.

This article is devoted to the linguistic features of the oral speech of the Kyrgyz. The object of this research is the colloquial speech of urban Kyrgyz bilinguals living in the city of Bishkek.

Keywords: oral speech, speech tempo, speech acts, code switching, lexical and semantic features of speech.

В настоящее время есть много работ, посвященных рассмотрению и изучению лексико-семантических особенностей речи разных этнических групп. Все эти работы вызывают большой интерес у лингвистов, так как проводятся параллели с языком международным – русским. Ранее долгое время Кыргызстан был в составе СССР, что наложило большой отпечаток не только в речи кыргызского народа, но и в культуре и манере поведения и ведения беседы. Перед нами стояла цель найти лингвистические особенности в устной речи кыргызов-билингвов, которые в основном общаются на русском языке, и отметить некоторые элементы стереотипизации разговорной речи кыргызов. Для этого мы проводили небольшой социологический эксперимент с участием городских жителей, а также обратились к произведениям кыргызских писателей, которые создавали рассказы о городе, в которых очень хорошо продемонстрирована разговорная речь городских жителей.

На основе полученного материала мы отметили некоторые элементы стереотипизации разговорной речи кыргызов:

- темп речи;
- особенности речевых актов;
- тематическое разнообразие;
- особенности невербального поведения кыргызов;
- переключение кодов;
- лексико-семантические особенности разговорной речи кыргызов.

По мнению многих исследователей, как зарубежных, так и отечественных (Стернин И. А., Тер-Минасова С. Г., Маслова В. А., Тагаев М. Д., Дербишева З. К., Камбаралиева У. Дж. и др.), а также на основе проведенных социолингвистических экспериментов, следует отметить, что на мировоззрение этноса, на его образ жизни, на формирование его национального менталитета большое влияние имеют местность, климат, природа, окружающая среда. Сухой суровый горный климат Кыргызской Республики проявляется в национальном характере кыргызского народа и имеет свои особенности в коммуникативном поведении [Камбаралиева 2017, с. 44].

Наблюдения показывают, что темп речи кыргызов размеренный, они мало общительны, не проявляют свои эмоции, говорят не так громко.

Останавливаясь на особенностях речевых актов, нужно сказать, что большая часть городских жителей – билингвы с доминирующим языком русским, люди, которые с русским языком впитали и русскую культуру, манеру общения русского народа, что мало отличает их речевые акты. И в

данном случае следует обратить внимание на городских кыргызов, говорящих только на кыргызском языке, несмотря на то, что они хорошо понимают русский язык.

Городские жители мало общительны, не начинают беседу первыми с незнакомыми людьми без надобности, на заданные им вопросы отвечают коротко и очень часто односложно словом «билбейм», что означает «не знаю». Данный ответ показывает, что они не хотят продолжать с вами беседу. Если у них возникает необходимость обратиться к незнакомцу с вопросом они, как и русские, начинают со слова «кечиресиз» это уважительная форма слова «извините / простите».

Немного иначе обстоит дело с приезжими кыргызами из других городов или областей Кыргызстана. Они начинают свою речь с междометий или частиц: «*и-и-и-и*» – выражают удивление, «*аааай*» – сожаление, «*ап балиии*» – похвала, и т. д. То есть вначале беседы они показывают свои эмоции и чувства по отношению к увиденному или услышанному, адресуя свою речь не конкретно одному человеку, а просто в целом тому, кто начнет с ним беседу, кто подхватит и ответит ему. Такое поведение наблюдается в основном у старшего поколения, но и молодежь иногда ведет себя так. Иногда эти не выраженные до конца чувства так и остаются без внимания, но бывает так, что находится человек, который реагирует на реплику, и у них начинается беседа о происходящем вокруг или увиденном ранее.

Среди знакомых, в какой-либо кампании, коллективе, на работе, даже среди соседей всегда наблюдается иерархическое коммуникативное поведение, т. е. младшие по возрасту никогда не начинают разговор первыми. В процессе беседы младшие поддерживают беседу, никогда не перебивают старших, прислушиваются к советам старших… [Камбаралиева 2021, с. 99].

Городская беседа имеет светский характер и затрагивает разные темы, как говорится: «Сөздү сөз табат» (т. е. дословно: Слово находит слово), однако есть и темы не обсуждаемые: «Сөздү сөздө, артын көздө» (т. е. нужно думать и о последствиях сказанного) [Давлетбакова 1997, с. 140]. Об этом подробно можно узнать в монографии У. Дж. Камбаралиевой и И. А. Стернина [Камбаралиева 2021, с. 81].

В эпоху цифровизации и пиара менталитет кыргызов тоже немного меняется: если старшее поколение не любит говорить о своих достижениях, о себе в целом, то молодежь достаточно смело показывает и, даже можно сказать, рекламирует себя и свои достижения.

«Невербальный язык является таким же языком культуры, как и остальные языки. Вопросы невербальной коммуникации имеют первостепенную значимость при речевом акте людей разных национальностей и культур. Невербальные средства: жесты, мимика, позы,

выражение лица, голос, часто применяются собеседниками разных культур при затруднении процесса коммуникации» [Кадырбердиева 2024, с. 51].

В рамках данной статьи мы остановимся лишь на некоторых из них. Следует отметить, что в процессе общения речь человека сопровождается жестикуляцией, мимикой и не исключены прикосновения к собеседнику, что помогает говорящему точнее выражать чувства, эмоции.

Наблюдения показывают, что кыргызы очень тактильны: когда здороваются, мужчины пожимают руки, одной рукой или двумя (знак большого уважения), женщины обнимаются и целуются. При дружеской беседе старшие могут приобнять за плечи младших, а женщины берутся под ручки. Например:

– Ассалам алейкум, урматтуу меймандар! Мал – көл түгөл жетип алдыңарбы?... – ... адамдардын алдын тосуп учурашкан Адыл, алардын арасынан Юсуфка ***кучак жайды****. – Здравствуйте, уважаемые гости! Нормально ли добрались?.. – ... вышедший на встречу гостей Адыл* ***распростер объятья*** *для Юсуфа.* (пер. авт.)

– Алейкум ассалам, Адыл! Кандайсың? – Юсуф да аны ***бекем кучактады****. – Здравствуй, Адыл! Как ты? – Юсуф тоже* ***крепко обнял его***.) [Наркулова 2020, 23].

– Кел, келе гой, ***бетиңди тос****, садага! – Иди, подойди ближе,* ***подставляй щеку****, дорогая!* [Наркулова 2020, с. 25].

Такие жесты и такое поведение показывает, что они встречают почетного гостя, это признак их хорошего отношения, доверия, желание общаться. В процессе беседы кыргызы редко смотрят в глаза собеседнику, особенно молодые не должны пристально смотреть на старших, общающиеся стараются сдерживать свои эмоции на людях. Однако наблюдения показывают, что подростки с силу западного веяния часто громко беседуют в общественных местах, не прячут своих эмоций, за что часто получают замечания от старшего поколения.

Мы согласимся с высказыванием профессора М. Дж. Тагаева, который на основе проведенных экспериментов справедливо заметил, что «двуязычные жители легко переходят с одного языка на другой, в их речи часто случаются кодовые переключения в рамках одного и того же высказывания» [Тагаев 2016, с. 349]. Например, в городских произведениях Сутана Раева можно найти тому подтверждение:

«*Алдасам… өлүп кетейин…* ***Честне пионерский****… – деди ал шак эле колун чыкыйга такап*»... [Раев 2019, с. 12].

Или «***Все!.. Все!.. Хватит! Надоело!.. Ненавижу*** *ушундай* ***пустышка*** *сөздөрдү… Сиз да мага* ***нотация*** *окуюн деп турасызбы.* ***Я по горло сыта!***..» [Раев 2019, с. 95].

Такое переключение кодов не зависит от какой-то особой ситуации, говорящий, можно сказать, даже не замечает такое явление.

В рамках данной статьи мы сможем очень коротко сказать о лексико-семантических особенностях разговорной речи кыргызов. Наблюдения показывают, как разговорная речь кыргыза-билингва отличается от разговорной речи кыргызов, говорящих только на кыргызском языке. Русская речь кыргыза-билингва с доминирующим русским языком практически не отличается от литературного русского языка. А речь кыргызов, говорящие на родном языке отличаются следующими элементами: широкое употребление междометий, для выражения радости, удивления, разочарования, обиды и т. д.; звукоподражательных слов для яркости описываемого действия, события; широкое использования русских глаголов, существительных с добавлением афиксов кыргызского языка (*звонтетип кой* – позвони мне, *объясняйтет* – объясни, *ответтерин угалы* – послушаем их ответы, *красоватся этпей жөн тур* – стой спокойно, не красуйся и т. д.)

Следует заметить, что лексико-семантические особенности разговорной речи кыргызов требует более детального и обширного рассмотрения, а в рамках данной статьи мы ограничимся несколькими маленькими примерами.

Таким образом, изучив вопрос выражения элементов стереотипизации разговорной речи кыргызов, мы в данной статье продемонстрировали ее некоторые специфические элементы как особенности темпа речи кыргызов, переключение кодов, особенности речевых актов, особенности невербального поведения. Хочется отметить, что национальный язык каждого народа имеет свои особенности и в тоже время влияние других языков, так как находятся в постоянной взаимосвязи через межнациональную и межкультурную коммуникацию.

Литература

Стернин И. А. Контрастивное изучение коммуникативного поведения народов – аспект обучения языку как неродному / И. А. Стернин, У. Дж. Камбаралиева // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 5. – С. 40-48.

Камбаралиева У. Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение / У. Дж. Камбаралиева, И. А. Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2021. – 220 с.

Давлетбакова Д. Т. Пословицы и поговорки кыргызского народа: из собрания акад. К. К. Юдахина / Д. Т. Давлетбакова. – Бишкек: Илим, 1997. – 323 с.

Кадырбердиева Б. М. Особенности невербальной коммуникации в художественных произведениях (на материале исторического романа Т. Касымбекова «Сломанный меч») / Б. М. Кадырбердиева, З. А. Асанова, Ш. И. Носиров // Вопросы востоковедения. – 2024. – №1. – С 48–57. https://doi.org/10.52754/16948653_2024_1_6.

Наркулова Г. Турсун / Г. Наркулова. – Бишкек: Санжарбек Данияровдун Коомдук Фонду, 2020. – 228 с.

Тагаев М. Дж. Русский язык как ведущий компонент евразийской идентичности кыргызов / М. Дж. Тагаев // Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 4–6 октября 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=108269;
ryilvtm2016_342_350.pdf&sequence=1&isAllowed=y]

Раев С. Пусу: Аңгемелер / С. Раев. – Бишкек: Турар, 2019. – 272 с.

Васима Акхтар (г. Челябинск, Россия – Индия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В БЕНГАЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются национально-культурные особенности невербального поведения в бенгальской и русской лингвокультурах. Анализируются жесты, мимика и зрительный контакт. Выявляются сходства и различия, обусловленные культурными и социальными факторами.

Ключевые слова: языковая картина мира, невербальное поведение, национальный характер, национально-культурная специфика, лингвокультура.

This article examines the national and cultural features of nonverbal behavior in Bengali and Russian linguocultures. It focuses on gestures, facial expressions, and eye contact, and identifies similarities and differences shaped by cultural and social factors.

Keywords: linguistic worldview, nonverbal behavior, national character, national and cultural specificity, linguoculture.

Коммуникативное поведение – это сложная система действий, сигналов и стратегий, которые люди используют для обмена информацией, выражения эмоций и построения социальных отношений. Оно включает как вербальные, так и невербальные формы коммуникации, которые совместно создают смысл. И. А. Стернин определяет коммуникативное поведение как совокупность норм и традиций общения внутри лингвокультурной общности, то есть народа, объединенного языком и культурой [Стернин 1989].

Важнейшим компонентом коммуникативного поведения является невербальная коммуникация, включающая жесты, мимику, движения головы, зрительный контакт, позы, межличностную дистанцию и тактильное взаимодействие. Эти средства могут сопровождать речь, дополнять ее содержание, подчеркивать эмоциональную окраску высказывания или передавать информацию самостоятельно.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения невербального поведения в сопоставительном аспекте. При взаимодействии представителей разных лингвокультур недостаточное понимание невербальных сигналов может приводить к коммуникативным затруднениям и ошибочной интерпретации намерений собеседника. Особенно важно это в образовательной среде, где представители разных культур взаимодействуют в учебных, бытовых и официальных ситуациях.

Цель исследования – выявить особенности использования и интерпретации невербальных средств в бенгальской и русской лингвокультурах на основе анализа научной литературы.

Объект исследования – невербальное поведение как компонент коммуникативного взаимодействия.

Предмет исследования – национально-культурные особенности жестов, мимики и зрительного контакта в бенгальской и русской лингвокультурах.

В работе используются описательный и сопоставительный методы, а также анализ научной литературы по проблемам невербальной коммуникации и межкультурного взаимодействия. Сопоставление осуществляется с учетом коммуникативных функций невербальных средств и социального контекста их использования.

Невербальные средства позволяют выражать эмоциональные состояния, передавать отношение к собеседнику, регулировать очередность реплик и уточнять смысл высказывания.

В лингвокультурологическом аспекте невербальное поведение представляет интерес потому, что его формы и интерпретации определяются культурными традициями, социальными ожиданиями и нормами взаимодействия. Невербальные сигналы не следует рассматривать как полностью универсальную систему: их значение зависит не только от внешней формы, но и от контекста, отношений между участниками общения и принятого в конкретной среде способа коммуникации.

Г. Е. Крейдлин рассматривает невербальную семиотику как область исследования знаковых средств, которые участвуют в коммуникации наряду с естественным языком. Такой подход позволяет анализировать жесты и другие телесные проявления как элементы системы передачи и интерпретации значений [Крейдлин 2002].

Для сопоставительного исследования важно учитывать, что понятие лингвокультуры предполагает взаимосвязь языка и культуры, однако не означает полного единообразия поведения всех носителей определенного языка. Коммуникативные привычки могут различаться в зависимости от возраста, пола, социального положения, региональной принадлежности, индивидуального опыта и ситуации общения.

Под бенгальской лингвокультурой в настоящем исследовании понимаются языковые и культурные особенности общения, связанные с бенгалоязычными сообществами. При этом необходимо учитывать различия между бенгалоязычным населением Индии, в частности Западной Бенгалии, и населением Бангладеш. Хотя эти сообщества связаны общим языком и рядом культурных традиций, их социальный опыт и коммуникативные практики не во всех случаях совпадают. Поэтому сведения об одной группе не следует автоматически распространять на всех носителей бенгальского языка. Нормы невербального и речевого этикета индийской культуры описаны в [Челнокова 2019], сопоставление русского и бенгальского речевого этикета

– в [Саркар 2001], бенгальские эмблематические жесты – в [Hakim 2011]. Аналогичным образом русскую лингвокультуру следует рассматривать как совокупность характерных коммуникативных норм и культурных представлений.

Жесты играют важную роль в общении как в бенгальской, так и в русской культуре, однако их частота, форма и значение различаются. В бенгальской коммуникации жесты рук и движения головы могут использоваться наряду с вербальными средствами для выражения отношения к собеседнику и регулирования взаимодействия. Исследование А. Хакима, посвященное эмблематическим жестам в бенгальском повседневном общении, представляет интерес для изучения жестов как самостоятельных коммуникативных единиц. Такие жесты могут обладать относительно устойчивыми значениями, понятными участникам общения, знакомым с соответствующими культурными нормами [Hakim 2011].

Особого внимания заслуживают движения головы, включая кивание и наклон. В зависимости от коммуникативной ситуации они могут сопровождать слушание, выражать согласие или выполнять другие межличностные функции. При этом нельзя предполагать, что любое движение головы имеет однозначное значение: для его интерпретации необходимо учитывать последовательность реплик, интонацию и поведение собеседника.

В русской лингвокультуре жесты рук и движения головы также активно участвуют в организации коммуникации. Они могут подчеркивать смысл высказывания, выражать согласие или несогласие, указывать на объект обсуждения и передавать эмоциональное отношение говорящего [Bakhranova 2025]. Особенности русской жестикуляции рассматриваются, в частности, в лингвострановедческом словаре А. А. Акишиной, Х. Кано и Т. Е. Акишиной [Акишина 1991].

Приведем несколько иллюстративных примеров, показывающих, что сходная форма движения может иметь разное значение (Таблица 1).

Сопоставление двух лингвокультур позволяет поставить вопрос о том, в какой степени внешне сходные движения выполняют одинаковые коммуникативные функции. Даже если жесты похожи, их значение и уместность могут различаться. Поэтому при межкультурном взаимодействии важно учитывать не только форму жеста, но и ситуацию, в которой он используется.

Таким образом, жесты и движения головы представляют собой перспективное направление сопоставительного исследования. Для выявления конкретных сходств и различий необходимо опираться на описания отдельных жестов в научных источниках, а не только на общие характеристики невербального поведения.

Таблица 1

Значения некоторых жестов
в русской и бенгальской лингвокультурах

Жест	Лингвокультура	Возможное значение
Кивок головой вниз	русская	согласие («да»)
Покачивание головой из стороны в сторону	русская	отрицание («нет»)
Наклон головы из стороны в сторону	бенгальская	согласие, понимание, внимание к собеседнику
Щелчок пальцем по шее	русская	приглашение выпить
Пальцы, собранные вместе и поднесенные ко рту	бенгальская	«есть», «хочу есть»
Покручивание пальцем у виска	русская	сомнение в умственных способностях собеседника (грубый жест)
Касание стоп старшего (пронам)	бенгальская	приветствие, выражение почтения

Мимика передает информацию об эмоциональном состоянии и является одним из важнейших невербальных средств, влияющих на восприятие и поведение собеседника. При этом способы использования мимики в социальном взаимодействии различаются в бенгальской и русской культурах.

В бенгальской культуре нормы использования улыбки при общении с незнакомыми людьми и в общественных местах определяются ситуацией и социальными отношениями участников общения и требуют отдельного изучения на основе специальных источников.

Для русской культуры характерна эмоциональная сдержанность в общественных местах, особенно в отношении улыбки. Русские, как правило, улыбаются реже, чем представители многих других культур [Стернин 2000]. Это отражает норму, согласно которой искренняя улыбка предназначена для моментов настоящей радости или близости. Исследователи русского коммуникативного поведения [Стернин 2000; Тер-Минасова 2004; Крейдлин 2002] отмечают, что в России улыбка носит скорее личный, чем социальный характер. Вместе с тем в неформальном общении с друзьями и знакомыми улыбка используется достаточно часто.

Сопоставление улыбки в двух лингвокультурах предполагает анализ не только частоты ее использования, но и коммуникативных функций. Важно установить, в каких ситуациях улыбка воспринимается как проявление доброжелательности, как она используется при приветствии и поддержании разговора и какое значение ей придают участники общения.

Следовательно, улыбка представляет собой значимый объект межкультурного исследования, поскольку внешне сходное выражение лица может по-разному интерпретироваться в зависимости от социальных и культурных условий. Вместе с тем сопоставительные утверждения о

частоте улыбок в бенгальской и русской культурах требуют отдельного эмпирического подтверждения.

Зрительный контакт – значимый невербальный сигнал, передающий интерес, внимание и социальный статус. Однако нормы зрительного контакта в разных культурах неодинаковы. В бенгальской культуре нормы зрительного контакта связаны с социальной иерархией и контекстом. Например, по наблюдениям автора, студент может поддерживать зрительный контакт с профессором, демонстрируя внимательность, но рукопожатие в той же ситуации может быть неуместным, что показывает, как разные невербальные элементы подчиняются разным правилам статуса. В русской культуре поддержание зрительного контакта обычно ассоциируется с честностью, уверенностью и уважением, а его избегание может быть истолковано как неуверенность или неискренность.

Таким образом, при сопоставлении бенгальской и русской лингвокультур важно избегать упрощенного противопоставления, согласно которому зрительный контакт в одной культуре обязательно означает уважение, а в другой – уверенность. Его функции могут пересекаться, а конкретное значение определяется коммуникативным контекстом.

Дальнейшее исследование этого компонента невербального поведения может быть направлено на выявление особенностей зрительного контакта в формальном и неформальном общении, а также на анализ его интерпретации представителями обеих лингвокультур.

Сопоставление невербального поведения в бенгальской и русской лингвокультурах показывает, что невербальная коммуникация тесно связана с национальной культурой и языковой картиной мира. Жесты, мимика и зрительный контакт отражают нормы и ценности, специфичные для каждой культуры, однако их интерпретация зависит от контекста и не сводится к простому противопоставлению.

Осознание сходств и различий может повысить межкультурную компетентность и помочь избежать коммуникативных ошибок. Результаты исследования могут быть полезны лингвистам, педагогам, переводчикам и всем, кто занимается межкультурным взаимодействием.

Литература

Акишина А. А. Жесты и мимика в русской речи: лингвострановедческий словарь / А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. – Москва: Русский язык, 1991. – 144 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Саркар М. Обращение как элемент русского речевого этикета в сравнении с бенгальским: автореф. дисс. … канд. филол. наук / М. Саркар. – Москва, 2001. – 157 с.

Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. – Halle, 1989. – S. 279–282.

Стернин И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 53–61.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово, 2004. – 350 с.

Челнокова А. В. Индийский этикет. Речевой и невербальный аспекты / А. В. Челнокова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2019. – 114 с.

Bakhranova S. A. Russian nonverbal means of expression in communicative interaction and their use // American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education. 2025. Vol. 3, no. 4. P. 346–349.

Hakim A. Bengali everyday emblematic (BEE) hand gestures as communication acts: a pragmatic approach: PhD dissertation. Berlin: Technical University of Berlin, 2011.

Н. И. Иванова (г. Якутск, Республика Саха, Россия)

СОВРЕМЕННЫЙ ЯКУТСКИЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ: ЭТНИЧЕСКИЙ РАКУРС[2]

Осмысление риторического идеала в условиях начальной фазы языкового сдвига имеет теоретический и практический потенциал, востребовано при характеристике сложившейся в республике языковой ситуации и вынесении рекомендаций для разработки предложений по основам государственной языковой политики. Идея исследования современного риторического идеала нашла свое воплощение в разработке этносоциопсихолингвистической концепции изучения этноязыковой идентичности автора как важнейшей коммуникативно релевантной языковой установки.

Ключевые слова: современный риторический идеал, двуязычие, языковые установки.

Understanding the rhetorical ideal in the context of the initial phase of language shift has theoretical and practical potential; it is relevant for characterizing the current language situation in the republic and for formulating recommendations to develop proposals for the foundations of state language policy. The idea of studying the modern rhetorical ideal was realized in the development of an ethnosociopsycholinguistic concept for studying the author’s ethnolinguistic identity as the most important communicatively relevant linguistic attitude.

Keywords: modern rhetorical ideal, bilingualism, linguistic attitudes.

Сегодня риторика, как неотъемлемая часть современного социально-гуманитарного знания, переживает динамичное развитие, формируя новые научные парадигмы. Антропоцентрический поворот в науке открыл принципиально новые горизонты для более глубокого и многогранного исследования риторики, акцентируя внимание на говорящей личности.

Обзор научных работ, посвященных проблемам риторики, демонстрирует активное развитие коммуникативно-прагматического направления. Прагматическое понимание риторического идеала,

2 Исследование выполнено в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 (проект НИР 124022000071-9).

представленное И. А. Стерниным, определяется как: «… совокупность реальных характеристик оратора и выступления, позитивно оцениваемых носителями русской коммуникативной культуры, а не некоторые теоретически постулируемые признаки идеального выступления или идеальные требования к оратору» [Стернин 2002а, с. 104]. Преимущественно объектом психолингвистических исследований, направленных на изучение реальных характеристик оратора и его выступления, выступали носители русской коммуникативной культуры. Эта проблематика детально разрабатывается Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета под руководством проф. И. А. Стернина, сегодня – его учениками. Репрезентация современного якутского риторического идеала посредством направленного ассоциативного эксперимента была проведена Н. И. Ивановой и Л. Н. Семеновой [Иванова 2007]. На материале бурятского языка аналогичный риторический идеал («идеальный собеседник») был охарактеризован Р. В. Бухаевой [Бухаева, 2015]. В целом, другие разработки в психолингвистическом и социопсихолингвистическом аспектах на материале языков народов Российской Федерации по данной теме отсутствуют. Таким образом, представления современных носителей языка саха о риторическом идеале и его динамические изменения представляют собой актуальный объект исследования этноязыковой идентичности народа и его языковых установок.

Цель настоящей статьи – предложить методологическое обоснование для выявления современного риторического идеала как основополагающего фактора в изучении функционирования недоминирующих языков в условиях активного контактного двуязычия, начальной фазы языкового сдвига и выраженного снижения уровня речевой культуры.

Поиск адекватного подхода к анализу функционирования этнических языков и их носителей в условиях интенсивного двуязычия, неизбежно ведущего к ассимиляции в той или иной степени, актуализирует проблематику национального риторического идеала. Исследование феномена риторического идеала с этнокультурной точки зрения обладает значительным теоретическим и практическим потенциалом. Анализ его результатов может оказаться ценным для характеристики сложившейся в республике языковой ситуации и разработки рекомендаций по основам государственной языковой политики. Наш подход полностью согласуется с концепцией А. П. Сковородникова, который полагает, что ментальные представления об идеальном риторе могут быть выявлены опытным путем, что «дает мостик для перехода от ценности к функции: ментальные представления, составляющие национальный риторический идеал, могут быть выявлены и изучены эмпирическим путем в результате чего

риторический идеал может быть использован в качестве «инструмента» эффективной речевой деятельности» [Сковородников 1997, с. 31].

Прагматический подход к анализу функционирования этнических языков поднимает вопрос о комплексной характеристике говорящей личности, ее языковых установок, о языковом социуме и нормах владения языком, раскрывая феномен двуязычия. Идея исследования современного риторического идеала нашла свое воплощение в разработке этносоциопсихолингвистической концепции изучения этноязыковой идентичности как важнейшей коммуникативно релевантной языковой установки. При осмыслении категории «риторический идеал» мы, прежде всего, понимаем ее как совокупность: «реальных характеристик оратора и выступления, позитивно оцениваемых носителями […] коммуникативной культуры» [Стернин 2002а, с. 104-105]; «ментальных представлений об идеальном ораторе и его выступлении» [Полякова 2003, с. 4]; психолингвистических единиц, отражающих представления человека о правильной публичной речи [Щерба 1974, с. 78]. Данные психолингвистические единицы представляют собой категориальную совокупность суждений, установок и понятий, упорядочивающих знание человека об общении и правилах его ведения, обладающих, безусловно, этнокультурной спецификой. В этом контексте риторический идеал можно рассматривать как одну из составляющих этнического коммуникативного сознания.

Как известно, понятие коммуникативного сознания, являющееся одним из параметров приоритетной в современном языкознании категории коммуникативности, включает в себя представления о коммуникативном потенциале личности и охватывает такие понятия, как хорошая литературная речь, коммуникативные качества речи, развитая языковая личность, высокая речевая культура, эффективность общения, коммуникативная компетенция и т. д. Примерно такое же определение коммуникативного сознания дает И. А. Стернин: совокупность механизмов сознания человека, обеспечивающих его коммуникативную деятельность, коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации [Стернин, 2002б, с. 4]. К данному смысловому ряду близка и категория риторического идеала, определение которой дано А. К. Михальской: риторический идеал – это элемент системы идеалов данного сообщества, ментальный образ, некий идеальный образ речи, причем речи не только «приемлемой», «нормальной», «допустимой», которые описываются понятием «нормы речи». Риторический идеал как основа логосферы, ее структурный каркас, поддерживающий ее скелет, исторически изменчив, культуроспецифичен и коррелирует с особенностями социальной модели, социального устройства [Михальская 1996а]. Согласно другому определению А. К. Михальской, риторический

идеал – это «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей – эстетических и этических» [Михальская 1996б; с. 379]. Таким образом, понятия коммуникативного сознания и риторического идеала находятся в родовидовых отношениях, где первичной должна быть коммуникативная категория, упорядочивающая суждения, установки, ментальные стереотипы и правила, касающиеся языкового общения.

Очевидно, что укоренившиеся в менталитете народа коммуникативные категории носят концептуальный характер. В ходе проведения эксперимента ожидается актуализация восприятия респондентом данного явления; определение того, что включается носителями якутского языка в понятие риторического идеала, с какими нормами и правилами связываются коммуникативные категории. Коммуникативные категории, как и любые другие когнитивные категории, в определенной степени упорядочивают ментальные представления личности о нормах и правилах коммуникации. Многие категории, проявляющиеся в тех или иных ассоциатах (определенных реакциях определенных респондентов), могут взаимно накладываться друг на друга и пересекаться.

Инновационным для теории языка и исследовательской практики представляется выбранный аспект (подход) и предмет изучения – риторический идеал в контексте исследования языковой ситуации, который обоснованно интегрирует самостоятельные ракурсы, используемые в социо- и психолингвистических исследованиях. Элемент новизны, присущий результатам данной работы, возникшей на стыке двух перспективных направлений языкознания, заключается в верификации подхода, освещении его новых граней и расширении его эвристического потенциала при анализе динамических изменений предмета исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении теории языка в аспекте изучения его антропоцентрической природы кросс-дисциплинарными методами. Выводы теоретического характера могут найти применение в дальнейшей практике социопсихолингвистических исследований, что составляет одну из сторон практической значимости работы. Предложенный алгоритм анализа, возможно, распространить на материалы языков других народов РФ, а также на изучение других антропоцентрических характеристик языковых ситуаций и этноязыковой идентичности.

Содержание исследования может включать следующие этапы, как: сопоставление ассоциативного материала с риторическими установками, отраженными в якутском, русском фольклоре (малые жанры и, возможно, олонхо); культурологическую интерпретацию полученных результатов – определение степени самостоятельности риторических компонентов

коммуникативного сознания, их детерминированность культурными, этическими и эстетическими категориями; формулировку и систематизацию риторических прескрипций, характерных якутскому коммуникативному сознанию; лингвистическую интерпретацию полученных результатов в виде систематизации данных с опорой на выделяемые современной наукой функций языка; структурно-семантический анализ ответов на вопросы анкеты с целью формулировки доминирующих в культуре языковых формул и клише, характеризующих риторический идеал: психолингвистическую интерпретацию социальных процессов, наблюдаемых в современном якутском обществе и т. д.

Предполагается, что социопсихолингвистическое исследование, проведенное с использованием направленного ассоциативного эксперимента, снабженного социолингвистическим комментарием, позволит выявить особенности отражения в сознании испытуемых вопроса жизнеспособности языка; проследить связь реакций испытуемых с имеющимися в современном обществе социальными проблемами, такими как маргинализация общества, степень ориентированности на интеграцию в современное общество и т. д. Результаты подобного направленного социопсихолингвистического эксперимента должны показать в эксплицитной форме, выявить имплицитно присутствующий в структуре каждого национального языка социальный ракурс национального менталитета (мировосприятия) и тем самым способствовать формированию идеала национальной речевой культуры.

Литература

Бухаева Р. В. Этнокультурные стереотипы речевого общения: на материале бурятского языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Р. В. Бухаева. – Москва, 2015. – 45 с.

Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия): якутский язык в XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н. И. Иванова. – Новосибирск: Наука, 2022. – 284 с.

Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. общеобразоват. учреждений / А. К. Михальская. – Москва: Просвещение. 1996а. – 416 с.

Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская. – Москва: Издат. центр «Academia», 1996б. – 189 с.

Сковородников А. П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности / А. П. Сковородников // Теоретические и практические проблемы речевого общения: науч.-метод. бюллетень / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. – Вып. 5. Красноярск – Ачинск, 1997. – С. 27–37.

Полякова Е. К. Риторический идеал в коммуникативном сознании: психолингвистическое исследование: дисс. … канд. филол. наук / Е. К. Полякова. – Воронеж. 2003. – 284 с.

Стернин И. А. Опыт экспериментального выявления риторического идеала носителя русской коммуникативной культуры / И. А. Стернин // Риторические дисциплины в новых государственных стандартах. – Москва, 2002а. – С. 102–109.

Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – Вып. 3. – Воронеж, 2002б. – С. 4–13.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград: Наука, 1974. – 428 с.

У. Дж. Камбаралиева, Р. А. Камбаралиева
(г. Бишкек, Кыргызская Республика)

ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕДИАДИСКУРСА НА ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПОНЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВ «СЧАСТЬЕ» И «БАКЫТ» В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ)

В статье рассматривается воздействие медиадискурса на трансформацию традиционных культурных смыслов, репрезентируемых понятиями «счастье» и «бакыт». Актуальность обусловлена усилением влияния цифровых коммуникаций на формирование ценностных представлений личности и переосмыслением культурных моделей благополучия в условиях глобализации. Целью работы является рассмотрение взаимодействия традиционных представлений о счастье с ценностными установками, распространяемыми СМИ и социальными сетями.

Ключевые слова: медиадискурс, ценностные ориентации, культурные смыслы.

This article examines the impact of media discourse on the transformation of traditional cultural meanings represented by the concepts of “happiness” and “bakyt.” The relevance of this topic stems from the growing influence of digital communications on the formation of an individual’s value systems and the reinterpretation of cultural models of well-being in the context of globalization. The aim of this study is to examine the interaction between traditional notions of happiness and the value orientations disseminated by the media and social networks.

Keywords: media discourse, value orientations, cultural meanings.

Одним из наиболее значимых универсальных понятий, обладающих ярко выраженной национально-культурной спецификой, является понятие «счастье». Несмотря на общечеловеческое восприятие счастливой жизни, содержание данного понятия определяется историческим опытом общества, религиозными и нравственными установками, семейными традициями, социальными отношениями и языковыми способами категоризации действительности, а также особенностями использования в видах дискурса.

В современном медиадискурсе распространяются новые образы счастливой жизни, которые связаны с личной независимостью, профессиональными достижениями, финансовой обеспеченностью,

путешествиями, привлекательным внешним образом и публичным признанием. В современных исследованиях языка и коммуникации понятие медиадискурса предполагает понимание медиатекста не только как совокупности упорядоченных языковых единиц, но и как совокупности коммуникативных событий, связанных с определенными социальными условиями, идеологическими установками и способами интерпретации действительности.

В исследованиях Н. Д. Арутюновой дискурс рассматривается как «речь, погруженная в жизнь», в связи с реальным функционированием языка в коммуникативной ситуации [Арутюнова 1990]. В работах Т. ван Дейка подчеркивается связь дискурса с социальным познанием, общественными представлениями и механизмами воспроизводства социальных отношений [ван Дейк 2008]. Применительно к медиасфере эти положения позволяют утверждать, что информация о счастливой жизни не передается аудитории в полностью нейтральной форме. Отбор тем, характер заголовков, визуальное оформление публикаций, оценочная лексика и способы представления героев создают определенную интерпретационную перспективу.

Для контрастивного исследования понятий «счастье» и «бакыт» необходимо различать три уровня анализа: лексико-семантический, который включает словарные значения слов «счастье» и «бакыт», их сочетаемость, устойчивые выражения и контекстуальные оттенки; лингвокультурный, предполагающий изучение ассоциаций, ценностных установок и традиционных способов осмысления благополучия; медиадискурсивный, связанный с анализом того, какие признаки счастья актуализируются в конкретных публикациях, каким образом они оцениваются и становятся социально привлекаемыми. Разграничение этих уровней позволит получить конкретные результаты по содержанию исследуемых понятий и выявить семантические сдвиги в них.

Воздействие медиадискурса осуществляется посредством нескольких взаимосвязанных механизмов, в которых языковые формы, социальные нормы, визуальные образы и коммуникативные практики взаимодействуют друг с другом. В первую очередь, важным компонентом процесса является тематический отбор, определяющий значимость событий и жизненных ситуаций для аудитории. Во-вторых, учитывается оценочная категоризация, при которой одни модели жизни представляются как привлекательные, а другие остаются на периферии внимания. В-третьих, применяется повторяемость образов и формулировок, благодаря которой отдельные характеристики благополучия могут восприниматься как привычные и социально одобряемые. В-четвертых, большую роль играет визуализация, позволяющая передавать представления о счастье через фотографии, видеоролики и символические образы.

В цифровой среде наряду с этими механизмами используют еще алгоритмический отбор контента, персонализированные рекомендации, количественные показатели популярности и возможности постоянного пользовательского самопредставления. Медиадискурс является пространством, в котором культурные ценности получают новые интерпретации, конкурируют между собой и включаются в современные коммуникативные практики. Он становится одним из факторов трансформации понятий в актуальном языковом сознании: переносит культурные представления из привычных пространств общения в цифровую среду, изменяет формы их выражения и включает их в новые коммуникативные ситуации. Одной из заметных особенностей развития современного медиадискурса является превращение любого понятия в визуально представляемую и социально оцениваемую категорию [Верховская 2011].

В русской культурной традиции представления народа о счастье связаны с любовью, семейным согласием, нравственными ценностями, трудом, душевным покоем, близостью и отражены в пословицах, художественной литературе, религиозно-философской мысли и бытовой речи [Воркачев 2004].

В киргизской культурной традиции важные параметры «бакыт» представлены в устном народном творчестве (в пословицах, эпических произведениях, и др.), а также в семейных традициях и общественных формах взаимопомощи. В контекстах счастье может осмысляться через благополучие семьи, продолжение рода, уважение к старшим, согласие между родственниками и добрые отношения с окружающими [Воркачев 2017].

В коммуникативных ситуациях, в соответствии с традициями народа, представления о счастье находили свое отражение в личных рассказах, семейных воспоминаниях, устных пожеланиях, литературных произведениях и непосредственном общении. В цифровой среде к этим формам присоединились публичные демонстрации событий жизни. На основе этого «счастье» приобрело внешне зримые признаки: красивое пространство, успешная карьера, материальный достаток, насыщенный досуг, гармоничные отношения и одобрительная, поддерживающая реакция аудитории.

В русскоязычном и киргизскоязычном медиапространстве подобные формы самопрезентации комбинируются с традиционными формами выражения благополучия. Успехи и достижения в личной и общественной жизни, семейные события поддерживают привычные параметры ценностей и в то же время включают их в новые форматы публичной коммуникации. Следовательно, в результате условий общественного выражения в какой-то мере содержание понятия счастья так же подвергается трансформации. Все, что ранее относилось к сфере личного переживания или

внутрисемейной ценности, переходит к категории доступного для публичного наблюдения и оценивания.

Важным направлением медиарепрезентации счастья является его связь с *потреблением*. Покупательская способность людей, сопровождаемая рекламным материалом, отражается в коммерческих публикациях. Приобретение товаров, использование услуг, путешествия и определенный образ жизни часто объединяются с представлениями о благополучии в форматах блогерского контента. В таких контекстах материальные явления преподносятся не как средства удовлетворения практических потребностей, а как признаки успешности, свободы, привлекательности и социального признания. Механизм воздействия опирается на смысловую связь между потреблением и желаемым эмоциональным состоянием. Процесс приобретения какого-либо продукта описывается как путь к комфорту, уверенности, радости или улучшению отношений с окружающими. Благополучие человека может быть оценено через внешние признаки как символ успеха или как условие и возможность для содержания семьи.

Подобным образом одно и то же явление и понятие могут быть охвачены разными системами ценностей. Их значение выявляется не только ролью в медиапространстве, но и социокультурной средой, собственной практикой и социальным статусом аудитории. Следовательно, влияние медиадискурса можно увидеть не в механическом устранении традиционных ценностей потребительскими предпочтениями, а в генерализации палитры признаков, посредством которых интерпретируется счастье.

В русской лингвокультуре индивидуальное счастье может комбинироваться с высокой ролью семейных отношений, дружбы, привязанности к близким и нравственной ответственности. Аналогичным образом в киргизской культуре стремление к личным успехам может рассматриваться как один из путей обеспечения семьи и выполнения социальных обязательств.

Статистические данные о популярности публикаций: просмотры, комментарии, реакции и подписчики – могут дифференцировать по ценности происходящие события в обществе. В таком контексте понятие счастья входит в шкалу социального сравнения и начинает восприниматься не как субъективное состояние, а как превосходство положения человека над другими. Такой принцип может послужить причиной пересмотра традиционных критериев успешной жизни и в цифровой среде к привычной совокупности признаков счастья добавляются публичность успехов, привлекательность самопрезентации и поддержка зрительской аудитории. Однако подобные изменения не отражают убеждения всех членов языкового сообщества и могут зависеть от индивидуального отношения людей, поэтому цифровое пространство и одинаковые

технические возможности включаются в разные системы ценностей. Следовательно, социальное сравнение в медиадискурсе может быть рассмотрено как один из возможных механизмов изменения критериев счастья, содержание которого следует подвергать эмпирическому анализу.

Сопоставление понимания «счастье» и «бакыт» представителей русской и киргизской культуры, выявленного путем ассоциативного эксперимента, позволяет выделить несколько общих для обеих культур направлений интерпретации: собственное здоровье и близких, эмоциональное благополучие, семейную гармонию, удачу, достижение жизненных целей и удовлетворенность существованием (и благодарность за это высшим силам). Оба понятия – «счастье» и «бакыт» – выражают как внутреннее состояние человека, так и оценку обстоятельств его жизни.

Общность содержательных компонентов отражает универсальные стороны человеческого опыта и деятельности: люди различных культурных сообществ желают мира и безопасности, ценят близкие отношения, стремятся к признанию, свободе выбора и возможности реализовать важные жизненные цели [Камбаралиева 2021].

Вместе с тем наличие общих компонентов не демонстрирует полную эквивалентность культурных моделей. Значение концепта определяется не только тем, какие признаки включаются в его содержание, но и тем, какие из них получают особую значимость в определенных социальных ситуациях [Попова 2007].

Посредством медиадискурса сближаются некоторые способы экспликации счастья. Цифровые платформы с международным охватом публикуют материалы идентичных жанров, схожих визуальных форматов и моделей самопрезентации, поэтому пользователи русскоязычного и киргизскоязычного медиапространств в одинаковой мере могут приобщиться к общим демонстрируемым признакам счастья и благополучия: путешествиям, профессиональному развитию, семейному досугу и личным достижениям.

Следовательно, сопоставление концептов должно учитывать различие между универсальными составляющими и культурно обусловленными способами их осмысления [Стернин 2008, с. 163].

В русском языке концепт счастья эксплицируется многочленной системой ассоциаций, включающей: любовь, судьбу, удачу, душевное состояние, семейные отношения и нравственные ценности. Специфической чертой функционирования этого концепта является возможность комбинировать в одном семантическом пространстве как субъективные переживания, так и объективные обстоятельства жизни. У отдельной части представителей русской лингвокультуры в языковом сознании бытует образ счастья как чувства, жизненного события, удачного стечения обстоятельств или как результата продолжительных усилий.

В современном медиадискурсе указанные значения приобретают интерпретации другого плана. Счастье в языковом сознании русских воспринимается в качестве личного проекта, требующего постановку целей, профессионального развития, психологическую устойчивость и управления собственным временем. При этом в содержании счастья хранятся модели, связывающие его с семьей, дружескими отношениями, заботой о других и здоровьем, но они не обязательно проявляются в каждом члене русской лингвокультуры. В указанных интерпретациях, указывающих на сосуществование традиционных и модернизированных представлений о счастье, отражается многослойность концепта.

В современных медиатекстах не создаются абсолютно новые значения слова «счастье», а чаще актуализируются отдельные компоненты его содержания, которые изменяют их относительную яркость и оценочную значимость. Следует дифференцировать лексическое значение слова, его индивидуальное восприятие и культурные контексты, появляющиеся в конкретных коммуникативных ситуациях.

В киргизском языке слово «бакыт» обладает широким культурным содержанием. В контекстах это слово может быть использовано в связи с удачей, благополучием, семейным согласием и удовлетворенностью жизнью. Культурная интерпретация «бакыт» может быть связана с благополучием родителей и детей, продолжением рода, уважением к старшим, поддержкой родственников и добрыми отношениями между членами сообщества. Эти связи присутствуют в языковом сознании киргизов как культурные акценты, но они не могут считаться обязательной характеристикой мировоззрения каждого носителя киргизского языка.

В данное время традиционные формы выражения «бакыт» в киргизскоязычной медиасреде сочетаются с новыми моделями, эксплицирующими значения личной самореализации. В информациях, повествующих о каких-либо личностях, счастье может быть представлено через их индивидуальные достижения, одновременно соотносимые с благополучием семьи.

Такое сочетание индивидуальных и коллективных смыслов свидетельствует о том, что современные ценностные модели не разрушают традиционные представления, а включают их в новые жизненные сценарии. Наряду с этим под влиянием медиадискурса могут ускоряться такие процессы, как нарастание роли материальных достижений, публичное сопоставление итогов жизни и ориентация на глобальные стандарты потребления. Воздействие этих процессов на содержание «бакыт» следует рассматривать с учетом региональных, поколенческих и социальных различий.

На основе результатов сопоставления двух лингвокультур можно определить несколько направлений вероятной трансформации понимания счастья под воздействием медиадискурса. Первым направлением можно

считать *визуализацию* или цифровые изображения, видеоролики и публичные рассказы, посредством которых получают внешнее выражение традиционные представления о благополучии и счастливой жизни. Второе направление связано с *индивидуализацией ценностных ориентиров.* В качестве компонентов медиарепрезентации счастья представляются профессиональные достижения, личный выбор и успехи, дополняющие семейные и общественные модели благополучия. Третьим направлением может стать *материализация счастья, поскольку* в отдельных жанрах медиадискурса благополучие связывается с потреблением, уровнем дохода и доступностью определенных жизненных возможностей. Четвертым направлением можно определить *расширение пространства социального сравнения.* Посредством медиадискурса пользователь часто судит о собственной жизни через постоянно обновляющиеся образы чужих достижений, что может изменить критерии субъективного благополучия. Пятое направление составляет *гибридизация культурных смыслов.* Образы о счастливой семье, представления о родственных отношениях и взаимной ответственности, относящиеся к традиционным моделям, комбинируются с глобальными моделями самореализации и цифрового самопрезентации. К шестому направлению можно отнести *изменения способов публичного выражения традиционных ценностей.* Все традиционные компоненты понятий «счастье» и «бакыт» сохраняют значимость, но выражаются посредством новых медиажанров и форм коммуникации.

Эти направления не могут рассматриваться в качестве установок универсальной последовательности изменений или констатацией исчезновения традиционных ценностей. Они могут стать лишь аналитической моделью, которая делает возможной систематизацию потенциальных процессов и выявить направления дальнейшего исследования.

На основании проведенного анализа можно отметить, что медиадискурс является одним из факторов динамики культурных представлений о счастье. Он функционирует не только как средство передачи информации о счастье, но и пространством формирования его современных интерпретаций. Содержание и способы репрезентации способны изменять относительную значимость отдельных компонентов понятий «счастья» и «бакыт». Некоторая трансформация традиционных смыслов не означает их исчезновение, а представляет взаимодействие прежних ценностей с новыми формами самопрезентации и моделями жизненного успеха. В понятиях «счастье» и «бакыт» объединяются общечеловеческие компоненты благополучия, но функционируют в различных культурных контекстах, что требует учета национально-культурных особенностей и недопустимости чрезмерных обобщений. Следует отметить, что представление медиа главной и единственной причиной трансформации ценностей является некорректным. Адекватное

восприятие счастья может зависеть от образования и семейного воспитания человека, от экономических условий его жизни, от возраста, а также от его социального окружения, религиозных представлений и от индивидуального жизненного опыта. Медиадискурс контактирует с этими явлениями и, как сильный фактор, может усиливать одни интерпретации и создавать пространство для распространения других. При этом аудитория не является пассивным получателем информации: пользователи могут принимать, переосмысливать, критиковать или отвергать предлагаемые модели благополучия.

Таким образом, «счастье» и «бакыт» целесообразно рассматривать как динамические лингвокультурные концепты, содержание которых формируется во взаимодействии с традицией, индивидуальным опытом и современной коммуникативной практикой. Изучение этого взаимодействия способствует более глубокому пониманию процессов изменения языкового сознания в условиях цифровизации и межкультурного взаимодействия.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Верховская С. Б. Медиакультура как фактор трансформации сознания. / С. Б. Верховская // Вестник угроведения. – 2011. – № 2(5). – С. 93–99.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – Москва: Гнозис, 2004. – 236 с.

Воркачев С. Г. Уникальность универсалий: Счастье в русской и киргизской лингвокультурах / С. Г. Воркачев, З. К. Дербишева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – №4. – С. 78–86.

Камбаралиева У. Д. Русское и киргизское коммуникативное поведение / У. Д. Камбаралиева, И. А. Стернин. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2021. – 216 с.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 266 с.

Стернин И. А. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / Науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2008. – 596 с.

van Dijk T. A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Т. Н. Кузнецова (г. Челябинск, Россия)

НЕСООТВЕТСТВИЕ РЕЧЕВОГО РЕШЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ЗАДАЧЕ КАК ФАКТОР РИСКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

В статье несоответствие речевого решения коммуникативной задаче рассматривается как фактор риска в профессиональном общении. На основе контекстуального, семантического и прагматического анализа предложен подход к оценке высказываний с учетом их формы, содержания, задачи и ситуации взаимодействия.

Ключевые слова: профессиональное общение, коммуникативный риск, коммуникативная задача.

The article examines the mismatch between a speech choice and its communicative purpose as a factor contributing to communication risk in professional interaction. Based on contextual, semantic, and pragmatic analysis, it proposes an approach to evaluating utterances that considers their form, content, communicative purpose, and interactional context.

Keywords: professional communication, communicative risk, communicative task.

Профессиональное общение рассматривается в настоящем исследовании как разновидность институционального дискурса, связанная с конкретной профессиональной деятельностью и ориентированная на достижение практических результатов. Участники такого общения выступают в определенных профессиональных ролях, а их речевое поведение соотносится с нормами, ценностями и задачами профессиональной среды [Харченко 2004]. Это обусловливает типизацию коммуникативных ситуаций, функциональную направленность высказываний и определенные ограничения в выборе языковых средств.

Для анализа профессионального общения важно учитывать не только отдельные высказывания, но и организацию коммуникативного процесса в целом. Подходы к моделированию речевого взаимодействия позволяют рассматривать высказывание в связи с его местом в процессе общения и с задачами, которые решают участники взаимодействия [Кибрик 1987]. Такой ракурс особенно значим для изучения коммуникативных рисков: одна и та же речевая конструкция может выполнять разные функции в зависимости от ситуации, предшествующих реплик, профессиональных ролей участников и предполагаемого продолжения диалога.

Системное описание коммуникативного поведения представлено в работах И. А. Стернина, который рассматривает его как совокупность норм и традиций общения, характерных для определенной группы людей. Исследователь выделяет три модели описания коммуникативного поведения: ситуативную, аспектную и параметрическую [Стернин 2000]. Ситуативная модель позволяет анализировать поведение участников в типичных ситуациях общения, параметрическая – описывать его на основе совокупности релевантных характеристик, а аспектная – выделять отдельные стороны коммуникативного поведения. Модели дополняют

друг друга: анализ типичных ситуаций может служить основой для более общего описания закономерностей общения [Стернин 2000].

Существенную роль в профессиональном взаимодействии играет стратегическая организация речи. Участники выбирают и реализуют коммуникативные стратегии и тактики в соответствии с целями деятельности, условиями ситуации и особенностями адресата [Иссерс 2009]. При этом профессиональный язык сочетает терминологические средства, обеспечивающие точность передачи информации, с другими языковыми средствами, позволяющими адаптировать сообщение к конкретной ситуации общения [Голованова 2011].

В совокупности эти подходы позволяют рассматривать речевое поведение в профессиональном общении на нескольких взаимосвязанных уровнях: как часть коммуникативного процесса, как реализацию норм и моделей поведения в типичной ситуации и как выбор стратегии, соотнесенной с практической задачей. Для исследования коммуникативных рисков принципиально важно, насколько речевое решение соответствует этой задаче и условиям взаимодействия.

Несогласованность речевого решения с коммуникативной задачей возникает, когда выбранное высказывание не обеспечивает коммуникативного результата профессионального общения либо затрудняет дальнейшее взаимодействие сотрудника компании с клиентом.

При этом коммуникативный риск определяется не отдельным языковым признаком самим по себе, а его функцией в конкретном контексте: значение имеют содержание сообщения, профессиональная роль говорящего, предшествующий ход диалога и ожидаемое продолжение взаимодействия.

Для анализа профессионального общения существенно и представление о диалогической природе речи. М. М. Бахтин подчеркивает, что говорящий соотносит свой кругозор с «чужим кругозором», строя высказывание на территории адресата [Бахтин 1975]. Следовательно, речевое решение предполагает ориентацию не только на собственный замысел говорящего, но и на понимание собеседника. Формулировка, которая кажется специалисту точной и достаточной, может не обеспечивать понимания, необходимого для продолжения взаимодействия.

Важную роль в организации общения играют коммуникативные стратегии. Как отмечает Л. А. Нефедова, «стратегии проявляются особенно ярко в условиях конфликта» [Нефедова 2013, с. 230]. Стратегия определяет не только отдельную реплику, но и последовательность речевых действий, с помощью которых участники развивают диалог и достигают своих целей. Поэтому высказывание целесообразно рассматривать с учетом предшествующего контекста и предполагаемого продолжения взаимодействия.

Речевые затруднения могут возникать даже при формальном соблюдении норм профессионального общения. Я. Мустайоки относит к факторам коммуникативного риска избегание когнитивных усилий, приводящее к недостаточному учету адресата, ориентацию на самопрезентацию и избыточную вежливость, при которой предполагаемый говорящим смысл не достигает понимания реципиента [Мустайоки 2015]. Для профессиональной коммуникации это означает, что нормативность формулировки сама по себе не гарантирует ее соответствия конкретной задаче.

В рамках предлагаемого подхода коммуникативный риск рассматривается как возможность нежелательного развития взаимодействия, связанная с несоответствием выбранного речевого решения коммуникативной задаче. Такое понимание не предполагает, что отдельные языковые конструкции неизбежно приводят к негативному результату. Оно позволяет анализировать условия, при которых конкретная формулировка может затруднять решение задачи, и определять возможные направления ее корректировки.

Материал исследования включает шесть корпоративных стандартов профессионального общения компаний разного профиля, 87 записей устных диалогов сотрудников с клиентами и 112 текстовых чатов.

Исследование проводилось с применением качественного контекстуального, семантического и прагматического анализа. Корпоративные стандарты рассматривались с точки зрения рекомендуемых способов речевого поведения, а устные диалоги и текстовые чаты – с точки зрения реализации речевых решений в профессиональном взаимодействии.

При анализе конкретных высказываний учитывались коммуникативная задача, содержание реплики, ее функция в контексте взаимодействия, соответствие профессиональной роли говорящего и возможное влияние выбранной формулировки на дальнейшее развитие диалога. Дополнительно рассматривались категоричность, директивность, оценочные и обязывающие значения, а также обвинительная и оправдательная семантика.

На основе контекстуального анализа выделялись случаи возможной несогласованности речевого решения с коммуникативной задачей. Для таких примеров рассматривались предполагаемый механизм коммуникативного риска и возможный вариант речевой корректировки, позволяющий сохранить предметное содержание сообщения и точнее соотнести его с задачей взаимодействия.

Потенциально рискованная формулировка не рассматривалась как доказательство неизбежного негативного эффекта. Выявленные случаи интерпретировались как возможные предпосылки коммуникативного риска.

Рассмотрим выделенные механизмы несогласованности речевого решения с коммуникативной задачей на конкретных примерах профессионального общения.

1. Сообщение об ограничении без предложения дальнейших действий

Один из возможных механизмов коммуникативного риска возникает в ситуациях, когда специалист сообщает о невозможности выполнить просьбу клиента, но не обозначает, что можно сделать дальше.

К таким формулировкам относятся: *Я больше ничем не могу вам помочь // Это уже не ко мне // Здесь мы ничего не можем сделать для вас // Так не получится.* Специалист может не иметь полномочий выполнить просьбу непосредственно, но при этом располагать возможностью уточнить условия, объяснить порядок действий, предложить альтернативу или обозначить, к кому следует обратиться.

Например, вместо формулировки *Здесь мы ничего не можем сделать для вас* можно сказать: *В этом случае вопрос решает другой отдел. Я подскажу, куда обратиться и какие сведения понадобятся*. Предметное ограничение сохраняется, но сообщение получает продолжение, связанное с задачей клиента.

Аналогично в ситуации записи на прием формулировка *К сожалению, на завтра уже всё занято* сообщает об отсутствии свободного времени у специалиста. Однако если задача сотрудника состоит в том, чтобы помочь клиенту выбрать доступный вариант, ответ может быть продолжен: *На завтра свободного времени уже нет. Могу предложить среду или посмотреть запись к другому специалисту*.

В подобных случаях потенциальный риск связан не с отрицательной формой как таковой, а с отсутствием обозначенного пути дальнейшего действия.

2. Смещение от решения задачи к оценке поведения собеседника

Риск возникает, когда при обсуждении текущего вопроса специалист оценивает действия клиента, его осведомленность или соблюдение установленных требований.

Провокаторами риска в этом плане могут служить формулировки: *Вы должны были сначала заполнить документы // Я вам уже говорил // Если бы вы сразу сказали, мы бы уже давно все решили.*

Такие высказывания могут содержать фактическую информацию: документы действительно требовалось заполнить заранее, сведения могли быть сообщены поздно, а определенные действия клиента могли повлиять на ход процесса. Однако форма сообщения способна сместить внимание с решения текущей задачи на оценку поведения собеседника.

Особенно заметно это происходит, когда информация о нарушенном порядке действий сопровождается указанием на то, что клиент должен был поступить иначе. В результате предметный вопрос может уступить место

обсуждению того, кто допустил ошибку и кто несет ответственность за сложившуюся ситуацию.

Если текущая задача состоит в том, чтобы решить вопрос клиента или выполнить до конца запланированные действия, чтобы предоставить услугу, более функциональным может оказаться следующий вариант: *Для оформления сначала нужно заполнить документы. Давайте проверим, что уже готово и что осталось сделать // Чтобы подобрать время записи, мне нужно знать, к какому специалисту вы хотите попасть. Уточните, пожалуйста, этот момент // Чтобы оформить поставку на эту неделю, нам нужно уже сегодня согласовать договор.*

В этих примерах не устраняется информация о требованиях или условиях процесса. Меняется способ ее представления: вместо оценки предшествующего поведения обозначается условие выполнения задачи и дальнейшее действие.

При этом указание на ответственность клиента не всегда создает коммуникативный риск. В некоторых ситуациях необходимо прямо сообщить о нарушении порядка, несоблюдении обязательных требований или последствиях определенных действий. Значение имеет то, помогает ли выбранная формулировка прояснить ситуацию и определить дальнейший порядок взаимодействия.

Следовательно, потенциально рискованным может оказаться не сам факт оценки поведения, а ее несоответствие текущей коммуникативной задаче, особенно когда требуется найти решение, а реплика переводит разговор к взаимным претензиям.

3. Смещение от информирования к убеждению

В профессиональном общении специалист может не только сообщать информацию, но и рекомендовать услугу, объяснять преимущества предложения или помогать клиенту принять решение. Потенциальный риск возникает, когда оценка выгодности подменяет описание условий, существенных для выбора.

Рассмотрим пример презентации комплексного предложения: *У нас действует выгодное предложение… Для старта очень хороший вариант, многие так делают. Как вы смотрите на то, чтобы воспользоваться этой акцией?*

В такой последовательности несколько раз подчеркивается выгодность предложения, но конкретные основания этой оценки могут оставаться нераскрытыми. Клиенту сообщают, что вариант выгодный, однако не обязательно объясняют, какие услуги входят в комплекс, чем он отличается от других вариантов, каковы условия приобретения и в каких случаях предложение действительно подходит.

Оценочная формулировка сама по себе не свидетельствует о коммуникативном риске. Выражения «*интересное предложение*» или «*удобный вариант*» могут использоваться как краткое обобщение, если за

ними следует конкретное объяснение, что именно дает эти выгоды. Вопрос заключается в том, достаточно ли информации для осознанного выбора.

Вместо повторного подчеркивания выгодности можно обозначить содержание предложения: *В этот тариф входят три услуги. Если оплачивать их отдельно, общая стоимость будет выше. Если вам нужны все три, тариф поможет сэкономить*

В профессиональном общении подобное различие особенно важно, когда решение связано с финансовыми затратами, выбором услуги или принятием обязательств. Задача специалиста состоит не только в том, чтобы представить предложение, но и в том, чтобы дать клиенту основания для оценки его применимости к собственной ситуации.

Таким образом, несогласованность речевого решения с коммуникативной задачей выступает как один из факторов риска в профессиональном общении.

Коммуникативный риск не может быть установлен только на основании наличия отдельных языковых признаков. Значение имеют задача взаимодействия, реальные условия ситуации, профессиональная роль говорящего и то, насколько выбранная формулировка помогает участникам перейти к необходимому результату.

Такой подход позволяет анализировать профессиональную речь не как фиксированный набор допустимых и недопустимых фраз, а как процесс выбора речевого решения. Корректировка в таком случае предполагает сохранение необходимой информации, уточнение условий, соразмерность категоричности содержанию сообщения и достаточную ясность дальнейших действий.

Литература

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – 502 с.

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.

Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.

Кибрик А. Е. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни. – Москва: Наука, 1987. – 279 с.

Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего / А. Мустайоки // Язык и мысль: современная коммуникативная лингвистика / сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2015. – С. 545–559.

Нефедова Л. А. Стратегии коммуникативного воздействия как элемент речевого поведения участников русскоязычного судебного дискурса / Л. А. Нефедова, Э. Ш. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 73, № 1 (292). – С. 229–234.

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж: Гарант, 2000. – 52 с.

Харченко Е. В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах: дисс. ... д-ра филол. наук / Е. В. Харченко. – Москва, 2004. – 470 с.

М. С. Кулькова (г. Тверь, Россия)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ОТКАЗА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРАМЕТРА «ХАРАКТЕР МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление корреляции между характером межличностных отношений субъектов общения и эффективностью отказа: уточняется терминология исследования (речевой жанр, речевая стратегия, коммуникативная эффективность), формулируется гипотеза эксперимента, описывается его логика, обосновывается прагматический контекст стимульного материала, обобщаются и интерпретируются полученные результаты.

Ключевые слова: речевой жанр, речевая стратегия, отказ, межличностные отношения, коммуникативная эффективность.

The article discusses the results of an experimental study aimed at identifying the correlation between the nature of interpersonal relationships among communication participants and the effectiveness of refusal. It clarifies the research terminology (speech genre, speech strategy, communicative effectiveness), formulates the experiment's hypothesis, describes its logic, explains the pragmatic context of the stimulus material, and summarizes and interprets the obtained results.

Keywords: speech genre, speech strategy, refusal, interpersonal relationships, communicative effectiveness.

Одним из направлений современной коммуникативной лингвистики является разработка проблематики, связанной с эффективностью общения. Актуальность этого направления обусловлена возрастающим уровнем агрессии в обществе, в частности, в коммуникации.

Объектом настоящего исследования является речевой жанр отказа, который изначально несет в себе конфликтный потенциал. В статье анализируются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление влияния характера личных отношений между коммуникантами на эффективность отказа в аспекте коммуникативной эффективности на русско- и англоязычном материале.

Базовыми теоретическими понятиями настоящего исследования является речевой жанр, речевая стратегия. Впервые понятие речевого жанра (далее – РЖ) было предложено М. М. Бахтиным, согласно которому РЖ – это устойчивые типы высказываний, характерные для каждой сферы языка и обладающие определенным содержанием, стилем и композицией. Они помогают нам структурировать высказывание и зависят от ситуации

общения, темы, цели и участников коммуникации [Бахтин 1996]. Вслед за М. М. Бахтиным В. В. Дементьев расширил и дополнил это определение, указав, что РЖ являются не просто статичными моделями, а что они могут формироваться и развиваться в зависимости от различных контекстов, социальных и культурных факторов [Дементьев 2022].

Речевая стратегия (далее – РС) – это абстрактная единица, которая является конститутивным элементом РЖ. РС охватывают превербальный этап речепорождения и являются детализацией интенции, тем самым задавая основное направление коммуникации [Мкртычян 2023, с. 78]. Исходя из этого, можно заключить, что РЖ как модель (абстракция) и РС как когнитивная единица интенционального уровня находятся в отношениях включения (иерархичных отношениях). РЖ создают общую рамку коммуникации, в то время как речевые стратегии определяют комплекс вербально выраженных речевых действий (речевых тактик), направленных на достижении коммуникативной цели в пределах РЖ. РС с точки зрения эффективности можно разделить на три типа: кооперативные (эффективные), конфликтные (неэффективные) и индифферентные. Существенным моментом является комбинация различных РС в рамках одного речевого жанра.

Понятие эффективной коммуникации было введено И. А. Стерниным. Эффективной коммуникация будет считаться только тогда, когда достигнуты три цели, а именно: информационная, предметная и коммуникативная (сохранение коммуникативного равновесия). Если в процессе общения человек достигает информационной и предметной целей, но не достигает коммуникативной, то такую коммуникацию принято считать результативной, но не эффективной [Стернин 2012]. Говоря о РЖ отказа, стоит отметить, что в нем предметная цель никогда не будет достигнута, так как в этом заключается суть отказа. Таким образом, по отношению к речевому жанру отказа параметры эффективности должны быть уточнены: отказ будет считаться эффективным, если достигнуты две цели: информационная и коммуникативная. Кроме того, важно отметить, что в речевом жанре отказа используется несколько РС. Если в отказе содержится хотя бы одна конфликтная РС (в случае, если даны две РС) или преобладающее количество (если в ответе представлено больше двух РС), то эффективным такой ответ назвать уже нельзя.

С целью определения влияния характера межличностных отношений на эффективность отказа, был проведен эксперимент, гипотеза которого заключалась в том, что в ситуации с позитивными межличностными отношениями будет использоваться больше кооперативных РС, чем в ситуации с негативными межличностными отношениями. Эксперимент проводился на платформе «Google Формы», время прохождения не было ограничено. В русскоязычном эксперименте приняло участие 33 человека разного пола в возрасте от 17 до 26 лет. В англоязычном эксперименте

приняло участие 12 человек в возрасте от 18 до 26 лет. Всем испытуемым (далее – Ии) было предложено ответить отказом на две коммуникативные ситуации:

Коммуникативная ситуация 1: ваш одногруппник (молодой человек), с которым у Вас сложные отношения, просит Вас дать ему взаймы три тысячи рублей и обещает вернуть их через неделю. / **Communicative situation 1:** your groupmate (a young man), with whom you have a complicated relationship, asks you to lend him forty dollars and promises to pay you back in a week.

Коммуникативная ситуация 2: ваша знакомая просит Вас посидеть с ее пятилетним сыном сегодня вечером с шести до десяти вечера, потому что ей нужно поехать к маме, которая позвонила ей и сказала, что плохо себя чувствует. Ей больше не к кому обратиться. / **Communicative situation 2:** your friend asks you to look after her five-year-old son tonight from six to ten p.m. because she needs to visit her mother, who called and said she wasn't feeling well. She has no one else to ask for help.

Обе ситуации были смоделированы в рамках делового межличностного и бытового межличностного дискурса повседневности. Межличностное общение принято рассматривать как субъектно-субъектное, что означает, что оба участника коммуникации занимают активную позицию и могут влиять на эффективность / неэффективность общения. Стоит отметить, что даже в рамках делового дискурса эффективность общения больше зависит от межличностных отношений между собеседниками, чем от их профессиональных навыков. Это позволяет нам утверждать, что межличностная составляющая напрямую связана с эффективностью общения [Мкртычян 2009, с. 15–33]. Ии были предложены типовые коммуникативные ситуации, которые гипотетически могут произойти с каждым из них. Для уточнения характера межличностных отношений коммуникантов в каждой ситуации был дан развернутый прагматический контекст, который включает в себя следующие параметры: характер отношений, пол, возраст и степень сложности обстоятельств (умеренные или сложные). Следует пояснить критерии, по которым определялась степень сложности обстоятельств. Умеренные обстоятельства характеризуются эмоционально нейтральными отношениями между коммуникантами и/или отсутствием критических последствий в случае отказа. Именно такие обстоятельства представлены в коммуникативной ситуации 1. В коммуникативной ситуации 2 отказ может привести к тому, что ребенок останется без присмотра, а пожилой человек без помощи, что впоследствии может ухудшить отношения со знакомой, поэтому обстоятельства тут были определены как сложные. Кроме того, фраза *«ей больше не к кому обратиться»* оказывает давление на Ии и накладывает на него некоторую ответственность, что в случае отказа может стать причиной чувства вины, которое возникает, когда человек

боится, что его действия или слова могут оказать негативное влияние на отношения с собеседником или на самого собеседника [Baumeister 1994]. Это приводит к тому, что при подобных обстоятельствах люди склонны использовать более мягкие формы отказа или вовсе соглашаться на просьбу.

Рассмотрим подробнее прагматический контекст в коммуникативной ситуации 1: характер отношений – горизонтальные, сложные, возможно, в прошлом были конфликты; пол – мужской; возраст – молодой студент; степень сложности обстоятельств – умеренные обстоятельства. В коммуникативной ситуации 2 параметры были следующие: характер отношений – горизонтальные, дружеские; пол – женский; возраст – предполагается молодой; степень сложности обстоятельств – сложные обстоятельства.

Сначала проанализируем ответы русскоязычных Ии. На коммуникативную ситуацию 1 было дано 33 ответа (принимаем за 100%), среди которых 3 (9%) являются нерелевантными (Ии ответил на просьбу согласием или вовсе воздержался от ответа), а 30 (91%), соответственно – релевантными. Для типологизации РС отказа было необходимо проанализировать каждый ответ. Всего было выявлено 50 РС (так как в одном ответе может содержаться сразу несколько РС), что принимаем за 100%. Среди них 18 (36%) кооперативных РС (РС, которые способствуют достижению информационной и коммуникативной целей), 22 (44%) конфликтных РС (РС, которые не способствуют достижению информационной цели и/или нарушают коммуникативное равновесие) и 10 (20%) индифферентных РС. Как мы видим, в ответах на эту коммуникативную ситуацию конфликтные РС превышают кооперативные РС, что, вероятно, обусловлено напряженными межличностными отношениями. В Таблице 1 представлены самые частотные РС в ответах на коммуникативную ситуацию 1 русскоязычными Ии.

Таблица 1

Самые частотные РС отказа в ответах на коммуникативную ситуацию 1 русскоязычными Ии

Название РС	Тип РС	Кол-во	Пример
РС извинения	Кооперативная РС	10	*Извини…*
РС категоричного обоснования	Конфликтная РС	8	*… я не уверена, что ты вернешь мне деньги, поэтому не дам тебе взаймы.*
РС демонстрации схожести положений	Индифферентная РС	7	*… у меня у самой сейчас проблемы с финансами.*
РС категоричного отказа	Конфликтная РС	7	*Нет.*
РС дистанцирования	Конфликтная РС	3	*… я даю в долг только близким людям.*

На коммуникативную ситуацию 2 русскоязычные Ии также дали 33 ответа (принимаем за 100%), среди которых 12 (36%) ответов являются нерелевантными, а 21 (64%) – релевантными. Такой большое количество нерелевантных ответов свидетельствует о том, что Ии было сложно ответить отказом на эту просьбу, что подтверждает влияние межличностных отношений на коммуникацию. Всего в ответах Ии было выявлено 47 РС, что принимаем за 100%, среди которых 37 (79%) РС являются кооперативными, 6 (13%) – конфликтными и 4 (8%) – индифферентными. Тут наблюдается значительный перевес в сторону кооперативных РС отказа, в отличие от первой коммуникативной ситуации. Теперь рассмотрим самые частотные РС отказа в ответах на коммуникативную ситуацию 2 русскоязычными Ии. Эта информация представлена в Таблице 2.

Таблица 2

Самые частотные РС отказа в ответах на коммуникативную ситуацию 2 русскоязычными Ии

Название РС	Тип РС	Кол-во	Пример
РС обоснования с указанием на внешние обстоятельства	Кооперативная РС	12	*… я буду за городом вечером.*
РС извинения	Кооперативная еРС	10	*Прости, пожалуйста…*
РС выражения сожаления	Кооперативная РС	6	*Мне очень жаль…*
РС выражения доброжелательности	Кооперативная РС	4	*… очень хочется тебе помочь…*
РС поддержки	Кооперативная РС	2	*Надеюсь, ты найдешь решение.*

Проанализируем ответы англоязычных Ии. На коммуникативную ситуацию 1 было дано 12 ответов (принимаем за 100%), среди которых 2 (17%) нерелевантных ответа и 10 (83%) релевантных. Всего было выявлено 17 РС (принимаем за 100%), а именно: 11 (64%) кооперативных РС, 3 (18%) конфликтных РС и 3 (18%) индифферентных РС. Стоит отметить, что количество кооперативных РС больше, чем конфликтных, в то время как в ответах русскоязычных Ии на эту же коммуникативную ситуацию преобладали конфликтные РС. Рассмотрим самые частотные РС отказа, которые использовались англоязычными Ии в ответах на коммуникативную ситуацию 1. Их представлено только 3, так как остальные РС использовались по одному разу. Эти данные представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Самые частотные РС отказа в ответах на коммуникативную ситуацию 1 англоязычными Ии

Название РС	Тип РС	Кол-во	Пример
РС обоснования с указанием на внешние обстоятельства	Кооперативная РС	5	*I do not have finances right now to not have those 40 dollars for a week.*
РС извинения	Кооперативная РС	3	*I'm sorry…*
РС обоснования с указанием на внутренние факторы	Индифферентная РС	2	*I don't feel comfortable giving out such a sum because I'm not sure I get it back.*

На коммуникативную ситуацию 2 англоязычные Ии дали 12 ответов, что принимаем за 100%. 3 (25%) ответа являются нерелевантными, а 9 (75%) – релевантными. Общее количество РС равняется 29 (принимаем за 100%), среди которых – 23 (80%) кооперативных РС, 3 (10%) конфликтных РС и 3 (10%) индифферентных РС. Как мы можем заметить, количество кооперативных РС в ответах на эту коммуникативную ситуацию в 2 раза больше, чем в ответах на коммуникативную ситуацию 1. В Таблице 4 представлены самые частотные РС отказа, которые использовали англоязычные Ии в ответах на коммуникативную ситуацию 2.

Таблица 4

Самые частотные РС отказа в ответах на коммуникативную ситуацию 2 англоязычными Ии

Название РС	Тип РС	Кол-во	Пример
РС извинения	Кооперативная РС	6	*I am so sorry…*
РС проявления заботы	Кооперативная РС	5	*… perhaps I could ask some of my friends for you if they could help out.*
РС дипломатического отказа	Индифферентная РС	3	*What about …? They might be free.*
РС выражения доброжелательности	Кооперативная РС	3	*I hope your mother feels better soon.*
РС обоснования с указанием на внешние обстоятельства	Кооперативная РС	3	*I'm completely unable to do anything this weekend. I've got to finish ___, and I genuinely cannot do anything else in the meantime.*

Итак, гипотеза эксперимента, заключающаяся в том, что в коммуникативной ситуации, в которой субъекты общения имеют позитивные межличностные отношения будет использоваться больше кооперативных РС, чем в ситуации с негативными межличностными отношениями, подтвердилась. Из данных, представленных в таблицах,

следует, что и русскоязычные, и англоязычные Ии использовали больше кооперативных РС в ответах на коммуникативную ситуацию 2, где представлены дружеские взаимоотношения коммуникантов, чем на коммуникативную ситуацию 1, где отношения между участниками коммуникации сложные и напряженные. Кроме того, ответы на вторую коммуникативную ситуацию содержат большое количество клишированных средств вежливости (*Прости, пожалуйста; Я с радостью бы хотела тебе помочь; I am so sorry I really cannot help you; I am really very sorry*). Всё это свидетельствует о влиянии характера личных отношений на эффективность отказа. При позитивных межличностных отношениях собеседники стараются избегать конфликтных РС отказа и «сохраняют особую деликатность, заботясь о том, чтобы не обидеть, не задеть друг друга неосторожно сказанными словами, непреднамеренными действиями. Такое общение можно назвать заботливым, оно ориентировано на эмоциональную поддержку друг друга» [Немов 2003, с. 603]. Тем не менее, важно отметить, что в ответах англоязычных Ии кооперативных РС в целом зафиксировано больше, чем конфликтных, то есть они старались отвечать эффективно всем собеседникам, независимо от характера межличностных отношений. Русскоязычные же Ии использовали больше конфликтных РС отказа в ответах в коммуникативной ситуации 1, что означает, что для них фактор характера межличностных отношений играет решающую роль и напрямую влияет на эффективность отказа.

Таким образом, в ходе исследования было подтверждено, что характер межличностных отношений оказывает существенное влияние на эффективность отказа как для русскоязычных Ии, так и для англоязычных Ии.

Литература

Балашова Л. В. Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 832 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 5 т. – Москва: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 59–206.

Мкртычян С. В. Устный деловой дискурс: монография / С. В. Мкртычян. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 172 с.

Мкртычян С. В. Современная лингвостилистика: традиции и перспективы / С. В. Мкртычян // Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография / Золотова Н. О., Волков В. В., Чугунова С. А., Мкртычян С. В., Карасик В. И., Брызгалова Е. Н., Семенова Н. В., Бушев А. Б., Миловидов В. А.; отв. редактор: В. А. Миловидов. – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. – С. 65– 85.

Немов Р. С. Психология: учеб. для студ. высш. пед. уч. заведений: в 3 кн. / Р. С. Немов. – Москва: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – С. 603.

Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учебное пособие / И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

Baumeister R. F. Guilt: An Interpersonal Approach / R.F. Baumeister, A.M. Stillwell, T.F. Heatherton // Psychological Bulletin. 1994. Vol. 115. № 2. Pp. 243–267.

Т. П. Маслобоева (г. Тверь, Россия)

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ НОВОСТИЙНОГО ДИСКУРСА

В статье обсуждается специфика речевого жанра интернет-комментария новостийного дискурса. На материале пяти рубрик цифрового СМИ «Фонтанка.ру» предпринимается попытка разработать двухуровневую типологию интернет-комментариев, учитывающую характер интенции адресанта и способ ее реализации. Количественные данные по проанализированному материалу обобщаются в сводной таблице.

Ключевые слова: интернет-комментарий, речевой жанр, новостийный дискурс, типология.

The article discusses the specifics of the online commentary genre in news discourse. It attempts to develop a two-level typology of online commentary that takes into account the nature of the addresser's intention and the method of its implementation, using material from five sections of the digital media outlet Fontanka.ru. Quantitative data from the analyzed material is summarized in a table.

Keywords: online commentary, speech genre, news discourse, typology.

Современное коммуникативное пространство характеризуется расширением сфер, трансформацией традиционных речевых жанров и появлением новых гибридных форм. Эти процессы в первую очередь связаны с интернет-коммуникацией (или дигитальным коммуникативным пространством). Исследование интернет-коммуникации широко представлено в современной лингвистике (Н. Г. Асмус, В. И. Карасик, Т. Н. Колокольцева, Л. А. Капанадзе, К. И. Шилихина, Л. Ю. Шипицина, Ю. В. Щурина и др.) и направлено на лингвистическое осмысление нового коммуникативного феномена. Интернет-коммуникация – это особый вид коммуникации, который представляет собою «полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность» [Колокольцева 2024]. По мнению Е. И. Горошко, специфика интернет-среды требует комплексного интегративного подходу к изучению, который может претендовать на особое место в лингвистике [Горошко 2012].

Интернет-комментарий является дигитальным речевым жанром малого объема, который носит респонсивный характер, и представляет собою прежде всего средство обратной связи между автором и читателем (реципиентом). Актуальность исследования интернет-комментария связана с целым рядом причин, в числе которых в первую очередь следует назвать факторы как сугубо лингвистического характера (в частности, связанные с определением речежанровых типологических характеристик интернет-комментария, его лингвостилистических особенностей и функционально-стилистического статуса [Асмус 2012]), так и факторы прагматического характера интернет-комментария как формы выражения общественного мнения и общественных настроений в цифровую эпоху. Прагматический вектор ориентирован на исследование ценностных установок реципиентов, степени воздействия на них исходного текста, определение уровня агрессии в обществе и т. д. Следует отметить, что все перечисленные направления исследования могут быть реализованы на основе применения лингвистических методов.

Опираясь на классическую работу М. М. Бахтина, можно констатировать, что интернет-комментарий относится к первичным речевым жанрам, которые «складываются в условиях непосредственного речевого общения (например, в бытовом диалоге)» [Бахтин 1979]. Отчетливой речежанровой особенностью интернет-комментария является его диалогический характер, включенность в коммуникативный поток, выраженная реактивность реципиента, которая может проявляется как с помощью вербальных, так и невербальных средств. Как отмечает Н. Г. Асмус, интернет-комментарий выполняет не только информационную, но и фатическую, эмотивную и самопрезентационную функции, он позволяет не только оценить новость, но и продемонстрировать эрудицию, выразить эмоции, установить контакт или создать конфликт, поделиться личным опытом.

Проблема типологии комментариев не является исключительно новой и активно обсуждается в лингвистике.

В статье Т. И. Стексовой «Комментарий как речевой жанр и его вариативность» рассматриваются различные виды комментариев (научный, в том числе комментарий-примечание, интернет-комментарий, протестный комментарий и др.). Основой анализа выступает анкета речевого жанра Т. В. Шмелевой [Стексова 2014].

В кандидатской диссертации Н. В. Захаровой «Роль комментируемого слова в проекции читателя» [Захарова 2014] представлен авторский психолингвистический подход к анализу переводческого комментария.

Политическому комментарию как разновидности манипулятивного дискурса посвящено исследование М. А. Семкина [Семкин 2012].

Лингвосемиотические характеристики британского медийного комментария рассматриваются в кандидатской диссертации Т. А. Ионовой.

Автор предлагает типологию медийного британского комментария, основанного на следующих критериях: 1) формальном – просодический / письменный, вербальный / креолизованный, внетекстовый / внутритекстовый; 2) функциональном – разъясняющий, разъяснительно-толкующий, манипулятивный, прагматический, подтверждающий, иллюстративный, когнитивный, коммуникативный; 3) содержательном – *по тематике* (исторический, библиографический, лингвистический, литературный, редакционно-издательский и пр.); *по типу* знаковых образований (комментарий к текстам, фильмам, видеорепортажам, карикатурам, картинам, фото); *по сфере* применения (комментарий к философским, религиозным, теологическим, поэтическим произведениям, светским и каноническим кодексам); *по интенциональности* (критический, сатирический, пропагандистский и пр.); *по виду информации* (комментарий к фактуальной, концептуальной, имплицитной информации) [Ионова 2013, с. 5].

Л. Т. Касперова выделяет следующие типы интернет-комментариев (далее – ИК): аналитический комментарий, комментарий-эмоциональный отклик, ассоциативный комментарий, комментарий-сотворчество, смешанный комментарий [Касперова 2018]. Некоторая ограниченность предлагаемой классификации связана с ограниченностью классифицируемого материала, относящегося к сфере художественного творчества.

Иная классификация более универсального характера представлена в работе Т. Н. Колокольцевой [Колокольцева 2024]: 1) по отнесенности к интернет-ресурсу: ИК в блогосфере, на форумах, в соцсетях и т. д.; 2) по дискурсивной принадлежности: ИК в информационно-новостийном, политическом, спортивном, художественном и других типах дискурсов; 3) по характеру стимула, вызвавшего реакцию: комментарии на текстовый или поликодовый стимул, комментарии на видеоконтент с вербальным сопровождением, комментарии на видеоконтент без вербального сопровождения; 4) по месту в информационно-комментарийном блоке: интернет-комментарий первичный (реакция на исходный стимул, чаще пост) и ИК вторичный (реакция на другой комментарий); 5) по структурным характеристикам: интернет-комментарий краткий / развернутый, монокодовый (текстовый) / поликодовый; 6) по содержательно-тематическим особенностям: ИК – аналитический (аргументативный), эмоциональный, смешанного характера; ИК монотематический / политематический; 7) по степени зависимости от исходного (корневого) сообщения: интернет-комментарий автосемантический / синсемантический. Классификация Т. Н. Колокольцевой в некоторой степени учтена нами.

Объектом настоящего исследования является интернет-комментарий новостийного дискурса.

В качестве источника материала исследования нами было выбрано цифровое СМИ «Фонтанка.ру» [URL: https://www.fontanka.ru/]. Выбор

обусловлен следующими параметрами: авторитетность новостного издания, его ориентированность на граждан, интересующихся жизнью города, новостями экономики, политики, культуры, искусства и спорта, что обеспечивает разнообразие тематики. Ключевым преимуществом издания в сравнении с другими крупными СМИ является активная функция комментирования новостей.

Для обеспечения репрезентативности выборки было отобрано пять новостных рубрик, выступающих в качестве стимульного материала («корневых текстов»): искусство, туризм, экономика, экология, образование. Методом сплошной выборки из указанных рубрик был сформирован массив комментариев (25 текстов) для последующего качественного и количественного анализа.

Разработанная в настоящем исследовании содержательная типология интернет-комментариев основывается на трех ключевых критериях, позволяющих охарактеризовать комментарий как речевой жанр: отношение автора комментария к предмету обсуждения (новости), способ выражения этого отношения, характер направленности на других участников коммуникации. Комплексный учет перечисленных параметров позволил разработать двухуровневую классификацию. На первом уровне можно выделить следующие типы ИК в зависимости от отношения к новости: 1) положительно оценивающие новость (содержащие согласие в новостным контентом), 2) отрицательно оценивающие новость (содержащие несогласие с новостным контентом), 3) индифферентные к содержанию новости (согласие / несогласие не усматривается).

Приведем примеры из каждой группы (в авторской редакции):

1) положительно оценивающий новость:

Красивые места, как и Камчатка. – К новости из рубрики «Туризм» о российском путешественнике, покорившем на байдарке Белое море.

2) отрицательно оценивающий новость:

а царь-то не настоящий... слишком часто в Париже находят картины .....кто-то там постоянно рисует эту ЛИПУ.....и конечно в ПАриже ....нет чтобы где-тоа Германии или Росии... так НЕТ - в ПАрижу гонят эту липу. – К новости из рубрики «Искусство» о потерянной сто лет назад и найденной случайно в Париже картины Рубенса с изображением Иисуса Христа.

3) индифферентный к содержанию новости:

Как будут восстанавливать жизненный уровень рухнувший на дно, ха, ха, никак. – К новости из рубрики «Экономика» о стратегиях инвестирования после снижения ключевой ставки в 2026 году.

На втором уровне типологии была произведена детализация ИК, положительно / отрицательно оценивающих новость на основе соотношения рационального (логического) и иррационального (здесь:

эмоционально-экспрессивного) компонентов: 1) аргументирующие; 2) эмоциональные, 3) эмоционально-аргументирующие.

Примеры языкового материала:

1) аргументирующий:

Уже поздно инвестировать. Стоимость товаров длительного пользования увеличилась так что никакой доход по вкладам или акциям не спасет деньги от девальвации. Стоимость электроники за последние 3 месяца увеличилась от 30 до 100%. – К новости из рубрики «Экономика».

2) эмоциональный:

Любой человек, независимо в какой стране, должен знать родной язык и быть грамотным, тем более в России! Русский язык богатейший и это ценность нашей страны. Кто разрешил убрать из обязательных предметов Русский язык? Эта информация должна дойти до Президента и быть отменена. – К новости из рубрики «Образование» о решении Санкт-Петербургского Горного университета не учитывать баллы ЕГЭ по русскому языку в общей сумме при поступлении.

3) эмоционально-аргументирующий:

Потому что русский язык не знают даже те, для кого это часть профессии – журналисты. Остальные – тем более. Причина в том, что люди перестали читать классиков русской и советской литературы.

Группа ИК, которые являются индифферентными к содержанию новости, не содержит оценку, а смещают фокус на другие темы, сообщество или личный опыт. Такого рода комментарии были классифицированы в соответствии с принятой нами логикой учета рациональной / эмоциональной составляющих на другие группы: 1) содержащие положительный посыл к сообществу; 2) содержащие отрицательный посыл к сообществу, 3) содержащие ссылку на свой опыт (такого рода ИК тяготеют к рациональному типу). Посыл к сообществу – это коммуникативное намерение автора комментария, направленное не на обсуждение новости, а на взаимодействие с другими читателями или комментаторами. Это попытка повлиять на их мнение, призвать к действию, объединить или, наоборот, разделить аудиторию.

Приведем примеры языкового материала:

1) *Берегите себя... Самый опасный зверь в глухомани не медведь, не волк, не кабан и даже не рысь!* – К новости из рубрики «Туризм».

2) *Читаешь комментарии и волосы дыбом встают. Насколько много у нас необразованного населения. Страшно осознавать, что эти люди живут среди нас.* – К новости из рубрики «Экология».

3) *А во всём виновата образовательная система школ. Надо учителей заставлять правильно объяснять русский язык. Сами учителя уже разучились учить школьников и студентов. Я ни разу зянятий в школе не прогуливал, но куча ошибок допускаю и постоянные оценки куча двоек и*

троек, и что мне теперь делатьм по-русскому языку? Видимо просто не сложилось с преподавателем по русскому языку, а в остальном у меня предметы 4 и 5. Вот такая грамматика...!?)) – К новости из рубрики «Образование».

Результаты количественного анализа по типам комментариев представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение комментариев по типам

Основание классификации	**Рубрикации**				
	искусство	туризм	экономика	экология	образование
По эмоциональности / содержательности					
1. Положительно оценивающие новость	1	2	0	0	2
1.1. Эмоциональные	0	2	0	0	0
1.2. Аргументирующие	0	0	0	0	0
1.3.Эмоционально-аргументирующие	1	0	0	0	2
2. Отрицательно оценивающие новость	3	1	4	1	1
1.1. Эмоциональные	2	0	0	0	1
1.2. Аргументирующие	1	0	1	0	0
1.3.Эмоционально-аргументирующие	0	1	3	1	1
3. Индифферентные к содержанию новости	1	2	1	4	1
3.1. Содержащие положительный посыл к сообществу	0	1	0	0	0
3.2. Содержащие отрицательный посыл к сообществу	0	1	1	4	0
3.3. Ссылка на свой опыт	1	0	0	0	1

Анализ материала позволил обобщить некоторые языковые особенности различных типов комментариев.

Так, эмоциональность чаще передается через восклицания, междометия, мелиоративы и экспрессивную лексику без развернутой аргументации (*Красивые места, как и Камчатка*. – К новости из рубрики «Туризм»; *Насколько много у нас необразованного населения!* – К новости из рубрики «Экология»).

Рационально-логическая составляющая подкрепляется логическими доводами, фактами, личным анализом (*Пример немного утрирован, да и проходной там сильно выше будет. И если ребенок набирает выше 85-90 за предмет, то обычно и с русским у него всё в порядке, но исключение его из суммы баллов, позволит вузу повысить конкурсный балл и отбросить*

тех, кто послабее. – К новости из рубрики «Образование»; *Исторический Сестрорецк выше уровня Мирового океана от 10 до 15 метров. Вот вам для справки: Высота поверхности озера Сестрорецкий разлив над уровнем моря составляет 8,2 метра.* – К новости из рубрики «Экология»).

Таким образом, предложенная типология интернет-комментариев является двухуровневой. Она основана, во-первых, на классификации генеральной интенции адресанта (согласиться / не согласиться / не выразить отношение); во-вторых, на способе выражения интенции (рациональный / эмоциональный). Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным анализом русскоязычных и англоязычных комментариев (на материале газеты The New York Times), а также с более детальным изучением речевых стратегий и способов их реализации в жанре интернет-комментария.

Литература

Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дисс. … канд. филол. наук / Н. Г. Асмус. – Челябинск, 2012. – 266 с.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979. – 423 с.

Горошко Е. И. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / под науч. ред. Т. Н. Колокольцевой, О. В. Лутвиновой. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – 322 с.

Захарова Н. В. Роль комментируемого слова в проекции читателя: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Н. В. Захарова. – Тверь, 2014. – 15 с.

Ионова Т. А. Лингвосемиотические характеристики британского медийного комментария: автореф. дисс. … канд. филол. наук / Т. А. Ионова. – Волгоград, 2013. – 25 с.

Касперова Л. Т. Стилистические и жанровые особенности интернет-комментария / Л. Т. Касперова // Русская речь. – 2018. – №1. – С. 63–68.

Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации / Т. Н. Колокольцева // Жанры речи. – Т. 19, № 2. – Волгоград, 2024. – С. 164–173.

Семкин М. А. Политический комментарий как особый вид манипулятивного дискурса: автореф. дисс. … канд. филол. наук / М. А. Семкин. – Москва, 2012. – 19 с.

Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т. И. Стексова // Жанры речи. – 2014. – № 1 (9). – С. 81–88.

В. В. Матюшина (г. Москва, Россия)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТЕРЕОТИПОВ

В статье рассматриваются психологические основы формирования стереотипов, а также проводится различие между понятиями «стереотип» и «стереотипизация». Цель исследования заключается в выявлении психологических механизмов, которые способствуют возникновению стереотипов в коммуникативной практике. Для достижения этой цели используется ассоциативный метод в психолингвистике. Рабочей гипотезой проекта можно считать утверждение о том, что стереотипы восприятия той или иной нации влияют на формирование образа данной нации в сознании студентов, изучающих иностранные языки и культуру.

Ключевые слова: социальный стереотип, категоризация, способы формирования, стереотипирование.

This article discusses the psychological foundations of the formation of stereotypes, and also distinguishes between the concepts of "stereotype" and "stereotyping". The purpose of the study is to identify the psychological mechanisms that contribute to the emergence of stereotypes in communicative practice. To achieve this goal, the associative method in psycholinguistics is used. The working hypothesis of the project is that the stereotypes of a particular nation influence the formation of the image of that nation in the minds of students who study foreign languages and culture.

Keywords: social stereotype, categorization, methods of formation, stereotyping.

Восприятие мира каждым человеком неотделимо от его культурного багажа, включая устоявшиеся традиции и исторический опыт. Следовательно, поведение окружающих оценивается через призму соответствия или несоответствия нашим личным культурным установкам и стереотипным представлениям. В связи с этим углубленное изучение стереотипов, механизмов их формирования, сохранения и влияния на сознание приобретает особую значимость в психолингвистике. Это связано с возможностью повышения эффективности межкультурного взаимодействия и преодоления коммуникационных барьеров. Статья посвящена анализу феномена стереотипизации с опорой на результаты отечественных и зарубежных исследований в данной области.

Понятие стереотипа является предметом изучения в различных научных дисциплинах, включая социологию, этнографию, психологию, этнопсихолингвистику и лингвистику. Каждая из этих областей, стремясь понять этот феномен, акцентирует внимание на тех характеристиках стереотипа, которые наиболее релевантны для их целей исследования. Так, социологи выделяют социальные стереотипы, этнографы занимаются изучением этнических стереотипов, психологи, лингвисты и психолингвисты исследуют ментальные и речевые стереотипы. Одно из наиболее общих определений стереотипа принадлежит Дэвиду Мацумото, который рассматривает их как «обобщенные представления о группах людей, в особенности об их психологических особенностях и чертах характера» [Мацумото 2004, с. 20] Американский журналист и

государственный деятель У. Липпман в своей книге «Общественное мнение» (Public Opinion) определил стереотипы как «упрощенные, схематичные, зачастую искаженные образы социальных объектов, складывающиеся в условиях дефицита информации и облегчающие ориентацию человека в мире» [Lippman 1922, с. 25].

В рамках настоящей работы основное внимание уделено социальным и этническим стереотипам. Понятие «социальный стереотип» впервые введено тем же У. Липпманом, который определил его, как «упорядоченные и упрощенные “картины мира”, детерминированные культурой и служащие для экономии когнитивных усилий при восприятии сложных социальных явлений, а также для защиты ценностей и прав» [Lippman 1922, с. 34] Предвзятые представления общества, они же стереотипы, находят отражение в когнитивных процессах и поступках людей, зарождаясь из непосредственных эмоциональных реакций. Их формирование обусловлено контекстом времени и утверждается в общественном сознании.

Устоявшийся образ мышления, основанный на стереотипизации, представляет собой взгляд на окружающий мир, сформированный под влиянием обыденного сознания. В когнитивной лингвистике и этнолингвистике стереотип связывается с содержанием языка и культуры, выступая в роли ментальной модели, соотносящейся с упрощенным представлением о мире. При формировании и действии стереотипа необязательно наличие соответствия между представлением и реальными характеристиками объекта, равно как и обоснованность этого представления. Применение стереотипов происходит неосознанно, без учета происхождения мотивации и даже вопреки фактическому восприятию мира.

Многие ученые указывают на ассоциативную и даже шаблонную природу стереотипов. Согласно Ю. А. Самарину, стереотип – «это языковая единица, вызывающая сходные ассоциативные реакции по ряду семантических признаков» [Самарин 2003, с. 27] Это позволяет не согласиться с утверждением, что частота встречаемости явлений является определяющей в формировании стереотипа. Стереотипы создаются и передаются вербально, а также через СМИ. Они могут формироваться через ограниченные контакты или собственное наблюдение.

Стереотипы схожи с традициями, мифами и символикой. Однако, по мнению Ю. Е. Прохорова, стереотипы отличаются своей психологической основой, оставаясь на субъективном уровне [Прохоров 2017]. Чтобы понять стереотипы, важно понимать психические процессы, их порождающие. В последние годы отмечается, что в формирование стереотипов включаются когнитивные процессы, такие как каузальная дистрибуция. Стереотипы, как элементы умственных представлений о предметах и явлениях действительности, способствуют систематизации

данных. Их быстрое возникновение обусловлено влиянием культурной среды, которая создает определенные представления о характеристиках и действиях окружающих.

В общественном восприятии устоявшиеся мнения нередко имеют отрицательную окраску, что обусловлено анализом предвзятых представлений о подвергающихся дискриминации группах населения. Важно различать социальные стереотипы и стереотипизацию как психологический процесс. Стереотипизация рассматривается как рациональная форма познания и следствие категоризации. Тем не менее, формирование стереотипов отличается от простой категоризации. Здесь возможно распознать индивида как часть определенной группы, не наделяя его при этом стереотипными характеристиками. Стереотипизация – следствие категоризации.

Стремление системы идентификации «своих» и «чужих» к дифференциации и интеграции свидетельствует не столько о частоте контактов, сколько о потребности любого сообщества навешивать «ярлыки», т. е. присваивать классификации каждому событию, независимо от степени вовлеченности в него. Любое новое проявление требует определения и встраивания в имеющееся мировоззрение, включения в языковую и ментальную систему. Стереотип в лингвокультурном представлении о мире формируется как через сравнение с «привычным» (со «своим»), так и посредством отбрасывания неподходящего.

Широко распространено мнение среди ученых о глубокой взаимосвязи между стереотипами и укоренившимися общественными явлениями, такими как традиции, мифы, обряды и привычные нормы поведения. Тем не менее, Ю. Е. Прохоров подчеркивает, что ключевое различие между стереотипами и перечисленными феноменами заключается в их психологической природе [Прохоров 2017]. В отличие от явно выраженных традиций и общепринятых практик, стереотипы функционируют как латентные, индивидуальные убеждения, которые человек и социум сознательно утаивают от внешнего наблюдателя (от «чужих»). Стереотипы, характеризующиеся динамичной структурой, возникают как естественное следствие работы психологических механизмов.

Для понимания механизмов их формирования и хранения необходимо учитывать избирательное внимание, память, оценку, процессы категоризации и формирования понятий. Эти процессы взаимосвязаны и делают стереотипы неизбежным аспектом психики. В последнее время в механизм стереотипизации включают и когнитивные процессы, в том числе объяснение человеком причин поведения – своего и чужого. Стереотипы служат для организации информации о мире, и без них нам было бы сложнее ориентироваться. Однако сложность заключается в уязвимости к формированию стереотипов под воздействием культурных

особенностей и этноцентрических взглядов, которые в свою очередь создают определенные предрассудки по отношению к окружающим.

В обществе и средствах массовой информации устоявшиеся представления зачастую рассматриваются в негативном свете. Это во многом обусловлено тем, что научные работы в основном фокусируются на предубеждениях в отношении этнических групп, подвергающихся дискриминации. В. С. Агеев подчеркивает важность различения социальных стереотипов как социального явления и стереотипизации как психологического процесса [Агеев 1990]. В психологии стереотипизация рассматривается как рациональная форма познания, частный случай категоризации. Однако Г. Тажфел утверждает, что «стереотипизация не тождественна категоризации» [Tajfil 2010, с. 57]. Человека можно детерминировать как члена категории по объективным свойствам, но не приписывать ему стереотипные качества. Стереотипизация социальных объектов отличается от категоризации объектов физического мира влиянием межгрупповых отношений.

Укоренившиеся в языке стереотипные представления могут возникать как в процессе усвоения социальных норм, так и вследствие естественной для человеческого познания склонности к упрощению и классификации. Наше подсознание стремится к облегчению восприятия мира, и использование стереотипов служит одним из инструментов подобного упрощения. Вступая в коммуникацию, человек неосознанно выбирает систему аргументов, которая кажется ему значимой. Подобная интерпретация ситуации, пропущенная через фильтр индивидуальных психологических особенностей, называется аргументационной призмой.

Языковые стереотипы обнаруживаются на разных уровнях:

1. На уровне лексики – это устойчивые выражения, поговорки, идиомы, включающие оценочные суждения, например: «волос долог, да ум короток», «курица не птица, баба не человек», «блондинка за рулем».

2. На смысловом и семантическом уровне это происходит через ассоциативные связи, когда слова инициируют определенные устойчивые представления, например: строитель ассоциируется с мужчиной, а воспитатель – с женщиной. На прагматическом уровне это выражается в специфике применения языковых форм, в которых говорящий демонстрирует стереотипное отношение, к примеру: «Не ожидала от тебя, что ты так хорошо разбираешься в технике, ты же гуманитарий».

Психолингвистика позволяет исследовать механизмы восприятия, запоминания и воспроизведения подобных языковых форм. В частности, исследования эффекта прайминга показывают, как одно слово способно активировать целый комплекс стереотипных представлений. Стоит также подчеркнуть, что стереотипы зачастую не отличаются абсолютной точностью. Это выражается, во-первых, в тенденции наделять всех представителей определенной социальной группы одинаковыми

характеристиками. Во-вторых, о некорректности стереотипов свидетельствует ситуация, когда конкретное качество приписывается как группе в целом, так и каждому ее члену в отдельности.

Стереотипизация неразрывно связана с работой нашего разума по обработке информации и ее классификации. Люди естественным образом стремятся к упрощению, быстрее воспринимая сведения, которые согласуются с уже сложившимися когнитивными схемами. Такой подход помогает экономить энергию мозга, но может препятствовать широте взглядов. Стереотипы обладают значительной устойчивостью из-за тенденции мозга отфильтровывать информацию, противоречащую устоявшимся представлениям. Масс-медиа и культура в целом играют ведущую роль в закреплении и распространении стереотипов, передаваемых через язык. Постоянное повторение конкретных визуальных элементов в фильмах, рекламных роликах и новостных репортажах облегчает их непроизвольное встраивание в наше подсознание. Научные работы свидетельствуют о том, что чистое восприятие социальной среды, не зависимое от существующих шаблонов, является редким явлением. В соответствии с постулатами социального конструктивизма, любое социальное суждение основывается на упрощенном, схематичном взгляде на мир.

Психолингвистические подходы предоставляют инструменты для борьбы со стереотипами, включая осознанное применение инклюзивного и гендерно-нейтрального языка. Научные данные свидетельствуют о том, что подобные методы в долгосрочной перспективе способствуют трансформации когнитивных паттернов и уменьшению стереотипности в языковых выражениях. Важно не просто заменять отдельные слова, но и переосмысливать сами способы формулирования идей, которые косвенно укрепляют неравенство или упрощенное восприятие социальной действительности.

Ключевая задача – совершенствование лингвистической компетентности, то есть умения оценивать и разбирать как чужие, так и собственные высказывания. Психолингвистические исследования показывают, что даже незначительные изменения в словарном запасе и грамматическом строе способны оказывать значительное воздействие на формирование восприятия, убеждений и действий как тех, кто говорит, так и тех, кто слушает. Таким образом, язык представляет собой не просто зеркало общественного сознания, но и его действенный инструмент преобразования.

Как было заявлено ранее, в качестве основного метода исследования стереотипов и способа их формирования использовался ассоциативный метод, широко используемый в психолингвистике. Эксперимент был проведен среди студентов бакалавриата МГИМО МИД РФ. В эксперименте принимали участие 50 человек студентов обоих полов

(примерно поровну мужчин и женщин). В качестве стимула было предложено дать ассоциации на слово «британец (британка)». Целью подобного эксперимента было выявление механизмов формирования этнических и социальных стереотипов. Предпринята попытка обнаружить:

- как в коммуникативной и образовательной практике возникают стереотипы;
- каким образом в результате возникновения стереотипов в сознании студентов, изучающих иностранный язык и культуру, формируется образ представителя той или иной нации, язык и культуру которой студенты изучают;
- создаются ли стереотипы по определенному шаблону в обыденном сознании студентов, и что влияет на их становление: личный опыт, воспитание и образование, СМИ, социальные сети.

Ожидаемо, и мужчины и женщины больше всего стереотипизируют британцев, ассоциируя их с чаем, чаепитием (5 o'clock tea). Далее представители обоих полов единодушно обнаруживают стереотип, мысля британцев как людей с хорошими, и даже изысканными, манерами, вынужденными страдать, но мириться с плохими погодными условиями.

Поскольку эксперимент был проведен среди студентов, которые давно изучают английский язык по разным пособиям и учебникам, вполне объяснимо, что большая доля стереотипов возникла после прочтения определенного учебного лингвострановедческого материала в учебниках и пособиях. Так можно объяснить устойчивую сформированность стереотипов о реалиях британской жизни: чай, fish and chips, королевская семья, Биг Бен, красный двухэтажный автобус и красная телефонная будка, Битлз.

Стереотипно по ассоциациям можно сформировать образ британца: представитель мужского пола, изысканно одетый с утонченными манерами, курящий трубку и завтракающий яичницей с беконом. Несмотря на упоминание о плохой погоде и дожде, из данных ассоциаций складывается образ уютного британского дома, где живут финансово-обеспеченные люди, играют в крикет и ведут неспешные умные разговоры.

Интересно отметить, что в стереотипах обыденного сознания студенток бакалавриата нет негативных ассоциаций, они представили стереотипный образ британца, близкий к идеалу.

В то же время стереотипы молодых людей отличаются негативными оценками британцев. Например, представители туманного Альбиона воображаются как люди, жаждущие мировой экспансии, желающие поработить другие народы, циничные и холодные. Недаром достаточно часто у студентов британец стереотипизируется с британским премьер-министром У. Черчиллем.

Таким образом, у студентов стереотипы в основном возникают из учебного материала в ходе осуществления образовательного процесса.

Стереотипные образы создаются по определенному шаблону, на формирование стереотипов, возможно, также влияют СМИ и социальные сети.

Подведем некоторые итоги.

Не стоит недооценивать важность образовательной сферы. Внедрение в образовательный процесс информации о принципах воздействия языка и формировании стереотипов может значительно развить навыки критического анализа у нового поколения. Психолингвистические знания могут стать теоретической базой для создания подходов к развитию терпимости и инклюзивного общения.

Психолингвистика помогает понять, как язык не только отражает, но и формирует социальные установки. Осознание этих процессов открывает путь к более ответственному отношению к языку, преодолению устаревших моделей речи и созданию более справедливой и инклюзивной языковой среды. В условиях глобальных социальных изменений осознанное отношение к языку становится важной предпосылкой устойчивого развития культуры и гуманитарной сферы.

Понятия «стереотип» и «социальный стереотип» часто встречаются в научной литературе. Стереотипы коренятся в психологических процессах, важно проводить границу между понятиями «социальный стереотип» и «стереотипизация». Исследование стереотипов представляет собой стремление понять структуру мышления, исследовать явления, влияющие на общение и определяющие его эффективность.

Литература

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В. С. Агеев. – Москва: Изд-во Моск.ун-та, 1990. – 240 с.

Гофурова В. В. Психолингвистические механизмы формирования и закрепления стереотипов в языке / В. В. Гофурова, Ш. С. Бувабекова // Молодой ученый. – 2025. – Т. 575. № 24. – С. 206–208.

Денисова Г. В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации / Г. В. Денисова // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2020. – Т. 26. № 3. – С. 127–148.

Курилов С. Н. Исследование ценностей молодежи как социальных стереотипов: социолингвистические аспекты / С. Н. Курилов, М. Ю. Кузьминов, Е. А. Северина // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9. №1. – С. 131–135.

Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 416 с.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2017. – 224 с.

Самарин Ю. А. Очерки психологии ума: особенности умственной деятельности школьника / Ю. А. Самарин; под ред. Г. А. Неценко, З. Г. Найденовой. – 2-е изд., испр. – Гатчина: Ленингр. обл. ин-т экономики и финансов, 2003. – 500 с.

Стернин И. А. Национальные стереотипы и межкультурные контакты / И. А. Стернин, М. А. Стерина // Семантико-когнитивные исследования: сб. ст. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – Вып. 11. – С. 41–52.

Lippman W. Public Opinion. – NY: Harcourt, 1922. – 449 p.

Tajfil H. Human groups and social categories // Studies in social psychology. – Cambridge: University Press. 2010. Vol.XIII

А. А. Миронова, Л. А. Тугай (г. Челябинск, Россия)

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ЭКСПЛУАТИРУЕМЫМИ АРХЕТИПАМИ И ИСПОЛЬЗУЕМЫМИ СРЕДСТВАМИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МОШЕННИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена лингвистическому анализу мошеннического дискурса через призму юнгианских архетипов и теории речевого воздействия. В центре внимания находится деструктивная манипулятивная система, в которой юнгианские архетипы («Мать и дитя», «Мудрец», «Анима») выступают в качестве когнитивных мишеней, а конкретные языковые средства служат инструментами суггестивного давления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки строгой методологической рамки в условиях роста изощренных практик социальной инженерии.

Ключевые слова: мошеннический дискурс, речевое воздействие, речевая манипуляция, юнгианские архетипы, прагмалингвистика, когнитивная мишень.

The article is devoted to a linguistic analysis of fraudulent discourse through the lens of Jungian archetypes and the theory of speech influence. The focus is on a destructive manipulative system in which Jungian archetypes (the Mother and Child, the Wiseman, the Anima) act as cognitive targets, while specific linguistic means serve as instruments of suggestive pressure. The relevance of the study is due to the need to develop a rigorous methodological framework in the context of the growing sophistication of social engineering practices.

Keywords: fraudulent discourse, speech influence, speech manipulation, Jungian archetypes, pragmalinguistics, cognitive target.

На сегодня актуальным является рассмотрение мошеннического дискурса с точки зрения связи речевого воздействия с юнгианскими архетипами [Юнг 2019].

Мошеннический дискурс – это деструктивная манипулятивная система, в которой архетипы функционируют в качестве когнитивных мишеней, а средства речевого воздействия – как инструменты психологического суггестивного воздействия [Тугай 2026]. Данные инструменты используются для обхода рациональных фильтров сознания реципиента (жертвы).

Эмпирический материал исследования составили материалы уголовных дел, возбужденных по статье 159–159.1 прим. 1–6 УК РФ «Мошенничество».

Ключевая прагматическая цель преступника – заблокировать критическое мышление собеседника. Для этого используется когнитивный диссонанс. Жертве навязывают жесткий сценарий действий (например, требование перевести деньги), но прячут этот приказ за речевыми триггерами, которые мгновенно активируют архетипы коллективного бессознательного (рис. 1).

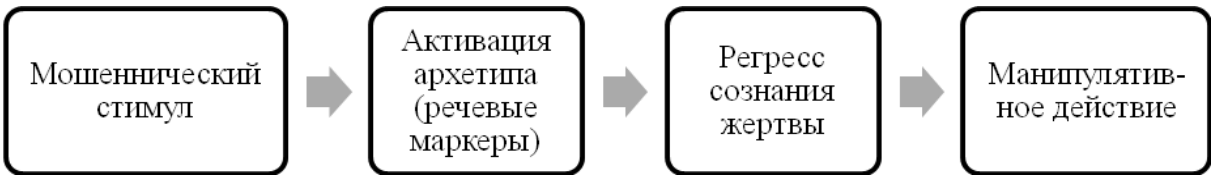


Рис. 1. Интенциональное поле и прагматика мошеннического дискурса

Эксплуатация архетипа «Мать и дитя»

В мошенническом дискурсе этот архетип используется бинарно: мошенник может занимать как позицию «Матери» (псевдозабота), так и позицию «Дитя» (аппликация к жалости, просьба о помощи).

Мошенник в роли «Матери» (Гиперопека и защита)

Лингвистическая мишень: потребность адресата в безопасности (особенно в ситуациях стресса): *Э, смотрите, наша система зафиксировала подозрительные операции по вашей карте. Буквально пять минут назад, э, у вас пытались снять со счета две тысячи девятьсот девяносто рублей*.

Иллокутивная сила: суггестия, псевдопротекция: *Хорошо, смотрите, нам сейчас нужно будет отменить данный платеж*.

Лексический уровень: доминирование слов с семантикой защиты и патернализма (*обезопасить*, *сохранить*, *служба безопасности*). Наблюдается высокая плотность инклюзивных местоимений (*мы с вами*, *нам*), сокращающих психологическую дистанцию.

Синтаксический уровень: Использование императивов в пермиссивной (разрешающей) или превентивной форме *не переживайте*, *давайте сделаем так*. Синтаксис имитирует материнское убаюкивание, преобладают плавные, восходяще-нисходящие интонационные контуры.

Эффект: регрессия жертвы в состояние «Дитя». Включается механизм психологического слияния (конфлюэнции), критический анализ действий «защитника» блокируется: *Ничего не расскажу, ничего. Абсолютно я-, й-й-я слова ему не скажу даже, никакого. Как вы скажете, так я и скажу ему, как вы скажете мне. Я вам клянусь же. Я что враг что ли? Подумайте вы.*

Мошенник в роли «Дитя» (Жертва обстоятельств)

Лингвистическая мишень: потребность адресанта в безопасности: *Ты можешь приехать за мной? В полицию*; *Слушай, я в милиции, у меня беда случилась.*

Лексический и стилистический уровень: эксплуатация эмфатической лексики, восклицательных знаков и парцелляции: *Да ты вообще посмотри сколько есть. Да мне надо просто пэ-, парню этому за лечение заплатить, чтобы не писали на заявление. Чтобы не возбуждали уголовное дело. Понимаешь?; Баб, ну позвони-и..; В полиции!*

Прагматический маркер: создание искусственного дефицита времени в сочетании с лексикой беспомощности. *Мужской голос – Баб, давай потом объясню всё. Женский голос – Ла-адно. Мужской голос – Давай быстрее.*

Эксплуатация архетипа «Мудрец» (Авторитарная суггестия)

Мошеннический дискурс псевдоинтеллектуального типа («инвестиционные советники», звонки от «главного следователя», ЦБ) полностью базируется на риторике этого архетипа.

Лингвистическая мишень: уважение к иерархии, экспертности, закону и сакральному знанию.

Иллокутивная сила: демонстрация неоспоримого когнитивного и статусного превосходства.

Лексико-семантический уровень:

– денотативный прессинг: избыточное насыщение речи юридической, экономической или технической терминологией: *с арестованного счета, транзакция, возбуждается уголовное дело за нападение на сотрудника полиции, личный счет, следователь с органа дознания*. Зачастую термины употребляются в девиантных, с точки зрения кодифицированного языка, сочетаниях, но для неспециалиста они звучат легитимно;

– канцеляризмы и номинализация: замена глагольных форм отглагольными существительными (*в целях предотвращения совершения противоправных действий* вместо «чтобы вас не обокрали»). Это придает речи статус отчужденного, объективного «закона».

Синтаксический уровень:

– преобладание сложных предложений с подчинительной связью (причинно-следственные, условные периоды);

– активное использование пассивного залога: *Было зафиксировано списание. А деньги так обналичены, в шестнадцать они будут уже у вас, доставка вам будет произведена, на улицу Советскую.* Пассивный залог стирает субъекта действия, создавая иллюзию работы неотвратимой государственной или технологической машины.

Эффект: Адресат чувствует собственную некомпетентность перед лицом «Мудреца» (Закона) и делегирует ему право принимать решения.

Эксплуатация архетипа «Анима»

В юнгианской концепции Анима – это не монолитный образ, а динамическая структура, которая развивается и имеет несколько уровней зрелости. Классически К. Г. Юнг выделял четыре стадии развития Анимы:

Ева (инстинктивная женщина), *Елена* (романтическая / сексуальная), *Мария* (духовная / материнская) и *София* (мудрость).

Если переложить эту структуру на сетку мифологических образов – Анима-Сирена, Деметра и Пенелопа, – получится точная карта того, как бессознательное мужчины проецирует свои дефициты и желания на женщин (и как это используют мошенники).

В мошенническом дискурсе данный архетип редко выступает в чистом гендерном аспекте (хотя это основа для брачных махинаций). В военное время этот архетипический конструкт («Деметра-Пенелопа») превращается в абсолютное оружие социальной инженерии. Брачные махинации в условиях военного конфликта – это не просто романтический скам, а жесткая эксплуатация экзистенциального кризиса и пограничного состояния психики.

Война обостряет две базовые потребности мужчины: потребность выжить (найти безопасный «родительский» контейнер – Деметру) и потребность оставить след, защитить свой статус (верный тыл – Пенелопу). Мошеннический дискурс адаптирует скрипт под эти реалии с хирургической точностью.

Вместо этого осуществляются деконструкция и функциональную сборка этого архетипа. Анима в руках манипулятора расслаивается на три ключевые ипостаси, каждая из которых бьет в конкретную уязвимость мужской (и общечеловеческой) психики: Аниму-Сирену, Деметру и Пенелопу (Таблица 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ трех ипостасей Анимы

Параметр	Анима-Сирена	Деметра	Пенелопа
Главный триггер	Страсть, идеализация, тайна	Безопасность, принятие, уют	Верность, статус, общее будущее
Реакция жертвы	Аффект, потеря контроля	Расслабление, инфантилизация	Гордость, чувство долга, доверие
Роль мужчины	Жертва / Пленник	Ребенок / Опекаемый	Герой / Глава семьи

Чаще всего диалог делится на три тактических этапа (Таблица 2).

Лингвистическая мишень: жажда чуда, иррациональное мышление, эскапизм.

Иллокутивная сила: соблазн, интрига, очарование, обнадеживание.

Лексико-стилистический уровень:

– семантика эксклюзивности и тайны: использование дескрипторов закрытого доступа (*А еще не поймешь, А***, и не пытайся, у них всё запланировано это всё.*);

– аффективная гиперболизация: экспрессивные эпитеты (*Она вообще четкая;* обилие эпитетов, выраженных ненормативной лексикой).

Таблица 2

Три тактических этапа диалога

Этап диалога	Психологическая цель	Пример реализации
1. «Приютить» (Деметра)	Снять стресс, вызвать расслабление и доверие жертвы	*М, ладно-ладно, солнце.* *А. Ладно, моя радость, только не пей.*
2. «Закрепить тыл» (Пенелопа)	Показать верность, отсутствие претензий и готовность ждать	*И ты вообще, вот, у тебя деньги приходят, рас-, ты такой расход делаешь. Я, вот, посмотрела, но не стала звонить, говорить тебе ничё, думаю, чё хочешь, то делай.* *Ты же знаешь, как я боюсь, чтоб тебя не закинули на этот штурм... Зачем эти проблемы?* *Через год ты дома. Ты через дом до-, э, через год дома должен быть.*
3. Вброс ловушки (Капкан)	Мягкое подталкивание к действию (перевод денег, сообщить информацию), под видом заботы о совместном будущем	*А***, а то, что ты сейчас подписал, за это не выплачивают три миллиона?* *Скажи, а чём вы это. Ты видел, у тебя этот, этот месяц чё пришло, тридцать тысяч, по-моему, всего лишь.* *Говорят зарплату по двести тридцать всем оплачивают.* *Всё нормально по теме сделай и приедешь нормально домой , и отмажемся, ты понимаешь это?*

Прагмалингвистические приемы:

– умолчание: метод создания интриги (*Конечно, ты-то это знаешь как, тебя учить не надо*). Мошенник сознательно оставляет лакуны в тексте, стимулируя воображение жертвы. Жертва сама дорисовывает картину идеального богатства, успеха, семейного счастья;

– использование метафор трансформации (возвращение с фронта домой): *Через год ты дома. Ты через дом до-, э, через год дома должен быть.*

Эффект: отключение критического мышления за счет активации эмоционально-аффективной сферы. Адресат вовлекается в игровую, иррациональную модель поведения.

Классифицировать маркеры манипулятивного воздействия можно по Таблице 3.

Таблица 3

Классификация маркеров манипулятивного воздействия

Архетипическая проекция	Уровень языка	Выделяемые маркеры (индикаторы манипуляции)	Лингвистический маркер деструктивности
Мать / Дитя	Прагматический, Морфологический	Инклюзивные местоимения, императивы заботы, диминутивы, гиперопекающая или инфантильная модальность	Искусственная интимизация общения
Мудрец	Лексический, Синтаксический	Терминологическая избыточность, пассивные конструкции, обилие отглагольных существительных, жесткие логические маркеры связи	Псевдоэкспертный шум, направленный на когнитивную перегрузку (заговаривание зубов)
Анима (Деметра)	Стилистический, Риторический	Фигуры умолчания (интрига), экспрессивные оценочные эпитеты, лексика тайны / эксклюзивности, метафоры мгновенной трансформации	Фасцинация, перевод коммуникации из рационально-прагматического поля в иллюзорно-игровое

Мошеннический дискурс синкретичен. В рамках одного коммуникативного акта злоумышленник может динамически переключать архетипические регистры: он начинает как «Мудрец» (строгий чиновник / следователь с обилием терминов), при сопротивлении жертвы переходит в статус «Матери» (псевдозабота), а при фиксации успеха использует элементы «Анимы» (обещание эксклюзивного исхода или сохранение строжайшей «тайны следствия»). Также отмечаются примеры, когда в рамках одного коммуникативного акта мошенник придерживается одного архетипического регистра. Анима в лице «заботливой ждущей жены» становится для мужчины синонимом самой Жизни. Отказать ей в деньгах или информации – значит символически предать свой шанс на возвращение домой. Мошенники цинично пользуются этой уязвимостью, превращая юнгианский архетип в инструмент финансового мародерства. Таким образом, архетипы служат когнитивным каркасом, на который нанизываются суггестивные языковые средства.

Литература

Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. – Москва: Смысл, 2002. – 479 с.

Балахонская Л. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования / Л. В. Балахонская, Е. В. Сергеева. – Москва: Флинта, 2016. – 352 с.

Бедненко Г. Б. Греческие богини. Архетипы женственности / Г.Б. Бедненко. – Москва: Класс, 2005. – 318 с.

Доценко Е. Л. Имплицитные семантические поля архетипов / Е. Л. Доценко, Е. Ю. Зарубко // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – №5. – С. 111–117.

Стернин И. А. Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.

Тугай Л. А. Мошеннический русскоязычный дискурс: коммуникативно-прагматический, психолингвистический и стилистический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук / Л. А. Тугай. – Челябинск, 2026. – 245 с.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва: ИКАР, 2007. – 480 с.

Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. – Москва: АСТ, 2019. – 495 с.

С. В. Мкртычян (г. Тверь, Россия)

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТОГЕН В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ VS РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

Предпринимается попытка реконцептуализировать психологический термин *конфликтоген* и адаптировать его к лингвистической терминологии, определив его лингвистический статус. Обсуждается специфика дискурсивной реализации коммуникативных конфликтогенов в соотношении с понятиями *агрессия* и *конфликт*, предлагается их типология, разработанная на экспериментальном материале и основывающаяся на теориях вежливости и эффективного общения (И. А. Стернина, Дж. Лича, П. Браун, С. Левинсона и Г. П. Грайса).

Ключевые слова: агрессия, конфликт, коммуникативный конфликтоген, кооперативное общение, эффективное общение, результативное общение, коммуникативный маркер конфликтности.

An attempt is made to reconceptualize the psychological term “conflictogen” and adapt it to linguistic terminology, defining its linguistic status. The specifics of the discursive realization of a conflictogen in relation to the concepts of aggression and conflict are discussed. A typology of communicative conflictogens is proposed, developed on the basis of experimental material and theories of politeness (I.A. Sternin, G. Leech, P. Brown, S. Levinson, and H.P. Grice).

Keywords: aggression, conflict, communicative conflictogen, cooperative communication, effective communication, resultative communication, communicative marker of conflict.

Исследование вербальной агрессии представлено широко и обсуждается как лингвистами, так и психологами, социологами, педагогами (Р. Бэрон, А. Голдстейн, В. И. Жельвис, Д. Инфанте, Н. Д. Левитов, К. Лоренц, А. Налчаджян, Д. Ричардсон, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, Х. Хекхаузен, Ю. В. Щербинина).

Лингвистическое изучение вербальной агрессии зачастую проводится с помощью таких речевых единиц, как *дискурс, речевая стратегия, речевой жанр, речевая тактика*, которые продуктивно сочетаются с традиционными уровневыми единицами языка. Между тем сам феномен агрессии, как сложная и многоаспектная сущность, полагаем, требует специализации лингвистического инструментария исследования. В этом отношении продуктивным представляется реконцептуализация терминов из смежных научных сфер, что обеспечивает более системный и всесторонний подход как к определению объекта исследования, так и к его описанию. Таким термин по отношению к агрессивному дискурсу выступает *конфликтоген*, который используется в психологии.

Действительно, агрессивизация имеет различные проявления и тесно связана с конфликтом / конфликтностью. При этом понятия *агрессия* и *конфликт / конфликтность* не являются тождественными. Под агрессией понимается прежде всего деструктивное поведение, направленное на другую личность, а конфликт рассматривается как столкновение противоположно направленных мотивов. Это уточнение существенно, поскольку слово *конфликтоген* (от латинского conflictus (столкновение) и греческого genes (рождающий)) является производным от *конфликт*, что не совсем точно с точки зрения семантики словообразующей основы. Термин *конфликтоген* предложен психологом А. П. Егидесом, который определил его весьма широко: конфликтоген – это «слово, действие (или бездействие), ведущие к конфликту» [Егидес 2004, с. 14]. Однако если конфликт основывается на конфликтной ситуации (столкновении противоположных мотивов) и рассматривается как глубинное явление, характеризующееся скрытыми мотивами, то конфликтоген, напротив, обнаруживает себя на поверхностном вербальном уровне. Конфликтоген – это своего рода провокативный фактор. Конфликтогенами могут стать жесты, взгляды, слова, которые расцениваются адресатом как агрессивные.

С момента возникновения конфликтологии, конфликт рассматривается в аспекте как позитивной, так и негативной динамики [Козер 2000]. Специалисты в области конфликтологии отмечают, что конфликт является одним из двигателей прогресса, открывающих новые возможности. Выводя обсуждение этой проблемы в плоскость межкультурных различий, должны отметить, что в условиях склонной к высокому контексту российской культуры конфликт, как правило, сопровождается разрушительными эмоциями и лишен конструктивной составляющей. Такое ограничение, накладываемое культурой,

действительно, если не подходить строго, позволяет семантически сблизить *конфликтоген* и *конфликт*. Здесь важно подчеркнуть, что конфликтогены способствуют тому, чтобы взаимоотношения между говорящими были негармоничными (некооперативными). По этой причине *конфликтоген* целесообразно рассматривать скорее в связи с *агрессией,* нежели с *конфликтом*, исходя из того, что вербальная агрессия – это «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2004, с. 7].

Выдвижение понятия коммуникативного конфликтогена в качестве аналитической единицы изучения вербальной агрессии обязывает дать его лингвистическое определение. С одной стороны, коммуникативный конфликтоген может трактоваться как агрессивная речевая стратегия. Но в таком случае рассматриваемое понятие, с одной стороны, теряет свою оригинальность и «склеивается» с традиционным понятием речевой стратегии, с другой стороны, при такой трактовке оказывается не охваченным существенный массив ситуаций, когда агрессия присутствует, но речевая стратегия как единица интенционального уровня не является агрессивной. Принимая во внимание сделанные ремарки, можно предложить следующее понятие коммуникативного конфликтогена: это агрессивная речевая стратегия и/или коммуникативный маркер агрессии. Сужая понятие коммуникативного конфликтогена до коммуникативного маркера агрессии, вновь встает вопрос о том, что понимать под такого рода маркером. Вероятно, следует вести речь не о традиционных языковых средствах выражения экспрессии типа сниженной лексики, определенных грамматических форм и т. п., а о прагматических (дискурсивных) маркерах агрессии.

Поставив перед собою цель, выявить коммуникативные конфликтогены как языковые и речевые признаки агрессии, мы провели пилотный эксперимент на материале речевого жанра критического высказывания, который само по себе обладает конфликтогенным потенциалом (критика потенциально конфликтна). Мы искусственно смоделировали 8 ситуаций и предложили испытуемым написать фразу, которой они бы отреагировали в реальной коммуникативной ситуации. Все смоделированные ситуации относятся к так называемому дискурсу повседневности. Например: *Ваш подчиненный (ему лет 25), с которым у Вас не складываются отношения, при Вас нагрубил клиенту, несмотря на то, что он уже получал выговор за подобное общение.* В эксперименте приняли участие 54 испытуемых от 18 до 78 лет (39 женщин и 14 мужчин). Все испытуемые имеют разный социальный статус, пол, возраст и образование.

Методика анализа экспериментального материала заключается в следующем: выявление речевых стратегий, оценка речевых стратегий в аспекте коммуникативной эффективности, типологизация конфликтных

речевых стратегий (т. е. коммуникативных конфликтогенов), описание типовых / типичных речевых тактик, реализующих коммуникативные конфликтогены.

Анализ материала, направленный на выявление конфликтогенов, осуществляется с опорой на следующие концепции: теорию эффективного общения, разработанную И. А. Стерниным [Стерини 2001], на теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона [Brown 1987], принципы кооперации Г. П. Грайса [Grice 2004] и вежливости Дж. Лича [Leech 1983].

И. А. Стернин определяет эффективное общение через достижение трех типов целей [Стернин 2001, с. 61–62].

В качестве другой альтернативной теории вежливости принята теория ликоугрожающих речевых актов П. Браун и С. Левинсона [Brown 1987]. Ключевым является понятие *лица*, которое трактуется как социальный конструкт, отражающий социально одобряемое поведение. Здесь вежливость рассматривается как сохранение позитивного и негативного лица. Выявление конфликтогенов осуществлялось в том числе с опорой на концепции Г. П. Грайса и Дж. Лича, на основе которых экспериментальный материал анализировался «методом от противного». Концепции вежливости и эффективного общения имеют много общего и одновременно дополняют друг друга.

С опорой на перечисленные концепции разграничиваются следующие понятия: *эффективное общение, результативное общение* и *кооперативное общение*:

результативное общение направлено на достижение задуманного адресантом результата любым способом, включая агрессию;

кооперативное общение – это общение без агрессии;

эффективное общение – это результативное общение, реализованное с сохранением коммуникативного равновесия (т. е. частный случай кооперативного общения).

В результате анализа материала все выявленные нами речевые стратегии были классифицированы по наличию конфликтогенов на две группы: конфликтные (30%) и неконфликтные (в эту группу вошли кооперативные 33% и индифферентные речевые стратегии 37%).

Агрессивные речевые стратегии были генерализированы в две группы: речевые стратегии с макроинтенцией превосходства адресанта и речевые стратегии с макроинтенцией подавления адресата. Такое разграничение является условным, поскольку превосходство может содержать в себе одновременно и подавление. Макроинтенция превосходства наносит ущерб позитивному лицу собеседника, связанному с социальным одобрением; макроинтенция подавления создает угрозу негативному лицу собеседника, т. е. его личным границам.

Макроинтенция превосходства имеет следующие проявления: хвастовство, категоричность, снисходительное отношение, эгоизм,

нарушение правил, недоверие и т. п. и реализуется посредством следующих РС: РС назидания и оценки (8,7% ответов): *Это дурной тон, нужно вести себя подобающе в школе*; РС укора/упрека (7,7% ответов): *Какое поколение пошло!*; РС язвительного вопроса (4,5% ответов): *Нам скинуться и купить тебе пенал?*

Макроинтенция подавления реализуется через оскорбления, вербальное нападение, приказы, непрошенные советы, угрозы и т. п.: РС оскорбления (3% ответов): *ненормальные*, *борзые*; РС приказа (18% ответов): *Телефон мне на стол!*; РС угрозы (10% ответов): *Сейчас получишь замечание в дневник!*; РС язвительного замечания (6,5% ответов): *Прости, но на уроках приходится думать своей головой, а не мыслями случайных людей из интернета.*

На следующем уровне были подвергнуты анализу речевые тактики, что позволило выявить вербальные маркеры конфликтогенов, или коммуникативные маркеры конфликтности (далее – КМК).

Нами составлена типология КМК, которая основывается на критерии наличия прагматического компонента. К первой группе были отнесены КМК, «нечувствительные» к прагматическим параметрам коммуникативной ситуации. К числу таких КМК относятся экспрессивные лексико-грамматические средства (содержащие экспрессивность как системно-языковое свойство).

Ко второй группе КМК относятся прагматические маркеры, которые не имеют экспрессивного заряда, будучи извлеченными из контекста. Такого рода КМК можно представить двумя крупными группами.

К первой группе относятся КМК, углубляющие конфликтную коммуникативную ситуацию: *Вы* ***совершенно*** *не разбираетесь в этом вопросе.* Несмотря на то, что эти КМК требуют учета прагматических факторов, можно эксплицировать типичные языковые средства, которые используются для углубления конфликтной ситуации, например: *абсолютно, полностью, вообще, так, совсем* и др.

Во вторую группу входят КМК, которые расширяют конфликтную коммуникативную ситуацию: *Вы* ***как обычно*** *ответили плохо*. Расширение конфликтной коммуникативной ситуации происходит за счет использования наречий образа действия со значением периодичности: *часто, всегда иногда, никогда, постоянно, редко* и т. д.

Таким образом, в рамках настоящей публикации на материале анализа потенциально конфликтного речевого жанра критического высказывания предпринята попытка осуществить реконцептуализацию психологического понятия конфликтогена и предложить его лингвистическое осмысление.

Литература

Егидес А. П. Психология конфликтов в деловом общении (концепции и технологии): автореф. дисс. … докт. психол. наук / А. П. Егидес. – Москва, 2004. – 45 с.

Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Москва: ИДЕЯ-ПРЕСС, 2000. – 208 с.

Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.

Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю. В. Щербинина. – Москва: Флинта, Наука, 2004. – 221 с.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics 3: Speech arts. 2004. Pp. 41–58.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. L.: Longman, 1983. 250 p.

С. Е. Филипченко (г. Тверь, Россия)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕСПОНСИВНЫХ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ АГРЕССИВНОГО ДИСКУРСА

В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования, направленного на выявление и типологизацию респонсивных речевых стратегий в ситуации агрессивного взаимодействия: уточняется терминологический инструментарий, формулируется цель и гипотеза исследования, описывается характер заданий для испытуемых; приводится интенционально-интерпретативный анализ ответов испытуемых; количественные данные обобщаются в виде таблицы; устанавливается зависимость между прагматическими параметрами коммуникативной ситуации и типом выбранной испытуемыми речевой стратегии.

Ключевые слова: дискурс; агрессивный дискурс; речевая стратегия; вербальная агрессия.

This article presents the results of an experimental study that identifies and classifies responsive speech strategies in aggressive interaction. It clarifies the terminological framework, states the objective and hypothesis, and describes the tasks given to participants. The author analyses responses using an intentional-interpretative approach, summarize quantitative data, and establish a relationship between the pragmatic parameters of the communicative situation and the type of speech strategy participants choose.

Keywords: discourse; aggressive discourse; speech strategy; verbal aggression.

Агрессивный дискурс как неотъемлемая часть социального взаимодействия непосредственно связан с проблемой оптимизации коммуникации, в том числе в аспекте эффективности межличностного общения. Понимание того, как люди реагируют на агрессию, какие речевые стратегии выбирают, становится критически важным в условиях повышения уровня агрессии в сферах коммуникативного взаимодействия, что подчеркивает актуальность данного исследования.

Объектом исследования выступает агрессивный дискурс, предметом – респонсивные речевые стратегии, используемые адресатом при столкновении с вербальной агрессией.

Исходными теоретическими понятиями являются: **дискурс**, **агрессивный дискурс**, **речевая стратегия**, **вербальная агрессия**.

Следуя традиции Тверской школы лингвистической прагматики (И. П. Сусов, М. Л. Макаров), мы понимаем дискурс как текущую речевую деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве [Сусов 2006; Макаров 2003].

В работе «Вербальная агрессия» Ю. В. Щербинина дает дефиницию понятию «агрессивный дискурс». **Агрессивный дискурс** – специфический процесс коммуникации, характеризующийся использованием участниками коммуникации деструктивных речевых стратегий [Щербинина 2008, с. 13].

Вербальную агрессию Ю. В. Щербинина трактует как заведомо деструктивное коммуникативное явление. Оно оказывает негативное психологическое воздействие, провоцирует развитие конфликтного взаимодействия и выражается в таких формах, как грубость, использование повышенного тона либо в самом содержании высказывания (оскорбительные лексические единицы, угрозы). Ключевым условием для квалификации тех или иных речевых действий как агрессивных является комплекс факторов: «…контекст, интенция говорящего, реакция адресата, невербальное сопровождение» [Щербинина 2008, с. 14].

Вслед за С. В. Мкртычян мы понимаем **речевую стратегию** как «интенциональную единицу когнитивного уровня, которая реализуется в речи с помощью конкретных речевых тактик, описываемых в уровневых языковых единицах» [Мкртычян 2011, с. 115].

Следовательно, респонсивные речевые стратегии в рамках агрессивного дискурса реализуют определенную интенцию (защита, уход, контратака, разрешение конфликта и т. д.) в ответ на вербальную агрессию.

Цель работы заключается в типологизации выявленных в ходе эксперимента речевых стратегий и установлении зависимости их выбора от социального контекста и статусно-ролевых характеристик коммуникантов.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: типовые респонсивные речевые стратегии (далее – РС) в актах диалогического агрессивного взаимодействия при условии сходного вербального контекста будет варьироваться в зависимости от прагматических параметров коммуникативной ситуации (например, официальности / неофициальности отношений).

Для подтверждения гипотезы мы использовали антропометрический метод, а именно эксперимент с привлечением ситуативных моделей (по И. А. Стернину) [Стернин 2021].

В ходе эксперимента 68 испытуемым были предложены смоделированные ситуации вербальной агрессии (всего 14). В рамках настоящей публикации рассмотрим две смоделированные

коммуникативные ситуации. Прагматические параметры этих ситуаций следующие:

1. Вертикальность / горизонтальность отношений:

Вертикальность (далее – В): наличие явной асимметрии в статусе, власти (руководитель – подчиненный, родитель – ребенок) – ситуация 1;

Горизонтальность (далее – Г): отношения между условно равными по статусу, должности людьми (коллеги одного уровня, друзья) – ситуация 2.

2. Публичность / приватность

3. Характер межличностных отношений по двум осям (знакомость и позитивность / негативность):

Негативные – ситуация 1;

Позитивные – ситуация 2;

Не знакомы.

Важно отметить, что содержательно вербальное нападение было одинаковым – оно ставило под сомнение профессиональную компетенцию адресата. Однако прагматические параметры ситуаций различались.

В первой ситуации агрессором выступал руководитель, критика осуществлялась публично, перед всем коллективом. Отношения характеризовались как вертикальные и негативные.

С руководителем отдела, мужчиной преклонного возраста, у вас натянутые отношения: он часто недружелюбен с вами, и вы замечаете, что он к вам придирается. Обнаруженные в вашем отчете ошибки он решает прокомментировать при всем коллективе.

Испытуемым была дана следующая инициальная реплика-нападение:

«Ваши профессиональные навыки скудные, уровень знаний на нуле. С такой головой лучше подыскать работу попроще».

Во второй ситуации агрессором выступал коллега-друг, обладающий с испытуемым равным статусом, а взаимодействие происходило наедине.

Прагматический контекст:

Ваш коллега, более опытный сотрудник, занимающий ту же позицию в компании, что и вы, – весьма прямолинейный человек. У вас дружеские отношения, и вы часто обращаетесь к нему за советом. В вашем отчете он находит ошибки и, когда вы остаетесь наедине, говорит:

Инициальная реплика-нападение:

Ты, похоже, в этих вопросах полный ноль. С такими знаниями только плакать, честно. Не лучше ли подыскать работу попроще?

Полученные 136 ответов были подвергнуты интенционально-интерпретативному анализу, что позволило выявить типологию респонсивных стратегий. Всего было выявлено 23 речевые стратегии. Ниже представлен анализ данных, которые обобщены в двух таблицах с учетом как количественных показателей, так и качественных особенностей языкового материала. Особое внимание уделяется тому факту, что многие речевые стратегии реализуются не изолированно, а в комбинации с

другими стратегиями, которые были использованы в респонсивной реплике.

Таблица 1

Типология респонсивных стратегий в ситуации 1

Тип речевой стратегии	Языковой материал	Кол-во
РС контратаки / РС контратаки с разрывом коммуникации / РС агрессивной конфронтации / РС оскорбления, поношения / РС эскалации конфликта с привлечением третьих лиц	*А с отсутствием у вас знаний профессиональной этики вы рискуете остаться без сотрудников вовсе. Будете делать все сами, зато безупречно правильно / Полностью согласна, завтра принесу заявление об увольнении / В вашем возрасте уже пора понять, что такое тактичность / А вам уже крестики на кладбище ставят / Доложу руководству о самодурстве и не соблюдении субординации со стороны руководителя*	20
РС согласия / РС конструктивного согласия / РС внешнего согласия / РС благодарности за критику / РС частичного согласия	*Хорошо, я поняла / Я исправлю все ошибки, и в следующий раз вы не поверите, что это работу сделала я / Натянуто поблагодарю за замечания, скажу, что я исправлю все замечания в ближайшее время и уйду. Скорее всего, буду проклинать его за происходящее и начну задумываться о смене работы*	19
РС перевода в дискуссию / РС перевода в дискуссию с вуалированным нападением / РС уточнения ситуации / РС рационализации / РС конструктивного улаживания / РС прямого отрицания с контраргументацией	*Не могли бы мы обсудить это за закрытыми дверями вашего кабинета. Не стоит отвлекать других от их обязанностей / Почему тогда с таким уровнем знаний меня приняли сюда?*	13
РС игнорирования / ухода / РС ухода с оценкой	*Я промолчу / Молчание / Промолчу, но подумаю «вот козел»*	6
РС апелляции к правилам и нормам / РС управления поведением	*Не могли бы мы обсудить это за закрытыми дверями вашего кабинета. Не стоит отвлекать других от их обязанностей / Это можно было сказать при личной встрече, а не судить меня при всех…*	5
РС юмора / самоиронии	*Стараемся прокачаться*	1
РС отторжения участия	*Спасибо за совет, сама разберусь*	1

В ситуации с руководителем (вертикаль, публичность, негативные отношения) доминирующей стратегией стала контратака и смежные с ней типы (РС агрессивной конфронтации / РС оскорбления, поношения). В

группу РС контратаки мы объединили внешне разнородные, но функционально и интенционально близкие стратегии. Основой послужило наличие интенции ответного нападения. Важно подчеркнуть: испытуемый не просто защищается, но переходит в наступление, используя при этом широкий спектр средств – от иронии до сарказма (*В вашем возрасте уже пора понять, что такое тактичность*), до открытых оскорблений и поношения (*А вам уже крестики на кладбище ставят*).

Полученные результаты также показали тенденцию избегания прямого конфликта посредством использования опосредованной конфронтации через привлечение третьих лиц как медиаторов при разрешении ситуации агрессии (*Доложу руководству о самодурстве и не соблюдении субординации со стороны руководителя*).

Второй по частотности стала речевая стратегия согласия (включая РС конструктивного согласия, РС внешнего согласия, РС благодарности за критику, РС частичного согласия), что демонстрирует то, что для большой части людей формальное «спасибо» – самый безопасный способ сохранить коммуникативное равновесие и избежать эскалации конфликта: *Хорошо, я поняла.*

Примечательно, что даже внутри группы РС согласия полученные ответы демонстрируют различную глубину принятия критики: от конструктивного намерения и даже вызова (*Я исправлю все ошибки, и в следующий раз вы не поверите, что это работу сделала я*), до лишь внешней демонстрации согласия, сопровождаемой внутренним неприятием и негативной оценкой (*Натянуто поблагодарю за замечания, скажу, что я исправлю все замечания в ближайшее время и уйду. Скорее всего буду проклинать его за происходящее и начну задумываться о смене работы*).

Стратегия перевода в дискуссию, как свидетельствуют данные эксперимента, стала третьей по частотности. Такой способ разрешения конфликта связан с попыткой рационализировать ситуацию, уйти от оскорблений и перейти к обсуждению сути проблемы, а также предложить изменить формат общения. Это свидетельствует о высоком потенциале испытуемых к конструктивному разрешению конфликтов в неравной позиции: *Не могли бы мы обсудить это, за закрытыми дверями вашего кабинета? Не стоит отвлекать других от их обязанностей*. Приведенный пример также демонстрирует факт того, что один ответ может содержать в себе несколько РС. Так, вторая респонсивная РС (*Не стоит отвлекать других от их обязанностей*), призывая агрессора изменить поведение, содержит в себе интенцию управления поведением.

Характерным примером также является следующая респонсивная реплика: *Почему тогда с таким уровнем знаний меня приняли сюда?* Представленная реплика, призывая к дискуссии, также содержит в себе скрытую контраргументацию.

Таким образом, несмотря на субординацию, испытуемые не готовы мириться с оскорблениями, но при этом формальная вежливость (*спасибо*) или попытка перевести конфликт в конструктивное русло оказываются наиболее безопасными способами сохранить лицо в условиях иерархии.

Крайне редкими оказались РС юмора и отторжения участия – это говорит о том, что официальный контекст и вертикальность отношений не позволяет проявлять несерьезность или открыто игнорировать мнение руководителя.

В ситуации с коллегой-другом (горизонталь, приватность) картина принципиально изменилась.

Таблица 2

Типология респонсивных стратегий в ситуации 2

Тип речевой стратегии	Языковой материал	Кол-во
РС согласия / РС конструктивного согласия / РС согласия с отложенным действием / РС согласия с оправданием, извинением	*Я учусь, мне это нравится. Спасибо за советы, буду более внимательнее и уверена, что здесь у меня все получится / Этим и займусь сегодня / Я понимаю, но я научусь / Спасибо за замечание. Критику принимаю, а вот форма – не самая конструктивная. Я разберусь и исправлю*	19
РС контратаки / РС поношения	*Ну тебе с твоими ослиными навыками виднее, конечно, но я разберусь как-нибудь без дебильных советов / Ты позвал меня, чтобы сказать это? Является ли эта информация ценной?*	14
РС перевода в дискуссию / РС уточнения ситуации	*Я просто не пойму, в чем суть претензий / Что именно не так, поясни, пожалуйста. Буду исправляться! / Ты меня позвал, чтобы сказать это? / Я хочу остаться тут, работа для меня – один из способов развития. Спасибо, что проверяешь мою работу. Можно посмотреть, как ты делаешь x, y, z? Хочу научиться делать это правильно*	13
РС прямого отрицания / РС контраргумен-тации	*Не проще / Не лучше, у всех есть ошибки, и на них учатся / Я думаю ты преувеличиваешь… / Ага, еще чего? Если меня не уволили, значит, я удовлетворяю требования руководства, а значит, остаюсь тут*	10
РС просьбы о помощи (часто совместно с другими стратегиями)	*Помог бы лучше… / …Давай так, ты мне с этим поможешь, а я тебя потом обязательно отблагодарю… / За совет спасибо, но лучше помоги / Я буду очень тебе признательна, если поможешь разобраться с вопросами, которые мне непонятны / А помоги мне / Так помоги*	8
РС извинений / РС оправданий	*…я учусь, и если тебя это напрягает, то я очень извиняюсь / Я только учусь, мне нужно время / Буду исправляться!*	7

РС отторжения участия	*Без тебя разберусь / Пошел в баню. Идем работать / Бро, я думала, мы с тобой заодно. Спасибо, конечно, но с выбором своей сферы деятельности я сама разберусь*	5
РС апелляции к правилам и нормам / РС управления поведением	*Я думаю, ты преувеличиваешь. И вообще почему ты говоришь мне такие обидные вещи? Помог бы лучше / Считаю неприемлемым общение с коллегами в таком тоне. Сбавьте обороты / Не лучше ли оставить непрошенные советы при себе и лучше просто помочь мне исправить ошибки?*	3
РС игнорирования	*Я не обращал бы на это внимание*	1

Хотя стратегия согласия, чаще конструктивного, также оказалась частотной (19 случаев), произошло перераспределение остальных стратегий. Однако, в отличие от ситуации 1, РС согласия носит иной характер. Речевые тактики не содержат официальных клише, используемые лексические средства характеризуются разговорностью: *этим и займусь сегодня; спасибо за советы, буду более внимательнее.* Показательно, что в этой фразе наблюдается нарушение грамматической нормы (образование сравнительной степени: *более внимательнее* вместо нормативного *внимательнее*). Такая ошибка в условиях неофициального, не иерархичного общения может свидетельствовать не только об уровне грамотности, но и снижении самоконтроля и отсутствии установки на соблюдение формальных статусных ролей в ситуации спонтанной неофициальной речи.

Ключевым отличием стало появление РС просьбы о помощи (8 случаев) и РС извинений (7 случаев), которые в ситуации с руководителем практически отсутствовали (*…Давай так, ты мне с этим поможешь, а я тебя потом обязательно отблагодарю…; Я буду очень тебе признательна, если поможешь разобраться с вопросами, которые мне непонятны; А помоги мне*). Это дополнительно подчеркивает принципиальную разницу в коммуникативном поведении в зависимости от статуса собеседника: по отношению к руководителю РС извинения нами не зафиксированы, а перед другом извиниться допустимо и даже ожидаемо, поскольку воспринимается как способ сохранить коммуникативное равновесие.

Кроме того, во втором смоделированном нами сценарии реже применялась РС прямой контратаки, но чаще встречалась РС отторжения участия (*Без тебя разберусь*), что является приемлемым во взаимодействии равных по статусу.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что выбор респонсивных речевых стратегий в ответ на вербальную агрессию зависит от комплекса прагматических параметров коммуникативных ситуаций, в числе которых одним из существенных

является вертикальность / горизонтальность отношений между субъектами общения.

Литература

Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва: Гнозис, 2003. – 280 с.

Мкртычян С. В. Стилистика устного делового дискурса: монография / С. В. Мкртычян. – Тверь: Тверской государственный университет, 2011. – 320 с.

Стернин И. А. О разграничении лингвистического эксперимента и лингвистического опроса / И. А. Стернин // Психолингвистика и лексикография: сб. ст. / науч. ред. А.В. Рудакова. – 2021. – С. 1–10. URL: https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/psy-ling/psy-ling8.pdf (дата обращения: 06.03.2026).

Сусов И. П. Прагматика и теория релевантности / И. П. Сусов // Тверской лингвистический меридиан: сб. науч. статей. – Вып. 6 / Под ред. И. П. Сусова. – Тверь: Научная книга, 2006. – С. 3–15.

Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. – Изд. 2-е. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.

Э. А. Хамутаева (г. Грозный, Чеченская Республика, Россия)

АДРЕСАТНЫЕ И СЕКВЕНЦИАЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ОПИСАНИЯ ЭТИКЕТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются адресатные и секвенциальные параметры описания этикетных коммуникативных единиц чеченского языка. На материале приветствий, благопожеланий и формул благодарности показано, что функциональной характеристики единицы недостаточно без учета типа адресата, позиции реплики в речевой последовательности и ожидаемой реакции.

Ключевые слова: чеченский язык, речевой этикет, адресатность, секвенциальность, коммуникативная единица.

The paper examines addressee-related and sequential parameters in the description of Chechen etiquette communicative units. Greetings, well-wishes and gratitude formulas show that functional labels alone are insufficient without information about the addressee, the turn position in a sequence and the expected response.

Keywords: Chechen language, speech etiquette, addressee, sequence organization, communicative unit.

При описании речевого этикета устойчивую языковую форму и ее коммуникативную функцию необходимо соотносить с условиями выбора и употребления единицы. Для чеченского речевого этикета это особенно существенно: социальная и возрастная иерархия, родственные отношения, распределение ролей участников, а также последовательность реплик нередко определяют допустимость и уместность формулы.

В предшествующих исследованиях чеченского речевого этикета было обозначено несколько направлений описания материала. При разработке русско-чеченского словаря речевого этикета отмечалась необходимость

фиксировать, наряду со значением стилистические характеристики, тип коммуникации и закрепленность формулы за определенной ситуацией [Хамутаева 2019а]. Позднее были предложены принципы построения толкового словаря-справочника, включающие варианты единицы, пометы, семантико-стилистический комментарий, иллюстративный материал и этимологическую справку [Хамутаева 2020]. В исследовании значения традиционных формул чеченского речевого этикета была выявлена их функционально-семантическая неоднородность и показана зависимость употребления от культурных норм, социальных ролей и коммуникативной ситуации [Хамутаева 2026].

Переход к параметрическому описанию соотносится с моделями коммуникативного поведения, в которых учитываются характеристики ситуации общения и участников взаимодействия [Стернин 2015].

В перечисленных исследованиях условия употребления формул описывались в словарных пометах и комментариях. При параметрическом описании этикетной коммуникативной единицы (ЭКЕ) такие сведения выделяются в сопоставимые характеристики. По ним разграничиваются функционально близкие единицы и определяется их место в речевом взаимодействии; эти же характеристики служат для организации материала в исследовательской базе.

Предмет анализа составляют адресатный и секвенциальный параметры. К адресатному относятся характеристики адресата и отношений между собеседниками, от которых зависит выбор формы. Секвенциальный параметр описывает позицию ЭКЕ в последовательности реплик с учетом предшествующего речевого действия и ожидаемой реакции. Цель исследования – установить, какие различия между единицами обнаруживаются при учете этих параметров и как они связаны с условиями употребления.

Из авторской картотеки чеченского речевого этикета отобраны формулы приветствия, ответного приветствия, благопожелания и благодарности с документированными контекстами употребления. Картотека включает материал художественных текстов, записи устной речи и наблюдения за современным употреблением. Отбор связан с задачей сопоставить раннее лексикографическое описание этих единиц с параметрическим.

Основным методом является контекстуально-параметрический анализ. Для каждой единицы устанавливаются: общая коммуникативная функция; характеристики адресата, непосредственно влияющие на выбор формы; место реплики в минимальной последовательности; тип предшествующего действия; ожидаемая или зафиксированная ответная реакция. При анализе последовательности учитывается положение о том, что речевые действия организуются не изолированно, а через устойчивые связи между смежными ходами и более развернутыми

последовательностями [Schegloff 2007]. В анализе этикетных формул различаются инициативные и ответные (реактивные) реплики, в том числе в парах «приветствие – ответное приветствие» и «благопожелание – благодарность».

Представим некоторые результаты исследования.

Наиболее наглядно действие адресатного параметра проявляется в группе традиционных чеченских приветственных формул: **Марша вог1ийла!** (традиционное приветствие мужчине); **Марша йог1ийла!** (традиционное приветствие женщине); **Марша дог1ийла!** (традиционное приветствие нескольким лицам). Для читателя, не владеющего чеченским языком, это различие необходимо оговорить специально. Речь идет не о случайных вариантах одной формулы: в грамматической организации конструкции выражена характеристика адресата. Выбор формы зависит от того, обращена реплика к мужчине, женщине или нескольким собеседникам [Хамутаева 2019а].

Русское функциональное соответствие типа *приветствую тебя / приветствую вас* передает общую коммуникативную функцию, но не воспроизводит этого противопоставления внутри самой формы приветствия. В русском языке выбор между *тебя* и *вас* связан прежде всего с числом адресатов и формой вежливого обращения; противопоставление по полу единичного адресата в самой формуле приветствия не выражено. В чеченском материале, напротив, адресатная характеристика непосредственно участвует в выборе реализации ЭКЕ. Поэтому при сопоставлении разноструктурных языков общего перевода недостаточно: необходимо отдельно указывать тот признак адресата, который грамматически или лексически обусловливает форму [Хамутаева 2019б].

Адресатный параметр проявляется и шире – через возрастные, родственные и статусные отношения между участниками общения. В качестве примера можно привести **к1ант** ‘сын; молодой человек’: в обращении эта единица может использоваться по отношению к более молодому мужчине и тем самым отражать не только номинативное значение, но и возрастно-ролевую характеристику адресата. Такой пример показывает, что при выборе ЭКЕ релевантными могут быть сразу несколько признаков адресата.

На приветствия отвечают формулами, которые также представлены в картотеке: **Маршалла хуьлда хьуна а** (ответное приветствие одному адресату) и **Маршалла хуьлда шуна а** (ответное приветствие нескольким адресатам). Они относятся к той же функциональной сфере, что и инициативные приветствия, но занимают другую позицию в речевом обмене. Инициативно-ответную связь можно представить минимальным фрагментом: **Марша вог1ийла!** – **Маршалла хуьлда хьуна а** (традиционное приветствие мужчине – ответное приветствие).

В этой паре приветствие и ответ на него занимают разные позиции. Именно место ЭКЕ в структуре взаимодействия фиксирует секвенциальный параметр; синтаксическая функция предложения здесь не рассматривается.

В следующем художественном контексте связаны реплики разных функциональных групп: за положительной оценкой нового дома следуют благопожелание и ответная благодарность:

Аша хаза ц1енош дина хилла. ***Дала беркате дойла!*** *–* ***Дела реза хуьлда!*** *(Вы красивый дом построили. Пусть Бог принесет в ваш дом достаток! – Спасибо!)* [А. Дадашев. «Юхадерзар»].

Анализируемая единица **Дала беркате дойла!** реализует благопожелание, связанное с положительной оценкой дома; **Дела реза хуьлда!** выступает ответной формулой благодарности. При изолированном рассмотрении эти реплики относятся к разным функциональным рубрикам. В приведенном контексте положительная оценка предшествует благопожеланию, на которое собеседник отвечает благодарностью. При описании **Дела реза хуьлда!** поэтому фиксируется предшествующее благопожелание, а при описании **Дала беркате дойла!** – ответная благодарность.

Секвенциальное описание включает как позицию реплики, так и ее связь с другими речевыми действиями. Для словаря или электронной исследовательской базы такая зависимость может быть представлена полями «предшествующее действие / реплика» и «ожидаемая реплика». При этом речь не идет о предписании единственно возможного ответа: фиксируется реакция, подтверждаемая текстовым, корпусным или полевым материалом; ее типичность или нормативная ожидаемость требуют отдельного обоснования.

На примере формулы благодарности **Баркалла!** можно сопоставить два способа описания. В статье 2020 г. она была представлена через пометы «Этикет. Религ.», функциональное толкование «выражение благодарности», иллюстрацию и этимологический комментарий, связывающий форму с арабским источником [Хамутаева 2020]. В такой словарной статье сведения об условиях употребления еще не были выделены в самостоятельные параметры.

В опубликованной словарной иллюстрации приводится следующий пример:

Баркалла хьуна! *– йоькхаера йо1. (Спасибо тебе! – радовалась девушка)* [С.-Х. Нунуев. «Гезгамаша»].

В этой иллюстрации русский эквивалент *спасибо* передает функцию формулы, а **хьуна** указывает на адресата. Однако приведенный фрагмент не раскрывает, что вызвало благодарность и последовал ли ответ. Для заполнения параметрического профиля нужен более широкий контекст: по нему устанавливаются место реплики в обмене, основание благодарности

и возможная ответная реакция. Возможность употребления альтернативных формул проверяется на сопоставимых ситуациях.

Параметрический профиль дополняет традиционную словарную статью сведениями о конкретной реализации ЭКЕ. В ранней лексикографической модели такие сведения могли быть включены в развернутый комментарий; в параметрической модели они получают отдельный статус и могут сопоставляться между единицами.

Таблица 1

Адресатные и секвенциальные параметры анализируемых ЭКЕ

ЭКЕ и перевод	Функция	Адресатный параметр	Секвенциальная позиция / связь
Марша вог1ийла! (приветствие мужчине)	приветствие	мужчина, ед. ч.	инициативная; предполагает ответное приветствие
Марша йог1ийла! (приветствие женщине)	приветствие	женщина, ед. ч.	инициативная; предполагает ответное приветствие
Марша дог1ийла! (приветствие нескольким лицам)	приветствие	несколько адресатов	инициативная; предполагает ответное приветствие
Маршалла хуьлда хьуна а (ответное приветствие одному адресату)	ответное приветствие	один адресат	реактивная; следует за инициативным приветствием
Дала беркате дойла! (благопожелание)	благопожелание	адресат благопожелания	основная реплика; в примере ответ – благодарность
Дела реза хуьлда! (благодарность)	благодарность	автор благопожелания	реактивная; ответ на благопожелание
Баркалла! (спасибо; благодарность)	благодарность	зависит от контекста	обычно реактивная; предшествует действие или реплика, вызывающая благодарность

Таблица показывает, что одна и та же общая коммуникативная функция не гарантирует одинакового параметрического профиля. Приветственные формулы объединяются функционально, но различаются по типу адресата и по позиции в обмене. Напротив, **Дала беркате дойла!** и **Дела реза хуьлда!** относятся к разным функциональным группам, однако образуют связанную последовательность. Тем самым адресатность и секвенциальность дают разные, но взаимодополняющие основания для разграничения единиц.

Предложенный подход отличается от простого расширения набора словарных помет. Параметр должен быть операциональным: его значение

должно помогать выбрать форму, разграничить близкие реализации или установить место реплики в типизированном взаимодействии. Если характеристика не влияет на интерпретацию и не объясняет различия употребления, ее включение в описание будет избыточным.

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Функциональная характеристика ЭКЕ сама по себе не объясняет, какую форму следует выбрать и какое место она занимает в речевом обмене. Адресатный параметр фиксирует значимые для выбора формы характеристики собеседника и отношений между участниками, секвенциальный – инициативную или ответную позицию единицы, ее связь с предшествующим действием и ожидаемой реакцией. Эти сведения необходимы для разграничения функционально близких единиц и описания связей между формулами разных функциональных групп.

Параметры родства, социальной дистанции, канала общения, вариативности и культурной обусловленности будут анализироваться отдельно на материале других групп ЭКЕ. Их состав и значения требуют проверки по контекстам употребления.

Литература

Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. – Воронеж: Гарант, 2015. – 52 с.

Хамутаева Э. А. Проблемы составления русско-чеченского словаря речевого этикета / Э. А. Хамутаева // Общая и учебная лексикография в условиях билингвизма: Теория. Методы исследования. Технологии: Материалы Национальной научной конференции с международным участием, Грозный, 23–25 октября 2019 г. Т. 1. – Грозный: ЧГПУ, 2019а. – С. 65–71.

Хамутаева Э. А. Лексическая парадигма этикетных коммуникем в разноструктурных языках / Э. А. Хамутаева // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве Юга России и Кавказа: Материалы Второй международной научно-практической конференции, Грозный, 22–24 ноября 2019 г. Т. 2. – Грозный: ЧГПУ, 2019б. – С. 38–41.

Хамутаева Э. А. Принципы лексикографического описания чеченского речевого этикета / Э. А. Хамутаева // Общая и учебная лексикография в условиях билингвизма: Теория. Методы исследования. Технологии: Материалы Второй национальной научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию д.п.н., проф. Т. В. Жеребило, Грозный, 24–26 сентября 2020 г. Т. II. – Грозный: ЧГПУ, 2020. – С. 188–192.

Хамутаева Э. А. Значение традиционных формул чеченского речевого этикета: прагмалингвистический и лингвокультурологический аспекты / Э. А. Хамутаева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2026. – Т. 30. № 3. – С. 55–65. DOI: 10.18522/1995-0640-2026-3-55-65.

Schegloff E. A. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 300 p.

А. С. Чумакевич (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАКОММЕНТАРИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПРЕСС-БРИФИНГЕ

На материале пресс-брифингов МИД России и Госдепартамента США рассматриваются функции метакомментариев к собственной и чужой речи. Показано, как участники оценивают словоупотребление, оспаривают интерпретации и регулируют речевое взаимодействие.

Ключевые слова: метакомментарий, контекстуализация, дипломатический дискурс, корпусная прагматика.

The article examines the functions of metacommentary on participants' own and others' speech in Russian and US diplomatic press briefings. It shows how participants evaluate wording, challenge interpretations, and regulate verbal interaction.

Keywords: metacommentary, contextualization, diplomatic discourse, corpus pragmatics.

В ходе дипломатического пресс-брифинга представитель ведомства разъясняет официальную позицию в ответ на вопросы журналистов. Участники при этом обсуждают и саму речь: оспаривают содержание, приписанное их словам, или предъявляют требования к собеседнику. Такое обращение к речи меняет ход обсуждения, поскольку предметом ответа становится формулировка либо интерпретация предшествующей реплики.

Цель настоящего исследования – описать лингвопрагматические функции метакомментариев в дипломатическом пресс-брифинге. Исследовательский вопрос состоит в том, как участники посредством метакомментария определяют содержание и условия продолжения речевого взаимодействия.

Под метакомментарием мы понимаем высказывание или его компонент, в котором говорящий поясняет, уточняет, оценивает либо регулирует использование собственной или чужой речи. В основе этого определения лежит понимание метавысказываний как средств комментирования текущего дискурса и вмешательства в его ход [Hübler 2007, p. 6–7]. Единицей анализа выступает метакомментирующий компонент; одна реплика может включать несколько таких компонентов. Для их описания используются пять параметров. Предмет, метаречевое действие, принадлежность речи и временная отнесенность конкретизируют основания систематики метапрагматических актов [Там же, p. 14–18]. Предметом может быть словоупотребление, содержание высказывания, иллокутивная функция реплики или организация самого дискурса; действие характеризует способ обращения к этому предмету. Принадлежность речи позволяет различать комментарии к словам самого говорящего, собеседника и третьей стороны. Временная отнесенность устанавливается относительно речи, к которой относится комментарий.

Пятый параметр – синтаксический статус – включает зависимую часть предложения, вставную конструкцию или самостоятельное предложение.

Анализ опирается на три разграничения. Первое касается словоупотребления: говорящий может оценить уже употребленное слово и сохранить его либо предложить заменить его другим. Такие метавысказывания выполняют оценочную функцию, служат согласованию значения или выбору выражения [Hübler 2007, p. 18]. Второе разграничение проходит между сказанным и приписанной ему интерпретацией. Говорящий может вернуться к собственной реплике, если ответ собеседника показал иное ее понимание; обращаясь к чужой, участник может проверить, правильно ли он ее понял, сформулировав свой вывод из нее в виде вопроса [Schegloff 1977, p. 366, 378–379]. Расхождение интерпретаций при этом можно описать как несовпадение контекста создания высказывания и контекста его восприятия [Чернявская 2020, с. 136, 141]. Третье разграничение связано со временем: комментарий к уже сказанному отличается от предписания относительно продолжения или воспроизведения речи. Предписание может задавать смысловые опоры последующей интерпретации [Чернявская 2020, с. 138], а его нормативную сторону позволяет описать понятие прескрипции, то есть правила осуществления общения и понимания коммуникативных действий [Стернин 2001].

Материал составляют стенограммы брифинга МИД России 11 июня 2025 года [МИД] и Госдепартамента США 3 июня 2025 года [DoS]. В статье рассматриваются шесть эпизодов, позволяющих сопоставить способы комментирования речи и их продолжение. Для каждого компонента устанавливаются комментируемый фрагмент и выполняемое метаречевое действие; остальные параметры уточняют его место в высказывании и речевом обмене. Цитаты включают реплику-стимул и ближайшую реакцию на нее, а также продолжение, существенное для анализа; пропуски обозначены знаком […].

Оценка словоупотребления по-разному связана с выбором наименования: говорящий может сохранить слово, выразив отношение к нему, либо предложить замену. Во вступительном слове М. В. Захаровой комментируется собственное обозначение; в ответе на вопрос – обозначение, введенное журналистом.

(1) *В рамках репатриации 6000 тел погибших солдат ВСУ Россия 7 июня с.г. доставила в оговоренный район белорусско-украинской границы первую партию (**не могу произнести это слово «партию», все-таки речь идет о людях, погибших, но такая терминология**) из 1212 тел.* [МИД]

(2) Вопрос: *Видит ли Россия риски для переговорного процесса вокруг Украины от последней эскалации конфликта? […]*

Ответ: *Мне кажется, **в Вашем вопросе есть противоречие**, потому что либо риски, либо эскалация.*

Вопрос: *Риски для переговорного процесса от эскалации конфликта.*

Ответ: *Мне кажется: либо риски, либо эскалация. Если речь идет об эскалации конфликта, то тут уже* ***надо говорить*** *не о рисках, а о прямой угрозе политико-дипломатическому процессу.* ***Риски – это когда «может быть, а может и не быть». Вы преуменьшаете...*** *[…]* ***Я бы говорила*** *именно о масштабной угрозе, а не просто о рисках.* [МИД]

В (1) вставная конструкция прямо обозначает предмет комментария сочетанием **это слово**. Модальная конструкция **не могу произнести** появляется после употребленного наименования и в этой позиции выражает дистанцирование от него. Обоснование связано с тем, что речь идет о погибших людях, а ссылка на терминологию объясняет сохранение наименования. В (2) чужое наименование оценивается как неточное и заменяется другим; толкование **Риски – это когда «может быть, а может и не быть»** служит аргументом для квалификации вопроса как преуменьшения угрозы. В пределах одного ответа разъяснение значения соединяется с оценкой и заменой; предписание, выраженное безличной конструкцией **надо говорить**, к концу ответа переводится в план собственной позиции говорящей: **я бы говорила**.

Различие между эпизодами проявляется и в организации речи. Комментарий в (1) включен в собственное сообщение как вставка. В (2) комментарий образует отдельный ответ. После первой реплики о противоречии журналист повторяет связь риска с последствиями эскалации: **Риски для переговорного процесса от эскалации конфликта**; замена наименования и толкование следуют уже за этим повтором. Захарова сохраняет противопоставление риска и эскалации. Повтор вопроса показывает, что разногласие затрагивает выраженное в нем отношение между событиями. Предложение другого наименования не получает в приведенном обмене явного принятия.

При комментировании содержания высказывания участники разграничивают сказанное и приписанную ему интерпретацию. Направленность комментария зависит от того, чье высказывание обсуждается: в (3) оспаривается вывод журналиста из слов третьего лица, в (4) журналистка исправляет понимание собственного вопроса после ответа представителя ведомства. В российском эпизоде вопрос следует за пересказом слов помощника президента Азербайджана Х. Гаджиева об отсутствии необходимости в иностранных военных силах в регионе. В американском эпизоде обсуждаются сообщения о предложении США, допускающем ограниченное обогащение урана в Иране.

(3) Вопрос: *[…] Учитывая, что только Россия имеет вооруженные силы в регионе, фактически это является призывом к Армении вывести со своей территории российскую военную базу. Как Вы прокомментируете эти слова?*

Ответ: ***Это Ваша трактовка.*** *Я такого из его уст не слышала. Если Вы мне пришлете цитату, где так об этом говорится, тогда будем дополнительно комментировать. […] Никаких сигналов от Еревана о ее возможном выводе мы не получали. […]* ***Не надо здесь додумывать.*** [МИД]

(4) Вопрос: *On Iran, are you able to tell us, like, the latest on the talks after there has been so much reporting about the U.S. proposal, which is effectively allowing Iran on a limited basis for low-level uranium enrichment for a TBD period of time? […]*

Ответ: *Well, you did see the President Trump tweet, didn't you?*

Вопрос: *Yes, but the – I didn't think that that would completely negate the reporting.*

Ответ: *[…] the fact is President Trump tweeted that there is going to be no uranium enrichment. […]*

Вопрос: ***No, as in – no, as in a*** *– the whole sticking point here is to try to come up with some sort of a formula that's going to be acceptable to both sides.*

Ответ: *Well, that's a very different thing than what you just – what you just noted is. […] So President Trump's – not quite sure where you would think where President Trump's statement would not be the final dynamic here, and that in fact maybe reports could be wrong.*

Вопрос: That's not what I said.

Ответ: *All right.*

Вопрос: *It's –* ***so are you saying*** *that there was no proposal verbally or that in any way was presented to the Iranians allowing for the (inaudible) enrichment?*

Ответ: *Oh, I'm not going to comment – I'm not going to comment on how the negotiations – Humeyra, you know I'm not going to comment on the process of negotiations. […]* [DoS]

В (3) реплика **Это Ваша трактовка** отделяет вывод журналиста от слов Х. Гаджиева; условие предъявить цитату задает способ проверки приписанного содержания. Возражение, тем не менее, касается только интерпретации журналиста, поскольку далее Захарова отвечает по существу о российской базе, а конструкция **Не надо здесь додумывать** запрещает приписывать источнику невыраженное содержание.

В (4) журналистка обращается к собственной речи, последовательно уточняя ее (**No, as in**) и отвергая предложенное прочтение (**That's not what I said**). Поводом для уточнения становится ответ официального представителя Госдепартамента Т. Брюс. Журналистка отмечает, что

заявление президента не опровергает сообщений полностью; Брюс воспринимает это как сомнение в решающем значении слова президента.

Контексты создания и восприятия вопроса в (4) раскрываются через разные основания, выраженные в репликах. Журналистка поясняет, что спрашивала о поиске формулы, приемлемой для обеих сторон, на что Брюс отвечает исходя из приоритета президентского заявления перед сообщениями СМИ. Последняя реплика журналистки (**so are you saying**) переносит предмет комментария уже на слова Брюс; в ответ, однако, следует отказ обсуждать процесс переговоров вообще. Таким образом, одно и то же метаречевое действие, отклонение интерпретации, при разной принадлежности речи получает разное продолжение: в (3) представитель ведомства отвечает по существу, в (4) обмен заканчивается отказом, т. е. возвращение к смыслу реплики само по себе еще не означает, что участники пришли к общему ее пониманию.

Квалифицируя вопрос, представитель ведомства определяет, какое действие совершает спрашивающий, т. е. какова иллокутивная функция вопроса; от этого зависит, как продолжается обмен. Требования к речевому поведению при этом могут касаться и текущего обмена, и будущего воспроизведения слов. В (5) Брюс называет вопросы журналистки критикой, а та несколько раз просит дать ей договорить.

(5) Вопрос: *[…] there is widespread* ***criticism*** *and actually self-criticism — […] by the consulting group that was supporting the foundation […]*

Вопрос: *Let me just finish my —*

Ответ: *Again – no, no —*

Вопрос: *May – let me just finish my —*

Ответ: *You know what? But* ***these questions now, these are critiques*** *of an environment that we've —*

Вопрос: *But I'm just saying that the Israelis are —*

Ответ: *— talked about regularly every day. […] Every time I'm up here, it is this critique of […]*

Вопрос: *With due respect,* ***may I complete the question*** *about this siege —*

Ответ: *No one has distributed 7 million meals to Gaza.*

Вопрос: *— which has been criticized by many, many hundreds of thousands of people in Israel […]* [DoS]

Слово **criticism** журналистка вводит как характеристику выступлений третьих сторон; Брюс относит его к вопросам собеседницы: **these questions now, these are critiques**. Просьбы закончить вопрос звучат и до, и после этой квалификации. Просьба **may I complete the question** направлена на ближайшее продолжение собственного хода, тогда как комментарий Брюс квалифицирует уже произнесенную речь. Различие предметов комментария здесь непосредственно связано с взаимодействием, обсуждение иллокутивной функции вопроса сопровождается борьбой за возможность сделать ход.

Предписание будущей речи может выходить за пределы текущего обмена. В ответе Захаровой о переговорном процессе оно касается последующего цитирования официальной позиции.

(6) Вопрос: *[…] Как такая тактика ВСУ может повлиять на позицию России по переговорному процессу?*

Ответ: *[…] Россия всерьез настроена на продолжение переговорного процесса с целью выхода на какие-то договоренности. Еще раз говорю, все параметры этих переговорных процессов были обозначены российским руководством.* ***Прошу выдавать именно эти фразы, если будете цитировать, в контексте ранее обозначенных переговорных подходов, сформулированных российским руководством***. [МИД]

Условие **если будете цитировать** задает ситуацию будущего воспроизведения ответа журналистами, указание **именно эти фразы** отсылает к словам о продолжении переговорного процесса, а требование сохранить контекст задает смысловую опору – подходы, ранее обозначенные руководством. Прескрипция касается одновременно отбора цитаты и ее интерпретации. В отличие от просьбы завершить вопрос в (5), это требование адресовано будущей речи собеседника и рассчитано на использование ответа за пределами брифинга.

Сопоставление эпизодов позволяет выделить несколько лингвопрагматических особенностей метакомментирования. Оценка словоупотребления может сопровождать сохранение наименования либо обосновывать предложение заменить его; в последнем случае разъяснение значения становится аргументом в споре об интерпретации ситуации. При обсуждении содержания реплик предметом спора становится вывод из сказанного, причем участники оспаривают и вывод собеседника из слов третьего лица, и чужое прочтение собственных слов. Отклонение интерпретации при этом не предопределяет продолжения – за ним может последовать как ответ по существу, так и отказ отвечать.

Регулирующие комментарии различаются по временной отнесенности и предмету требования. Просьба завершить вопрос организует текущую смену речевых ходов; требование контекстного цитирования задает условия дальнейшего использования ответа. Для потенциального корпусного исследования это означает необходимость размечать метакомментирующий компонент вместе с комментируемой речью (репликой-стимулом) и ближайшей реакцией, а авторство интерпретации фиксировать отдельно от принадлежности комментируемой речи. Такая разметка позволит сопоставлять сочетания параметров с продолжением обмена, при расширении материала – установить, в каких последовательностях комментарии принимаются, отвергаются или остаются без явной реакции.

Рассмотренные эпизоды показывают и то, что ответ представителя ведомства соотносится с высказываниями за пределами брифинга. В (6)

Захарова отсылает к подходам, «ранее обозначенным» руководством; в (4) Брюс опирается на заявление президента; в (3) условием дальнейшего комментария становится предъявление цитаты, т. е. исходного текста. Такие отсылки позволяют рассматривать ответ как результат вторичной текстовой деятельности. В модели порождения вторичного текста новое изложение развертывает содержание, сформированное при понимании первичного текста [Новиков 1999]. Применительно к брифингу эта модель требует уточнения: первичным здесь, как и, например, при научно-популярном изложении, оказывается не один текст, а совокупность предшествующих высказываний, а новое изложение подчинено собственному замыслу [Новиков 2003]. Установить первичный текст удается лишь там, где ответ на него указывает или где его можно найти в открытых источниках; во многих случаях предшествующая позиция доступна исследователю только в пересказе самого ответа. Поэтому в дальнейшем необходимо разграничивать ответы с явной отсылкой к предшествующим высказываниям и ответы, вторичность которых можно лишь предполагать.

Литература

Новиков А. И. Научно-популярный текст в его соотношении с научным текстом / А. И. Новиков, И. В. Богословская // Обработка текста и когнитивные технологии. – 2003. – №8. – С. 346–356. URL: https://psycholinguistik.narod.ru/index/0-76 (дата обращения: 10.10.2026).

Новиков А. И. Концептуальная модель порождения вторичного текста / А. И. Новиков, Н. Л. Сунцова // Обработка текста и когнитивные технологии. – 1999. – №3. – С. 158–166. URL: https://psycholinguistik.narod.ru/index/0-77 (дата обращения: 10.10.2026).

Стернин И. А. О понятии «коммуникативное сознание» / И. А. Стернин // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – Москва, 2001. – С. 290–300. URL: https://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Gruppovoe_kommunikativnoe_povedenie/Kommunikativnoe_povedenie_i_mezhkulturnaja_kommunikacija.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Чернявская В. Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст / В. Е. Чернявская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – Т. 17. Вып. 1. – С. 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109.

Hübler A., Bublitz W. Introducing metapragmatics in use // Metapragmatics in Use / ed. W. Bublitz, A. Hübler. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 1–26.

Schegloff E. A., Jefferson G., Sacks H. The preference for self-correction in the organization of repair in conversation // Language. 1977. Vol. 53. №2. P. 361–382.

Источники материала

Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 11 июня 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/2025676/ (дата обращения: 27.09.2026)

DoS – Department Press Briefing – June 3, 2025 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-june-3-2025/ (дата обращения: 27.09.2026).

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

А. В. Александров, В. Р. Саркисьянц
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ПРАГМАТИКА МАРКЕРОВ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КОМИЧЕСКОГО НА МАТЕРИАЛЕ САТИРИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена исследованию роли явления эвиденциальности в процессе актуализации комического, в сатирических художественных текстах. На материале фрагментов англоязычных произведений жанра сатиры были рассмотрены примеры, в которых маркеры эвиденциальности могут быть использованы для создания комического эффекта.

Ключевые слова: эвиденциальность, художественный текст, сатира.

The material explores the role of evidentiality in the actualization of the humorous in the realm of satirical literary texts. Through an analysis of fragments from English-language satirical fiction, the study demonstrates how evidential markers can be used in creating a humorous effect.

Keywords: Evidentiality, literary text, satire.

Явление комического в художественном тексте представляет собой комплексную систему условных смыслов, которые, в процессе своей актуализации, инвертируют объект своего высказывания, демонстрируя его с неочевидной стороны. Для этого авторы могут прибегнуть к употреблению маркеров указания на источник информации в тексте (эвиденциальность), что позволяет им не только выразить позицию, мнение или создать эффект комического через персонажей, но и сохранить правдоподобность текста за счет их прагматической актуализации читателем.

Методологической базой исследования являются труды А. Ю. Айхенвальд, Д. В. Козловского, У. Чейфа и Ю. Е. Балабаевой непосредственно по вопросу эвиденциальности; в качестве дополнительного материала по вопросу пространства художественного текста был использован труд В. П. Руднева. В качестве практического материала выступили произведения англоязычной сатирической литературы, которые демонстрируют разные аспекты актуализации маркеров эвиденциальности.

Актуальность такого исследования обусловлена тем, что явление эвиденциальности в контексте художественного текста до сих пор оставляет обширное поле проблематики без должного освещения. Несмотря на то, что прагматическая связь между объектом сатиры и интенцией автора художественного текста очевидна, вопрос роли маркеров

источника информации в тексте и формы их актуализации, как нам известно, не исследовались ранее.

Термин «эвиденциальность» имеет дискурсивный характер. А. Ю. Айхенвальд, чья работа «Evidentiality» и положила основу современных исследований данного явления, считает, что это, в первую очередь, грамматическая категория, основной смысл которой является выражением источника информации [Aikhenvald 2004 с. 3]. По мнению А. Ю. Айхенвальд выбор эвиденциальной единицы ограничен вопросом жанровой принадлежности текста: «The genre of a text may determine the choice of an evidential» [Там же, с. 379].

Д. В. Козловский считает, что позиция эвиденциальности в современной лингвистике сильно изменилась со времен введения термина Ф. Босаом в научный обиход в 1911 г. На сегодняшний день данную категорию принято считать «универсальной» [Козловский 2023 с. 14]. Кроме этого, Д. В. Козловский и отмечает высокий «прагматический потенциал и антропоцентрический характер эвиденциальных высказываний» [Там же, с. 24].

А. Ю. Айхенвальд и Д. В. Козловский указывают на прагматическое значение маркеров эвиденциальности только относительно позиции правдоподобности. Однако, в контексте вымышленного пространства художественного текста, данный фактор может выполнять эстетическую роль комического значения в контексте сатирического жанра. По мнению О. А. Кобриной, приблизился к такому пониманию У. Чейф, который рассуждает на тему с позиции разговорной речи английского языка и выражает мнение, что стиль играет ключевую роль в способе актуализации эвиденциальности [Кобрина 1986].

Важной характеристикой, которая играет ключевую роль в восприятии маркеров эвиденциальности, является их деление на прямую (экспериентив / перцептив), косвенную-когнитивную (инферентив / конклюзив) и косвенную-пересказанную (ренарратив / цитатив / квотатив) [Балабаева 2008, с. 134–135]. При восприятии сатирического текста любая информация воспринимается через призму мировоззрения автора произведения и читателя. Иными словами, сатира, как высмеивающий текст, согласно своему же определению: «изображает отрицательные явления действительности в смешном, уродливом виде» [Толковый словарь русского языка: сайт. URL: https://feb-web.ru]. В связи с этим любые указания на предмет сатиры происходят через процесс искажения.

Представление человека о сюжете ассоциируется с его представлениями о жизни, неважно идет ли при этом речь о читателе или писателе: различие функциональное. Вымышленный текст содержит в себе все элементы действительности и проводит манипуляции с ними, чтобы создать видимость новизны или уже упомянутой правдоподобности. «Художественная литература не является отражением реальности (это

функция обыденной речевой деятельности), художественная литература является отражением речевой деятельности, свойственной той национальной языковой культуре, которой принадлежит автор; она является рефлексией над этой языковой культурой и обогащением ее» [Руднев 2000].

«Гордость и предубеждение» Дж. Остин является ярчайшим примером сатиры своего времени. Начало произведения адресовано современнику*: **It is a truth universally acknowledged**, that a single man in possession of a good fortune must be in a want of a wife* [Austine: сайт. URL: https://www.gutenberg.org]. Одним сообщением Остин утвердила ключевые события произведения как неотъемлемый аспект общества начала IX столетия. Эвиденциальное словосочетание-инферетив «universally acknowledged» может являться характеристикой как локального плана (среди членов семейства Беннет / Английской знати / Англии в целом) или глобального (то, как автор воспринимала или в каком свете она предпочла олицетворить высокое сословие в целом).

В третьей главе романа Дж. Остин противопоставляет Бингли и Дарси с точки зрения окружающих: *Mr. Bingley was **good-looking and gentlemanlike**... but his friend Mr. Darcy soon drew the attention of the room by his **fine, tall person** and **the report**... of his having ten thousand a year* [Austine: сайт. URL: https://www.gutenberg.org]. Внешние черты обсуждаются наравне с финансовым состоянием Дарси, точных сведений о котором нет, только слухи. Читатель не имеет возможности через текст самостоятельно увидеть то, что описано. Соответственно, для него недоступны прямые виды эвиденциальности, он не способен провести собственную оценку, а значит, и назначить персонажам свое видение по внешнему, эстетическому признаку. Таким образом Дж. Остин выдвигает социальную дихотомию видимого / очевидного и невидимого / неочевидного в центр внимания читателя, заставляя его принять перспективу писательницы о том, что Дарси стал уважаемым членом общества из-за слуха вокруг его состояния. Прагматическое значение такого сообщения заключается в неосознанном формировании собственного мнения на основе личного опыта, языковой компетенции (способности интерпретировать художественные символы) и взглядов.

Другим примером является «Drones Club» из коротких рассказов П. Г. Вудхауса. Само название вымышленного клуба (Клуб Бездельников) уже играет роль единицы эвиденциальности, поскольку оно ссылается на возможное выраженное отношение писателя к клубной культуре Англии XX столетия. В одной из цитат описывается одно из постоянных состояний членов клуба: ***There had been a party of sorts overnight**, and the general disposition of the company was towards a restful and somewhat **glassy-eyed silence*** [Wodehouse 1937, p. 1]. Описание вечеринки через неопределенный артикль и словосочетание «of sorts» указывает на то, что праздники в клубе

проходят слишком часто, чтобы давать им название и по событиям, соответственно, совершенно пустяковым, на что также намекает и отсутствие конкретных дат и описания специальной атрибутики. Помимо этого, «расслабленное» состояние членов клуба выражено словосочетанием «glassy-eyed», что говорит о степени расслабленности и всё посредством косвенной эвиденциальности.

Персонаж капеллана в романе «Уловка–22» Дж. Хеллера полярно меняет концепцию его персонажа: ***The chaplain had sinned, and it was good. Common sense told him*** *that telling lies and defecting from duty were sins. On the other hand,* ***everyone knew that*** *sin was evil, and that no good could come from evil.* ***But he did feel good****; he felt positively marvelous. Consequently,* ***it followed logically*** *that telling lies and defecting from duty could not be sins* [Heller 1994, p. 364]. Как можно видеть, данная цитата, с помощью средств косвенной эвиденциальности для читателя, выстраивает мини-нарратив, который является олицетворением изнаночной стороны такой структуры, как ВВС США определенного периода. Действие на основе личностных побуждений капеллана привело его к противостоянию с «Common sense» и тем, что «everyone knew». Но в итоге, в изолированной среде, у персонажа, меняется роль: от олицетворения невинности, наивности и молодости души до олицетворения их несостоятельности в период кризиса индивида в безвыходной ситуации.

Таким образом, на примере фрагментов художественных текстов были проанализированы особенности актуализации маркеров эвиденциальности в жанре сатиры. Эвиденциальность в художественном тексте выступает в роли инструмента дополнительного повествования, с помощью которого авторы способны воссоздавать и искажать отдельные культурные коды в целях их высмеивания и формирования мнения у адресанта.

Литература

Балабаева Ю. Е. Средства выражения категории эвиденциальности в немецком научном тексте (к проблеме исследования) / Ю. Е. Балабаева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Серия филология. – 2008. – № 4(18). – С. 20–36.

Кобрина О. А. Семантический аспект категории эвиденциальности / О. А. Кобрина // Лингвистика в эпоху глобализации: сборник статей к юбилею Виктора Владимировича Кабакчи / под ред. Е. В. Белоглазовой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 61–68.

Козловский Д. В. Реализация категории эвиденциальность в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект / Д. В. Козловский; науч. ред. С. В. Иванова; СГТУ им. Ю. А. Гагарина. – Саратов: Амирит, 2023. – 183 с.

Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II / В. П. Руднев. – Москва: «Аграф», 2000. – 432 с.

Сатира // Толковый словарь русского языка: В 4 т. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. Т. 4. С – Ящурный. – Стб. 54–55.

Aikhenvald. Y. Evidentiality / Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.

Austine J. Pride and Prejudice / J. Austine. London: Ruskin House, 1894. URL: https://www.gutenberg.org/files/1342/1342-h/1342-h.htm#Chapter_I.

Heller J. Catch-22 / J. Heller. New York: Dell Publishing, 1994. 471 p.

Wodehouse P. G. Young men in spats / P. G. Wodehouse. New York: The Sun Dial Press, Inc., Garden City, 1937. 300 p.

Л. М. Борисова (г. Воронеж, Россия)

ПРОЦЕСС НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются способы вербализации речемыслительной деятельности повествователя в художественном дискурсе, а также определяется прагматическая необходимость повторных номинаций и метакоммуникативных комментариев предпринятых формулировок.

Ключевые слова: художественный дискурс, коммуникативные факторы, процесс номинации, уточнения, парафразы, метакоммуникативный комментарий.

This article analyzes the methods of verbalizing the narrator's verbal-thinking activity in artistic discourse and identifies the pragmatic necessity of repeated nominations and metacommunicative commentary on the formulations undertaken.

Keywords: artistic discourse, communicative factors, nomination process, clarifications, paraphrases, metacommunicative commentary.

«Предназначение языка – быть инструментом передачи знаний в актах общения, служить выражению значений в коммуникации, дискурсе, ярко прослеживается и в номинативной деятельности» [Кубрякова 2004, с. 63–64]. Е. С. Кубрякова подчеркивает речемыслительный характер процесса номинации и его последствий. При этом основной акцент делается «на когнитивной подоплеке акта номинации и выборе средств реализации его смыслового задания» и «наиболее всего изучались когнитивные основания номинации». Однако важно учитывать, что «… в неменьшей степени акт номинации зависим от **коммуникативных** факторов, т. е. от того, в какой роли мыслится его результат как единица дискурса» [Там же, с. 63].

Анализ особенностей номинаций, предпринятых повествователем, осуществляется на примере повести Михаила Чулаки «Человек, который не умеет кричать. (Записная книжка Сергея Сеньшина)». [Чулаки 1988].

Прежде всего обращают на себя внимание текстоорганизующие речевые действия уточнения, коррекции, парафразы, соотносящиеся с уже предложенной формулировкой. В следующих примерах метакоммуникативные релятивы «квалифицируют способ оформления мысли, маркируя словесную форму более адекватную сущности обозначаемого» [Ляпон 1986, с. 32]. В нижеприведенном примере репрезентирована каскадная коррекция, обусловленная рефлексией

повествователя и соотносящаяся с лексемой *слушатель* в изначально предложенной формулировке.

Я тоже хочу произносить свой монолог. Внимательному, сочувствующему слушателю. ***Или, честнее сказать,*** *восторженному слушателю.* ***А совсем честно:*** *восторженной слушательнице* [Чулаки, с. 221–222].

Коррекцию как реакцию на действительность и дальнейшее обоснование предпринятой повторной номинации содержит следующий пример:

Подошли и стали думать: проходить (Киверовский порог. Слив – семь метров! Водопад, а не слив.) или обнести?! Всего нас – три байдарки –двойки. Две сразу решили обносить, а мы думали. ***Вернее*** *думал Сашка Вергунов, мой капитан, потому что у меня голоса не было …* [Чулаки, с. 280].

Все мы любим детективы. Ради ощущения полноты жизни. ***Нет, не полноты – неожиданности жизни*** [Чулаки, с. 261].

*Нас заставляют раз в месяц ходить в рейды от институтской дружины. Обычно довольно скучно: … А сегодня встретили забавного мальчишку (****не хочется про него говорить «поймали»****)* [Чулаки, с. 270].

И хоть бы у этого Живодера внешность дегенерата. ***Нет, нормальное лицо. При желании можно назвать и красивым****. Ну правда, длинные волосы и не очень мытые – инстинктом не люблю я таких* [Чулаки, с. 274].

Часто повторная номинация маркируется реляционной единицей, специально предназначенной для выполнения собственно метаязыковой (толковательной) функции, союзом **то есть.** Необходимость повторной экспликации, по мнению М. В. Ляпон, всегда коммуникативно оправдана. Имеют место как конкретизирующее комментирование, так и пояснение необычной словесной формы, а также предлагаются более точные и адекватные формулировки:

Ну, правда, учился я бойко. Умел отвечать, ***то есть*** *связно и толково изложить то, что знал. Много читал, ну потому и речь была развита.* ***Я бы это назвал комплексом культурности*** [Чулаки, с. 224].

А если наши корифеи будут себя чувствовать на международных конгрессах неполноценными без приставки д-р, пусть докторские степени присуждаются по совокупности работ, без защиты. ***Как выражались в те же средние века:*** *honoris causa.* ***То есть*** *из чистого к ним уважения. А настоящее уважение, в отличие от диссертации, не возникает на пустом месте* [Чулаки, с. 229].

Работа как работа, вот что плохо. ***То есть*** *я видел таких и у нас, для которых работа – все, ждут результата каждого опыта с такой страстью, с какой принято ждать решительного ответа любимой* [Чулаки, с. 233].

Был случайно на кладбище. ***То есть*** *не на обычном, а на Литераторских мостках. Знаменитые могилы не тронули: не могу я полированный мрамор и прочие атрибуты респектабельной могилы связать, скажем, с Блоком, с его стихами. Полузабытая замшелая могилка сказала бы мне больше* [Чулаки, с. 247].

Все-таки в результате моих рассуждений о личности инстинкт самосохранения у меня притупился. Вчера неожиданно нащупал у себя узел под мышкой – опухоль?! Обычно люди в таких случаях … мчатся к врачу. А я решил: будь что будет. ***То есть*** *была минута растерянности и страха, но именно минута, ну пусть пять. Потом взял себя в руки, сказал себе: глупо поднимать панику* … [Чулаки, с. 282].

Но я все же внутренне уверен, вопреки всем самоуничижениям, что смогу сделать что-то сильное, интересное. Но только не в своей фармакологии. ***То есть*** *в том-то и дело, что она не моя. Занесло течением, а когда оглянулся, уже тридцать три…* [Чулаки, с. 285].

Нижеприведенные примеры репрезентируют оценку способа вербализации. В поле зрения говорящего, по мнению М. В. Ляпон [Ляпон 1986], оказываются собственно языковые достоинства избираемого обозначения, а именно его способность адекватно репрезентировать фрагмент реальной действительности.

Сашка изрек приговор: – Ладно, испытаем свое счастье.

Это точно*: кроме умения, на Киверовском еще и счастье нужно. Тут не раз и умелые гробились* [Чулаки, с. 280].

Еще пример моей дырявой памяти: несколько раз смотрел, кто архитектор Академии художеств, так и не запомнил. А ведь люблю город. ***Слабо сказано*** *– люблю* [Чулаки, с. 231–232].

Меня передернуло при одном предположении, что я мог сказать «табачки» (*вместо кабачки. –* прим. Л. Б.). ***Не переношу уменьшительных, если их употребляют не в прямом смысле – о маленьком предмете****. Галантерейный стиль, идущий от трактирных половых: «Балычка-с? Икорки? Блинков?» Мещанское и холуйское одновременно.*

Вообще я крайне нетерпим к неправильной речи [Чулаки, с. 276].

Жить надо уметь – ***в хорошем смысле тоже****, и умение добывается опытом, а не только чтением* [Чулаки, с. 225].

Славка уже в десятом классе. Им задали сочинение на тему: «Кем я хочу быть». Он написал: «Буду гроссмейстером!» Вот, пожалуйста:

*«Не хочу, а буду! Гроссмейстеры – элита****, и нечего этого слова стыдиться****. Люди завистливые поймут по-своему: только и делать, что переезжать из Гастингса в Лас-Пальмас – жизнь! Тоже приятно,* ***но я имел в виду другое****: элитность в глубине понимания. … Скромность считается добродетелью. А я скажу: всеобщая скромность привела бы к застою!»*

Вот так – коротко и решительно [Чулаки, с. 234].

− А им всем некогда. Или говорят, что от кошек одна грязь. Или как ты: поди да скажи доброму дяде. Самому надо!

Самому надо, ***это он сказал точно*** [Чулаки, с. 272].

Так что же нам делать, бесталанным гениям многочисленным? ***Вот слово найдено:*** *бесталанный гений. Что бесталанный – понятно, но гений откуда*? [Чулаки, с. 229–230].

*Но я чувствовал, что отец смущен и раздосадован атакой Вакулки. Царская игрушка стоила, наверное, не меньше хорошего костюма (****слово «костюм» тогда звучало совсем не так, как сейчас)****. Я уже знал, что такое дорого* [Чулаки, с. 236].

Мне свойственна абстрактная жестокость. ***(Деликатный синоним максимализм****.) Например, я считаю, что 0,9 сердечных больных … сами виноваты в своих болезнях: неподвижная жизнь, переедание, курение, алкоголь. (****Это мнение большинства современных исследователей, к которому я охотно примкнул.)*** *…*

Но когда дело доходит до конкретных людей – московской тетушки, например, – у меня не хватает смелости сказать им это в лицо. И достаю тетушке лекарства … ***Кажется, такая двойственность называется дуализмом?*** [Чулаки, с. 278–279].

*Большинство людей не умеют хранить тайны: крепятся-крепятся, но наступает миг – и поток откровенности сметает все плотины осторожности и благоразумия (****как сказал бы любитель безвкусных метафор****). Я-то храню тайны – свои и чужие – с надежностью бронированного сейфа… Словом, я весь жестко запрограммирован: «хранить тайну» …* [Чулаки, с. 276].

В следующих примерах эксплицитно на метаакциональном уровне репрезентирована сложность в процессе вербализации смыслов. Речь идет в данных случаях

- о «смысле, для которого нет знаковых средств выражения (невыразимый)»:

Но шлагбаум – это так. Неудачная аналогия. Главное ПОЧЕМУ, на которое я не могу найти ответа: почему я – это я?! ***Мысль такая запутанная, что ее и выразить- то трудно, скорее чувство, а не мысль,*** *чувство беспокоящее, прямо-таки сводящее с ума. Почему я – это Я?!* [Чулаки, с. 237].

Еще одна идея, совсем уж трудновыразимая. *Ну, словом, так. Для меня по-настоящему реален только современный мир, сегодняшний день. Есть будущее, о котором можно мечтать по-разному, и есть прошлое, которое благодаря истории представляем примерно одинаково, хотя тоже у каждого свои детали и оттенки* [Чулаки, с. 265].

Так меня увлекла моя новая идея, что я сделал большую ошибку: рассказал Наде. Конечно, нужно сделать скидку на то, что ***эту мысль вообще трудно выразить*** *(хотя сам я ее понимаю,* ***или, вернее сказать,***

чувствую очень четко), а я к тому же плохой рассказчик, но все равно можно было отнестись сочувственнее. А Надя высмеяла [Чулаки, с. 268].

Хорошо талантливому композитору, поэту, а что делать мне? Мне – без особых талантов? Что мне делать, если чувствую в себе целый мир? ***Как выразить? Как донести?*** [Чулаки, с. 229].

- о смысле, который невозможно объяснить собеседнику (неизъяснимый):

Не могу избавиться от воспоминания: мое объяснение в любви. В таких случаях лучший способ – записать, становится легче. ***Ужасно это трудное дело – объяснение,*** *когда не выносишь пафоса и всяческой риторики* [Чулаки, с. 240].

- о смысле, для которого нет никаких средств, чтобы передать его собеседнику (непередаваемый)» [Попова 2010, с. 38].

Краски – ярчайшие! Внизу адский котел. И тоже каждый пузырек различаешь отдельно, каждый завиток воды. Ни раньше, ни потом такой яркости и четкости! До боли, как галлюцинация. ***Это не объяснить, это надо пережить – как с женщиной*** [Чулаки, с. 281].

Анализ коммуникативного поведения повествователя позволил выявить многочисленные речевые усилия на метаакциональном уровне, репрезентирующие речемыслительный процесс и рефлексию повествователя по поводу осуществленной формулировки, что имеет своим следствием часто повторную номинацию с различным прагматическим потенциалом, поскольку «…в акте номинации всегда прослеживается его прагматическая направленность – желание что-то объяснить своему собеседнику, связать свои интенции со знанием адресата и его характеристиками, эмоциями. Нахождение средств подобного воздействия на адресата требует когнитивных усилий, а сами побуждения говорящего – следствие его участия в дискурсе и адресатной направленности акта общения» [Кубрякова 2004, с. 63]. Таким образом, в повести представлены маркируемые различными метаоператорами коррекции, уточнения и парафразы. Релевантны также оценочные суждения повествователя по поводу предпринятых формулировок, их ревизия и уточнения различных аспектов высказываний, высказывания, манифестирующие сложности в процессе вербализации речемыслительной деятельности. При этом важно учитывать, что «художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [Попова 2007, с. 8]. Репрезентативное присутствие проанализированных метакоммуникативны речевых действий, комментирующих предпринятые или только планируемые номинации способствует диалогизации письменного художественного дискурса, вовлечению потенциального читателя в процесс тематизации наиболее важных для повествователя аспектов действительности и ее восприятия,

создает неповторимую доверительную атмосферу устного общения с потенциальным собеседником, характеризующуюся и эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности.

Литература

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – Москва: Наука, 1986. – 199 с.

Попова З. Д. Вербализация смыслов как ономасиологический процесс / З. Д. Попова // Язык и национальное сознание: сб. ст. Вып. 14 / Научный ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 36–39.

Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.

Чулаки М. М. Повести / М. М. Чулаки. – Ленинград: Лениздат, 1988. – 431 с. («Повести ленинградских писателей»).

А. И. Дзюбенко (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ АВТОРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕМИОЗИСА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЗНАКА

Художественное текстово-дискурсивное пространство рассматривается с позиций воплощения компонентов языкового сознания автора. Эстетический знак моделируется и трансформируется в соответствии с культурно обусловленными значениями в координатах художественной реальности.

Ключевые слова: языковое сознание, автор, эстетический знак, персонаж, эстетический знак.

The artistic text-discursive space is considered from the standpoint of the embodiment of the components of the author's linguistic consciousness. The aesthetic sign is modeled and transformed in accordance with culturally determined values in the coordinates of artistic reality.

Keywords: language consciousness, author, aesthetic sign, character, aesthetic sign.

Интерес к изучению компонентов языкового сознания и его функционированию как единства этих компонентов осознается современной лингвистикой в координатах понимания процессов продуцирования текста и дискурса. Одной из фундаментальных сторон языкового сознания признается семиозис, выступающий определяющим вектором лингвокогнитивной деятельности. Семиозис, трактуемый не только как образование знаков и их интерпретация, но и как процессы закрепления информации, ее трансформации и распространения в разных

сферах деятельности позволяет применять в объяснении продуцирования или выбора таких знаков из уже существующих для воплощения значений и смыслов теории символических форм [Кассирер 2002; Мамардашвили 1997]. В этом случае символическими формами могут быть названы материальные структуры (предметы), которые имеют интеллектуальное содержание и обнаруживаются в самых разных модусах культуры (язык, миф, искусство, наука).

Продуцирование знаков и/или приписывание знакам значений, формирование комплекса смыслов в пространстве культуры свидетельствуют о том, что знак не может стать знаком до его квалифицирования как знака. Именно интерпретация знака в этом качестве дает право судить о знаке как о результате семиозиса, т.е. сам по себе факт существования знака обусловливается интерпретантой как истолкованием, концептуализацией отношения *знак – объект* в последующем знаке. В отношении художественного текстово-дискурсивного пространства последовательность *знак – объект – интерпретанта* постулируется в рамках направленного воздействия художественного текста на читателя, осуществляемого автором, что определяет цель создания такого текста, а также восприятия и истолкования адресатом текста совокупности смыслов, заложенных автором в текст либо обнаруживаемых в ходе переосмысления читателем уже существующих смысловых единств. Поэтому эстетический знак с необходимостью включает в свою структуру не только те значения и смыслы, которые изначально приданы ему автором, но и дополнительные смысловые компоненты, которые возникают у читателя, но не должны кардинально отличаться от тех, которые задаются самим творческим замыслом.

Представление об эстетическом семиозисе, характеризующем художественное текстово-дискурсивное пространство, получает наиболее полное обоснование в семиотических воззрениях Ю.М. Лотмана, который вводит в научный оборот термин *семиосфера*, понимая его как семиотическое пространство, включающее все знаковые системы, используемые человеком, и в этом семиотическом континууме эти образования находятся на разном уровне организации [Лотман 1996]. Культурные коды создают в семиосфере достаточные условия для диалогизации, что обусловливает целостность семиосферы. Очевидно, что при обращении к специфике эстетического семиозиса в художественном текстово-дискурсивном пространстве необходимо учитывать семантику, синтактику и прагматику эстетического знака, обусловливаемые не только направлением творческого замысла художника слова, но и его языковым сознанием. В этой связи Г. Г. Шпет отмечает, что язык – и средство коммуникации, и фундамент культуры: «…язык <…> есть условие всякого культурного бытия, а следовательно, и его исторического осуществления в формах человеческого общения. Но раз осуществляемый в человеческом

общении, он неизбежно для этого последнего должен представляться так же, как средство, как средство самого общения, среди других средств общения» [Шпет 2007, с. 353].

В семиосфере значения и образы могут быть восприняты и интерпретированы только в случае, если они обнаруживают ассоциативные связи с другими, которые выступают в качестве тела знака. Рассуждая о семиозисе эстетического знака, подчеркнем, что адекватное описание этого процесса невозможно вне вербально-понятийного мышления, что напрямую связывает проблематику семиотики эстетической коммуникации со сферой изучения языкового сознания. И. А. Стернин правомерно считает языковое сознание частью когнитивного сознания, что определяет его ментальные механизмы. В этой связи закономерным видится и введение И. А. Стерниным понятия системного значения слова: «под системным значением слова следует понимать совпадающую часть семантических компетенций всех носителей языка. Именно эта общая для всех носителей языка часть компетенций подлежит лексикографическому описанию и релевантна для изучения языка как системы <…> В системное значение включаются и научные и бытовые знания одновременно, в том объеме, в котором эти знания являются общеизвестными» [Стернин 1985, с. 32]. Психолингвистическое значение слова, которое обосновано И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой в монографии «Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы» [Стернин 2011], напрямую, как представляется, связано не только с бытованием слова в общенациональном языке, но и в эстетической практике художественной литературы.

Языковое сознание автора с необходимостью воплощено на всех уровнях художественного текста. Активное восприятие читателем комплекса текстовых смыслов обусловливает включенность рецепции в формирование и функционирование художественного текстово-дискурсивного пространства. Наиболее показательны в этом отношении такие художественные тексты, которые обнаруживают автора как такового, его творческую активность, и в этом смысле роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (1969) [Фаулз URL; Fowles URL] представляет необходимый материал для исследования форм языкового сознания, определяющих специфику художественного текста. В ходе развития сюжета автор вмешивается в повествование, оставляя в стороне роль нейтрального повествователя, при этом читатель как бы вовлекается в сам процесс создания художественного текста. Фикциональный характер происходящего в романе открыто подчеркивается Дж. Фаулзом, и наиболее наглядно эта фикциональность охарактеризована в финале, предполагающем варианты завершения романного действия.

Ю.М. Лотман справедливо отмечает, что художественный текст всегда должен быть «неожиданным», и поэтому эстетическая

коммуникация амбивалентна: «Текст должен быть закономерным и незакономерным, предсказуемым и непредсказуемым одновременно. <…> информативность художественного текста выше, и он всегда меньше по объему эквивалентного ему нехудожественного текста. Этот парадокс имеет фундаментальное значение, ибо именно на нем основывается то, что поэты называют «чудом искусства», а мы могли бы назвать его культурной необходимостью» [Лотман 1996, URL]. В романе Дж. Фаулза такая амбивалентность реализована на уровне эстетического семиозиса, поскольку объяснение автором собственных намерений в отношении организации повествования, характеров персонажей, сюжетных ситуаций и моделей поведения героев в этих ситуациях определяются не только творческим замыслом, но и самой направленностью продуцирования эстетического знака. Например, в следующем контексте «You may think, of course, that not to accept the offer implicit in that detaining hand was Charles's final foolishness; that it betrayed at least a certain weakness of purpose in Sarah's attitude. You may think that she was right: that her battle for territory was a legitimate uprising of the invaded against the perennial invader. But what you must not think is that this is a less plausible ending to their story» [Fowles URL] / « Вы можете, разумеется, считать, что Чарльз допустил под конец очередную глупость, отказавшись от того, что ему предлагалось, – ведь Сара честно пыталась его удержать; впрочем, тут она почему-то и сама не проявила должного упорства. Вы можете считать, что она кругом права, что ее битва за новые владения была законным бунтом угнетаемой стороны против извечного угнетателя. Но только, прошу вас, не считайте, что этот конец истории вероятен менее других» [Фаулз URL] примечательно прямое обращение автора к читателю, актуализирующее прагматику эстетического семиозиса: автор надеется на активное восприятие художественной образности и содействие читателя в создании целостного художественного мира. Особого внимания заслуживает также и употребление модального глагола *may*, который вводит в высказывание значение возможности, в которой сам продуцент сообщения уверен. Иными словами, автор уверен в том, что у его читателя достаточно обыденного опыта и общекультурного кругозора, чтобы предполагать какие-то действия героев. Но в том-то и заключается амбивалентность эстетической коммуникации, что в данном случае основной акцент перемещен на знание моделей поведения литературных героев, а не реальных современников автора и / или читателя. Совпадение в известной степени (а желательно для эффективной эстетической коммуникации – максимальное) фоновых знаний автора и читателя способствует декодированию маркеров языкового сознания автора в художественном тексте и является фундаментом постоянного воспроизведения эстетического семиозиса, что обеспечивает ему все большую

насыщенность и усложненность в процессе функционирования художественного текста в пространстве культуры.

Свое отношение к самому созданию художественного образа (суть к эстетическому семиозису) автор определяет посредством обращения к культурному опыту, будучи уверенным в том, что метафоры, ставшие клишированными на протяжении развития европейской цивилизации, смогут воздействовать с необходимой ему силой на сознание читателя: «The river of life, of mysterious laws and mysterious choice, flows past a deserted embankment; and along that other deserted embankment Charles now begins to pace, a man behind the invisible gun carriage on which rests his own corpse. He walks towards an imminent, self-given death? I think not; for he has at last found an atom of faith in himself, a true uniqueness, on which to build; has already begun, though he would still bitterly deny it, though there are tears in his eyes to support his denial, to realize that life <…> is not a symbol, is not one riddle and one failure to guess it, is not to inhabit one face alone or to be given up after one losing throw of the dice; but is to be, however inadequately, emptily, hopelessly into the city's iron heart, endured. And out again, upon the unplumb'd, salt, estranging sea» [Fowles URL] / Река жизни, ее таинственных законов, ее непостижимой тайны выбора течет в безлюдных берегах; а по безлюдному берегу другой реки начинает шагать наш герой — так, словно впереди него движется невидимый лафет, на котором везут в последний путь его собственное бренное тело. Он идет навстречу близкой смерти? Собирается наложить на себя руки? Думаю, что нет: он обрел наконец частицу веры в себя, обнаружил в себе что-то истинно неповторимое, на чем можно строить; он уже начал — хотя сам бы он стал ожесточенно, даже со слезами на глазах, это отрицать – постепенно осознавать, что жизнь <…> все же не символ, не одна-единственная загадка и не одна-единственная попытка ее разгадать, что она не должна воплощаться в одном конкретном человеческом лице, что нельзя, один раз неудачно метнув кости, выбывать из игры; что жизнь нужно – из последних сил, с опустошенною душой и без надежды уцелеть в железном сердце города — претерпевать. И снова выходить – в слепой, соленый, темный океан» [Фаулз URL]. Метафоры *river of life, deserted embankment, an atom of faith,* развернутые метафорические конструкции *a man behind the invisible gun carriage on which rests his own corpse; to be given up after one losing throw of the dice* не только отсылают читателя к его собственному культурному опыту, но и свидетельствуют об ироническом отношении автора к фиксированности такого опыта в сфере художественной литературы. И, тем не менее, и автор, и читатель принимают определенную степень условности художественного текстово-дискурсивного пространства, зная, что информативны не только само эстетическое сообщение, но и те коды, которые используются при его продуцировании. А значит, о языковом сознании автора художественного текста нельзя судить исключительно по

тем эксплицитным языковым средствам, которые он реализует в процессе создания эстетических знаков как компонентов эстетического семиозиса. Лингвокогнитивная деятельность автора и читателя в художественном текстово-дискурсивном пространстве гораздо более сложна по своей природе хотя бы потому, что эстетический знак автореференциален, отсылает к объекту, который является компонентом художественной реальности, созданной творческой фантазией автора и постоянно подкрепляемой и возобновляемой в своем существовании воспринимающим сознанием каждого нового читателя. Непреложным условием эстетического семиозиса является включенность в этот процесс фикциональности, которая определяет нерелевантность в отношении информации художественного текста категорий истинности / ложности.

Литература

Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер; пер. с нем. С. А. Ромашко. – Москва; Санкт-Петербург: Универ. кн., 2002. – 272 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман; предисл. В. В. Иванова; Тартус. ун-т. – Москва: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. – 447 с. URL: https://thelib.ru/books/lotman_yuriy/semiotika_kino_i_problemi_kinoestetiki-read.html.

Мамардашвили М. К. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский; под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – Москва: Шк. «Языки рус. культуры»: Кошелев, 1997. – 217 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 171 с.

Стернин И. А. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы: монография / И. А. Стерни, А. В. Рудакова. – Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 192 с.

Фаулз Дж. Женщина французского лейтенанта [Электронный ресурс] / Дж. Фаулз; Пер. с англ. С. Таска. URL: https://www.litres.ru/book/dzhon-faulz/zhenschina-francuzskogo-leytenanta-51703243/chitat-onlayn/

Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / Г. Г. Шпет. – Москва, 2007. – 710 с.

Fowles J. The French lieutenant's woman. London: Vintage Collection internet archive books; prin tdisabled Contributor Internet Archive Language English Item. 470 p. URL: https://archive.org/details/frenchlieutenant0000fowl_e1z7.

А. Г. Кукобникова (г. Омск, Россия)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА О БОГЕ НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ Т. ДОИ «甘え・病い・信仰» НА ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются психолингвистические особенности дискурса о Боге на материале текста Т. Дои «甘え・病い・信仰». Выявляются коммуникативные стратегии и языковые механизмы суггестии, которые обеспечивают терапевтический эффект. Показывается, как вера интерпретируется через феномен амаэ как ресурс психологического исцеления.

Ключевые слова: дискурс, суггестия, прагматический эффект, японский язык.

This article analyzes the psycholinguistic features of discourse concerning God, based on the text «Amae, Illness, and Faith» by T. Doi. It identifies the communicative strategies and linguistic mechanisms of suggestion that facilitate a therapeutic effect. The study demonstrates how faith is interpreted through the phenomenon of amae (a concept serving as a resource for psychological healing).

Keywords: discourse, suggestion, pragmatic effect, Japanese language.

Такэо Дои (1920-2009) – японский психиатр, психоаналитик, профессор Международного христианского университета в Токио. Он занимался исследованием японской психики и культурного кода с помощью инструментов психоанализа. Его самый значимый научный труд называется «Структура амаэ» (яп. 「甘え」の構造), в котором он ввел понятие японской культуры – амаэ (яп. 甘え). Под амаэ он понимал определенное психологическое состояние эмоциональной зависимости, когда человек ждет от других заботы и потакания своему поведению.

Материалом нашего исследования выступает текст «甘え・病い・信仰», изданный в 2001 году. Книга составлена на базе лекций в рамках третьего лектория Университета Нагасаки Дзюнсин. Эта работа – одна из последних у автора, в ней он совмещает психологическую теорию с личным духовным опытом христианства.

Объект анализа – психолингвистические особенности дискурса о Боге, то есть совокупность языковых средств, с помощью которых автор создает отношение к Богу, вере и их связи с феноменом амаэ.

Цель исследования – выявить языковые механизмы суггестивного и терапевтического воздействия дискурса о Боге на материале текста Т. Дои «甘え・病い・信仰» и показать, каким образом психолингвистические средства обеспечивают терапевтически эффект.

Исследование носит качественный дискурсивный характер с элементами статистического описания. Теоретической базой для исследования послужили работы в области теории дискурса, например, В. Е. Чернявской [Чернявская 2012], В. И. Карасика [Карасик 2004], Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1997], в области лингвистики текста,

например, О. А. Нечаевой [Нечаева 1974], О. С. Ахмановой [Ахманова 1957], в области японского дискурса, например, С. Мацуока [Мацуока 2026], Senko K. Maynard [Maynard 2010], в области речевого воздействия, например, О. С. Иссерс [Иссерс 2023], И. Ю. Черепанова [Черепанова 1996].

Единицей анализа являются высказывания, в которых эксплицитно или имплицитно реализуются отношения к Богу, вере, исцелению.

Анализ включает в себя следующие этапы:

1. Сплошное прочтение текста и выделение всех высказываний, которые содержат дискурс о Боге, вере, амаэ в религиозном контексте.

2. Качественная категоризация коммуникативных стратегий на основе характера психологической установки автора по отношению к читателю. Выделение стратегии носит интерпретативный характер и опирается на контекст всего текста. Основанием для отнесения высказывания к какой-либо стратегии служит прагматический эффект, который она производит или к которому стремится.

3. Частотный анализ ключевых слов. Подсчет частотности проводился по полному текстовому полотну, учитывались все словоформы лексических единиц.

4. Анализ синтаксических и стилистических средств, которые обеспечивают суггестивное воздействие.

5. Интерпретация прагматического эффекта обнаруженных языковых средств по отношению к читателю.

Книга состоит из трех частей, в каждой из них разбирается одно из понятий: амаэ, болезнь и вера.

Данное произведение относится к смешанному типу дискурса.

В рамках дискурса о Боге рассматриваемый текст представляет собой психоаналитически-ориентированный католический дискурс о Боге. Это связано с тем, что автор сам относит себя к верующим католикам.

私がカトリックであるが故にお招きを受けたのですから、私もカトリック信者として日頃考えていることを遠慮せずにお話してみたい。
(Поскольку меня пригласили именно как католика, я хотел бы – не сдерживаясь – рассказать о том, над чем размышляю в своей повседневной жизни как верующий католик. – Здесь и далее перевод автора)

Также присутствуют черты психологического по методологии и ключевому концепту. Бог здесь предстает как объект зрелого амаэ, фигура, удовлетворяющая фундаментальную человеческую потребность в зависимой любви и принятии. Это не столько трансцендентный, всемогущий Бог, сколько близкий и принимающий родитель.

Вера интерпретируется через такие психологические категории, как «need-love» К. С. Льюса, «trust» Эриксона и исцеление травмированного амаэ.

これも第一日目に紹介した　C・S・ルイスの　need　love に相当します。(Это также соотносится с понятием «любви-нужды» (need-love) К. С. Льюиса, о котором я говорил в первый день.)

トラストとミストラスト（信と不信）、この二つを人間は最初に学ぶのだとエリクソンという人が申しました。(Человек по имени Эриксон утверждал, что доверие и недоверие – это первые две вещи, которые усваивает человек.)

Цель здесь – терапевтическая интеграция, то есть показать, что вера способна обогатить и исцелить психологию человека.

Текст Т. Дои занимает промежуточную позицию между религиозным и психологическим типами, где проявляется культурная адаптация христианства к японскому контексту через феномен амаэ.

Рассмотрим прагматическую составляющую исследуемого дискурса. Прагматика определяется институциональным (лекции в католическом университете) и терапевтическим характером. Дискурс ориентируется на интеграцию психологии и веры для японской аудитории.

Таблица 1

Критерии категоризации прагматических стратегий

Вид стратегии	Критерий отнесения	Цель стратегии
Интегративная	Высказывание содержит прямое сопоставление или перенос психологического понятия на религиозное понятие или сюжет	Создание ощущения совместимости и дополнения психологии и христианства
Эмпатическая	Высказывание описывает состояние амаэ как нормальное, говорит о его ценности и естественности Смягчает негативную оценку	Снижение чувства вины и стыда у адресата
Контрастная	Высказывание противопоставляет западные и японские ценности Указывает уникальность японских ценностей и их роль	Повышение ценности японских способов переживания и эмоций
Терапевтическая	Высказывание говорит о вере, Боге как о инструменте исцеления	Формирование представления о вере как о ресурсе
Адаптивная	Высказывание соотносит японские культурные реалии с христианскими положениями	Снижение культурного сопротивления к христианству
Диалогическая	Высказывание содержит прямое обращение к аудитории	Повышение вовлеченности

Автор ставит следующие коммуникативные цели:

1. Интеграция психологии и христианской веры. Стратегия – интегративная. Тактика – переосмысление библейских сюжетов через понятие амаэ и сопоставление психологических и религиозных понятий. Таким образом, создается ощущение целостности мировоззрения.

放蕩息子は甘えの代表です。(Блудный сын – олицетворение человека, который испытывает амаэ..

旧約の詩人が歌ったように、またキリストが教えられたように、父なる神に心から甘えているのなら最高です。(Как же прекрасно всем сердцем полагаться на Бога-Отца – так, как воспевали поэты Ветхого Завета и как учил Христос.)

2. Осмысление зависимости как естественного состояния. Стратегия – эмпатическая. Тактика – нормализация амаэ и подчеркивание его ценности, а также критика стыда за эти чувства. Таким образом, снижается чувство вины и формируется позитивная установка к проявлению зависимости.

れを要するに、甘えというのは自発的であるということが大事な点です。(Ключевой момент заключается в том, что амаэ – это добровольное явление.)

しかし、甘えというのは非常に弱く、傷つきやすい（vulnerable）ものです。(Однако такая эмоциональная зависимость чрезвычайно хрупка и уязвима.)

3. Критика западной идеологии индивидуализма. Стратегия – контрастная. Тактика – сравнение японских и западных ценностей, связь последних с патологией. Таким образом, формируется негативная оценка индивидуализма и придается ценность японским ценностям.

私が甘えに興味を持つようになった出発点は、アメリカに戦後間もなくの頃行って、カルチャーショックを受けて、一体その違いはなんだろうと考えているうちに甘えの問題にぶつかったわけです。(Мой интерес к понятию амаэ возник вскоре после войны, когда я посетил Соединенные Штаты; я испытал культурный шок и, размышляя о природе столкнувших меня различий, лицом к лицу столкнулся с феноменом амаэ.)

4. Акцент на терапевтическом потенциале христианской веры. Стратегия – терапевтическая. Тактика – интерпретация библейских историй в ключе исцеления, а также связь доверия к Богу с исцелением. Таким образом, формируется позитивный облик веры.

心の故郷を持っている人、あるいは懐かしい思い出を持っているという人はあまり病気にならないのです。(Люди, у которых есть духовный дом – или которые хранят теплые воспоминания, – редко болеют.)

5. Адаптация христианства к японской ментальности. Стратегия – адаптивная. Тактика – сопоставление японских культурных и психологических аспектов в библейских сюжетах. Таким образом, снижается культурное сопротивление к восприятию христианства у читателей.

日本的謙遜と言われるものがあり、相手に対し自分を卑下するというのがそれです。(Существует понятие, известное как японская

скромность, которое предполагает принижение собственных достоинств по сравнению с другими.)

6. Вовлечение читателей в диалог и размышления. Стратегия – диалогическая. Тактика – прямое обращение к слушателям, вопросы и признание собственной ограниченности в ряде вопросов. Таким образом, повышается вовлеченность среди читателей, а также повышается доверие к автору.

ここで一応私の話をうちきって、質問を受けたいと思います。(На этом я хотел бы сделать паузу и ответить на вопросы.)

К доминирующей стратегии можно отнести интегративную, так как психологический язык помогает сделать христианские идеи научными, а также доступными для восприятия для разных слоев населения.

Далее перейдем к механизмам реализации данных стратегий. Прагматический эффект в данном случае достигается за счет суггестивного воздействия на подсознание адресата.

Один из механизмов – это использование повтора и метафорического переноса амаэ на отношение к Богу. Суггестия реализуется через следующие механизмы:

1) на уровне лексики – это прежде всего повторы ключевых слов, которые способствуют тому, что читатели привыкают к идее, которую хочет донести автор. Они начинают воспринимать ее как естественную и понятную. Ощущение амаэ и его приятие становится нормальной и даже очевидной. Повторами слов здесь являются**甘え** (486 л.е.), **心** (129 л.е.), **関係** (124 л.е.), **愛** (118 л.е.), **精神** (88 л.е.). При общем количество лексических единиц 42 817. Подсчет осуществлялся с помощью программы Voyant Tools.

Также здесь важен метафорический перенос. Автор переносит психологическое понятие в религиозную область. Христианство становится продолжением психологии. Амаэ транслируется на отношения к Богу *(«父なる神に甘える»)*, ранение амаэ становится болезнью, а исцеление – это связь с духовным домом *(«心の故郷»)*.

При этом в тексте отсутствуют размытые позитивные маркеры и эвфемизмы. Можно сказать, что автор предпочитает более прямые и конкретные обозначения для негативных явлений, не стараясь скрыть неудобные факты, например, **いじめ** (издевательство), **うらみ** (обида), **妬み** (зависть). В целом, это уменьшает степень манипулятивности дискурса.

2) на уровне синтаксиса. Можно обнаружить пресуппозицию, что амаэ уже является частью реальности и присутствует в японской психике (*甘えは自発的であるということが大事な点です*). Также автор говорит о реализации амаэ через Бога (*父なる神に甘えているのなら最高です*).

Т. Дои часто использует активный залог и трюизмы, например, *子どもが親に甘える,*
*甘えが満たされないとうらみに変わります*или*信頼が芽生えてくるということがすごく大事*. Они выстроены таким образом, что читатель, соглашаясь с несколькими утверждениями, затем принимает и последующие. При этом использование трюизмов здесь выполняет несколько манипулятивных функций: устанавливает доверие с читателями, снижает критическое мышление и плавно подводит к скрытому внушению. При этом создается эмоциональная связь автора с читателем.

3) на уровне стилистики и текста. Происходит определенная ритмизация текста. Автор использует синтаксические параллелизмы, анафоры и инверсии. Такие приемы понижают критическое мышление читателя, вследствие чего утверждения воспринимаются истинными. Это дополняет суггестивное влияние от трюизмов, описанных выше. *甘えが満たされているときは... 甘えが満たされないときは…* или *甘えは... 甘えは…*

НЛП-паттерны присутствуют, но не выполняют ключевую роль. Чаще Т. Дои конкретен и дает четкие определения, что связано с научным стилем текста. Классической Милтон-модели не обнаружено.

О суггестии в данном материале можно сделать вывод, что она не обладает чертами агрессивного навязывания идеи. По большей части она строится на центральной метафоре, где амаэ – это Бог, а также на пресуппозициях и ритмических повторах. Благодаря этому внушение становится мягким и культурно подходит для японцев, при этом менее манипулятивным.

Прагматические эффекты, которые достигает автор при использовании выше описанных языковых механизмов, относятся к терапевтическому аспекту и реализуются через мягкую суггестию. Читатель постепенно принимает идею о том, что амаэ является естественной частью японской психики, а не слабостью, от которой нужно избавиться. На когнитивном уровне также происходит несколько процессов. Уменьшается чувство вины, связанное с проявлением амаэ, читатель получает возможность испытывать амаэ без осуждения. Также формируется принимающий образ Бога, который способен удовлетворить потребность в доверии и амаэ. Это создает ощущение безопасности и «духовного дома» (*心の故郷*).

Терапевтический эффект образуется за счет восприятия веры как ресурса исцеления травмированного амаэ. Библейские сюжеты становятся моделями восстановления нарушенных отношений. Читатель получает не только информацию как инструмент решения проблем, но и поддержку, так как вера подается как способ преодоления одиночества, обиды и недоверия. Также важна адаптация христианства к японской ментальности,

что вызывает утешительный эффект. Японцы видят знакомые сюжеты, и это снижает культурное сопротивление.

Прямые обращения, вопросы, признание своих слабостей повышают вовлечение читателей в размышление и создают ощущение равного разговора.

今そのところを引用して見ましょう。(Давайте обратимся к этому отрывку.)

では次にいったいぜんたいどういう場合に人は病気と考えるかということをお話してみましょう。すべての病気に共通する特徴は何かという問題です。(Давайте рассмотрим вопрос о том, когда именно человека можно считать больным. Иными словами, каковы признаки, свойственные всем заболеваниям?)

最初にお断りしますが、皆さんお気づきのように、ちょっと病気をしておりまして、声が不自由なので、聞きづらいかもしれませんがお許し下さい。(Сразу хочу отметить – как вы, вероятно, заметили, – что я немного приболел; у меня проблемы с голосом, поэтому прошу отнестись с пониманием, если меня будет плохо слышно.)

但し実際の講義は決して満足いくものではなかった。 (Однако сами лекции были отнюдь не удовлетворительными.)

В итоге читатель знакомится с целостным мировоззрением, в котором психологическое знание и религиозная вера не противостоят друг другу, а дополняют и даже обогащают.

Анализ дискурса о Боге на материале текста Т. Дои «甘え・病い・信仰» показывает, что дискурс о Боге в нем имеет психоаналитически-ориентированный характер. Христианство культурно адаптируется к японскому контексту. Центральным механизмом воздействия выступает суггестия, которая реализуется за счет повторов ключевых слов, в том числе амаэ, пресуппозицию, метафорический перенос психологических категорий и синтаксической ритмизации текста.

В результате дискурс о Боге приобретает психологический оттенок. Трансцендентный Бог предстает как объект зрелого амаэ, а вера интерпретируется как инструмент для исцеления. Христианство подается не как набор догматов, а как терапевтический ресурс, который способен восстановить психику человека. Таким образом, текст Т. Дои занимает промежуточное положение между психологическим и религиозным дискурсами, создавая новый взгляд на веру и предлагая мировоззрение для японской аудитории.

Литература

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва: Учпедгиз, 1957. – 296 с.

Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие / О. С. Иссерс. – Москва: ФЛИНТА, 2023. – 240 с.

Карасик В. В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. В. Карасик. – Москва: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

Кубрякова Е. С. Виды пространства, текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – Москва: Диалог, 1997. – С. 19–20.

Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. – 262 с.

Мацуока С. Япония глазами японца. Все о культуре Страны восходящего солнца / С. Мацуока. – Москва: Бомбора: Эксмо, 2026. – 384 с.

Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика / И. Ю. Черепанова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. – 206 с.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В. Е. Чернявская. – 2-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – 128 с.

Maynard S. K. Principles of Japanese Discourse: A Handbook. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 320 p.

А. В. Мартиросова (г. Краснодар, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ ЭПИТЕТОВ В УРБАНИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ТЕКСТОВ В. В. НАБОКОВА)

Статья посвящена исследованию функционирования цветового креативного эпитета в языке художественного дискурса В. В. Набокова. Анализируется история возникновения эпитета в гуманитарной парадигме научного знания. Выделяются ключевые функции цветового креативного эпитета в языке русскоязычных текстов писателя 1920-х – 1930-х гг.

Ключевые слова: функция, цветовой креативный эпитет, цветовая картина мира, идиостиль, урбанистический дискурс.

This article examines the functioning of creative color epithets in the literary discourse of V.V. Nabokov. It analyzes the historical emergence of the epithet within the humanities paradigm of scholarly inquiry and identifies the key functions of creative color epithets in the author’s Russian-language texts from the 1920s and 1930s.

Keywords: function, creative color epithet, color worldview, individual writing style (idiostyle), urban discourse.

Цветовой эпитет, представляя собой важное средство эстетической выразительности в художественном тексте, служит для формирования цветовой картины мира. Исследование цветового эпитета как значимого элемента, отражающего языковую креативность автора текста, помогает выявить его индивидуальные черты. Цветовая картина мира репрезентирует не только идиостиль художника слова, но и представляет систему цветовых символов, которые выявляются в процессе анализа. В

этом отношении художественный дискурс В. В. Набокова представляет собой особое художественное пространство, в котором функционируют цветовые эпитеты, характеризующиеся креативностью, отражающие богатство лингвоцветовой палитры языковой личности автора и обладающие символическим значением.

Впервые эпитет как вид тропа рассматривался в трудах античных мыслителей. В трактате «Риторика» древнегреческий мыслитель Аристотель описывает норму употребления эпитета: «…в поэзии, например, вполне возможно называть молоко белым, в прозе же подобные эпитеты совершенно неуместны: если их слишком много, они обнаруживают риторическую искусственность и доказывают, что, раз нужно ими пользоваться, это есть уже поэзия… В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что неуместность здесь есть большее зло, чем речь простая…» [Аристотель 1884, с. 30]. Следовательно, под эпитетом Аристотель понимал украшающее определение, ценность которого определяется мерой и уместностью использования.

В отечественной лингвистике основоположником теории эпитета считается А. Н. Веселовский. Ученый рассматривает эпитет в диахронии: «за иным эпитетом … лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [Веселовский 1895, с. 135]. В своей статье «Из истории эпитета» А. Н. Веселовский дает следующее определение: «Эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [Веселовский 1895, с. 135]. Также ученым выделяются следующие виды эпитетов в поэзии и прозаической речи: тавтологический эпитет, пояснительный эпитет, эпитет-метафора, синкретический эпитет.

Немалый вклад в теорию эпитета внес советский лингвист и литературовед В. М. Жирмунский. В своей статье «К вопросу об эпитете» ученый разграничивает употребление данного тропа в широком и узком смысле. «В широком значении эпитет понимают как определение, как один из приемов поэтического стиля» [Жирмунский 1977, с. 55]. В узком смысле эпитет представляет «поэтическое определение, не вносящее нового признака в определяемое понятие» [Жирмунский 1977, с. 54].

А. В. Павшук справедливо полагает, что «эпитетом можно считать определение, содержащее эстетическую информацию, употребленное в художественном контексте; оно может выполнять спектр функций: эмоциональную, описательную, интеллектуально-эстетическую, подчеркивая тот или иной типичный, но значимый признак объекта или обновляя набор свойств предмета эпитетации, чтобы высветить нужный

признак при формировании образа в художественном произведении» [Павшук 2007, с. 150].

И. Р. Гальперин в научном труде «Очерки по стилистике» определяет эпитет как «выразительное средство, основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления» [Гальперин 1958, с. 85]. Здесь также важно отметить, что ученый различает эпитет и логическое определение. Если логическое определение всегда выявляет объективные признаки описываемых явлений и предметов, то эпитет отличается субъективно-оценочным значением.

Таким образом, несмотря на столь давнюю историю изучения эпитета, до сих пор в лингвистике нет его общепринятого определения. В современных лингвистических и поэтических словарях подчеркивается, что «эпитет обязательно должен носить образный, экспрессивный, метафорический характер, давать лицу, явлению или предмету дополнительную характеристику в виде скрытого сравнения, которое легко угадывается» [Веселовский 1895, с. 180].

Цветовые эпитеты в художественном дискурсе В. В. Набокова обладают особенной креативностью. Исходя из этого, мы считаем необходимым дать рабочее определение **креативному эпитету**, под которым понимается нестандартное, оригинальное определение слова, которое возникает вследствие семантического сдвига лексических единиц и функционирует в не свойственном для него значениях.

Исследователи отмечают, что В. В. Набоков в своих текстах придает исключительную важность цвету. Г. П. Тыртова утверждает, что «язык Набокова – это наглядное пособие по цветопередаче ощущений через слово, метаморфоза словесных красок, которые загораются, растут, меняются и отцветают в непредсказуемом движении» [Тыртова 2023, с. 196]. Креативные цветовые эпитеты, отражая нестандартное мировидение В. В. Набокова, выполняют ряд системообразующих функций:

1. В урбанистическом дискурсе В. В. Набокова цветовые эпитеты развивают дополнительные **символические смыслы**. «Символический смысл – особый тип эстетического смысла, возникающий в результате высокой степени обобщения неоднократно актуализированных в тексте художественного произведения понятийных и/или коннотативных смыслов. Эстетические символические смыслы отражают личностную психологию мировосприятия, индивидуально-авторскую философию мировидения и миропонимания» [Носовец 2002, с. 100]. В художественном дискурсе автора цветовые эпитеты репрезентируют его наиболее яркие воспоминания и передают субъективную модальность: *бешеные шины* ***красного*** *автокара* [Набоков 1990, с. 456], ***красный*** *огонек* [Там же,

с. 456], *столетний трамвайный вагон,* ***желтый****, аляповатый* [Там же, с. 365], *лежит вдоль панели огромная* ***черная*** *труба* [Там же, с. 366], *в складках* ***черного*** *асфальта – лужи* [Там же, с. 457], *показал мне* ***белый*** *невысокий крест* [Там же, с. 458], *я взглянул на мостовую, на* ***белый*** *ее покров, по которому тянулись* ***черные*** *линии* [Там же, с. 285], *с* ***золотой*** *надписью над фресками фронтона* [Там же, с. 285]; *светилась лампа под* ***зеленым*** *стеклянным колпаком* [Там же, с. 285].

2. **Экспрессивно-эмоциональную функцию** в урбанистическом дискурсе выполняют цветовые эпитеты, которые выступают в качестве языковых маркеров чувств: *все было как полагается:* ***серый цвет****, сон вещества, обеспредметившаяся предметность* [Там же, с. 280], *фонари, преувеличенно, но мутно лучащиеся там и сям в* ***коричневом мраке*** [Там же, с. 283], *как обжигали нас* ***серебряные пожары*** *Таврического сада* [Там же, с. 458], *вот возьмите карандаш и* ***красным, красным*** *концом запишите мне это* [Там же, с. 284].

3. **Ассоциативно-метафорическую функцию** реализуют креативные эпитеты, передающие личностное восприятие автором определенных фрагментов жизненного дискурса. Эти эпитеты можно классифицировать как метафорические эпитеты: *Я еще смотрел…тройку ржавых инструментов, связанных* ***траурной*** *лентой, – лопата, цапка, кирка* [Там же, с. 283], *косо лоснились полотна широких картин, полные* ***грозовых*** *облаков* [Там же, с. 284], *покоились заслуженные минералы в открытых гробах из* ***пыльного*** *картона* [Там же, с. 285], *каменные лестницы… уходили в* ***туманные*** *пропасти* [Там же, с. 366], ***пыльном****, маленьком, похожем на табакерку, музее Суворова, как славно целовались мы за спиной воскового гренадера!* [Там же, с. 458]. При помощи метафорических эпитетов В. В. Набоков передает свое эмоциональное состояние: боль утраты былой Родины, тоску, ностальгию по ушедшему прошлому, которые являются доминантными фрагментами его лингвоцветовой картины мира.

Как показывает наш анализ, цветовые креативные эпитеты играю важную роль в урбанистическом дискурсе В. В. Набокова. Выполняя номинативную, экспрессивно-эмоциональную и символическую функцию, они отражают сложное и нестандартное мировидение автора художественного текста. В. В. Набоков использует язык, как кисть художника, создавая неповторимые образы, отражающие уникальность его языкового сознания.

Литература

Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой. – Санкт-Петербург: Наука, 2018. – 45 с.

Веселовский А. Н. Из истории эпитета / А. Н. Веселовский. – 1895. URL: https://philolog.petrsu.ru/filolog/lit/vesist.pdf.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике / И. Р. Гальперин. – 1958. URL: https://studfile.net/preview/5080829/

Жирмунский В. М. К вопросу об эпитете / В. М. Жирмунский. – 1977. URL: https://studfile.net/preview/460735/page:35/ (дата обращения 10.10.2026)

Набоков В. В. Письмо в Россию: рассказ // Собрание сочинений в 4-х т. / В. В. Набоков. – Москва: Правда, 1990. – С. 456–460.

Набоков В. В. Посещение музея: рассказ // Собрание сочинений в 4-х т. / В. В. Набоков. – Москва: Правда, 1990. – С. 280–285.

Набоков В. В. Путеводитель по Берлину: рассказ // Собрание сочинений в 4-х т. / В. В. Набоков. – Москва: Правда, 1990. – С. 365–371.

Носовец С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»): дисс. … канд. филол. наук / Носовец Светлана Геннадьевна. – Екатеринбург, 2002. – 249 с.

Павшук А. В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте: на материале романа Асорина «Воля»: дисс. … канд. филол. наук / Павшук Анна Владимировна. – Москва, 2007. – 198 с.

Тыртова Г. П. Слово и цвет в славянских языках / Г. П. Тыртова // Вестник Московского государственного университета. – 2023. – № 9. – С. 196.

Е. В. Нагорная (г. Воронеж, Россия)

ВОКРУГ МАРКЕМЫ *ОСЕНЬ*: СЛОВА-СПУТНИКИ И ГРАВИТАЦИОННОЕ ПОЛЕ В ЛИРИКЕ А. В. ЖИГУЛИНА

В статье анализируется синтагматический и парадигматический потенциал маркемы ОСЕНЬ в поэзии А. В. Жигулина. Выявлено, что осень выступает как активный субъект и философский концепт, объединяющий природное увядание с экзистенциальными переживаниями и словами-спутниками (*жизнь, боль, любовь, свет*).

Ключевые слова: А. В. Жигулин, маркема, синтагматика, парадигматика, поэтико-гравитационное поле, слова-спутники.

The article analyzes the syntagmatic and paradigmatic potential of the markeme AUTUMN in the poetry of A. V. Zhigulin. It is revealed that autumn acts as an active subject and a philosophical concept, uniting natural fading with existential experiences and satellite words (*life, pain, love, light*).

Keywords: A. V. Zhigulin, markeme, syntagmatics, paradigmatics, poetic-gravitational field, satellite words.

Теория маркемологии представляет собой лингвистическое направление, ориентированное на формально-содержательный анализ художественного текста. Данная концепция получила подробное освещение в трудах воронежских исследователей [Кашкина 2013; Артемова 2020]. Маркемный анализ предполагает выделение словоформ, обладающих максимальным значением Индекса текстуальной маркированности (ИнТеМа) в текстах А. В. Жигулина и являющихся

важными показателями поэтического мира автора. Как отмечали А. А. Кретов и А. А. Фаустов, «результаты маркемологических разысканий нуждаются в интерпретационном ключе, и поиск его – задача на будущее» [Кретов 2017, с. 29].

В качестве возможного интерпретационного ключа используем понятие Поэтико-Гравитационного Поля (ПГПоле), подсказанное рассуждением И. А. Бодуэна де Куртенэ о системности языка. Иван Александрович проводил развернутую аналогию между законами физического мира и законами языка. По его мысли, подобно тому, как небесные тела образуют системы благодаря силе тяготения, в языке слова и формы объединяются в определенные семьи и категории под действием силы бессознательного обобщения. И. А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, что если космическое тело, покинув одну планетную систему, движется в пространстве обособленно до тех пор, пока не попадет под влияние другой, то и слово в языковом чутье народа существует изолированно до момента, когда оно не будет вовлечено в новую семью слов силой народного словопроизводства и аналогии [Бодуэн де Куртенэ 1870, с. 58]. Как видим, исследователь сближает физическую «силу тяготения» с «силой бессознательного обобщения», действующей в языковом сознании. Поскольку народ состоит из индивидов, то в душе каждого из них – и особенно в душе поэта – также действует эта сила, которую по аналогии с космическим гравитационным полем можно назвать «поэтико-гравитационным полем» (сокращенно ПГП).

Проведенная аналогия с астрономией позволяет утверждать, что языковая система, подобно космическим системам, где тела связаны гравитацией, формируется и удерживается благодаря действию четырех типов связей: синтагматических, парадигматических, деривационных и ассоциативных.

Под **поэтико-гравитационным полем** понимается совокупность слов, которые в текстах конкретного поэта (в рамках его поэтосферы) группируются вокруг определенной маркемы – центра поэтической гравитации. Эти связи формируются двумя путями. Во-первых, это системные отношения, включающие в себя синтагматические, парадигматические и деривационные связи. Во-вторых, это ассоциативные связи, благодаря которым рядом с маркемой регулярно появляются словоформы других слов, не имеющие с ней системных отношений. Подобные лексемы получили название «слов-спутников» (термин Л. В. Павловой и И. В. Романовой [Павлова 2015]).

Переходим к *системно-ассоциативному анализу маркемы ОСЕНЬ,* направленному на выявление ПГПоля.

1. Синтагматические свойства маркемы ОСЕНЬ проявляются в ее реализации как в субъектной, так и в объектной позиции при глагольном предикате.

В качестве субъекта ОСЕНЬ может:

–***бродить*** (в значении ‘*двигаться, перемещаться*’) – *А* ***осень бродит*** *в чистом поле* («В округе бродит холод синий»);

–***быть*** (в значении ‘*существовать*’, ‘*иметься*’) – ***Осень*** *теплая* ***была*** («Обманулась ветка ивы»);

–***гореть*** (в значении ‘*пылать, светиться*’) – *Будет красная* ***осень*** *в округе* ***гореть*** («Я в больнице для бедных хочу умереть»);

–***закончиться*** (в значении ‘*завершиться*’) – *Закончилось наше прекрасное лето.* ***Закончилась*** *наша прекрасная* ***осень*** («Закончилось наше прекрасное лето»);

–***начинаться*** (в значении ‘*наступать, брать начало*’) – **Осень**, опять **начинается** осень («Осень, опять начинается осень»);

–***приходить*** (в значении ‘*наступать*’) – *А мне сегодня тридцать восемь… Считаю медленно в тиши, В который раз* ***приходит осень*** *В звенящий сад моей души* («За рядом желтокорых яблонь»);

–***трогать*** (в значении ‘*касаться*’) – *В середине перелеска, Словно память о былом,* ***Осень****, чистая, как детство, Клены* ***трогает*** *крылом* («В середине перелеска»).

В качестве объекта ОСЕНЬ можно:

–***напомнить*** – *Погода* ***напомнила Осень*** *в Тайшете И первый на шпалах Колючий снежок* («Осень в Тайшете»).

В качестве косвенного объекта ОСЕНЬ встречается с глаголами:

–***дышать*** (*ветром осени*) – *И навязчиво снова и снова,* ***Ветром осени*** *жадно* ***дыша****, Вспоминаю глаза Голубкова* («В больничном саду»).

Анализ глагольной сочетаемости маркемы ОСЕНЬ показывает, что ОСЕНЬ в этих контекстах представлена как активный, одушевленный объект: она передвигается (*бродит, приходит*), касается (*трогает клены*), светится (*горит*). Также ОСЕНЬ может быть объектом восприятия (*напомнила, дышать ветром осени*). Такой набор глаголов характеризует ОСЕНЬ не просто как время года, а как многоликий образ: живое существо, временной отрезок и источник чувств и воспоминаний.

Сочетаемость маркемы ОСЕНЬ с прилагательными характеризуют осень как ***бесконечную, внуковскую, долгую, красную, мою, нашу, позднюю, полную, прекрасную, прелестную, русскую, сухую, теплую, холодную, чистую, эту, ясную.***

Признаки, отвечающие на вопрос ***КАКАЯ?***:

– ***бесконечная*** – *Опять, наверное, погибнут озими, Промерзнут обнаженные поля. От этой долгой,* ***Бесконечной осени*** *Устала и измучилась земля* («Белеет зябь морозными ожогами»);

– ***внуковская*** – *Сухая* ***внуковская осень****. На взгорках убраны овсы. На славу вымахала озимь До самой взлетной полосы* («Сухая внуковская осень»);

– ***долгая*** – *Опять, наверное, погибнут озими, Промерзнут обнаженные поля. От этой* ***долгой****, Бесконечной* ***осени*** *Устала и измучилась земля* («Белеет зябь морозными ожогами»);

– ***красная*** – *Будет* ***красная осень*** *в округе гореть* («Я в больнице для бедных хочу умереть»);

– ***поздняя*** – *Была и тоска, Глухая, как* ***поздняя осень****, Когда необуздан и грозен Прибой из волны и песка* («Игрушечной нашей любви»);

– ***полная*** – *Черные листья осины. Зелень кукушкина льна. Дивной, неведомой силы Русская* ***осень полна*** («Черные листья осины»);

– ***прекрасная*** – *Закончилось наше прекрасное лето. Закончилась наша* ***прекрасная осень****. Холодного чистого зимнего света Полна тишина Над вершинами сосен* («Закончилось наше прекрасное лето»);

– ***прелестная*** – *В этой* ***осени прелестной*** *Вижу в чуткой тишине Лик твой ясный, поднебесный, Что Судьба послала мне* («Вот и снова тихим светом»);

– ***сухая*** – ***Сухая*** *внуковская* ***осень****. На взгорках убраны овсы. На славу вымахала озимь До самой взлетной полосы* («Сухая внуковская осень»);

– ***теплая*** – *Обманулась ветка ивы –* ***Осень теплая*** *была. Ветка ивы торопливо В день ноябрьский расцвела* («Обманулась ветка ивы»);

– ***холодная*** – *Себя ни капли не жалея, Припомнив боль недавних дней, Я стал серьезней и честнее В* ***холодной осени*** *моей* («Себя ни капли не жалея»);

– ***чистая*** – *В середине перелеска, Словно память о былом,* ***Осень, чистая****, как детство, Клены трогает крылом* («В середине перелеска»);

– ***эта*** (указательное) – *В* ***этой осени*** *прелестной Вижу в чуткой тишине Лик твой ясный, поднебесный, Что Судьба послала мне* («Вот и снова тихим светом»);

– ***ясная*** – *В середине перелеска, Словно память о былом,* ***Осень ясная,*** *как детство, Клены трогает крылом.* («В середине перелеска»).

Признаки, отвечающие на вопрос ***ЧЬЯ?***:

– ***моя*** – *Себя ни капли не жалея, Припомнив боль недавних дней, Я стал серьезней и честнее В холодной* ***осени моей*** («Себя ни капли не жалея»);

– ***наша*** – *Закончилось наше прекрасное лето. Закончилась* ***наша*** *прекрасная* ***осень****. Холодного чистого зимнего света Полна тишина Над вершинами сосен* («Закончилось наше прекрасное лето»);

– ***русская*** – *Черные листья осины. Зелень кукушкина льна. Дивной, неведомой силы* ***Русская осень*** *полна* («Черные листья осины»).

Атрибутивная сочетаемость слова ОСЕНЬ в этих контекстах показывает, что она предстает как многомерный образ: качественные

признаки (*теплая, чистая, ясная, сухая, долгая, бесконечная, поздняя, прекрасная, красная*) рисуют осень как время года с ярко выраженным характером – чаще всего спокойным, прозрачным, но иногда затяжным и печальным. Оценочные эпитеты (*прекрасная, прелестная*) подчеркивают ее эстетическую ценность, а сравнения (*чистая, как детство; ясная, как детство*) связывают осень с памятью, истоками, душевностью. Притяжательные и указательные слова (*моя, наша, эта*) делают осень глубоко личной, «своей». Прилагательные (*внуковская* и *русская*) привязывают ее к конкретному месту, создавая образ «малой родины».

В целом, осень у Жигулина – это не просто сезон, а одухотворенное состояние мира и души, в котором соединяются красота, память, творчество и тихая печаль.

Сочетания ОСЕНИ с существительными в этих контекстах немногочисленны и распределяются по нескольким смысловым группам:

– **пространство и место:** *Осень в Тайшете* – осень локализуется в конкретном природном или географическом пространстве;

– **природа и ее образы:** *ветер осени* – осень соотносится с природными явлениями и объектами;

– **принадлежность / сопровождение:** *ветер осени, запах дыма и осени* – осень выступает как определение при существительном.

В целом, существительные при слове ОСЕНЬ указывают место и отсылают к окружающей нас природе; осень чаще не управляет ими, а вступает в отношения места, времени, принадлежности и состояния.

2. Парадигматическую составляющую маркемы ОСЕНЬ можно представить в ряду смысловых оппозиций и контрастов:

– **Природное ↔ внутреннее / душевное:** «*Сухая внуковская осень*», «*Раз под осень в глухой долине*» (осень как конкретный сезон и место в природном круге) против «*В который раз приходит осень В звенящий сад моей души*» (осень как метафора внутренней жизни, состояния сознания);

– **Радость ↔ усталость, тоска:** «*Осень ясная, как детство*», «*Русская осень полна*» «*Вот и снова мне осень нужна*» (зрелость, насыщенность, желанность, внутренняя полнота) против «*Глухая, как поздняя осень*», «*От этой долгой, Бесконечной осени Устала и измучилась земля*» (осень как время гнета, усталости);

– **Личное, «свое» ↔ внешнее, чужое:** «*В холодной осени моей*», (осень как личное, «свое» время) против «*Осень в Тайшете*», «*Погода напомнила осень*» (осень как внешний, отстраненный факт);

– **Начало ↔ конец:** «*Осень, опять начинается осень*» (осень как вечный повтор, начало нового цикла) против «*Закончилась наша прекрасная осень*», (осень как финал, завершение);

– **Активное, одушевленное ↔ время действия:** «*А осень бродит в чистом поле*», «*Осень… Клены трогает крылом*», «*Будет красная осень в округе гореть*» (осень сама действует, движется, горит) против «*Я туда*

съезжу осенью», «*Погибший осенью солдат*» (осень – лишь указание на время, когда происходит действие).

В целом парадигматика ОСЕНИ строится на постоянном колебании между природным и духовным, личным и всеобщим, полнотой и угасанием – осень у А. В. Жигулина выступает как пограничное время года, в котором сходятся внешний мир и внутренние переживания человека.

3. Структура словообразовательного гнезда исследуемой маркемы ОСЕНЬ отличается разветвленностью и включает ряд однокоренных номинаций. Далее в круглых скобках приводятся данные об их частотности: *осень (32), осенний (28), предосенний (2), неосенний (2):*

– *осень* – А ***осень*** бродит в чистом поле («В округе бродит холод синий»);

– *осенний* – *Осенних* трав сухие стебли Склонялись нежно надо мной («Я спал, обняв сырую землю»);

– *предосенний* – Родина! Свет ***предосенний*** Неомраченного дня («Тихое поле над логом»);

– *неосенний* – И бодрит больное тело ***Неосенний*** ветерок («В середине перелеска»).

Данный лексический материал служит основанием для оценки системной организации словообразовательного гнезда маркемы ОСЕНЬ.

Деривационные отношения могут быть схематически представлены следующим образом:

ОСЕНЬ {Осен_ь} > ОСЕННИЙ {осЕн=ьн_ий}
>ПРЕДОСЕННИЙ {предъ осЕн=ьн_ий}
>НЕОСЕННИЙ {не осЕн=ьн_ий}

4. При изучении лексико-грамматических повторов в поэтическом пространстве А. В. Жигулина установлено, что маркема ОСЕНЬ и ее дериваты неизменно сопровождаются лексемами *жизнь, ветер, боль, сердце, сосна, свет, день, дорога, любовь, вода*.

Перечисленные спутники маркемы ОСЕНЬ (*жизнь, боль, сердце, дорога*) вступают в сложные отношения с самим образом ОСЕНИ. Обычно ОСЕНЬ ассоциируется с увяданием и смертью, но наличие лексем «*жизнь*» и «*любовь*» создает антитезу, указывая на то, что осень у А. В. Жигулина – это не только финал, но и время подведения итогов, особого света («*свет*») и острой жизненности («*боль*»). Образ *дороги* и *ветра* добавляют этому состоянию динамику.

Проведенный анализ синтагматических и парадигматических связей маркемы ОСЕНЬ в поэзии А. В. Жигулина позволяет представить ее как сложный, многомерный концепт, в котором драматизм увядания неразрывно связан с торжеством жизни, памяти и любви.

Литература

Кашкина А. В. Маркемный анализ русской поэзии: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Кашкина; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2013. – 544 с.

Артемова О. Г. Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза: монография / О. Г. Артемова; под ред. проф. А. А. Кретова. – Воронеж: Наука–Юнипрес, 2020. – 596 с.

Фаустов А. А. Понятие маркемы и предварительные итоги маркемного анализа русской литературы / А. А. Фаустов, А. А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 4. – С. 16–31.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке: вступительная лекция по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков, читанная 17/29 декабря 1870 г. в С.-Петербургском университете / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – Москва: Издательство АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 58–77.

Павлова Л. В. Неочевидные структуры текста: монография / Л. В. Павлова, И. В. Романова. – Смоленск: Свиток, 2015. – 148 с.

Е. В. Суровцева (г. Москва, Россия)

ТОПОНИМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЙ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ XX ВЕКА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ)[3]

В статье рассматриваются топонимы в житиях новомучеников и исповедников XX века Московской епархии (работа по анализу данного материала проводится в рамках создания корпуса современных житий). Больше всего топонимов относится к Московскому региону. Много географических наименований относятся к Архангельской, Тверской, Ленинградской областям, Казахстану. В житиях отразился процесс переименования городов. Особо рассматриваются регионы, служившие местами ссылок, лагеря. В текстах встречаются также названия рек, некоторых стран, зарубежных городов.

Ключевые слова: житие, житие новомучеников и исповедников, корпусная лингвистика, лексико-семантические поля, топонимы.

The article examines place names found in the lives of the New Martyrs and Confessors of the 20th century associated with the Moscow Diocese (this analysis is being conducted as part of the creation of a corpus of modern hagiographies). The majority of the toponyms pertain to the Moscow region, while many geographical names relate to the Arkhangelsk, Tver, and Leningrad regions, as well as Kazakhstan. The process of renaming cities is reflected in the lives of the saints. Particular attention is paid to regions that served as places of exile and to the camps. The texts also contain the names of rivers, certain countries, and foreign cities.

Keywords: hagiography, lives of new martyrs and confessors, corpus linguistics, lexico-semantic fields, toponyms.

---

3 Статья подготовлена при поддержке государственного задания Правительства России.

В настоящее время на сайте лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова [Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии…] выставлена пробная версия корпуса житий новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви XX века Московской Епархии. Корпус основан на восьмитомном издании житий, вышедшем в издательстве «Булат» (на момент начала работы над корпусом это было единственное систематическое издание агиографических текстов одной и епархий Русской Православной Церкви).

В лексическом составе корпуса выделен ряд лексико-семантических полей. Уже практически полностью сформированы списки религиозной лексики, советизмов, аббревиатур. Завершается работа над созданием перечня топонимов, занимающих важное место в современном агиографическом тексте.

Прежде всего необходимо отметить, что в житиях встречается больше всего названий городов (больших и малых), сел, деревень. Больше всего наименований, очевидно, относится к Московскому региону. Слова *Москва* (эта лексема употребляется в корпусе 1086 раз) и *московский* (957 раз) относятся к самым частотным географическим наименованиям (необходимо оговорить, что в число топонимов входят и дериваты – в основном прилагательные; дериватов, обозначающих жителя населенного пункта, очень мало). Из топонимов, относящихся к Подмосковью, самым частотным является печально известное Бутово (223 упоминаний) (к слову отметим интереснейший факт: несмотря на известность Бутовского полигона церковные историки его практически не изучали).

Из названий населенных пунктов Подмосковья в качестве примера назовем следующие (с указанием частотности):

1. Города: Волоколамск – 55 раз; Коломна – 49 раз; Можайск – 45 раз; Дмитров – 30 раз; Истра – 24 раза; Егорьевск – 22 раза; Зарайск – 21 раз (прилагательное *зарайский* – 41 раз); Кашира – 20 раз; Ногинск – 16 раз; Подольск – 14 раз; Орехово-Зуево – 11 раз (прилагательное *орехово-зуевский* – 1 раз).

2. Села: Аксиньино – 10 раз (прилагательное *аксиньинский* – 1 раз); Архангельское – 9 раз; Карпово – 4 раза; Щербинино – 2 раза; Голубово – 1 раз; Кашино – 1 раз (прилагательное *кашинский* – 3 раза); Тишково – 1 раз.

3. Деревни: Константиново – 7 раз; Акатово – 5 раз; Доможирово – 1 раз; Копалово – 1 раз; Любучаны – 1 раз; Пашуково – 1 раз; Смольниково – 1 раз.

Среди городов России за пределами Московской области мы видим (в скобках после лексем также указана частотность): Тверь (100) и *тверской* (46), *Архангельск* (22), *архангельский* (26) и *архангелец* (1); *Симбирск* (19) и

симбирский (22); *Казань* (17) и *казанский* (65); *Саратов* (17) и *саратовский* (28); *Саров* (14) и *саровский* (11); *Александров* (13) и *александровский* (17); *Алма-Ата* (10) и *алма-атинский* (2); *Нижний Новгород* (10) и *нижегородский* (13). Некоторые наименования употребляются всего по одному разу (*Суздаль*, *Тобольск*, *Улан-Удэ*, *Харьков*).

Жития свидетельствуют, что святые Московской епархии самым тесным образом были связаны со следующими регионами нашей страны: Архангельская область [Суровцева 2021а], Тверская область [Суровцева 2021б], Ленинградская область [Суровцева 2021в], Казахстан. Упоминаются и иные регионы нашей страны – Бессарабия, Грузия, Зауралье, Забайкалье, Крым, Поволжье, Урал и др.

Отдельно надо упомянуть то, что в житиях в названиях топонимов отразилась наша история, а именно в переименованиях. Например, подмосковный Сергиев Посад упоминается и под своим исконным названием (оно употребляется в нашей топонимике и культуре и сейчас), и под советским названием Загорск (от этого названия также образовано прилагательное). Город на Неве именуется так: *Санкт-Петербург* (дериват *санкт-петербургский*), *Петербур*г (дериват *петербургский*), *Петроград* (дериват *петроградский*), Ленинград (дериват *ленинградский*).

Необходимо также остановиться на проблеме анализа топонимов в одном конкретном житии. Так, в житии священномученик Павла (Фелицына) мы видим следующие топонимы:

1) село Карпово Дмитровского уезда Московской губернии (здесь Павел родился);

2) село Горки Дмитровского района Московской области и село Леоново Ростокинского района – сейчас оно вошло в состав Москвы (места священнического служения отца Павла);

3) Москва в житии не упоминается, но говорится о заключении Фелицына в Таганскую тюрьму, находящуюся в Москве.

В житии священномученика Василия Соколова упомянуты следующие географические наименования:

1) село Старая Слобода Александровского уезда Владимирской губернии (место рождения будущего святого);

2) Александровский уезд (место, где он некоторое время работал учителем церковноприходской школы);

3) село Пустого Переяславльского уезда Владимирской губернии (здесь он служил в сане священника в Христорождественской церкви);

4) Москва в житии не упоминается, но фигурирует прилагательное *московский* («Помолившись у московских святынь …»), из чего становится понятно, что Москва – тот город, где отец Василий консультировался с докторами специализированной клиники о здоровье своей супруги и где молился о ее здравии; после смерти жены он был определен в Николо-Явленскую церковь на Арбате – таким образом, в числе топонимов мы

видим название известной московской улицы; похоронен Соколов был на Калитниковское кладбище – это тоже Москва;

5) в качестве мест обучения упоминаются Спасо-Вифанская Духовная семинария и Московская Духовная академия (они находятся в Сергиевом Посаде, но этот топоним в тексте не упомянут);

6) Поволжье (упоминается в связи с голодом);

7) с известной долей условности в числе географических наименований можно упомянуть библейские Вавилон (положение верующих в нашей стране сравнивается с Вавилонским пленом) и Голгофу (ее отец Василий вспоминает в связи со своим арестом).

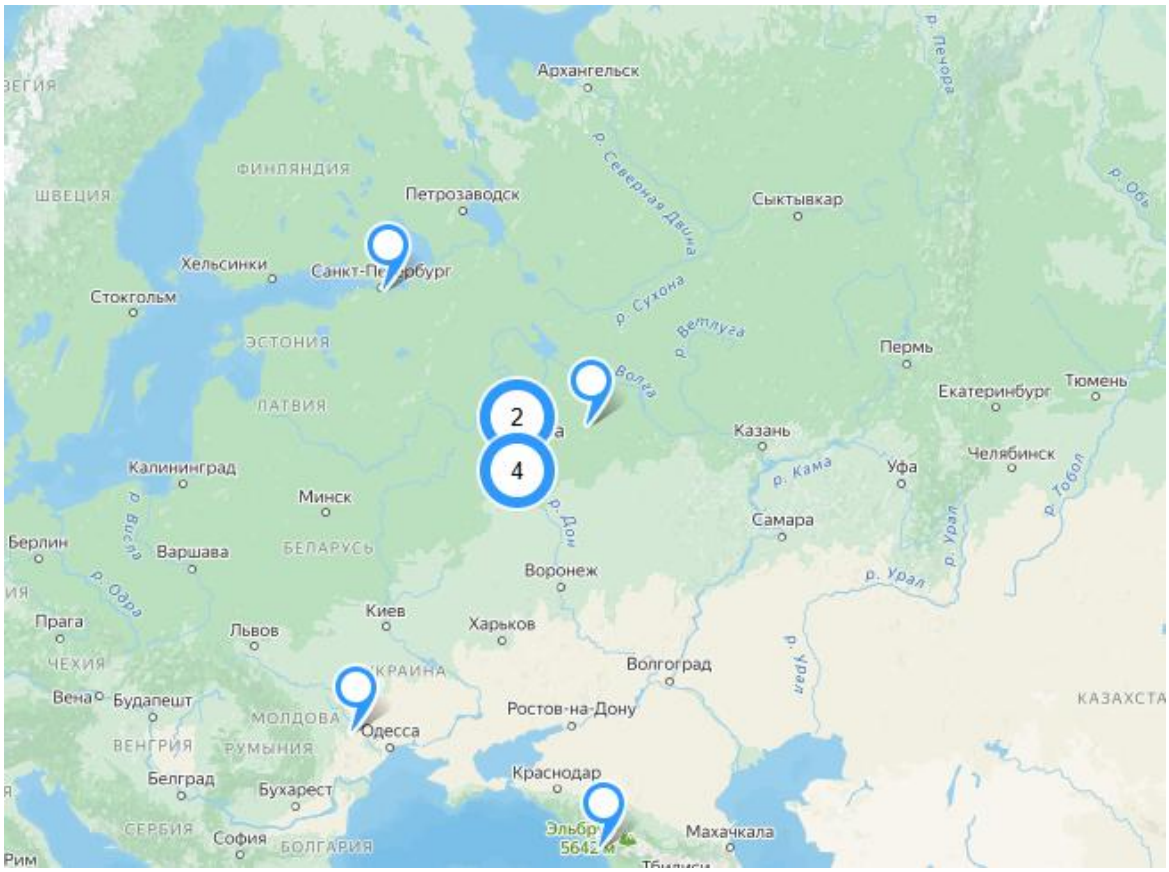
Интереснейший «сюжет» для исследователя – упоминание в житиях мест ссылок. Всего мест ссылок нами выявлено 17. Это, прежде всего, Архангельская область, Башкирия, Владимирская область, Вологодская область, Зырянский край. Отдельно упомянем Тулу – это место было выбрано для административной ссылки священномучеником Василием Лихаревым. В некоторых житиях ссылки описаны очень подробно. Например, в житии Илариона (Троицкого) обстоятельно описана его ссылка в Архангельск, в житии Георгия Лаврова – в Казахстан.

Невозможно также не упомянуть названия встречающихся в текстах лагерей – всего 17 наименований. На первом месте по частотности идут Соловки (26 упоминаний, прилагательное *соловецкий* – 27 упоминаний), на втором – Беломорско-Балтийский канал (20 упоминаний), на третьем – Вишера (8 упоминаний; прилагательное *вишерский* – 9 упоминаний). Один раз упоминается Колыма. Остальные лагеря мало известны даже историкам – специалистам по русскому XX веку, поэтому необходимо дать краткие комментарии к каждому упоминанию лагеря и дать краткую библиографию. В качестве примера приведем наше описание Севжелдорлага.

Севжелдорлаг (другое название – Севжелдорстрой) – Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь НКВД (отметим, что расшифровка аббревиатуры НКВД будет дана нами в другом месте, тем более сто это слово входит в число самых частотных аббревиатур), который функционировал с 10 мая 1938 г. по 24 июля 1950 г. Лагерь подчинялся Главному управлению лагерей НКВД (до января 1940 года), Главному управлению лагерей железнодорожного строительства НКВД (январь 1940 года – апрель 1947 года), затем Северному управлению лагерей железнодорожного строительства, с 1948 года – снова Главному управлению лагерей железнодорожного строительства НКВД. Заключенные Севжелдорлага располагались на территории Архангельской области (на станции Котлас) и Коми АССР (в поселке Княж-Погост Усть-Вымского района и поселке Железнодорожный – сейчас это город Емва). Основная работа, выполнявшаяся заключенными, – строительство железной дороги (Котлас – Воркута, с 1940 года – Котлас – Кожва) и

Северо-Печерской дорожной магистрали, но выполнялись и иные работы (лесозаготовки, производство кирпича, обслуживание Котласского мостозавода и др.). Население лагеря колебалось от 12418 человек (эта цифра зафиксирована в январе 1945 года) до 84893 человек (столько заключенных насчитывалось на 1 января 1941 года) (подробнее см. [Суровцева 2024]).

Неоценимую помощь в нашей работе оказывает региональный общественный сайт фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» [Региональный фонд…]. В рамках нашей темы представляется очень важным и интересным, что разработчики сайта ряд житий сопроводили интерактивными картами, которые позволяют нам наглядно представить все места, связанные с тем или иным святым. Например, интересующиеся подвижнической жизнью священномученика Серафима (Чичагова), расстрелянного на Бутовском полигоне, могут получить следующий фрагмент карты.



Для полноты картины необходимо упомянуть, что в житиях встречаются упоминания иных стран (*Америка*, *Германия*, *Италия*, *Китай*, *Корея*), зарубежных городов (*Базель*, *Берлин*, *Джорданвилл*, *Рим*), национальностей (*еврей*, *казах*, *немец*, *татарин*), а также библейских мест (*Вавилон*, *Голгофа*, *Содом* и *Гоморра*), однако подобных лексем в текстах

очень мало. Весьма немногочисленны и гидронимы (*Волга, Москва-река, Ока, Онега, Яуза*).

Таким образом, топонимы занимают важнейшее место в житиях новомучеников и исповедников XX века. Их Изучение выводит нас также и на постижение сложной истории нашей страны.

Литература

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии: в 8 т. – Тверь: Булат, 2002–2005.

Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: https://lex.philol.msu.ru/.

Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». URL: https://fond.ru/.

Суровцева Е. В. Географические наименования Архангельского региона в житиях новомучеников и исповедников Московской Епархии / Е. В. Суровцева // Славянские чтения – 2021: материалы Международной научно-практической конференции, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 24–25 мая 2021 г. / Отв. ред. С. В. Минибаева. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021а. – С. 133–137.

Суровцева Е. В. Из Твери в Москву, из Москвы в Тверь: Тверской регион в житиях новомучеников и исповедников Московской Епархии / Е. В. Суровцева // Новые научные исследования: сб. ст. II Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2021б. – С. 107–109.

Суровцева Е. В. Наименования советских лагерей и их производные как часть лексико-семантического поля «географическое название» (на материале житий новомучеников и исповедников XX века Московской Епархии) / Е. В. Суровцева // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XV Всероссийской научной конференции, 15 марта 2024 г. / Отв. ред. С. В. Степанов. Вып. 15. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 20–23.

Суровцева Е.В. Путешествие из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву: город на Неве в житиях новомучеников и исповедников Московской Епархии / Е. В. Суровцева // Девятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании: материалы международной научно-практической конференции: сб. науч. ст. / Сост. И. Н. Морозова. – Челябинск: ЧГИК, 2021в. – С. 291–295.

В. В. Чалый (г. Краснодар, Россия)

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ КАК ОБЛАСТЬ ПОДТЕКСТА В ЯЗЫКЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «НЕНАСТЬЕ»

В статье рассматриваются языковые элементы художественного текста, с помощью которых писатель Чехов создает индивидуально-речевые портреты своих персонажей; исследуются отдельные лексические, морфологические и синтаксические единицы, составляющие основу коммуникативной системы чеховского рассказа; характеризуются вербальные и невербальные средства выражения психологических особенностей в поведении литературных героев; проводится анализ монолога

рассказчика-повествователя, в подтекстовой области которого заключается отношение автора к поступкам представленных в произведении персонажей; выявляются способы манипулятивного влияния в процессе диалогового общения; осуществляется попытка интерпретации сюжетной линии рассказа посредством лингвистического анализа его основных фрагментов.

Ключевые слова: речевой потенциал персонажей, авторская оценка, рассказчик-повествователь, приемы воздействия.

The article examines the linguistic elements of the literary text through which Chekhov creates the distinctive speech profiles of his characters; it analyzes specific lexical, morphological, and syntactic units that form the basis of the communicative system in Chekhov’s short stories; it characterizes the verbal and non-verbal means used to express the psychological traits underlying the characters' behavior; it analyzes the narrator’s monologue, the subtext of which reveals the author’s attitude toward the characters' actions; it identifies methods of manipulative influence within dialogue; and it attempts to interpret the story’s plotline through a linguistic analysis of its key segments.

Keywords: speech potential of characters, authorial assessment, narrator, persuasive techniques.

Среди многих перспективных направлений филологической науки по-прежнему весьма актуальным остается изучение языка художественного текста. Ученые обращаются к лингвистическому анализу прозы, одной из задач которого является стремление установить и подробно охарактеризовать разные параметры речевой организации литературного произведения. В этой связи, безусловно, вызывает исследовательский интерес область подтекста, а именно та скрытая (не прямо выраженная в содержании) составляющая категория, чаще всего предопределенная авторской позицией по отношению к своим персонажам и оценкой их поведения в определенных жизненных ситуациях.

При этом, как утверждает Е. И. Лелис, «в создании подтекста художественного текста принимают участие все содержательные и формальные компоненты, поскольку в смысловом, структурно-композиционном и коммуникативно-прагматическом пространстве целого они приобретают смыслопорождающие свойства. Роль материальной основы подтекста играют языковые единицы. Они не являются непосредственными носителями подтекстовых смыслов, но реализуют себя в качестве стимулов их формирования. Этому способствуют эстетические потенции языковых единиц, встраивающихся в надлингвистические структуры текста в качестве опорных смыслообразующих элементов» [Лелис 2013, с. 58–59].

Как известно, проза Антона Павловича Чехова представляет собой особую творческую лабораторию, важным исследовательским материалом которой часто становятся индивидуально-речевые и субъективно-поведенческие характеристики литературных героев. Стиль писателя Чехова во многом отличает коммуникативная основа его произведений,

прежде всего, речевой потенциал персонажей, вступающих в диалог друг с другом.

По мнению С. О. Ужеговой, «эксперименты у Чехова с различными пластами коммуникативного устройства текста глубоки и связаны с многоплановостью субъектно-объектных отношений между говорящими. В первую очередь, стоит сказать о таких явлениях, как несобственно-прямая речь и несобственно-авторское повествование, которые начинают зарождаться уже в раннем творчестве» [Ужегова 2014, с. 66].

Использование писателем разных видов речи, принадлежащей не только конкретным персонажам, но и относящейся непосредственно к рассказчику-повествователю, видимо, свидетельствует о широком творческом поиске языковых средств изображения непростого человеческого поведения в рамках определенных жизненных обстоятельств.

Рассмотрим фрагменты чеховского рассказа «Ненастье», в подтексте которого проявляется авторская модальность.

Теща присяжного поверенного Квашина и его жена, Надежда Филипповна, одетые в ватерпруфы и шали, сидели в столовой за обеденным столом. ***На лице старухи было написано, что она, слава богу, сыта, одета, здорова, выдала единственную дочку за хорошего человека и теперь со спокойной совестью может раскладывать пасьянс; дочь ее****, небольшая полная блондинка лет двадцати, с кротким малокровным лицом, поставив локти на стол, читала книгу;* ***судя по глазам, она не столько читала, сколько думала свои собственные мысли, которых не было в книге****. Обе молчали. Слышался шум дождя, и из кухни доносились протяжные зевки кухарки.*

По нашему мнению, писатель, представляя читателю тещу адвоката Квашина, своеобразно использует невербальное средство передачи информации (лицо женщины): смысловое содержание однородных членов предложения отражает успешное решение самых важных жизненных задач – от сохранения собственного здоровья до устройства семейного благополучия своей дочери. Очевидно, что выражение «и теперь со спокойной совестью может раскладывать пасьянс» усиливает ироничное отношение автора к этому персонажу.

В описании взгляда ее дочери Чехов отмечает «уход» в мир сугубо личностных размышлений: употребление составного (двойного) сопоставительного союза «не столько…, сколько», как нам кажется, во многом способствует наиболее точной оценке уровня душевных переживаний молодой замужней особы.

Надежда Филипповна подняла голову и сухими, умоляющими глазами поглядела на мать.

– ***Он обманывает нас, мама!*** *– проговорила она.*

– Да что ты, Христос с тобой! – испугалась старуха, и с ее головы сполз чепец. – Кто станет нас с тобой обманывать? Помилуй, господи!

– ***Он обманывает нас, мама!*** *– повторила дочь, и подбородок у нее задрожал.*

– Откуда ты взяла? – крикнула старуха, бледнея.

– Наша квартира заперта. Дворник говорит, что в эти пять дней Алеша ни разу домой не приходил. Он не дома живет! ***Не дома! Не дома!***

Она замахала руками и громко заплакала, произнося только:

– ***Не дома! Не дома!***

На наш взгляд, Антон Павлович Чехов применяет повтор синтаксических конструкций как средство характеристики очень сложного психологического состояния персонажа: женщина, не заставшая своего супруга дома и получившая от дворника информацию о его уже пятидневном отсутствии, испытывает душевные страдания. Произнесенная Надеждой Филипповной дважды реплика «Он обманывает нас, мама!» в чеховском рассказе становится для читателя важной для понимания ощущения героиней разрушенного семейного счастья, основанного, прежде всего, на доверии. А четыре раза воспроизведенное женой адвоката восклицание «Не дома!» как будто превращается в неоспоримый убедительный факт, который указывает на нечестное поведение супруга.

К вечеру приехал Квашин. Перед выездом из города он побывал у себя на квартире и узнал от дворника, что в его отсутствие приезжала жена.

– А вот и я! – сказал он весело, входя в комнату тещи и ***делая вид, как будто не замечает заплаканных, суровых лиц****. – А вот и я! Пять суток не видались!*

Он быстро поцеловал руки жене и теще и, с видом человека, который рад, что покончил с тяжелой работой, повалился в кресло.

Очевидно, что здесь автор прямо сообщает читателю о тактике в общении с родственниками, которую выбрал персонаж Квашин: лексические единицы в составе сложных предложений, функционирующие в речи рассказчика-повествователя, указывают на фальшивое, похожее на театральную игру актера, поведение адвоката. Сначала он стремится предстать перед супругой и тещей в облике человека довольного собой и не видящего ничего плохого рядом. А затем, совершив невербальный акт, обезоруживший («быстро поцеловал руки жене и теще») критически настроенных по отношению к нему членов семьи, изобразил труженика, справившегося с важными по работе обязанностями.

– Уф! – сказал он, выпуская из легких весь воздух. – То есть, вот как ***замучился****! Едва сижу! Почти пять суток… день и ночь* ***жил, как на бивуаках****! На квартире ни разу не был, можете себе представить!* ***Всё время возился с конкурсом Шипунова и Иванчикова, пришлось работать*** *у Галдеева, в его конторе, при магазине…* ***Не ел, не пил, спал на какой-то скамейке****, весь* ***иззябся****… Минуты свободной не было, некогда было даже у себя на квартире побывать.* ***Так, Надюша, я и не был дома****…*

Считаем, что согласно художественному замыслу автора многочисленные глагольные формы, используемые персонажем-адвокатом в собственном монологе, служат не только средством оправдать свое пятидневное отсутствие дома, но и вызвать у слушающих по отношению к нему чувство жалости и понимания всей сложности создавшегося «положения вещей». Кроме того, ласковое обращение к жене «Надюша» в конце большой словесной тирады, видимо, должно снять у нее все оставшиеся подозрения в супружеской неверности.

И Квашин, держась за бока, точно у него от работы болела поясница, искоса поглядел на жену и тещу, чтобы узнать, как подействовала его ложь, или, как он сам называл, дипломатия*. Теща и жена поглядывали друг на друга с радостным изумлением,* ***как будто нежданно-негаданно нашли драгоценность, которую потеряли****… Лица у них сияли, глаза горели…*

Рассказчик снова описывает особенности невербального (скорее даже манипулятивного) поведения Квашина: внешне он играет роль «надорвавшегося» от тяжелого труда человека, а внутренне не перестающего следить за тем, как используемые им нечестные приемы воздействуют на его самых близких и родных людей.

Употребляемое повествователем слово «ложь», а в индивидуально-личностном взгляде на жизнь персонажем-адвокатом данная языковая единица определяется как «дипломатия» – это, по нашему мнению, явная оценка и одновременно авторская характеристика всему тому, что уже сообщил прямо или косвенно о себе присяжный поверенный.

Итак, анализ особенностей языка чеховского рассказа «Ненастье» показал, что писатель в начале произведения использует синтаксическую конструкцию с однородными членами предложения для более точной характеристики уровня размышлений персонажей-женщин (матери и ее дочери) и выражения собственно авторской оценки их сложившемуся мировоззрению. Затем фразы, повторяемые Надеждой Филипповной, подозревающей своего супруга в обмане, являются не только приемом изображения серьезного внутреннего смятения героини рассказа, но одновременно служат средством выражения отношения автора к супругу, скрывающему истинные причины долгого отсутствия дома. Лексика в речи адвоката Квашина, на которую указывает рассказчик, содержит слова, оказывающие манипулятивное воздействие на сознание слушающих его родных людей.

Литература

Лелис Е. И. Подтекст как лингвоэстетическая категория в прозе А. П. Чехова / Е. И. Лелис. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 424 с.

Ужегова С. О. Внутритекстовые коммуникативные отношения в ранних рассказах А. П. Чехова / С. О. Ужегова // Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2014. – №2. – С. 61–67.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. / А. П. Чехов. – Москва: Изд-во «Наука», 1974–1983. – Т. 6. – С. 219–223.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ

А. А. Абраменко, Т. В. Ильина (г. Воронеж, Россия)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОСЛОЖНЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

В статье исследуется системный кризис в преподавании синтаксиса простого предложения в рамках современного российского школьного образования. На материале учебно-методических комплексов выявляется фундаментальное противоречие между сложной, многоаспектной природой синтаксического осложнения в научной парадигме и его редуцированной, зачастую алогичной репрезентацией в учебной литературе.

Ключевые слова: синтаксис простого предложения, осложненное высказывание, методика преподавания РКИ и родного языка, вводные конструкции, вставные конструкции.

The article explores the systemic crisis in teaching the syntax of a simple sentence in the framework of modern Russian school education. On the material of educational and methodological complexes, a fundamental contradiction is revealed between the complex, multidimensional nature of syntactic complication in the scientific paradigm and its reduced, often illogical representation in the educational literature.

Keywords: syntax of a simple sentence, complicated utterance, teaching methodology for RCTs and native language, introductory constructions, insert constructions.

Синтаксический уровень языка традиционно является «высшей математикой» школьного курса русского языка. Если морфология опирается на классификацию и запоминание парадигм, то синтаксис требует абстрактного мышления, понимания иерархии и связей. Раздел «Осложненное простое предложение» (ОПП) выступает кульминацией этого курса в 8 классе. Однако именно здесь методическая система дает наиболее заметный сбой.

Проблема заключается в том, что «осложнение» – это не монолитная грамматическая категория, а термин, объединяющий явления разной природы: от объективной предикативности (обособленные обороты) до субъективной модальности (вводные слова).

Проблема изучения осложненного предложения в российских школах заключается в отсутствии единого и общепринятого подхода к определению осложнения, перечня осложняющих компонентов.

Особое внимание в статье хочется уделить именно вводным и вставным элементам, которые осложняют, как известно, именно высказывание, а не предложение. В школьных учебниках нет четкого разделения предложения как единицы языка и высказывания как единицы речи.

В истории русского языкознания сложились три основные концепции осложнения, которые школьные авторы перемешивают, создавая эклектичную картину:

1. Концепция «слитного предложения» (Ф. И. Буслаев). Осложнение рассматривается как результат свертывания придаточных предложений. «Осложненные предложения – это сокращенные виды придаточных предложений». С этой точки зрения, *Человек, читающий книгу* – это остаток от *Человек, который читает книгу*. Это объясняет обособление, но совершенно не работает для вводных слов.

2. Концепция «переходности» (А. А. Шахматов, А. Г. Руднев). Осложненное предложение – это самостоятельная, третья категория синтаксиса, не сводимая ни к простому, ни к сложному. А. Г. Руднев «первым выделил осложненное предложение как переходное синтаксическое явление». Это наиболее адекватная концепция, но она слишком абстрактна для 8 класса.

3. Концепция «добавочного сообщения» (Л. В. Щерба). Осложнение – это любое «добавочное сообщение о фактах, явлениях, событиях». Это определение самое подходящее для школы, так как оно ориентировано на смысл, а не на форму.

Современная школа, пытаясь угодить всем, берет от Ф. И. Буслаева идею «неполной предикативности», от А. Г. Руднева – термин «осложненное», а от Л. В. Щербы – интуитивное понимание «добавочности», в итоге не реализуя ни одну из концепций до конца.

Анализ современных УМК позволяет классифицировать методические подходы по степени их когнитивной агрессивности по отношению к ученику.

1-я группа УМК идет по пути терминологического минимализма. Учебники В. В. Бабайцевой, С. Г. Бархударова, М. М. Разумовской объединяет одна черта: они предлагают учащимся набор инструментов, не объясняя устройство «мастерской».

В учебнике В. В. Бабайцевой «Русский язык. Теория» определения осложненного предложения нет, однако в содержании вынесена эта тема. Это классический пример дидактического парадокса. Ученик должен изучать тему, которая не определена.

Кроме того, В. В. Бабайцева смешивает вводные слова и вводные предложения, указывая, что они «примыкают к вводным единицам». С точки зрения когнитивной лингвистики это ошибка классификации уровней.

С. Г. Бархударов не выделяет для темы отдельного раздела, также не дает определения осложнению, осложняющие компоненты ученику понятны лишь из содержания в конце учебника. Если ребенок сам не синтезирует общее из разрозненных параграфов (однородные члены – гл. 12, вводные – гл. 25), системного знания не возникнет.

В учебнике М. М. Разумовской также определения осложненного предложения не дано. Авторы не относят вводные слова к самостоятельным осложняющим единицам. Их определение дано через понятие вводных конструкций в целом. Это создает логический круг: чтобы понять, что такое вводное слово, нужно знать, что такое вводная конструкция, но конструкция – это и есть совокупность слов.

Вторая группа авторов УМК следуют идее структурированного дуализма Л. А. Тростенцова, Е. А. Быстрова дают определения осложненным конструкциям, но разрывают их интонационно и логически.

В учебнике Л. А. Тростенцовой определение осложненного предложения приведено, однако оно далеко не исчерпывающее. Понятия «вводное слово», «вводные конструкции», «вставные конструкции» разделены, обучающемуся даны их отличия. Вводные предложения упоминаются только в параграфе про обособление, отдельно от общей теории (параграф 61, с. 208). Это, на наш взгляд, главная методическая ошибка УМК. Вводные предложения (например: *Петр, я в этом уверен, приедет завтра*) по своей синтаксической природе не имеют отношения к обособленным членам. Вынося их в параграф про обособление (где обсуждаются полупредикативные связи), авторы заставляют ученика искать предикативность там, где ее нет. Вводное предложение не несет в себе «второстепенной предикации», оно несет оценку.

Третья группа авторов максимально полно отражает проблемную для школьного изучения тему (Л. М. Рыбченкова, Л. В. Щерба).

Учебник Л. М. Рыбченковой выделяется самым подробным разделом про вводные конструкции и вставные конструкции. Автор дает определение каждому компоненту. Это наиболее верный подход. Л. М. Рыбченкова четко разводит *вводность* (отношение говорящего: *к счастью, по-моему*) и *вставочность* (дополнительная информация, адресная направленность, разрыв структуры: *Вчера – вы не поверите – я видел НЛО*).

Следует отметить, что по всем параметрам одним из самых основательных учебников до сих пор остается учебник Л. В. Щербы, несмотря на то, что он был издан более 70 лет назад. В пособии даны все определения осложняющих компонентов, подчеркнуты различия вводных слов и вставных конструкций. Л. В. Щерба – специалист по фонетике, поэтому для него вводность – это прежде всего интонация. Вставочность – это интонационный и графический (скобки) обрыв. Это единственный учебник, где теория не противоречит языковой интуиции.

Анализ практических заданий, разработанных в УМК, показывает, что тип упражнения определяет тип мышления, которое учитель формирует у ребенка.

Традиционный подход, основанный на принципе «найди и выдели», прослеживается в учебниках Л. А. Тростенцовой и М. М. Разумовской. В

УМК Л. А. Тростенцовой после определения осложняющих членов дается упражнение на поиск упомянутых осложняющих компонентов (упр. 222). Несколько упражнений дается на отработку поиска вводных слов, постановки знаков препинания. Это формирование навыка «пунктуационного робота». Ученик ищет маркеры по списку. Он не думает, *почему* здесь нужна запятая. Он не понимает, что *казалось* и *кажись* функционально идентичны, хотя морфологически разные. Он не понимает, что *Он, говорят, болен* и *Он, говорят тебе, болен* различаются степенью экспрессии, что должно влиять на интонацию.

В УМК М. М. Разумовской много упражнений, и они большие по объему, что является несомненным плюсом, но эти задания однотипны (расставь запятые).

Подход Л. М. Рыбченковой и В. В. Бабайцевой можно назвать метаязыковым, а алгоритм работы над осложненным предложением – «объясни и создай».

Например, в учебнике Л. М. Рыбченковой есть интересное упражнение: «Необходимо вежливо отказать собеседнику, используя изученные вводные слова». Это упражнение выводит вводность из плоскости пунктуации в плоскость речевого этикета (прагматики). Вводное слово здесь не повод поставить запятую, а «подушка безопасности», смягчающая отказ. Это формирует коммуникативную компетенцию. Упражнение 301 («Определите уместность употребления вводных слов») учит стилистической правке. Ученик понимает, что *Я, значит, пошел в магазин, значит, хлеба нет* – это не ошибка пунктуации, это стилистическая глухота (слова-паразиты).

В рабочей тетради В. В. Бабайцевой представлены разнообразные схемы, задания ориентированы на решение орфографических и пунктуационных задач. Работа со схемами – это развитие пространственного и структурного мышления. Ученик видит «скелет» предложения. Однако в практических заданиях отсутствуют междометия, вставные конструкции. Это обедняет представление о синтаксическом потенциале языка.

Практически во всех УМК есть один и тот же камень преткновения – вводные и вставные конструкции. Их не всегда адекватно описывают авторы пособий, не указывают различия и не дают арсенал упражнений на понимание тем, касающихся парентезы. А ведь именно вводные и вставные конструкции осложняют высказывание и являются элементами речи.

Почему ученики путают эти конструкции? Потому что школьные учебники (кроме Л. М. Рыбченковой и Л. В. Щербы) не дают им главного инструмента различения – иллокутивной цели.

Важно отметить, что вводная конструкция (модус), например, *К счастью, дождь кончился* выражает отношение говорящего к сообщению.

Она не сообщает о дожде, она сообщает об *эмоции по поводу* дождя. Ее можно изъять – пропозиция (*дождь кончился*) останется истинной. Вставная конструкция (диктум / пропозиция): *Дождь кончился (он лил всего десять минут)* обладает функцией сообщения дополнительного факта. Она несет свою собственную пропозицию. Ее нельзя встроить в вопрос.

Школьные учебники (кроме УМК Л. М. Рыбченковой, где дается определение вставным конструкциям: «Вставные конструкции выражают дополнительные замечания, пояснения, поправки») не дают этого функционального критерия. Они дают только графический – запятые или скобки. Но в живой речи интонация часто важнее знаков. Вставную конструкцию произносят с понижением голоса, быстро, с «уходом в сторону», вводную – в ритме основной фразы. Не обучая интонации, мы оставляем ученика беспомощным перед пунктуацией.

Проблема изучения осложненного высказывания требует серьезного критического анализа составителей учебников в целом и составителей единого учебника в частности. Необходима системная реформа на трех уровнях:

1. **Лингводидактический уровень:** введение единого, функционально ориентированного определения осложнения: «Осложненное предложение – это единица, структура которой расширена за счет включения компонентов, не обладающих собственной предикативностью (в строгом смысле), но реализующих дополнительные смыслы (модальность, адресность, уточнение, пояснение)».
2. **Методический уровень:** полный отказ от смешения вводности и вставочности. Введение обязательного интонационного практикума. Прежде чем ставить запятую, ученик должен произнести фразу с правильной интонацией. Переход от упражнений «Спишите» к упражнениям «Преобразуйте», например: «Объедините два предложения в одно, используя вводное слово для выражения уверенности» или «Сделайте текст более вежливым, добавив вводные слова».
3. **Когнитивный уровень:** обучение должно строиться не от формы к смыслу (вижу *кажется* – ставлю запятую), а от смысла к форме. (Хочу выразить сомнение → использую *кажется* → на письме выделяю запятыми).

Учебник Л. В. Щербы, несмотря на то, что был издан более 70 лет назад, остается эталоном именно потому, что он учит слышать язык. Современные же УМК, перегруженные информацией и страдающие от терминологической непоследовательности, часто учат лишь бояться его сложности.

Литература

Бабайцева В. В. Русский язык. Теория. 5–9 классы: Учебник для углубл. изучения / В. В. Бабайцева. – Москва: Дрофа, 2022.

Бархударов С. Г. Русский язык: Учеб. для 8 класс / Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Чешко Л. А. – Москва: Просвещение, 2022.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – Москва: Учпедгиз, 1959.

Разумовская М. М. Русский язык. 8 класс / Разумовская М. М., Львова С. И., Капинос В. И. [и др.]. – Москва: Дрофа, 2019.

Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения / А. Г. Руднев. – Москва: Учпедгиз, 1959.

Рыбченкова Л. М. Русский язык. 8 класс / Рыбченкова Л. М., Александрова О. М., Глазков А. В. [и др.]. – Москва: Просвещение, 2019.

Тростенцова Л. А. Русский язык. 8 класс / Тростенцова Л. А., Ладыженская Т. А., Дейкина А. Д., Александрова О. М. – Москва: Просвещение, 2017.

Щерба Л. В. Грамматика русского языка. Ч. 2: Синтаксис / Л. В. Щерба. – Москва: Просвещение, 1953 (изд. 2023).

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва: Языки славянской культуры, 2001.

А. С. Гусева (г. Тверь, Россия)

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК (НА ПРИМЕРЕ ОШИБОК УЧАЩИХСЯ 6–7 КЛАССОВ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ПО ПРОГРАММЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ)

Корпус лексических ошибок, зафиксированных у учебных билингвов, а именно у учащихся 6-х и 7-х классов с углубленным изучением английского языка (5 академических часов в неделю) рассматривается с точки зрения критериев, как механизм возникновения, контекстуальная обусловленность, языковой уровень, степень фонетико-семантического сходства, а также факторы внутриязыковой и межъязыковой интерференции.

Ключевые слова: учебный билингвизм, речевые ошибки, лексическая замена, интерференция.

The corpus of lexical errors recorded among educational bilinguals, namely 6th and 7th-grade students with an in-depth English curriculum (5 academic hours per week), is examined from the perspective of criteria such as the mechanism of occurrence, contextual conditioning, language level, degree of phonetic-semantic similarity, as well as factors of intralingual and interlingual interference.

Keywords: educational bilingualism, speech errors, lexical substitution, interference.

Участники предпринятого исследования, которых вслед за А. А. Залевской мы относим к учебным билингвам [Залевская 2016, с. 8], демонстрируют способность к коммуникации на двух языках в рамках школьной программы, однако в их речи сохраняются характерные трудности при освоении отдельных языковых аспектов, в частности

лексического. Материал для анализа фиксировался в естественных условиях учебного процесса: в устной речи учащихся (монологические высказывания, диалоги, доклады, дискуссии).

Анализ и интерпретация ошибок корпуса осуществлялись с опорой на принципы, лежащие в основе психолингвистических классификаций речевых ошибок В. Фромкин [Fromkin 1971], Дж. Эйтчисон [Aitchison 2012] и Дж. Ричардса [Richards 1971]. При проведении анализа речевых ошибок учитывались ключевые параметры, включающие: механизм возникновения (process procedure), контекстуальная обусловленность (situation), языковой уровень (error level), степень фонетического и семантического сходства с другими лексическими единицами, а также случаи внутриязыковой и межъязыковой интерференции [Richards 1971, p. 205–206]. В рамках проведенного анализа приняты следующие условные обозначения: символом T (от англ. target utterance) обозначается корректный, целевой вариант высказывания, который предполагалось произнести, тогда как A (от англ. actual utterance) маркирует реально произнесенное ошибочное высказывание. Данная система обозначений соответствует общепринятой практике в психолингвистических исследованиях речевых ошибок.

В ходе анализа речевых ошибок был зафиксирован случай, когда учащийся произнес высказывание A: *I like chocolate desert* вместо целевого T: *I like chocolate dessert*. Данная ошибка представляет особый интерес для исследователя, так как обнаруживает когнитивные механизмы, характерные для изучающих английский язык в учебной среде.

В ходе анализа обсуждаемой ошибки выявлены следующие закономерности: согласно классификации В. Фромкин, данное отклонение представляет собой типичный случай лексической замены (substitution), возникающей вследствие фонетического сходства слов-паронимов. В системе Фромкин такие ошибки объясняются конкуренцией активированных лексических единиц в процессе речепорождения, когда фонетическая близость слов *desert* [ˈdezərt] и *dessert* [dɪˈzɜːt], проявляющаяся в сходстве консонантных кластеров и корневых морфем, преодолевает их семантические различия. Особенностью данного случая является неконтекстный характер ошибки, что исключает влияние факторов направленности, а также ее двойственная природа – одновременно лексическая (замена целого слова) и фонологическая (различие в одной фонеме).

В рамках модели Дж. Эйтчисон рассматриваемая ошибка интерпретируется как результат нарушения процесса лексического доступа в ментальном лексиконе. Конкуренция активированных узлов (desert и dessert) обусловлена не только их фонетическим сходством, но и графической близостью, что создает условия для ошибочного выбора.

С позиции Дж. Ричардса рассматриваемую ошибку можно классифицировать как межъязыковую (interlingual error), обусловленную интерференцией родного языка. Для русскоязычных учащихся различение этих слов особенно затруднено из-за схожести их заимствованных эквивалентов в русском языке. Этот случай подтверждает положение Ричардса о том, что пары слов с частичным фонетическим сходством представляют особую сложность для изучающих иностранный язык.

Рассматриваемую ошибку также можно классифицировать как межъязыковую интерференцию с элементами внутриязыкового влияния. Межъязыковая интерференция в данном случае проявляется комплексно через несколько взаимосвязанных механизмов. Прежде всего, наблюдается устойчивое фонетическое влияние русского произношения слова *десерт* [dɪˈzert], которое формирует артикуляционный шаблон, автоматически переносимый учащимися на английский язык. Это приводит к характерным искажениям: ударный [ɜː] подменяет безударный [ə] в слове desert, дифтонг [ɪə] редуцируется до монофтонга [e], а звонкий [z] становится доминантным в интервокальной позиции.

Параллельно действует лексическая интерференция, обусловленная знакомством учащихся с обоими английскими словами (dessert и desert). Их сходство в русской адаптации (десерт – дезерт) создает ложное ощущение эквивалентности, вызывая конкурентную активацию обоих вариантов в ментальном лексиконе. Процесс усугубляется перцептивными искажениями – русская фонологическая система выступает своеобразным фильтром, через который учащиеся воспринимают английскую речь, что приводит к неразличению ключевых фонетических нюансов.

При этом внутриязыковые факторы английского языка дополнительно осложняют ситуацию. Графическое сходство слов, их одинаковая частеречная принадлежность (сущ.) и отнесенность к высокочастотной лексике создают идеальные условия для устойчивой ошибки. Особенно показательно, что даже четкие семантические различия (пищевой продукт и географический объект) не предотвращают возникновение ошибки, что подтверждает гипотезу о приоритете формальных (фонетических и графических) характеристик над смысловыми при лексическом выборе.

Рассмотренная выше ошибка является неконтекстной, однако в речи обучаемых довольно часто возникают ошибки, обусловленные именно контекстуальным окружением. Наиболее типичным примером таких ошибок (согласно В. Фромкин по критерию направленности) являются ошибки предвосхищения (anticipations). Характерный пример: учащийся произносит А: *I leed a lemon to make some juice*, вместо правильного варианта Т: *I need a lemon to make some juice*. В данном случае звук [l] из последующего слова lemon преждевременно заменяет начальный звук [n] в слове *need*.

С точки зрения механизмов возникновения это ошибка замены (substitution) на уровне отдельных фонем. Особенностью данной ошибки является ее локализация между двумя языковыми единицами (multi-error), где элемент из последующей части высказывания влияет на предыдущую. На языковом уровне это, прежде всего, фонологическая ошибка, хотя нельзя исключать и элементы морфологического влияния, так как затронуты основы глагола и существительного.

В рамках классификации Дж. Эйтчисон подобную ошибку можно охарактеризовать как сбой на этапе построения слова. В ее модели лексического доступа это соответствует нарушению процесса активации правильной фонологической формы слова на этапе его моторной реализации.

Анализ данной ошибки не соответствует параметрам классификации Дж. Ричардса, поскольку его теория связана с межъязыковой интерференцией т. е. влиянием системы родного языка на изучаемый. В рассматриваемом случае ошибка предвосхищения обусловлена иными механизмами и относится к универсальным психофизиологическим особенностям речепроизводства, характерным для любого языка.

В качестве следующего примера рассмотрим ошибку учащегося, который произнес А: *Mary has a nice pop-it* [pɒp it], вместо Т: *Mary has a nice puppet*.

С позиции принципов, описанных В. Фромкин, данную ошибку можно рассматривать на нескольких уровнях. На процедурном уровне (process procedure) это замена (substitution), ошибка неконтекстная, так как не обусловлена окружением. На языковом уровне ошибка может быть классифицирована, с одной стороны, как фонологическая замена, поскольку *puppet* [ˈpʌpɪt] и *pop it* [ˈpɒp ɪt] имеют схожие звуковые паттерны (начальный [p], повторяющийся согласный [p], гласный среднего подъема). С другой стороны, ее можно трактовать как лексическую замену, поскольку оба слова обозначают игрушки, что создает семантическую близость в сознании говорящего.

Согласно классификации Дж. Эйтчисон, ошибка попадает в категорию неправильного выбора слова (malapropism или lexical selection error). В данном случае учащийся активирует близкое по звучанию, но иное по значению слово *pop it* вместо целевого *puppet*. Это может быть связано с тем, что оба слова относятся к детским игрушкам, и в ментальном лексиконе они оказываются связанными как фонетически и графически, так и тематически.

В рамках подхода Дж. Ричардса ошибка имеет признаки межъязыковой интерференции, хотя и с некоторыми нюансами. Слово *pop it* (в русской адаптации «поп-ит») – это заимствование из английского, но в русскоязычной среде оно приобрело широкую известность как название популярной антистресс-игрушки. Таким образом, учащийся, вероятно,

опирается на знакомую лексику из своего лингвистического опыта, где *pop it* закрепилось как устойчивое наименование. Однако, поскольку исходное слово *puppet* также существует в английском, ошибка может быть частично обусловлена и внутриязыковой конкуренцией между двумя лексическими единицами.

Рассмотренная ошибка представляет собой сложное явление, в котором сочетаются фонетическая близость, тематическая связанность понятий и влияние языкового опыта учащегося. Она демонстрирует, как при речепроизводстве могут одновременно активироваться слова, сходные как по форме, так и по значению, а также как заимствованная лексика из английского языка, функционирующая в родном языке, может влиять на выбор слов в изучаемом языке.

Особый интерес представляет зафиксированное нами ошибочное использование лексемы *cherry* в значении ‘помидор’. Эта ошибка связана с межъязыковой интерференцией [Corder 1975, p. 207] и метонимическим переносом в родном языке, когда учащийся переносит название хорошо знакомого сорта помидора «черри» на сам овощ «помидор» и использует его вместо «tomato», например, А: *I added some cherries to the salad*, вместо целевого высказывания Т: *I added some tomatoes to the salad*. Сложный механизм рассматриваемой ошибки также обусловлен спецификой лексического заимствования в русском языке. Слово «черри» является устоявшимся сокращением для термина «помидоры черри», обозначающего сорт мелких томатов, доступных круглогодично в российских супермаркетах. Психолингвистический аспект рассмотренной ошибки связан с ложной аналогией: учащийся, обнаружив формальное сходство между «черри» и «cherry», активизирует неверную семантическую связь.

Общий объем ошибок, подвергнутых анализу, составил 150 единиц.

Исследование выявило, что около 75% (112 ед.) речевых ошибок обусловлены универсальными механизмами языкового производства (заменой звуков, персеверацией, антиципацией, опущением и т. д.), характерными для всех носителей независимо от их лингвистического статуса. Это подтверждает естественную природу подобных отклонений в процессе освоения языка. Наиболее распространенными оказались перестановки согласных (consonant reversal) и добавления согласных (consonant addition), отражающие ограничения артикуляционного планирования и фонологической обработки. Остальная часть ошибок 25% (38 ед.) представляет собой замены на уровне всего слова, которые можно рассматривать как ошибки выбора слова (в соответствии с классификацией Дж. Эйтчисон).

Наблюдается четкая возрастная динамика: у учащихся более младшего возраста (6 класс) преобладают артикуляционные ошибки, обусловленные преимущественно универсальными механизмами

языкового производства, тогда как у старших (7 класс) увеличивается доля лексико-семантических замен на уровне всего слова или выражения, а также появляются бленды, обусловленные параллельной активацией двух лексических единиц. Такая закономерность соответствует этапам естественного речевого развития.

Анализ ошибок показывает, что по мере изучения иностранного языка и продвижения по языковому континууму учащиеся чаще допускают ошибки на смысловом уровне (например, заменяют слово на близкое по звучанию или значению), чем ошибки, связанные с общими психофизиологическими механизмами (такими как персеверация, замена звуков, пропуски и т. д.). Это объясняется тем, что с прогрессом в изучении языка (при переходе через промежуточные стадии владения) у обучающегося формируется больше семантико-лексических связей в памяти, что увеличивает вероятность ошибок, связанных с неправильным выбором слова.

Анализ распределения ошибок по уровням языковой системы показал, что перестановки согласных связаны с конкурентным взаимодействием моторных программ, семантические замены отражают работу ассоциативных сетей мозга, а бленды возникают вследствие параллельной активации лексических единиц.

В ходе анализа собранного корпуса ошибок с опорой на классификацию Дж. Ричардса, было выявлено, что только 64 ошибки могут быть объяснены с точки зрения интерференции, что свидетельствует о преобладании универсальных психофизиологических механизмов над влиянием родного или неродного языков. Из них 19% (12 ед. от общего числа интерференционных ошибок) можно отнести к ошибкам межъязыковой интерференции, 81% (52 ед.) к ошибкам, обусловленным внутриязыковой интерференцией. Такое распределение свидетельствует о том, что учащиеся 6–7 классов в процессе изучения иностранного языка чаще допускают ошибки, связанные с внутренними закономерностями изучаемого языка, а не с влиянием родного.

Полученные данные демонстрируют ценность речевых ошибок билингвов как диагностического материала. Они отражают как общие закономерности языкового производства, так и специфику билингвального развития.

Литература

Залевская А. А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов / А. А. залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – 269 с.

Aitchison J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 4th ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. 288 p.

Corder S. P. Error analysis, interlanguage and second language acquisition // Language Teaching. 1975. Vol. 8, Iss. 4. P. 201–218.

Fromkin V. A. The Non-Anomalous Nature of Anomalous Utterances // Language. 1971. Vol. 47, №. 1. P. 27–52.

Richards J. C. A Non-Contrastive Approach to Error Analysis // English Language Teaching. 1971. Vol. 25, № 3. P. 204–214.

У. В. Смирнова (г. Москва, Россия)

СКРЫТЫЕ НАПРЯЖЕНИЯ СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ УЧЕБНОГО ТЕКСТА СТУДЕНТАМИ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, направленного на изучение особенностей смыслового восприятия учебных текстов студентами-педагогами языкового вуза. В качестве основного метода исследования использованы синхронные протоколы мышления вслух.

Ключевые слова: высшее образование, обучение английскому языку, обучение чтению, ментальная модель текста, синхронные протоколы мышления вслух.

This article presents the findings of a psycholinguistic experiment designed to examine the specific features of meaning perception of educational texts in English by university students majoring in pedagogy. Concurrent think-aloud protocols were employed as the primary research method.

Keywords: higher education, English language teaching, reading instruction, mental model of the text, concurrent think-aloud protocols.

А. И. Новиков в одной из своих работ отмечает, что целостность восприятия текста строится вокруг его смысловых доминант [Новиков 2007]. При этом, как доказывают многочисленные исследования, реципиент не пассивно извлекает информацию, а активно конструирует значение, опираясь на свой опыт [Английский язык... 2024; Знак, язык... 2023; Пешкова 2006]. Другими словами, читатель постоянно взаимодействует с текстом, восполняя пробелы и интерпретируя информацию на основе своих фоновых знаний.

Тексты учебного пособия для обучения студентов-педагогов чтению на английском языке представляют в этом отношении особый интерес, потому что они выполняют не только лингвистическую, но и профессионально-ориентированную функцию. Такие материалы выступают не просто как объект языкового декодирования, а как важнейший инструмент формирования методической компетенции. Как отмечают Н. В. Языкова и С. Н. Макеева, методическая компетенция учителя иностранного языка включает в себя не только владение конкретными приемами обучения, но и способность к профессиональной рефлексии, анализу педагогических ситуаций и выработке собственной обоснованной позиции [Языкова 2012, 2015].

В процессе чтения аутентичных или адаптированных педагогических текстов студент вынужден постоянно соотносить содержание со своим формирующимся профессиональным опытом. Именно в этом активном взаимодействии реализуется личностно развивающий потенциал учебного пособия, на который указывает Е. Г. Тарева [Тарева 2007].

Цель данной работы – выявить и описать зоны смыслового напряжения при чтении студентами-педагогами текстов на английском языке на тему, связанную с профессиональной ориентацией.

Материалом исследования послужила статья Л. Хаддлстон The Power of Positive Communication [Huddleston 2019], посвященная практике позитивного взаимодействия учителя с семьями учеников и размещенная в учебном пособии по чтению для студентов языкового вуза. Для сбора данных использовался метод синхронных протоколов мышления вслух. Участникам эксперимента (студентам 4 курса института иностранных языков Московского городского педагогического университета, направления «Педагогическое образование (европейские языки)», имеющим опыт педагогической практики, 10 человек, 2026 год) было предложено читать текст вслух и озвучивать все мысли, ассоциации и трудности, возникающие в процессе чтения. Далее протоколы были транскрибированы и подвергнуты анализу с выделением единиц, отражающих процессы декодирования, прогнозирования и оценочного реагирования.

Анализ протоколов выявил три основных типа реакций и стратегий, которые студенты используют для построения смысловой модели текста.

Первый тип реакций связан с трудностями на уровне восприятия языковой формы (фонетической или лексической).

Например, Протокол 1 *Her own morale or (moral), не знаю. Ok – после паузы, ничего не поняла.*

Студент пытается распознать слово, но схожесть формы слов приводит к подмене понятия (моральный дух vs. мораль). Это влечет за собой сбой в построении смысла, что фиксируется метаязыковым комментарием.

В отличие от фокуса на отдельных словах, вторая ситуация связана с направленностью студента на удержание общего смысла текста, несмотря на выпадение отдельных деталей.

В Протоколе 2 фиксируется непонимание смысла языковых единиц:

By sending notes.. I didn’t quite catch that.

...chart – I didn’t quite catch that.

Однако, вместо того чтобы остановиться, студент применяет стратегию смыслового прогнозирования, опираясь на заголовок и общий контекст:

Мне кажется, что это текст будет про то, как общаться с другими людьми, чтобы достичь какого-то взаимопонимания и какой-то цели общей.

Это свидетельствует об активном конструировании ментальной модели текста «сверху вниз», т е. от общей идеи к деталям.

Кроме того, студентом осуществляется семантическая экспликация. Пытаясь понять слово *deepen*, студентка не просто переводит его, а разворачивает его значение через синонимический ряд и собственный опыт:

To deepen – углубить, от слова deep... взаимоотношения, делать их более продвинутыми и более расширенными.

В Протоколе 5 наблюдаем сходное явление:

Track communiation – это значит отслеживать какую-то коммуникацию, понимать, в каком направлении она двигается, потому что track – это двигаться, путь, развитие.

...line – я не знаю, что это, это последовательность, в классе они встречаются по очереди.

Студент вычленяет знакомый корень или ассоциацию (track → двигаться, путь) и на ее основе реконструирует значение всего словосочетания («отслеживать коммуникацию»). Не зная точного значения слова *line* в контексте читаемого фрагмента текста, студент выстраивает гипотезу на основе ситуативного контекста школьной жизни.

Эти реакции свидетельствуют о хорошем уровне метаязыковой рефлексии и мониторинга понимания. Студенты испытывают трудности в интерпретации отдельных языковых единиц, но не допускает сбоя в построении ментальной модели текста, заполняя пробел логической гипотезой.

Наконец, наиболее интересный пласт данных связан с тем, как текст взаимодействует с формирующейся профессиональной картиной мира студента. Текст перестает быть просто объектом лингвистического анализа и становится основанием профессиональной рефлексии.

В Протоколе 2 реакция на фразу *Each student is special and has their own unique traits* выходит за рамки простого согласия. Студент начинает размышлять над прочитанным, проецируя обозначенную в тексте ценностную установку на свою педагогическую практику:

Ну да, согласна с этим выражением, потому что мы должны уделять внимание каждому ученику. Особенно если мы хотим научить языку, потому что нужно развивать не только письменные умения и аудирование, но говорение, что тяжело достичь, не уделяя внимания каждому ученику.

Здесь студентка использует тезис автора как подтверждение собственной аксиологической позиции. Трудности с отдельными словами отходят на второй план, поскольку глобальный смысл текста (важность

индивидуального подхода) оказался созвучен внутренним установкам читателя.

Протокол 4. *By developing a system of positive notes … I keep students at the front of my mind. – Это хорошая стратегия, потому что можно делать акцент не только на каких-то плохих моментах, неудачах, но и на чем-то хорошем… это как раз то, о чем я говорила, что большинство учителей звонят ученикам, когда что-то плохое происходит.*

Студент выносит профессиональное суждение, тем самым сигнализируя переход к оценочному чтению, и ценностная установка автора текста (фокус на позитивной коммуникации) полностью совпадает с формирующимися педагогическими убеждениями студента.

Анализ протоколов доказывает, что смысловое восприятие текста студентом-педагогом представляет собой многоуровневый процесс конструирования смысла. Сталкиваясь с языковыми сложностями, читатель успешно компенсирует их за счет контекстуальной и ассоциативной догадки. Более того, содержание текста проходит через фильтр профессиональной идентичности: студенты критически оценивают реалистичность предлагаемых методов, актуализируют свой профессиональный педагогический опыт и/или интегрируют обсуждаемые стратегии в свою формирующуюся педагогическую систему ценностей, находя в них практическую ценность для работы с учениками и их родителями.

Литература

Английский язык и англоязычный текст сквозь призму лингвистической лимологии / А. А. Боронин, Е. И. Абрамова, Е. М. Масленникова [и др.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», 2024. – 145 с.

Знак, язык и дискурс в динамике и статике / А. Г. Фомин, Ф. Э. Абдуллаева, О. В. Байкова [и др.]. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. – 238 с.

Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. – Москва: ИЯ РАН, 2007. – 224 с

Пешкова Н. П. Смысл текста и его многозначность / Н. П. Пешкова // С любовью к тексту. – Уфа: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2006. – С. 39–51.

Тарева Е. Г. Личностно развивающий потенциал учебного пособия по иностранному языку / Е. Г. Тарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 538. – С. 49–58.

Языкова Н. В. Сущность и структура методической компетенции учителя иностранного языка / Н. В. Языкова, С. Н. Макеева // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 7. – С. 2–9.

Языкова Н. В. Формирование методической компетенции учителя иностранного языка в университете / Н. В. Языкова, С. Н. Макеева. – Москва: Тезаурус, 2015. – 288 с.

Huddleston L. The power of positive communication. 2019. Available at: www.edutopia.org/article/power-positive-communication/ (accessed 30 June 2026).

Я. В. Упорова (г. Москва, Россия)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОЙ ГРАФИКЕ В ИНТЕРВЬЮ С ФРАНКОФОНАМИ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТА

На материале 34 интервью с франкоязычными информантами, изучающими русский язык, описаны языковые средства представления русской графики и опыта ее освоения: прямые обозначения, образные сравнения, оценочные и эмоциональные характеристики, обозначения освоения и чтения. Показано, что контраст первоначальным восприятием и опытом освоения выражается при сохранении обозначений посредством оценки, модальности и отрицания и строится как сопоставление прежнего и нынешнего опыта или своей оценки с оценками окружающих.

Ключевые слова: языковое сознание, интервью, русская графика, оценка, франкофоны.

Drawing on 34 interviews with francophones learning Russian, the study examines the linguistic means of representing the Russian script and its acquisition: direct designations, figurative comparisons, evaluative and emotional characteristics, and designations of acquisition and reading. Contrasts are expressed through evaluation, modality and negation while the designations remain unchanged, and take two forms: between initial perceptions and later experience, and between one's own evaluations and those attributed to others.

Keywords: linguistic consciousness, interview, Russian script, evaluation, francophones.

Представления человека о языке, который он изучает, складываются из его собственного опыта, например, первого контакта с языком, трудностей при освоении, а также реакции окружающих. Эти представления входят в языковое сознание, которое вербализуется языковыми средствами и описывается по ним [Уфимцева 2011, с. 206]. В семантико-когнитивном подходе описание представлений об объекте начинается с выявления языковых средств, которыми объект называется и характеризуется [Попова 2007, с. 112]; та же последовательность этапов применяется в описаниях отдельных концептов [Зацепина 2007, с. 164]. В настоящей статье мы ограничиваемся этим уровнем и не ставим задачу реконструкции структуры концепта: предметом служат языковые средства описания русской графики в речи франкофонов и их взаимосвязь в высказывании.

Материал ретроспективен: информанты говорят о графике, уже владея ею, и их речь организована как рассказ о личном опыте, где высказывания связаны с говорящим «я», его оценками и модальностью. Рассказ о личном опыте, по У. Лабову и Дж. Валецки, включает не только изложение событий, но и их оценку говорящим [Labov 1967, p. 37]. Следовательно, по интервью можно описать выраженные в речи характеристики графики и способы их соотнесения, но нельзя ни построить полную модель языкового сознания, ни зафиксировать изменение восприятия непосредственно во времени.

Цель исследования – выявить языковые средства, с помощью которых франкоязычные информанты репрезентируют русскую графику и опыт ее освоения, а также установить, как эти средства использованы в высказывании при выражении контраста. Таким образом, поставлены следующие задачи: определить языковые средства описания русской графики и разграничить их по функциям, описать способы организации контраста между первоначальным и актуальным восприятием, установить, что именно противопоставляется.

Материалом послужили 34 полуструктурированных глубинных интервью, проведенных на французском языке с франкофонами в возрасте от 17 до 65 лет, имеющих разный уровень владения русским языком: от начального до свободного. В интервью не было вопроса, непосредственно связанного с графикой, упоминания возникали спонтанно в различных ответах, касающихся реакции окружающих, первого впечатления, а также трудностей освоения языка. Единицами анализа являются высказывания о графике, а единицей подсчета – информанты. Для каждой группы средств было подсчитано число информантов, у которых она представлена. Идентификация информантов минимальна: использованы псевдонимы и указан возраст. Перевод с французского языка выполнен автором статьи.

1. Языковые средства описания русской графики

Было выделено четыре группы средств по функции: номинация объекта, сравнение, оценка, обозначение действия.

Для номинации объекта использовались прямые обозначения письменности, алфавита и букв, такие как ***alphabet cyrillique***, ***le cyrillique***, ***l'alphabet russe*** 'алфавит'[4], 'кириллица' (у 31), *écriture russe* 'русское письмо' (у 12), ***lettres russes*** 'русские буквы' (у 11). Данные группы обозначений выделяют разные стороны объекта: алфавит – систему знаков в целом, письмо – начертание и навык, буквы – отдельные элементы системы. Так, характеризуются различные аспекты графики: от отдельных букв, дифференциация которых вызывает трудность, до графического навыка в целом. Например, *j'inverse… le M, le T* 'я путаю буквы М и Т' (Клара, 17).

Лексема *symboles* 'символы', напротив, употреблена один раз и под отрицанием: информант уточняет категорию, к которой относит объект. *À l'inverse des langues comme le japonais ou d'autres langues, ce ne sont pas des* ***symboles****. On a vraiment un* ***système d'alphabet*** 'в отличие от таких языков, как японский, это не символы. Это действительно алфавитная система' (Александр, 21). Информант проводит границу между алфавитным и неалфавитным письмом и относит русскую графику к первому, сближая ее с латинской системой и противопоставляя иероглифическому и логографическому письму.

4 Здесь и далее значения лексем приводятся по [Макаров 2004].

Иную функцию выполняют сравнения: с помощью ***ressemblait à*** ‘было похоже на’ и ***comme*** ‘как’ информанты уподобляют графику другим системам письма или непонятному языку, подчеркивая ее отличия. *C’était* ***comme*** *un peu un langage secret* ‘это было как тайный язык’ (Эйнола, 24); *Pour moi ça* ***ressemblait au*** *chinois, complètement éloigné* ‘для меня это было похоже на китайский… совсем далекое’ (Элен, 19) – сравнение с китайским как образом непонятного языка.

Уподобление иероглифам передает непонятность при первом контакте с кириллицей: *avant d’apprendre l’alphabet cyrillique, le russe écrit* ***ressemblait à des hiéroglyphes*** ‘До изучения кириллицы письменный русский походил на иероглифы’ (Филипп, 20).

Сравнения отмечены у 3 информантов и во всех случаях отнесены к прошлому: как правило, их вводят ***avant*** *d’apprendre l’alphabet cyrillique* ‘до изучения кириллицы’ и ***c’était*** ‘это было’.

Их смысловая функция, однако, различна, и она устанавливается по контексту. У информанта Филиппа уподобление иероглифам передает непонятность: оно стоит рядом с ***illisible*** ‘нечитаемый’ и ***alien*** ‘инопланетный’. У информанта Эйнола уподобление тайному языку передает не трудность, а привлекательность с помощью прилагательного ***stylé*** ‘стильный’: *je trouvais ça trop* ***stylé*** *de savoir écrire dans un autre alphabet… je me prenais vraiment pour une petite espionne* ‘мне казалось это очень стильным, уметь писать другим алфавитом… я чувствовала себя маленькой шпионкой’. Один и тот же тип средства, таким образом, служит для выражения противоположных оценок.

Оценочные и эмоциональные характеристики

Оценка понимается нами вслед за Е. М. Вольф как модальная рамка, которая накладывается на высказывание и включает субъект, объект и оценочный предикат [Вольф 2002, с. 11–12]. В материале были выделены три смысловые группы, не исключающие друг друга:

1) понятность / трудность: ***illisible*** ‘нечитаемый’, ***obscur*** ‘неясный’, ***compliqué*** ‘сложный’, ***difficile, dur*** ‘трудный’, и, с противоположным знаком, ***simple*** ‘простой’, ***facile*** ‘лёгкий’, ***pas si compliqué*** ‘не такой сложный’;

2) характеристика необычности: ***mystérieux*** *‘загадочный’*, ***bizarre*** ‘странный’, ***exotique*** *‘экзотичный’*, ***différent*** *‘другой’*; ее оценочная направленность определяется контекстом: у Тома, 32, ***écriture bizarre*** сопряжено со страхом, у Филиппа ***exotique*** входит в положительную оценку (*très intéressant de pouvoir apprendre une langue qui paraît assez* ***exotique*** ‘очень интересно иметь возможность учить язык, который кажется таким экзотичным’);

3) выражение эмоционального отношения: ***peur*** ‘страх’, ***effrayé*** ‘испуганный’, ***paniquer*** ‘паниковать’ и ***plaisir*** ‘удовольствие’, ***fier*** ‘гордый’, ***passionnant*** ‘захватывающий’. Существенно, что характеристики третьей

группы относятся не к графике, а к самому говорящему и его умению: *c'est* ***compliqué*** 'это сложно' характеризует объект, *j'en suis assez* ***fier*** 'я этим горжусь' характеризует переживание собственного достижения. Это разграничение понадобится ниже при описании контраста.

Обозначения освоения и чтения

Действия с русской письменностью обозначаются не только глаголами ***écrire*** 'писать', ***apprendre*** 'учить', ***comprendre*** 'понимать', но и глаголами ***déchiffrer*** 'расшифровывать', ***décortiquer*** 'разбирать', выражающими затруднённое распознавание, и ***réapprendre*** 'учить заново', выражающим повторное освоение. Отдельно отметим производное ***réapprendre*** (*Il a fallu* ***réapprendre*** *tout un alphabet* 'Нужно было заново выучить весь алфавит'): приставка *re-* указывает на повторное выполнение уже знакомого действия, освоения алфавита, теперь другого. Рассмотрим примеры: *j'aurais eu à* ***déchiffrer*** *à peu près les lettres, mais même pas toutes* 'мне пришлось бы с трудом разбирать буквы, и то не все' (Гийом, 45); *j'arrivais un petit peu mieux à* ***décortiquer*** *les combinaisons des lettres sans pouvoir forcément les lire* 'получалось понемногу лучше распознавать сочетания букв, хотя прочитать их получалось не всегда' (Эйнола, 24).

Глагол ***lire*** 'читать' отмечен у 15 информантов. В сочетании с модальными показателями он выражает утверждаемую способность читать: ***pouvoir lire*** *le cyrillique* 'уметь читать кириллицу' (Александр, 21), ***être capable*** *de lire* 'быть способным читать' (Сара, 18; Алексей, 20). В отрицательной конструкции тот же глагол выражает предполагавшуюся невозможность научиться читать и усиливает образ трудности: *je pensais ne jamais pouvoir arriver à lire cette écriture 'я думал, что никогда не смогу прочитать это письмо'* (Алексей, 20).

Следовательно, различие между начальным и нынешним опытом создается не заменой глагола, а сочетанием глагола с модальными показателями (***pouvoir, être capable de***) и отрицанием (***ne jamais pouvoir***). Утверждаемая способность читать выражена у 14 информантов, отрицаемая у одного.

Функции выделенных групп обобщены в Таблице 1. Данные Таблицы 1 показывают, что прямые обозначения (самая частотная группа) сами по себе не выражают противопоставления, тогда как характеристики и глагол ***lire*** 'читать' в сочетании с модальностью и отрицанием несут основную нагрузку противопоставления. Подсчет выполнен по выборке высказываний о графике, информант учитывался один раз при наличии хотя бы одной единицы группы.

Таблица 1

Языковые средства описания русской графики и их позиция в контрасте

Группа средств	Единицы	Информанты, n	Функция в рассмотренных контрастных фрагментах
Прямые обозначения	*alphabet, cyrillique*	31	не меняются: объект в обеих частях называется одинаково
	écriture	12	
	lettres	11	
Образные сравнения	*ressemblait à des hiéroglyphes, comme un langage secret, ressemblait au chinois*	3	в части «до»; передают непонятность или привлекательность
Оценочные и эмоциональные характеристики	понятность/трудность: *illisible, compliqué, difficile, facile*	23	противопоставляются: трудность и страх против доступности и гордости
	необычность: *mystérieux, bizarre, exotique, différent*	11	
	эмоциональное отношение: *peur, effrayé, fier, plaisir*	8	
Обозначения освоения и чтения	*déchiffrer, décortiquer, déchiffrage*	3	в части «до»
	lire	15	в обеих частях; различие создают модальность и отрицание

2. Выражение контраста в рассказах об освоении русской графики

В первом разделе были представлены языковые средства по отдельности, обратимся к их взаимодействию в высказываниях. Наиболее характерный способ взаимодействия – контраст. Под контрастом понимается сопоставление различающихся характеристик русской графики и опыта ее усвоения, соотнесенных с разными этапами, а также с разными субъектами оценки. Выявлено два способа его организации: сопоставление информантом собственного опыта до и после, сопоставление его собственной оценки с оценками окружающих. Контраст представлен с помощью двухчастной организации высказывания. Одним из средств выражения контраста, являясь границей между частями, является противительный союз ***mais*** ‘но’. По О. Дюкро, высказывание вида «*p mais q*» предполагает, что говорящий рассматривает *p* как довод в пользу некоторого вывода, *q* как довод в пользу противоположного, и представляет *q* как более сильный [Ducrot 1978, p. 110–111]. Так, в конструкциях с ***mais*** вторая часть высказывания получает больший аргументативный вес: говорящий воспроизводит первоначальную или чужую оценку, но противопоставляет ей собственную актуальную

позицию. Временное сопоставление дополнительно выражается с помощью ***au début, au départ, avant*** ‘вначале, раньше’ против ***maintenant*** ‘сейчас’, ***au final*** ‘в итоге’, ***une fois qu’on connaît*** ‘как только научился’.

Сопоставление первоначального и последующего опыта отмечено у 9 информантов. Рассмотрим пример: *J’étais* ***au début très effrayé*** *d’apprendre cette langue car je pensais ne jamais pouvoir arriver à lire cette écriture… Je suis* ***aujourd’hui capable de lire*** *et j’en suis assez* ***fier****. Je dirais donc que mes craintes se sont fortement apaisées.* ‘вначале я очень боялся учить этот язык, потому что думал, что никогда не смогу прочитать это письмо… Сегодня я могу читать и горжусь этим. Так что мои страхи рассеялись’ (Алексей, 20). В примере особенно отчетливо видно, что противопоставление создается не сменой глагола: ***lire*** стоит в обеих частях. Различие выражено отрицанием и модальностью (*ne jamais pouvoir arriver à lire* против *capable de lire*), эмоциональными характеристиками (***effrayé*** против ***fier***) и временными показателями (***au début / aujourd’hui***). Меняется представление о собственной способности и отношение к ней: от предполагаемой невозможности к способности и гордости.

Во всех девяти случаях противопоставлены характеристики первой или третьей группы (трудность, страх, невозможность против доступности, способности, гордости), при неизменных прямых обозначениях объекта.

Также с помощью контраста выражено сопоставление собственной оценки с оценками окружающих (6 информантов). Субъект оценки, по Е. М. Вольф, является лицом или социумом, с точки зрения которого дается оценка [Вольф 2002, с. 12].

Рассмотрим пример, где в первой части фрагмента субъектом оценки выступают окружающие в передаче информанта, во второй сам информант: *dès qu’****ils*** *voient cette écriture, ils se disent « Oh mon Dieu, c’est très* ***dur****, attention*»! *Mais* ***moi****, personnellement… ce n’est* ***pas si compliqué****, c’est un faux barrage* ‘как только они видят это письмо, они говорят себе: боже мой, это очень трудно, осторожно… Но лично я… это не так уж сложно, это ложная преграда’ (Кальвин, 25). *En France, ça* ***fait peur*** *aux* ***gens****, l’écriture du Cyrillique… Parce qu’en fait,* ***ils ne savent pas*** *que ce n’est* ***pas si compliqué*** *que ça* ‘во Франции кириллическое письмо пугает людей… Потому что на самом деле они не знают, что это не так уж сложно’ (Тома, 32).

Общий результат во всех шести случаях состоит в оспаривании или ослаблении приписываемой окружающим оценки трудности. Информанты в своих высказываниях говорят о трудности русской графики, но всё же не считают ее трудной настолько, насколько это кажется окружающим.

Информант занимает позицию человека, уже справившегося с трудностью, и эта позиция может быть выражена прямо, через приписывание окружающим незнания (***ils ne savent pas*** у Тома). Пересказ не дает доступа к сознанию окружающих, но показывает, как информант

представляет их взгляд и как выстраивает собственную позицию относительно него.

Таким образом, языковые средства описания русской графики в интервью с франкофонами распределяются на четыре функциональные группы. Прямые обозначения относят объект к классу письменностей и выделяют разные его стороны: систему знаков в целом, письмо как начертание и навык, отдельные буквы. Сравнения и характеристики передают как непонятность и трудность, так и необычность и привлекательность, причем их направленность устанавливается только в контексте. Эмоциональные характеристики относятся не к графике, а к освоению, умению говорящего и выражены единицами как с отрицательной (*peur, effrayé*), так и с положительной оценкой (*fier, plaisir*), имеющими отношение соответственно к опыту до и после освоения. Контраст между первоначальным восприятием графики и опытом ее освоения выражается при сохранении обозначений, но за счет оценок, модальности и отрицания при глаголе *lire*, и организуется двумя способами: сопоставлением собственного прежнего и нынешнего опыта (9 информантов) и сопоставлением собственной оценки с оценками окружающих (6 информантов). В первом случае противопоставляются оценка трудности, эмоциональное отношение и представление о собственной способности читать, во втором – результатом является оспаривание или ослабление приписываемой окружающим оценки трудности. В обоих случаях итоговая оценка определяется именно второй частью высказывания: нынешним опытом или собственной позицией информанта.

Мы видим дальнейшую перспективу исследования в описании когнитивных признаков представлений о русской графике, выраженных выделенными средствами, их индексов яркости и полевой организации, а также в сопоставлении данных по возрастным группам и стране проживания.

Литература

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 259 с.

Зацепина Е. А. Вежливость // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Т. 5. – Волгоград: Парадигма, 2007. – С. 160–177.

Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь / Н. П. Макаров. – Москва: АСТ, 2004. – 1312 с.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – Москва: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Ducrot O. Deux mais // Cahier de linguistique. 1978. № 8. P. 109–120.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts / ed. J. Helm. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.

Е. А. Семейко (г. Воронеж, Россия)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ВЫПУСКНИКОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЕГЭ 2026 ГОДА

В статье представлен статистический анализ результатов выполнения заданий орфографического блока КИМ ЕГЭ по русскому языку выпускниками 11-х классов Воронежской области в 2026 году. На основе дифференциации участников экзамена на четыре группы (от группы риска до высокобалльников) выявлены ключевые закономерности и проблемные зоны в усвоении орфографических норм и умении применять их в практической деятельности.

Ключевые слова: государственная итоговая аттестация, ЕГЭ 2026, русский язык, ФГОС, орфография.

The article presents a statistical analysis of the results of completing the tasks of the spelling block of the KIM USE in the Russian language by 11th grade graduates of the Voronezh region in 2026. Based on the differentiation of the exam participants into four groups (from the risk group to high scores), key patterns and problem areas in the assimilation of spelling norms and the ability to apply them in practical activities were identified.

Keywords: state final certification, USE 2026, Russian, GEF, spelling.

Задания, представленные в орфографическом блоке единого государственного экзамена по русскому языку, направлены на проверку сформированности знаний и умений выпускников и включают в себя задания на знания правил правописания различных частей слова, частей речи, употребления строчной и заглавной буквы, раздельного, слитного и дефисного написания слов и др. В ходе написания данной статьи были проанализированы статистические данные о выполнении заданий КИМ ЕГЭ 2026 года выпускниками 11-х классов школ Воронежской области.

Участники экзамена были разделены на четыре группы в соответствии с количеством набранных ими баллов.

1. Учащиеся, не преодолевшие минимальный балл: относящиеся к группе риска.

2. Учащиеся с низким уровнем подготовки: от минимального количества баллов до 60 баллов.

3. Учащиеся со средним уровнем подготовки: от 61 до 80 баллов.

4. Учащиеся с высоким уровнем подготовки: от 81 до 100 баллов.

Для выпускников, отнесенных к группе риска, решение заданий орфографического блока в тестовой части оказалось затруднительным: с заданиями № 9–15 не справились более 80% учащихся. Самым сложным для выполнения оказались задания на слитное и раздельное написание *не* с

разными частями речи – с ним справились только 9% обучающихся. Самые лучшие результаты выпускники данной группы показали в решении заданий, связанных с проверкой правил правописания *-н-* и *-нн-* в словах различных частей речи – с этим заданием справился каждый четвертый. Самый низкий процент выполнения отмечается в задании на соблюдение орфографических норм в сочинении-рассуждении (критерий К7 в задании 27). 98% обучающихся с ним не справились, что свидетельствует об их неспособности орфографически грамотно оформлять собственный текст.

Результаты группа выпускников с низким уровнем подготовки (от минимального количества баллов до 60) демонстрируют, что данная группа владеет базовой теоретической базой орфографических знаний и умений. Наиболее сложным для выполнения в этой группе оказалось задание, связанное со слитным, дефисным и раздельным написанием слов, с которым справилось менее четверти обучающихся – 22%. Наиболее простым оказалось задание на правописание гласных и согласных в корне слова, с ним справилось 43% выпускников. Самый высокий процент выполнения заданий по орфографии (49% справившихся) учащиеся данной группы продемонстрировали в задании 27 критерий К7 – соблюдение норм орфографии при написании сочинения-рассуждения.

Экзаменуемые со средним уровнем подготовки (от 61 до 80 баллов) уверенно справились не только с орфограммами на правописание частей слова (правописание корней – 78% выполнения, правописание приставок – 61% выполнения), но и с традиционно сложными заданиями на правописание *-н-* и *-нн-* в словах различных частей речи, где, кроме знания морфемного состава слова, необходимо умение определять его частеречную принадлежность (69% выполнения). Наибольшие затруднения у этой группы обучающихся вызывало решение заданий на правила слитного / раздельного написания *не* с различными частями речи (52% выполнения). При этом в сочинении (задание 27 критерий К7) данная группа продемонстрировала самые высокие показатели – 79% выполнения.

Группа с высоким уровнем подготовки (от 81 балла) продемонстрировала развитую орфографическую зоркость и автоматизацию навыков при решении орфографических заданий. Успешность выполнения тестовых заданий варьируется от 81% (задание на слитное и раздельное написание не с разными частями речи) до 95% (правописание гласных в корне слова). В сочинении (задание 27 критерий К7) данная группа показала один из самых высоких результатов – 94% выполнения.

Выявленная дифференциация в уровне сформированности орфографических навыков среди четырех групп участников экзамена демонстрирует, что базовая теоретическая база усвоена выпускниками неравномерно и в некоторых случаях фрагментарно.

Главным фактором, снижающим успешность выполнения тестовых заданий во всех группах, выступает необходимость комплексного языкового анализа. В то время как правила, регулирующие правописание частей слова (корней, приставок), успешно применяются большинством учащихся, задания, требующие одновременного учета морфемного состава, контекста и частеречной принадлежности слова (например, слитное и раздельное написание *не*), вызывают системные затруднения как у слабо подготовленных выпускников, так и у высокобалльников.

Также анализ показал разрыв между результатами решения тестов и живой практикой письма (критерий К7 задания 27). Успешное преодоление орфографических трудностей при написании сочинения-рассуждения большинством учащихся обусловлено действием психологического механизма «страха ошибки». Свобода выбора лексических средств позволяет экзаменуемым осознанно избегать использования тех слов и конструкций, в написании которых они сомневаются.

Литература

Краткие рекомендации по совершенствованию преподавания предметов (английский язык, биология, география, информатика, история, литература, математика (базовая и профильная), обществознание, русский язык, физика, химия) по итогам ЕГЭ 2026. – Воронеж: Министерство образования Воронежской области, 2026. – 793 с.

ИНФОРМАЦИЯ О СБОРНИКАХ И КОНФЕРЕНЦИЯХ

Воронежский государственный университет
Воронежская теоретико-лингвистическая школа в области общего и русского языкознания профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ имени проф. И. А. Стернина

Готовится к изданию 33-й выпуск индексируемого в РИНЦ продолжающегося научного издания ***«Язык и национальное сознание».***

Прием статей объемом ***от 5 до 8 страниц до 15 декабря 2026 г. включительно.***

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.)
- *Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.*
- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках
- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)
- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Интервалы страниц в статьях из периодических изданий и сборников указываются обязательно!

Статьи вместе со сведениями об авторе(ах), включающими фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень (при наличии), e-mail и телефон, должны быть представлены по электронной почте **до 15 декабря 2026 г. включительно** научному редактору М. А. Стерниной (sternina@vmail.ru), либо заместителю научного редактора А. В. Рудаковой (a-rudakova@list.ru).

Статьи и сведения об авторах присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и Иванов_сведения об авторе.doc

Сборник издается на основе самоокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей.**

Студенты бакалавриата публикуются бесплатно.

Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.

При публикации статей бакалавров и магистрантов без соавторства с научным руководителем ОБЯЗАТЕЛЬНО требуется рецензия научного руководителя.

После подтверждения принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника просьба указать это в заявке, иногородним участникам в этом случае будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы.

Срок выхода сборника – январь 2027 **г.**

Воронежский государственный университет
Воронежская теоретико-лингвистическая школа в области общего и русского языкознания профессоров З. Д. Поповой и И. А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ имени проф. И. А. Стернина

XIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Стернинские чтения: Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» 4 февраля 2027 г.

НА ПЛАТФОРМЕ ZOOM

Дорогие коллеги!

Приглашаем вас принять участие в XIII Всероссийской научной конференции с международным участием по сопоставительным методам в лингвистических исследованиях.

На конференции предполагается широкое обсуждение различных сопоставительных методик, получаемых в итоге сопоставления результатов и перспектив их использования как при межъязыковом, так и при внутриязыковом сопоставлении различных явлений языка.

К обсуждению предлагаются следующие проблемы:

- Теоретические проблемы сопоставительных и контрастивных исследований
- Методики сопоставительных и контрастивных исследований
- Сопоставительные исследования в области лексики, фразеологии
- Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики
- Сопоставительные исследования в области концептологии и лингвокультурологии
- Сопоставительные исследования коммуникативного поведения
- Сопоставительные исследования и перевод
- Сопоставительные исследования и лингводидактика
- Гендерное и возрастное сопоставление языковых явлений
- Эндемичные и лакунарные языковые явления
- Сопоставительная лексикография
- Национальная специфика языка и сопоставительные методы
- Внутриязыковое сопоставление конкретных языковых явлений и процессов

Материалы конференции будут опубликованы в двадцатом четвертом выпуске индексируемого в РИНЦ продолжающегося научного издания **«Сопоставительные исследования 2027»**.

Желающие принять участие в конференции должны выслать в адрес оргкомитета материал статьи объемом от 5 до 8 стр., а также заявку на участие.

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.)
- *Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.*
- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках
- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)

• Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Интервалы страниц в статьях из периодических изданий и сборников указываются обязательно!

Образец оформления заявки

Фамилия, имя и отчество автора (-ов)
Название выступления
Должность и место работы
Адрес с почтовым индексом (для иногородних авторов)
e-mail
Телефон

Статьи и заявки присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и **Иванов_заявка.doc**

Статьи должны быть представлены по электронной почте **до 30 декабря 2026 г.**

Сборник материалов будет издан к началу конференции на основе самоокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей.**

Студенты бакалавриата публикуются бесплатно.

Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.

При публикации статей бакалавров и магистрантов без соавторства с научным руководителем ОБЯЗАТЕЛЬНО требуется рецензия научного руководителя.

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника просьба указать это в заявке, иногородним участникам в этом случае будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы.

Заявки и электронные варианты статей просьба направлять по электронной почте председателю оргкомитета конференции, научному редактору сборника **«Сопоставительные исследования 2027»**, профессору М. А. Стерниной (sternina@vmail.ru).

После подтверждения принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Обращаем внимание участников:

• конференция **«Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях» ТЕМАТИЧЕСКАЯ**, принимаются статьи и доклады **только по сопоставительной тематике.** Сопоставление может быть межъязыковым и внутриязыковым, но должно обязательно присутствовать как цель исследования или используемый метод. Все материалы должны быть посвящены сопоставлению языковых единиц или явлений и содержать соответствующие выводы из сопоставления. Сопоставляться могут единицы любых языковых уровней;

• конференция ***лингвистическая***, доклады и статьи литературоведческого характера не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора ……...……. 3

Экспериментальное описание семантики языковых единиц

Гуц Е. Н., Лонская Е. Д. Психологическое значение эмотива-номинанта «Восторг» (по данным свободного и направленного ассоциативных экспериментов) ……. 4

Дьяконова Е. А. Межсемиотическая воспроизводимость компонентов психолингвистического значения топонима (на материале топонимов *МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ* и проекта «ГРАНД МАКЕТ РОССИЯ») ……... 13

Епринцева Ю. Н. Структура ассоциативного поля «Время» (на материале французского языка) …… 21

Захарова Н. Е. Языковое сознание эвенков Якутии в условиях полиязычия: устойчивость ядра и мозаичность реакций …… 26

Коновалова Е. А. Устойчивость ядра и региональная динамика ассоциативно-вербального поля лексемы «Родина» ……. 31

Лыткина О. И. Психолингвистическое значение топонима «Москва» (на материале русской фразеологии и паремиологии) …… 39

Падерина Т. С. Значение слова в языковом сознании носителя языка (на материале семантической оппозиции *свой – чужой*) ……. 44

Старостина Е. В. Прецедентные ассоциативные связи в языковом сознании школьников …….. 50

Стернина М. А. Использование инструментария сопоставительно-параметрического метода для психолингвистических исследований …… 55

Когнитивный подход к описанию семантики языковых единиц

Ильина В. А. К вопросу о значении длительности в содержании номинантов состояния: ситуативно-темпоральное значение …….. 62

Камбаралиева У. Дж. Этнокультурные коннотации концепта «Время» в языковом сознании ……..…….. 71

Лошкарева В. А. Когнитивные стратегии освоения заимствований (на лексикографическом и экспериментальном материале) …….…..... 77

Мельник О. Ю. Ядро и ближняя периферия концепта *Money* в английской языковой картине мира …… 81

Морозова И. А. Чем искусственный интеллект может помочь в исследовании значения слова как феномена актуального языкового сознания … 89

Полянчук О. Б. Языковые средства репрезентации отрицания в медиадискурсе ……..…… 95

Салихова Э. А., Фатхиева Д. И. Экспертная оценка степени сходства словесных товарных знаков: анализ практического кейса …….. 103

Шуманская А. В. Смысловая структура концепта «Man» в языковом сознании американцев …….. 101

Современные проблемы общего и русского языкознания

Аверкина Н. В. Семантическое развитие и способы образования современной немецкой IT-терминологии …….. 120
Андреева А. С. Восприятие англицизмов современной молодежью: опыт экспериментального исследования …… 126
Винскявичус В. А., Саркисьянц В. Р. Шахматная метафора – семантический аспект в международном политическом дискурсе (на материале русского, английского и испанского языков) …… 131
Литвинова Л. А. Исторический контекст формирования ЛСГ «Наименования сельских поселений» по данным БЭС …….. 136
Мулюкина А. Е. Функции прецедентных феноменов в роли цветообозначений в дискурсе индустрии красоты (на материале русскоязычных и англоязычных названий оттенков продуктов декоративной косметики российских брендов) …… 143
Новичихина М. Е. Семантическая девальвация в языковом сознании носителя языка (в аспекте лингвистической экспертизы товарного знака) …….. 149
Панфилов В. Ю. Лексикографирование наречий на *–ски* …….. 152
Попова Т. Г. Динамичность и информативная насыщенность юридического дискурса ……... 160
Слободянюк Т. Н. Стилистическое маркирование лексики в лексикографической практике: аксиологический аспект ……. 166
Торопчина О. В. Мемные фразы как единицы молодежного сленга в языковом сознании носителей русского языка ……. 170
Химинец Е. М. Сопоставительный анализ словарного значения лексем, репрезентирующих военное событие «Сервал» …… 176
Чумичева Н. В. Психолингвистическая природа спунеризма в русской речи: между речевым сбоем и языковой игрой …… 181

Коммуникативные аспекты семантики

Алексеев К. С. Когнитивный стиль как предиктор аргументативного коммуникативного стиля: экспериментальное исследование …….. 188
Андреева О. А. Моделирование коммуникативных стилей критического высказывания на материале эксперимента …… 192
Бутешова А. Р. Выражение элементов стереотипизации разговорной речи кыргызов …….. 197
Васима Акхтар Национально-культурная специфика невербального поведения в бенгальской и русской лингвокультурах …… 202
Иванова Н. И. Современный якутский риторический идеал: этнический ракурс …… 207
Камбаралиева У. Дж., Камбаралиева Р. А. Воздействие медиадискурса на переосмысление традиционных культурных понятий (на примере слов «счастье» и «бакыт» в русском и киргизском языковом сознании) …… 212
Кузнецова Т. Н. Несоответствие речевого решения коммуникативной задаче как фактор риска в профессиональном общении ……..…… 220
Кулькова М. С. Коммуникативная эффективность речевого жанра отказа через призму параметра «характер межличностных отношений» …….. 226
Маслобоева Т. П. Содержательная типология интернет-комментариев новостийного дискурса ……... 233

Матюшина В. В. Психологические основы формирования стереотипов ……. 240
Миронова А. А., Тугай Л. А. Анализ взаимосвязи между эксплуатируемыми архетипами и используемыми средствами речевого воздействия в мошенническом дискурсе …….. 247
Мкртычян С. В. Коммуникативный конфликтоген в дискурсивных исследованиях: проблематизация vs реконцептуализация понятия …… 253
Филипченко С. Е. Экспериментальное исследование респонсивных речевых стратегий агрессивного дискурса ……... 258
Хамутаева Э. А. Адресатные и секвенциальные параметры описания этикетных коммуникативных единиц чеченского языка …… 265
Чумакевич А. С. Лингвопрагматический потенциал метакомментария в дипломатическом пресс-брифинге …… 271

Дискурсивные аспекты семантики

Александров А. В., Саркисьянц В. Р. Прагматика маркеров эвиденциальности в контексте комического на материале сатирических художественных текстов ……. 278
Борисова Л. М. Процесс номинации в художественном дискурсе ……..… 282
Дзюбенко А. И. Языковое сознание автора сквозь призму семиозиса эстетического знака …….. 287
Кукобникова А. Г. Психолингвистические особенности дискурса о боге на примере текста психологической направленности Т. Дои «甘え・病い・信仰» на японском языке …….. 293
Мартиросова А. В. Функционирование цветовых эпитетов в урбанистическом дискурсе (на материале языка текстов В. В. Набокова) ……. 300
Нагорная Е. В. Вокруг маркемы *осень*: слова-спутники и гравитационное поле в лирике А. В. Жигулина ……..... 304
Суровцева Е. В. Топонимы в современных житийных текстах (на материале житий новомучеников и исповедников XX века Московской епархии) …… 310
Чалый В. В. Авторская позиция как область подтекста в языке рассказа А. П. Чехова «Ненастье» ……. 315

Методологические аспекты исследования значения

Абраменко А. А., Ильина Т. В. Проблема изучения осложненного высказывания в современной школе ……. 320
Гусева А. С. Опыт классификации речевых ошибок (на примере ошибок учащихся 6–7 классов, изучающих английский язык по программе средней школы) …….. 325
Смирнова У. В. Скрытые напряжения смыслового восприятия учебного текста студентами языкового вуза …….. 331
Упорова Я. В. Представления о русской графике в интервью с франкофонами: языковые средства и способы выражения контраста …… 335
Семейко Е. А. Дифференциация орфографических навыков выпускников по результатам ЕГЭ 2026 года …… 342

Информация о сборниках и конференциях …… 345

Научное издание

Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка

Выпуск 12

Научный редактор *А.В. Рудакова*
Компьютерная верстка *А.В. Рудакова*

Издание публикуется
в авторской редакции и авторском наборе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»
Подписано в печать 30.10.2026. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,3 Тираж 300 экз. Заказ № 501
Текст и иллюстрации предоставлены авторами.
119017, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 4/12 стр. 1, помещ. 2/п
Отпечатано в типографии ООО «РИТМ»